

СИНЯВИНО
ОСЕНЬ
СОРОК ВТОРОГО

УДК 82—94
ББК 63.3(2)722
С38

Издание вышло в свет благодаря поддержке и участию
главы администрации пос. Мга
Соколовского Станислава Казимировича

Издательство благодарит Центральный архив Министерства обороны РФ,
Центральный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга,
Совет ветеранов 2-й ударной армии
и музей 37-й железнодорожной школы пос. Мга
за предоставленные материалы

Составитель *И. А. Иванова*

С38   Синявино, осень сорок второго: Сборник воспоминаний
участников Синявинской наступательной операции. — СПб.,
2005. — 364 с.: ил.

ISBN 5-7325-0867-8

В книге собраны архивные документы и воспоминания ветеранов о
Синявинской наступательной операции (19 августа — 10 октября 1942
г.) — четвертой попытке прорыва блокады Ленинграда. До настоящего
времени эта операция не находила отражения в отечественной военно-
исторической литературе. Между тем, ожесточенные бои в устье реки Тосны,
на Невском «пятачке» (Ленфронт) и в районе Гайтолово—Вороново—
Тортолово (Волховский фронт) в августе — октябре сорок второго года,
не достигнув соединения фронтов, отвлекли крупные силы врага,
предназначавшиеся для штурма Ленинграда, и способствовали
успешному прорыву блокады в январе 1943 года.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся
историей Великой Отечественной войны.

УДК 82—94
ББК 63.3(2)722

ISBN 5-7325-0867-8

© И. А. Иванова, 2005

«Умалчивание наших трагедий и поражений в годы войны есть предательство по отношению к тем погибшим, которые не сложили оружия, а погибли в жестоких боях, выполнив долг перед Родиной».

Б. М. Шапошников

От составителя

Июль 1942 года. Только что закончилась Любанская операция — третья безуспешная попытка прорыва блокады Ленинграда, длившаяся шесть месяцев и стоившая потерь в четыреста тысяч человек*.

Ленинград, пережив тяжелейшую военную зиму, все еще находился на голодном пайке, имел единственную связующую нить со страной через Ладожское озеро. По этому пути город эвакуировал женщин, детей, старииков, получал продовольствие. В самом осажденном Ленинграде выпускались снаряды, ремонтировались танки; за счет предельных возрастов и выписанных из госпиталей пополнялись редеющие части Ленфронта. Но без помощи с востока прорыв блокады был невозможен.

В июле сорок второго Волховский фронт приступил к подготовке новой наступательной операции. «Операция планировалась, — пишет К. А. Мерецков**, — как совместные действия правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Главная роль отводилась войскам Волховского фронта, которые должны были прорвать оборону противника южнее Синявина, разгромить его мгинско-синявинскую группировку и, выйдя к Неве, соединиться с частями Ленинградского фронта. [...] Всего лишь 16-километровое пространство, занятное и укрепленное противником, разделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. Казалось, достаточно было одного сильного удара, и войска двух фронтов соединятся. Но это только казалось. Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые до-

* «Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». — М.: Воениздат, 1993.

** Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

ти. [...] Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей дерево-земляные заборы, вместо стрелковых окопов — насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы».

«Мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности», — писал впоследствии генерал-фельдмаршал Вермахта Эрих фон Манштейн*.

Но у нас, по-видимому, иного выхода не было.

В это время войска Южного фронта оставили Крым. Освободившуюся после взятия Севастополя 11-ю армию Манштейна Гитлер решил использовать для нового наступления на Ленинград. В директиве ОКВ** № 45 от 23 июля 1942 г. говорилось: «Группе армий "Север" к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название "Фойерцаубер" ("Волшебный огонь"). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности»***.

Группа армий «Север» начала подготовку к наступлению. Под Ленинградом шло сосредоточение немецких войск, техники и вооружения. Операция получила новое название «Нордлихт» («Северное сияние»). В указаниях Гитлера говорилось: «...операция "Нордлихт" является лишь средством для освобождения Балтийского моря и овладения Карельским перешейком. Задача: 1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»****.

Наша разведка доносила о прибытии новых немецких частей под Ленинград.

«Из Крыма, — пишет Х. Польман*****, — были доставлены штабы 30-го и 54-го армейских корпусов, 24-я и 170-я пехотная дивизии, а также 28-я легкопехотная дивизия. Это был первый эшелон соединений, предназначенных для наступления на Ленинград».

* Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

** Верховный штаб вермахта.

*** Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

**** История 2-й мировой войны 1941–1945 гг. — М., 1975. — Т. 5.

***** Польман Х. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

«Тогда не удалось установить, — вспоминал К. А. Мерецков*, — что эти войска принадлежат 11-й армии Манштейна, перебрасываемой с юга. Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операции скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформации».

19-го августа, когда на Волховском фронте еще прокладывали грати и подвозили снаряды, Ленфронт уже начал наступление. 268-я дивизия полковника С. И. Донского атаковала пос. Усть-Тосно и, высадив с Невы десант на пристани в Ивановском, захватила шоссейный мост через Тосну**. Такую несогласованность в действиях фронтов трудно объяснить одним стремлением к дезинформации противника.

Только 21-го августа, когда на Ивановском «пятачке» истекал кровью клюкановский полк и плыли по Неве расстрелянные баржи с мертвыми десантниками, под Тихвином встретились Военные советы Ленинградского и Волховского фронтов и командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц.

«Мы познакомили ленинградских товарищей с планом операции Волховского фронта и вместе обсудили степень участия в ней Невской оперативной группы, а также артиллерии и авиации Ленинградского фронта», — пишет в своих воспоминаниях К. А. Мерецков*, ни словом не упоминая о боях в устье Тосны, будто их и не было вовсе.

Между тем, кровопролитное сражение 19—25 августа 1942-го года, ставшее 268-й и 136-й дивизиям потерю в семь тысяч человек, закончилось завоеванием Ивановского плацдарма и истощило ресурсы Ленфронта, предназначенные для совместных действий. Ивановский «пятачок» просуществовал до января 1944 г., но, будучи блокирован немецкими войсками с трех сторон, не мог быть использован для нашего наступления.

После войны Фридрих Хуземан, автор книги о полицайской дивизии «СС», напишет об этих боях***: «Наступление дивизии к востоку от Колпина мы расценили как отвлекающее от прорыва в Гайтолово. С этой точки зрения должен рассматриваться упрямый натиск противника и крайняя необходимость его выдержать,

* Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

** Иванова И. А. Заслон на реке Тосне. — СПб.: Политехника, 2003.

*** Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

т. к. при удачном наступлении русских весь северо-восточный заслон вокруг Ленинграда рухнул бы».

23 августа в Ставке Гитлера состоялось совещание, определившее дату наступления на Ленинград, — 14 сентября, о чем свидетельствует запись в журнале боевых действий группы армий «Север». «...В заключение Гитлер вновь обратился ко всем собравшимся: — Я очень озабочен действиями Советов в связи с наступлением на Ленинград. Подготовка не может остаться для них неизвестной. Реакцией может стать яростное наступление на Волховском фронте против слабо занятого нами участка у Погостя и прежде всего против узкой горловины у Мги. Этот фронт при всех обстоятельствах должен бытьдержан. Танки «тигр», которых группа армий получит сначала девять, пригодны, чтобы ликвидировать любой танковый прорыв»*.

Наступление Волховского фронта планировалось тремя эшелонами. Первой выступала 8-я армия под командованием г.-м. Ф. Н. Старикова, имевшая в своем составе 6-й гвардейский корпус (3-я, 19-я, 24-я гв. сд), пять стрелковых дивизий, одну стрелковую и шесть танковых бригад. Второй эшелон — 4-й гвардейский корпус г.-м. Н. А. Гагена должен был развить наступление на всю глубину, а третий — 2-я ударная армия г.-л. Н. К. Клыкова — предназначался для разгрома противника на завершающем этапе.

К моменту начала наступления второй и третий эшелоны еще не были полностью сформированы, но, опасаясь выступления немцев, командующий фронтом назначил дату прорыва на 27 августа. Соотношение сил на Волховском фронте было таково**: Немцы имели 19 стрелковых батальонов (24 тыс. чел.), наши войска — 75 батальонов (73 704 человек). Станковых пулеметов у немцев было 210, у нас — 446; ручных соответственно — 830 и 1746; минометов — 270 и 1447; ПТР — 170 и 1274; полевых орудий — 132 и 540; танков — 20 и 78; самолетов — 20 и 200 (включая Ленфронт).

К. А. Мерецков приводит в своих воспоминаниях разговор с Верховным Главнокомандующим накануне операции: «И. В. Сталин спросил меня: "Сколько вам нужно автоматов и винтовок?"

— Автоматов 3–5 тысяч, винтовок 5 тысяч, — памятя о былых затруднениях с оружием, назвал я самую минимальную цифру.

* Слова Гитлера на совещании в Ставке ОКВ 23.08.42 г.

** ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 349.

— Дадим 20 тысяч, — ответил Сталин, а затем добавил: — У нас сейчас достаточно не только винтовок, но и автоматов»*.

Автоматы ППД были получены. Но качество их оставляло желать лучшего, а главное, боеприпасы были израсходованы в первые дни наступления, доставка же новых через горловину прорыва была сопряжена со значительными трудностями.

27 августа, после двухчасовой артподготовки, 8-я армия г.-м. Ф. Н. Старикова начала наступление на 15-километровом фронте от мыса Бугровский на Ладожском озере до Воронова за Северной железной дорогой. Скрытность подготовки, внезапность удара, превосходство в силах и средствах обеспечили первоначальный успех.

128-я сд полковника И. В. Грибова с ходу овладела Рабочим Поселком № 8. 24-я гвардейская дивизия полковника П. К. Кошевого и 19-я гвардейская дивизия полковника Д. М. Баринова прорвали оборону 425-го немецкого полка между Гонтовой Липкой и Гайтоловом, вышли на западный берег речки Черной южнее рощи Круглой и овладели участком Путиловского тракта от Гайтолова до Синявина.

265-я сд полковника Б. Н. Ушинского заняла Тортолово и поселок 1-й Эстонский. За два дня 8-я армия продвинулась на запад на 7 км.

Вспоминает бывший командир взвода 72-го полка 24-й гвардейской дивизии Н. А. Чеков. «27 августа после артподготовки наша дивизия начала наступление вдоль высоковольтной линии Волхов—Ленинград. Нас сопровождали три легких танка БТ-70. Два из них вскоре увязли в болоте, третий был подбит. Но как хорошо мы тогда пошли! За сутки прошли километров пять-семь. Это очень много, если учесть, какая местность была вокруг: густой лес и болото. Взяли несколько батарей противника и обстреляли немцев из их же орудий. На третий день наступление замедлилось: передвигались уже на 200—300 метров в сутки. Пехота несла большие потери. Мой взвод несколько раз пополнялся. Немцы сильно и умело оборонялись. Их авиация свирепствовала... Наших "сталинских соколов" мы не видели».

Неподавление огневых точек, неумение закрепляться на достигнутых рубежах привели 28 сентября к потере 128-й дивизией Рабочего Поселка № 8. Лобовые атаки 3-й гвардейской дивизии

* Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

на рощу Круглая и 286-й дивизии на Вороново сопровождались большими потерями и не давали результатов. Неудовлетворительная разведка не давала представления о характере укреплений противника: дерево-земляные валы оказались неожиданным препятствием для пехоты и танков. Артиллерия наносила удары не по целям, а по площадям, и огневые точки врага из рощи Круглой, Поречья, Мишкина, Воронова не были подавлены.

Генерал-полковник Г. Е. Дегтярев, бывший тогда начальником артиллерии Волховского фронта, впоследствии напишет*: «Командующий артиллерией 8-й армии г.-м. Безрук со своим штабом спланировал лишь подготовку атаки. Что касается поддержки пехоты и танков, то она предусматривалась только до захвата опорных пунктов. [...] Обеспечение боя в глубину совсем не планировалось. Стрельба в основном велась не по целям, а по площадям, вследствие чего система огня противника осталась не нарушенной. Не случайно атакующая пехота несла большие потери и быстро утрачивала боеспособность».

Тем не менее наступательный порыв первых дней операции был силен. «Русским все же удалось, — пишет Х. Польман**, — прорваться до Бальцервега — немецкого пути снабжения в Шлиссельбург — и таким образом пройти полдороги до Невы. Создалась обстановка, с которой уже нельзя было справиться только местными мероприятиями. [...] 170-я дивизия была спешно переброшена по железной дороге на станцию Мга и уже 28 августа введена в бой с целью локализовать район прорыва.

29 августа 128-я сд вернула Рабочий Поселок № 8. Части 6-го гвардейского корпуса вплотную подошли к Синявину, но, остановленные массированным артогнем, залегли. 19-я гв. сд вышла к о. Синявинскому, но была контратакована подразделениями 170-й пд. Немецкая авиация бомбила наши позиции весь день. Над полем боя стоял несмолкаемый грохот разрывов.

Бывший ротный политрук из 19-й гвардейской дивизии В. Г. Иванов вспоминал: «Командир 56-го полка Ярошевичставил перед батальоном задачу войти в Синявино 30 августа. Но ни тридцатого, ни тридцать первого, ни в сентябре ворваться в Си-

* Дегтярев Г. Е. Особенности артиллерийского обеспечения фронтовой и артиллерийской наступательных операций в лесисто-болотистой местности. — М.: Воениздат, 1947.

** Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

нявино, несмотря на все приложенные силы, не удалось. Бои были ожесточенными и тяжелыми для обеих сторон. Батальон отбивал атаку за атакой. Редели наши ряды, выбывали из строя товарищи. Погибли комбат, старший лейтенант Пушкин — смелый и решительный человек, и наш командир роты Анатолий Поляков. Рукопашные схватки стали чуть ли не системой».

За пять дней боев потери 8-й армии составили 16 185 человек. В армии осталось 11 103 активных штыка*. Наши потери и наращивание сил противника привели к 1-му сентября к равновесию сторон. Превосходство в живой силе было утрачено. Немцы получили 550 самолетов из Крыма и делали в день по 450 вылетов. Блокированный немецкий гарнизон в роще Круглой снабжался с самолетов.

«Было очень важно, — читаем у Х. Польмана**, — удержать две угловые опоры в месте прорыва — на юге у Тортолова и на северо-западе у Гонтовой Липки, где особенно отличился 366-й пехотный полк под командованием полковника Венглера, который, несмотря на окружение, стойко держался на так называемом «носу Венглера». Таким образом, единственным путем снабжения всех сил противника оставалась только электропросека».

Дивизионный инженер, подполковник в отставке К. К. Крупица так характеризовал этот опорный пункт***. «Роща Круглая — сильно укрепленный батальонный узел сопротивления немцев, в котором находилось по три опорных пункта с орудийными и пулеметными дзотами, открытыми пулеметными площадками, минометными позициями, системой траншей с ходами сообщения и блиндажами. Инженерное оборудование и система огня позволяли вести оборонительный бой в полном окружении. Все подходы к узлу сопротивления и ротным опорным пунктам прикрыты минно-проводочными заграждениями, простреливаются фланкирующим и косоприцельным огнем, накрываются огнем минометов».

Немцы удерживали «нос Венглера»**** два года и покинули «дьявольскую дыру», как они называли перепаханный снарядами

* ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1–32.

** Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

*** Крупица К. К. Синявинская наступательная операция // рукопись.

**** Роща Круглая.

ключок земли, лишь 2 октября 1943 года, когда после Мгинской операции («3-го Ладожского сражения») он потерял для них всякое значение*.

А тогда, в сорок втором, весь сентябрь вела безуспешные бои за рощу Круглую, ежедневно пополняясь, 3-я гвардейская дивизия г.-м. Мартынчука. В первый же день наступления 27 августа в журнале боевых действий 13-го полка появилась запись: «...Подразделения продвижения не имеют. В первой роте осталось 13 человек, во второй — 8, в четвертой и шестой — 20. Комиссар полка ранен, начальник артиллерии убит.

29 августа. Продвижение подразделений полка вперед невозможно ввиду того, что дерево-земляной вал, лежащий на протяжении всей полосы наступления, не разрушен, за валом имеются дзоты и минные поля. Из рощи Круглая и с Синявинской горы ведется сильный артминпульгонь, что мешает продвижению вперед.

31 августа. 8, 9 стрелковые роты и рота автоматчиков в 11.00 с боями заняли северную опушку рощи Круглая и закрепились на достигнутых рубежах. Остальные подразделения в течение всего дня вели упорные бои за овладение рощей, 1-й батальон четыре раза бросался в атаку. Наши потери убитыми 44 человека, ранеными — 128.

3 сентября. Подразделения полка с 3.00 до 21.00 шесть раз бросались в атаку, стремясь овладеть рощей Круглая».

Для развития наступления в глубине прорыва К. А. Мерецков ввел 29 августа 2-й эшелон — 4-й гвардейский корпус генерала Н. А. Гагена в составе трех стрелковых дивизий и четырех бригад. Прокладывая гати через непроходимое Большое болото, передовые части углубились в оборону противника еще на три километра. До Невы оставалось 6 км. Но немецкая артиллерия поливала атакующих сплошным огнем с Синявинских и Келковской высот, и преодолеть эти километры не удавалось.

В книге Х. Польмана* приводятся выдержки из дневника советского старшего лейтенанта, командовавшего 861-м полком 294-й сд и попавшего в плен в конце операции.

«4 сентября 1942 г. Вчера был боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе и Московскую Дубровку... Сегодня мы на исходной позиции. Положение дивизии следующее: на ширине

* Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

2 км наши части продвинулись на 3—3,5 км, образовав тем самым мешок. Дальнейшее продвижение вперед без прорыва и расширения на флангах было бы глупостью. Несмотря на это, наш полк по решению командира корпуса сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65 % рядового состава и 100 % командиров».

Действовавшая в составе 4-го гвардейского корпуса 294-я сд имела при введении в бой 7 288 человек, а потеряла в сентябре 6 934 человека*.

Свежая 259-я сд сменила понесшую большие потери 24-ю гвардейскую у озера Синявинского с задачей продолжить наступление к Неве.

«Мы наступали 3—4 сентября от Черной речки на Келколо-во, — вспоминал заместитель командира 939-го полка 259-й сд П. А. Чипышев, — без артиллерийской поддержки. Снаряды, присланные для дивизионных пушек, к нашим 76-миллиметровым не подходили. Гранат не было. Пулеметы немецких дзотов оставались неподавленными, и пехота несла огромные потери».

Немцы об этих днях пишут так**.

«...Серьезная ситуация возникла 3-го сентября, когда противник вновь прорвался несколькими полками севернее Синявинско-го озера в направлении Келколо. [...] Возникла серьезная угроза флангового прорыва противника в тыл находящихся на берегу Невы, фронтом на запад, немецких позиций и опасность блокирования единственной линии снабжения в северном направлении. [...] Теперь начались самые тяжелые до настоящего времени оборонительные бои дивизии с многочисленными, значительно превосходящими в военной технике, прежде всего, в танках, врагами. Взятый рубеж удерживался без противотанковых средств. Нападавшие танки уничтожались пехотинцами в ближнем бою или артиллеристами прямой наводкой. Только за первый день дивизия уничтожила 47 танков».

4-го сентября Гитлер приказал Манштейну принять на себя командование всеми войсками, действующими на фронте южнее Ладожского озера, и «восстановить положение при Гайтолово, чтобы избежать катастрофы»***.

* ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1—32.

** Kardel H. Die Geschichte der 170. Infanterie-Division 1939—1945. — Bad Nauheim, 1953.

*** Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

30-й немецкий корпус воевал у Тортолова, 26-й — севернее Пугиловского тракта, всего — пять пехотных и три горнострелковые дивизии. Танки 12-й дивизии из группы Байера, освободившиеся после боев за Ивановское, были переброшены к Гайтолову.

Наши передовые части, сражавшиеся в глубине прорыва на подступах к Синявину, таяли. На смену 19-й гвардейской дивизии полковника Баринова Мерецков направил 191-ю сд из состава 2-й ударной армии, только что прибывшую в Килози.

2—5 сентября в ротах проводились политинформации, партийные и комсомольские собрания, нацеливающие на прорыв блокады, но ничего не говорилось о ближайших задачах конкретным подразделениям применительно к местности и обстановке.

Вспоминает командир взвода 546-го полка Ф. А. Меньшиков: «После боев на Волхове нас привезли в район Гайтолова. Вечером собрали командиров рот и взводов, объявили о наступлении. Задача: взять Синявино и соединиться с войсками Ленфронта. Карты не было. Никаких сведений о противнике, о соседях не сообщили. Утром без артподготовки, без танков пошли в атаку».

5 сентября на рекогносцировке был убит командир 191-й сд подполковник Н. И. Артеменко. Его заменил комдив 19-й гвардейской сд полковник Д. М. Баринов.

В тот же день 200 немецких автоматчиков вышли в тыл 3-й гвардейской дивизии, удерживавшей дорогу из Синявина к роще Круглой и оттеснили в болото полки 19-й гвардейской сд.

6-го сентября начались атаки немцев из рощи Круглой, потеснивших наши части. Силами 191-й дивизии и 53-й стрелковой бригады удалось восстановить положение. Как писал впоследствии начальник оперативного отдела фронта генерал-майор В. Я. Семенов, — «у К. А. Мерецкова появилась надежда овладеть рощей Круглой. Надо только как следует подавить огневую систему противника». Но наша артиллерия и авиация не смогли разбить немецкие дзоты в роще, и подразделения по-прежнему теряли людей в лобовых атаках. Спустя двое суток в 191-й сд осталось лишь тридцать процентов от первоначального состава.

«После 4-го сентября, — констатировал К. А. Мерецков**, — мы не смогли продвинуться ни на один метр. Тогда Военный совет фронта решил ввести в бой третий эшелон».

* Военно-исторический журнал. — 1972. — № 10.

** Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

Это произошло 8 сентября. Командование Волховским фронтом издало директиву № 010 о вводе в сражение 2-й ударной армии. К тому времени в ней оставалась одна стрелковая (374-я) дивизия и две бригады — 22-я и 32-я. 6-й и 4-й гвардейские корпуса были переданы штабу 2-й ударной армии. Войскам определялись следующие задачи:

6-му гвардейскому ск — овладеть рощей Круглая и к 14.09 выйти на рубеж РП 5 — Синявино;

4-му гвардейскому ск — нанести удары на Мустолово-Анненское, овладеть совхозом «Торфяник», Келковом и наступать на Московскую Дубровку; 8-й армии — удерживать рубеж озеро Синявинское — пос. 1-й Эстонский — Тортолово—Вороново, защищая 2-ю ударную армию от контрударов противника*.

Но ведь те же задачи ставились перед войсками две недели назад, когда соотношение сил было совсем иным! Реально ли было их выполнение теперь, когда части первых двух эшелонов понесли потери в 49 534 человека**, войска не имели резервов и надежных путей подвоза? Когда мы утратили численное превосходство, а личный состав 2-й ударной армии пошел лишь на пополнение поредевших полков?

Создается впечатление, что штаб фронта, отдавая директиву № 010, не имел представления о состоянии своих частей.

В стрелковых подразделениях 3-й дивизии, которой предписывалось брать рощу Круглая, к 10 сентября насчитывалось 379 человек. 5-й и 9-й полки были окружены за дорогой Синявино—роща Круглая. Из окружения вышло 54 бойца. Полки, по заключению комкора-6 генерал-майора С. Т. Биякова, были небоеспособны**.

137-я отдельная стрелковая бригада 4-го корпуса насчитывала 79 активных штыков, имела 1 станковый и 4 ручных пулемета; 140-я бригада, окруженная у отметки 38,3, располагала 23 процентами личного состава, двумя станковыми и семью ручными пулеметами**. О каком ударе на Анненское у Невы могла идти речь?

Вероятно, для командующего фронтом было важнее отдать решительный приказ, чем обеспечить его выполнение: ведь рассчитываться за неудачу будут подчиненные.

* Д. 010

** ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1-32.

10 сентября немцы перешли в наступление по всему фронту нашего прорыва. На южном фланге действовали 24-я, 132-я, 170-я пехотные дивизии, с запада и севера — 28-я мотопехотная, 5-я горно-егерская, 121-я пехотная дивизии. Манштейн пишет: «Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов, чтобы отрезать вклинившиеся войска прямо у основания клина»*. Авиация противника получила семь бомбардировочных эскадрилий с других фронтов, причинив большой урон нашим войскам.

Комдив 24-й гвардейской дивизии полковник П. К. Кошевой вспоминал: «Дни и ночи *оборонительного** ** сражения против войск Манштейна слились для нас в один бесконечный, грохочущий взрывами снарядов и бомб, треском пулеметов и автоматов, бой. Сутки за сутками проходили в отражении бесчисленных атак пехоты, танков противника, в борьбе против авиации»***.

Действительно, к этому времени Синявинская операция, начатая как наступательная, превратилась в оборонительную. Наступательные возможности наших войск были исчерпаны. Подвоз продовольствия и боеприпасов по единственной дороге вдоль высоковольтной линии не обеспечивал потребности частей.

«Один раз в сутки, — вспоминал пулеметчик 33-й бригады С. С. Сейтенов, — в роту приволакивали неполный мешок прессованной пшеничной каши.

— Рус, дели сухари! — кричали нам немцы.

Это была правда. Не хватало питания, боеприпасов: на двоих троих солдат одна винтовка, на пулеметную роту — один пулемет «максим», да и у того ленты старые, рваные, поэтому он без запинки не стрелял».

Но командование, несмотря ни на что, ставило частям задачи наступательного характера.

На северном фланге прорыва 128-я сд продолжала наступление на Липку. Атака после залпа гвардейских минометов 19 сентября результата не дала. Прибывшая 376-я сд наступала 20 сентября. Итог: 428 убитых, 768 раненых. По приказу командарма перешли к обороне.

* Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

** Курсив мой. — И. И.

*** Кошевой П. К. В годы военные. — М.: Воениздат, 1974.

259-я сд в глубине прорыва овладела участком высоковольтной линии южнее озера Синявинского. Саперы сделали проход в проволочном заграждении, но за ним оказался лесной завал в двадцать метров шириной и второй ряд проволоки. Наступление остановилось. Немцы нанесли удар от Келкова, вклинились в боевые порядки 4-го корпуса, раскололи их, взяли в кольцо 137-ю бригаду, стойко удерживавшую свои позиции.

Как вспоминают ветераны 137-й отдельной стрелковой бригады, «...с каждым днем бои становились все ожесточеннее. Передовые части бригады при контрнаступлении во фланг крупными силами танковых и моторизованных частей противника оказались отрезанными. 2-й отдельный стрелковый батальон с приданными ему подразделениями и тремя танками Т-34 во главе с заместителем командира бригады по политчасти А. Рязанцевым оказался в окружении. На следующий день основные части бригады пытались пробиться к окруженным, но успеха не имели. На четвертые сутки, привязав раненых к броне танков, окруженные нанесли удар с тыла по противнику. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Танки проскочили их оборону, а наши атакующие бойцы и командиры попали под кинжаленный огонь. Часть погибла, оставшиеся в живых отошли обратно, заняв круговую оборону. Через двое суток по болоту окруженные вышли к своим».

Вышли, вероятно, немногие. В списках 137-й бригады, хранящихся в ЦАМО, есть только цифра первоначального состава — 3284. Вместо данных о вышедших из окружения — прочерк*. Многие попали в плен. Как правило, это происходило помимо их воли.

Рассказывает старший сержант В. Ф. Лобашев. «В наступление мы пошли за танками. Ни батальона, ни полка мы не знали. Командирам, по-видимому, просто некогда было нас информировать об этом. Одну линию обороны мы сняли и проскочили дальше. Было очень много убитых и раненых. Фашисты нас обошли, мы оказались в кольце. В этом бою я был ранен осколком мины под правую лопатку. Доведенные до изнеможения, мы неоднократно пытались пробиться где-либо к своим, но тщетно: наши силы и возможности таяли вместе с надеждами. Ночью мы рыскали, чтобы выйти из окружения, а днем прятались. И так

* ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 24.

до 16 сентября, когда нас, семерых раненых, измученных, обес-силенных голодом, обнаружили под разбитым танком и захвати-ли немцы...»

Но и в самых невыносимых условиях бойцы делали все, что было в их силах.

32-я, 33-я стрелковые бригады и 191-я дивизия вели бой за совхоз «Торфяник». Их сопровождал 1225-й гаубичный полк. Артиллеристы этого полка подбили шесть опытных танков «тигр», на которые Гитлер возлагал большие надежды. Об этом после войны рассказал в своих мемуарах бывший министр вооружений вермахта Альберт Шпеер.

«Как и всегда при появлении нового оружия, Гитлер ждал от «тигров» сенсации. Красочно описывал он нам, как советские 76-мм пушки, насквозь пропадающие лобовую броню танков Т-IV даже на большом расстоянии, напрасно будут посыпать снаряд за снарядом и как, наконец, «тигры» раздавят гнезда противотанковой обороны. Генеральный штаб обратил внимание на то, что слишком узкие гусеницы из-за болотистой местности по обеим сторонам дороги делают невозможным маневрирование. Гитлер отвел эти возражения.

Так началась первая атака «тигров». Все было напряжено в ожидании результата... Но до генерального испытания дело не дошло. Русские с полным спокойствием пропустили танки мимо батареи, а затем точными попаданиями ударили в менее защищенные борта первого и последнего «тигров». Остальные четыре танка не могли двинуться ни вперед, ни назад и вскоре были также подбиты. То был полнейший провал...»*

На публикацию в журнале откликнулся наводчик 1225-го полка И. Н. Дацкевич. «Его батарея и встретила новые немецкие танки, которые шли колонной, — пишет В. Орлов**. По коман-де с КП орудие Дацкевича подбило первую машину, а другие орудия — шестую, замыкающую колонну. Последующими выстrelами были подбиты четыре остальных танка, поскольку они оказались зажатыми».

374-я дивизия с танками 29-й бригады прорвала вторую линию немецкой обороны восточнее Большого болота. Позиции противника прикрывала проволока в три кольца, минометные батареи,

* Цит. по: Орлов В. // Техника молодежи. — 1978. — № 10.

** Техника молодежи. — 1978. — № 5.

дзоты, закопанные танки. Дивизия теряла в сутки по 500 человек. К 20-му сентября в ней осталось 764 бойца.

Комкор-4 генерал-майор Рогинский, сменивший на этом посту Н. А. Гагена, просил у командарма Клыкова два батальона 23-й бригады. Клыков отвечал: «Батальоны будут переданы в полное использование только для развития успеха, а не для затычки дыр. Задача — выход на северную опушку леса и высоту 38.3 — не выполнена. Требуется очистка территории от противника и включение в совхоз "Торфяник" этими же силами...»*

По всей вероятности, 23-я бригада все же была введена в бой, так как понесла большие потери и 22-го сентября была выведена в Гайтолово на пополнение.

В 4-м корпусе осталось 853 активных штыка. Из донесений командующего корпусом: «Единственная дорога все время подвергается обстрелу. Подвоз продовольствия и вывоз раненых затруднен»**.

Не стихали бои в сжимающейся горловине прорыва. 3-я гвардейская стрелковая дивизия, 53-я, 22-я и 137-я бригады продолжали атаки на рощу Круглая. 12 сентября за отход пульбата 53-й бригады с позиций комбат был отдан под суд.

15 сентября подразделения 22-й бригады с танками вышли на просеку севернее Гонтовой Липки. Танки, которые должны были проделать проход в заграждениях и подавить дзот на южной окраине рощи Круглая, завязли в болоте. Атаки пехоты с западного берега р. Черной оказались безрезультатными. Ветеран 22-й бригады И. И. Палкин вспоминал: «Наши атаки захлебывались одна за другой: люди гибли или выходили из строя по ранению, а продвинуться вперед не могли... В нашем батальоне, насчитывавшем первоначально 318 человек, в строю осталось только 12 бойцов».

Тем не менее, боевое распоряжение командарма за 19 сентября гласило: «22-я бригада не спланировала свое взаимодействие с танками. Если не возьмет рощу Круглая — командование будет снято с должностей»**.

Но 22 сентября комбриг-22 полковник Гордов был ранен и 23-го скончался. В бригаде из 5397 человек осталось 95 активных штыков.

* Кошевой П. К. В годы военные. — М.: Воениздат, 1974.

** ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

Войскам южного фланга предписывалось овладеть Поречьем и Милкинским. 286-я сд заняла безымянную высоту юго-восточнее Поречья. 11-я сд вели бои в траншеях противника на северной окраине Милкина. 265-я сд наступала юго-западнее Тортолова по р. Черная, но вынуждена была отойти из-за бомбёжки. 951-й сп, в котором оставалось 183 человека, оборонял поселок 1-й Эстонский и полностью погиб. В донесении командующего 2-й ударной армии фронту сказано: «Командование 951-го полка проявило трусость и потеряло управление». 16 сентября немцы заняли поселок, а командир и комиссар 951-го сп пошли под суд трибунала.

Нелегко приходилось и немцам. Вот что рассказал ефрейтор Генрих Аспиш из 227-й пехотной дивизии, взятый в плен разведчиками 13-го гвардейского полка: «...12-я рота месяц тому назад имела 110 человек, в настоящее время — 60, несколько раз пополнялась, штаб полка разбит...» В донесениях 13-го гвардейского стрелкового полка есть запись: «...Перед фронтом первого стрелкового батальона немцы выставляют руки из-за плетня, чтобы получить ранения...»

Кровопролитные бои шли по всему фронту гайтоловского прорыва. Некоторые участки переходили из рук в руки по несколько раз.

21 сентября противник форсировал р. Черную и подошел к Гайтолову. Движение транспорта по единственной дороге вдоль высоковольтной линии прекратилось.

Из воспоминаний Манштейна**. «К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последние дни были отражены сильные атаки противника с востока, имеющие целью деблокировать окруженные армии прорыва. [...] Вместе с тем необходимо было уничтожить находившиеся в котле между Мгой и Гайтоловом значительные силы противника. Как всегда, противник не помышлял о сдаче, несмотря на безвыходность положения и на то, что продолжение борьбы с оперативной точки зрения не могло принести ему пользы. [...] Штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь. [...] Лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки гордых деревьев-великанов».

* ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

** Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

Манштейн считал, что наши войска окружены и находятся в «котле». А приказы командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова все еще призывали к наступлению...

Так, 22 сентября отдается приказ 367-й стрелковой дивизии овладеть Липкой; 128-й — Рабочим поселком-4 и станцией Синявино; 6-му гвардейскому корпусу — рощей Круглой, 4-му — отметкой 38,3. И это в то время, когда части, находящиеся за Черной речкой, отрезаны, не имеют подвоза продовольствия и боеприпасов, не могут вывозить раненых! Знал ли вообще командующий, что творится в его войсках? Или приказы отдавались из других побуждений — для собственной реабилитации?

23 сентября немцы, после бомбёжки и обстрела, атаковали наши войска у Тортолова, вклинившись в стык 24-й гвардейской и 265-й стрелковых дивизий.

25 сентября немцы заняли Гайтолово. Мерецков распорядился: «немедленно усилить группировку на р. Черная за счет Синявинской группировки и совместными ударами с востока и запада 26.09 очистить дорогу от Гайтолово до р. Черная, после чего перегруппировать силы и взять рощу Круглая* **».

Брать укрепленный опорный пункт противника частям, находящимся в окружении, — такой приказ может показаться невероятным. Но он в самом деле был отдан и по сей день хранится в ЦАМО.

Как бы то ни было, войска, находившиеся в наибольшем удалении от места прорыва, получили возможность покинуть свои позиции и с 25-го сентября вели бои уже не за Синявино, а за мост через Черную. Из 85 433 человек, числившихся в списках 2-й ударной армии с учетом пополнения, осталось 30 988 бойцов***: в каждой дивизии примерно три тысячи, в бригаде — тысяча.

26 сентября командарм Клыков отдал приказ, разрешающий отход частей на восточный берег р. Черная.

И в тот же день, когда для войск Волховского фронта уже не было и речи о продвижении к Неве, Ленфронт высадил десант в Московской Дубровке. Второй Невский «пятачок».

* Курсив мой. — И. И.

** ЦАМО, ф. 204, оп. 89, д. 58.

*** ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

«...В районе Дубровки противник форсировал Неву, — записано у Польмана*. — Однако не добился никакого успеха, кроме создания маленького плацдарма. Эти отвлекающие удары не могли изменить судьбу котла».

Вряд ли в Ленинграде беспокоились о том, чтобы отвлечь на себя противника, окружившего волховчан. Скорее всего, имея приказ к наступлению с начала сентября, командование Ленфронта стремилось выполнить его независимо от изменившейся ситуации. В донесениях группы НОГ** за 25 сентября записано: «После неудачной попытки форсирования Невы 9.09 из Ленинграда в Невскую Дубровку было отправлено 2000 лодок, 10 катеров, с Ладожской военной флотилии — 30 тендера и мотоботов. 70-я, 86-я стрелковые дивизии и 11-я бригада пополнены моряками...»

Участок высадки — от 8-й ГЭС до Анненского. Для переправы направлен отдельный морской батальон из слушателей курсов младших лейтенантов и школы боцманов Балтфлота под командованием капитана 1-го ранга Александрова. Артподготовку осуществляли морские береговые батареи, орудия эскадренных минносцев и канонерских лодок, выведенные по Неве к Рыбацкому.

В ночь с 25 на 26 сентября состоялась неудачная попытка одновременной высадки в нескольких пунктах.

С 26 на 27 сентября 252-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии овладел небольшим плацдармом в районе Арбузова. Переправу бомбили, обратно вернулись 345 лодок***.

«Десантники устремились к дороге, не очистив от врага первую траншею, — вспоминал ветеран 70-й сд Кононов. — У переправы «ожили» немецкие огневые точки. Связь штаба с батальонами потеряна. На наблюдательном пункте 68-го стрелкового полка погибло командование полка. Переправу прекратили.

Командир первого батальона 329-го полка А. В. Строилов предложил наступать скрытно, без артподготовки, небольшими группами. Это удалось: в ночь с 27 на 28 сентября Неву форсировал 1-й батальон с ротой автоматчиков и взводом разведки, за ним — 2-й батальон. Строилов сообщил, что занял первые вражеские траншеи, ждет подкрепления. КП Строилова находился впереди

* Польман Х. Волхов: 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

** Невская оперативная группа.

*** ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

окопов, под танком «КВ», подбитым в 1941-м году. 29 сентября противник потеснил на правом фланге 169-й полк 86-й дивизии, создалась угроза переправе. Строилов и командир 68-го полка организовали группу в сто человек, которая контратаковала немцев и восстановила положение. «Пятачок» снова жил.

Его героические защитники устилали своими трупами землю Арбузова и Анненского и до последнего мига верили, что вот-вот к ним из-за Леншоссе прорвутся волховчане. О том, что это невозможно, им, разумеется, никто не говорил. Это было известно лишь высокому фронтовому начальству, для которого соображения личной карьеры и безопасности были важнее тысяч напрасно загубленных солдатских жизней. «Огромные потери смущали даже Ставку, — писал в 1992 г. д-р ист. наук А. Басов*. — Ставка ВГК обвинила Ленфронт в неспособности толково организовать форсирование реки Нева, в результате чего загублено большое количество командиров и бойцов». Бои в Московской Дубровке продолжились до 6 октября, когда безумное побоище было, наконец, прекращено. Все потери десятидневных бессмысличных боев списали, как всегда, на коварство врагов, а не на собственных генералов, расточительно бросавших своих солдат в костер войны».

Приказ на выход из окружения частей ВФ был отдан, но трудно выполним. Из мемуаров К. А. Мерецкова**: «В те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой, управление ими то и дело нарушалось. Из 2-й ударной армии поступали разноречивые сведения...»

Группы генерал-майора Н. А. Гагена и подполковника Вержбицкого на западном берегу р. Черной не имели продовольствия и боеприпасов, подразделения потеряли управление и целостность и выходили, кто как сумеет.

Разведчик 4-го гвардейского корпуса Г. Г. Борисов вспоминал: «Числа 27 сентября мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью. [...] Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена, оказалось 16 человек. Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы: одну из троих человек с задачей разору-

* Басов А. На страже Родины. — 1922. — № 184.

** Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

жигь три сгоревших броневика, снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе (тринадцать человек) принять последние самолеты с патронами и сухарями. Все, что не сможем унести, утопить в трясине. Если по возвращении штаб не застанем, мы должны рассчитывать только на свои силы. При выходе 29 сентября штаб корпуса наился на оборону немцев и почти полностью погиб. Гаген просидел почти сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, узнал нас и вышел с нами».

Группа с боем продвигалась к берегу Черной речки. Здесь оказался блиндаж с ранеными, подготовленными к эвакуации. «Зная, что завтра здесь будут немцы, — продолжает Г. Г. Борисов, — мы объяснили сестрам, что как ни жаль раненых, но они обречены на плен, а сестры могут выйти с нами. Посоветовавшись, медсестры решили остаться с ранеными, без присмотра их не бросать. Через час обнялись, расцеловались с сестрами и пошли на выход».

Сколько же их, верных своему долгу медиков, разделило с ранеными участь военнопленных? И в плена они продолжали свое святое дело — облегчали страдания больных и умирающих. А что получили взамен? Поголовное осуждение соотечественников, санкционированное «отцом народов».

Для пробития коридора у Гайтолово была брошена 372-я сд. 28 сентября дивизия наступала с танками 98-й бригады. Вскоре 80 процентов танков огнем немецкой артиллерии были выведены из строя. 372-я сд понесла большие потери; ей на помощь были направлены 314-я сд и учебат 265-й сд.

28 сентября последовал приказ командарма-2: «Категорически запрещаю вывод без матчасти. Всех вышедших без матчасти возвращать обратно».

Вывести под беспрерывным огнем увязшую в болотной трясине технику, не имея горючего, было, конечно, невозможно. Уцелевшие солдаты взрывали орудия и лесными тропами пробирались к своим.

В то же время в район Тортолова прибыла из-под Лодейного Поля 73-я морская стрелковая бригада, состоявшая из моряков Тихоокеанского флота и Каспийской военной флотилии. «Перед бригадой, — вспоминает бывший командир артиллерийской батареи А. В. Басов, — была поставлена задача захватить три безымянные высоты между поселками Гайтолово и Тортолово. Были

бесчисленные атаки пехоты, танков, наши порядки беспрерывно бомбила авиация, отдельные позиции по несколько раз переходили из рук в руки, но моряки намертво вцепились в склоны высоток среди болота и не отступали ни на шаг». И здесь, как в Севастополе, солдаты Манштейна увидели матросов в полосатых тельняшках, с криками «Полундра-а-а!» бросавшихся в рукопашные схватки. Моряки сражались геройски, но сам приказ к наступлению в финале провалившейся операции выглядит по меньшей мере нелогично.

374-я сд, также прибывшая из Лодейного Поля, была направлена для вывода 2-й ударной армии из окружения. Начальник 4-го отдела штаба дивизии Ф. Д. Добровольский писал своей жене в Красноярск: «Вот уже двадцатые сутки идут активные боевые действия. Наше соединение выполняет свою работу. На какой приказ нас хватит, трудно сказать. Последние дни стояла канонада. Немцы бросили тысячи бомб всяких калибров с самолетов. По лесу разносился оглушительный треск. Обильно рвались мины и ухали рвущиеся снаряды дальнобойной артиллерии. Все это сопровождается сухой, переливчатой трелью пулеметных и автоматных очередей. Ветвей у 85 процентов деревьев не стало, остались лишь голые, исковерканные стволы, земля была вспахана снарядами. Деревья, ветки, клочья одежды и того, что раньше было человеком, перемешалось...»

Эти строки в полной мере подтверждают определение «зеленого ада», данного немцами гайтоловскому лесу.

Старший лейтенант Добровольский, уцелевший в Мясном Бору, навечно остался в Гайтолове, как и 2308 его сослуживцев по 374-й сд...

«Основная масса войск, — пишет К. А. Мерецков*, закончила выход на восточный берег к рассвету 29 сентября. Остальные подразделения вышли в ночь на 30 сентября. После этого активные боевые действия были прекращены. Наши войска, а также и войска противника возвратились примерно на свои позиции».

Но что же осталось от этих войск, «благополучно возвратившихся» с западного берега р. Черной? Приведем цифры из отчетного доклада командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова Военному совету фронта 1 октября 1942 г.

* Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

Из 19-й гвардейской вышло 108 человек. Штабы 56-го и 61-го полков не вышли; из 374-й дивизии — 687, из них 110 раненых; из 191-й сд — 600; из 259-й — 659 из восьми тысяч; из 22-й бригады — 22 человека; из 23-й — 100; из 33-й — 234; из 53-й — 211; из 132-й — 288; из инженерных частей — 300 человек. Итого — 3209 бойцов из 156 927, участвовавших в Синявинской операции со стороны Волховского фронта*. В плен попало 12 370 человек**.

«Когда немецкое радио сообщало о победе, — вспоминает командир 284-го полка 96-й пехотной дивизии 18-й немецкой армии Хартвиг Польман***, русская глушилка на немецком языке возвестила: «Все это вранье! Никакого сражения под Гайтоловом вообще не было!»

Соотечественникам такого не говорили: ведь вышел же кто-то и живым из «зеленого ада». Но позабыть постарались: в отечественной литературе нет ни одной книги или брошюры о печальной Синявинской операции. Данные о потерях безмолвно пролежали в архивах более полувека: министерство обороны было уверено в их вечной «строгой секретности»..

В маршальских мемуарах лишь вскользь сообщалось о 60 тысячах «перемолотых» немцев и большом значении операции, предотвратившей штурм Ленинграда. Последнее справедливо: Ленинград был действительно спасен от немецкого нашествия.

«Если задача по восстановлению фронта 18-й армии и была выполнена, — писал Манштейн****, — то все же дивизии 11-й армии понесли значительные потери. Были израсходованы боеприпасы, предназначенные для наступления на Ленинград». Манштейн получил за 1-е Ладожское сражение фельдмаршальский жезл. Но в дальнейшем удача от него отвернулась: 29 октября 1942 г. под Ленинградом погиб его 19-летний сын Геро, а возглавляемая фельдмаршалом 11-я армия не смогла прорвать кольцо окружения войск Паулюса под Сталинградом.

Когда в наши дни немецких ветеранов спрашивают, куда они хотят поехать в отпуск — на Багамские острова или Канары, многие отвечают: — В Синявино...

* ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 379.

** Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

*** Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

**** Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

Это неудивительно: здесь они пережили самые трудные дни войны, потеряли многих товарищей.

Захоронений военного времени в синявинских лесах почти нет: ни наших, ни немецких. Деревни Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово исчезли с лица земли. Лесные могилы осели, потеряли венчавшие их пирамидки со звездами и березовые кресты. Проводя мелиорацию, власти сравнивали бульдозерами окопы и траншеи, стирали саму память о войне. А в Гайтолове, где погибло людей больше, чем в Бородинском сражении, построили свинарник...

Мокрый болотистый лес за Северной железной дорогой устлан костями павших бойцов, едва покрытых мхом. Их имена еще помнят родные, а в памяти восьмидесятилетних ветеранов не стираются картины жестоких побоищ. «Мы помним, — говорит Н. Н. Никулин, — болото перед деревней Гайтолово, забитое мертвыми телами. По ним, как по гати, бежали атакующие. Мы помним Круглую рощу — она стоила уйму крови. Мы помним дом отдыха в селе Вороново, высоту Лесную, "высоту смерти", как ее называли солдаты...»

Тысячи убитых остались непогребенными. У них нет могил, нет имен. Каждое лето сюда приходят — за правдой о войне — ребята из молодежных поисковых отрядов. Они находят останки без вести павших, хоронят, иногда — по смертным медальонам, наградам, надписям на касках и ложках, — устанавливают фамилии, разыскивают родственников, и тогда потрясенные внуки снимают шапки перед свежими братскими могилами.

Великая Отечественная война — нераскрыта, неизученная, поверхностно описанная часть нашей истории. Ленинградская битва — огромный ее пласт, требующий подробного и объективного рассмотрения.

П. ШУБИН

Наша земля

Горели кочки — торфяник и вереск,
Да рощи безветренным днем
Меркнут, неверному солнцу доверясь,
То желтым, то алым огнем.

Здесь все, что земля берегла и растила,
Чем с детства мы жили с тобой,
Смели, искалечили тонны тротила,
Развеяли пылью слепой.

Но снова, сгорая ль,
Как факелы, в танке,
В грязи ль, под шрапнельным дождем,
Клянемся смертельную страстью атаки:
Мы с этой земли не уйдем!

Так вот она, милая Родина наша —
Болота саженный огрех,
И щепки, и торфа багровая каша,
Летящая брызгами вверх.

А там, оседая в разрывах мохнатых
Обломками бревен в траву,
Глядят, погибая, Синявина хаты,
Решетками рам за Неву.

Так вот она, даль, что в боях не затмилась,
И вся — как Отчизна, как дом,
Вот здесь, вот на этом клочке уместилась
В бессмертном величье своем!

И глохнут снаряды, в трясине прогавкав,
И катится снова «ура»
Туда, где тревожная невская чайка
Над берегом бьется с утра.

Прыжками, бегом от воронки к воронке,
Пройти сквозь клокочущий ад
Туда, где на синей, на облачной кромке
Полоской плывет Ленинград.

Кого мы увидим, кого мы там встретим
Из братьев навеки родных?
Но двое сойдутся и вспомнят о третьем,
Погибшем за встречу двоих.

Хроника Синявинской наступательной операции (19.08–10.10.42 г.)

19.08–9.09

Бои 268 сд и 136 сд 55 А Ленфронта в устье р. Тосна.

27.08. Прорыв немецкой обороны между Гайтоловом и Гонтовой Липкой 8-й А Волховского фронта (I эшелон в составе: 6 гв. ск — 3, 24 и 19 гв. сд; 11, 128, 265, 286 и 327 сд, 10 гсбр, шесть танковых бригад).

Овладение РП № 8 (128 сд), западным берегом р. Черная (24 гв. сд), Тортоловом (265 сд).

29.08. Ввод 4 гв. ск (II эшелон) в составе: 259, 294 сд; 32, 33, 137, 140 осбр. Бои за р. Круглая, подступы к Синявину, совхоз «Торфяник», Вороново.

Введение противником 170 пд 11 А.

1.09. Равновесие сторон, остановка продвижения советских войск.

6.09. Введение противником 11-й армии, наступление на фланги наших войск от рощи Круглой и Поречья.

Введение 191 сд и 53 осбр из 2 УА.

8.09. Ввод 2 УА (III эшелон) в составе: 374 сд, 22 и 32 осбр. Переподчинение 128 сд, 3 и 19 гв. сд, 4 гв. ск — 2 УА. Задача 2 УА — прорыв к Неве; 8 А (24 гв. сд, 265, 11, 286 сд, 1 осбр) — защита 2 УА с юга.

9.09. Попытка форсирования Невы войсками НОГ.

10.09–15.10

Атаки 128 сд на Липку и РП № 4; 4 гв. ск — на немецкие позиции у о. Синявинское; 374, 191 сд и 32, 33, 137 бр — на совхоз «Торфяник»; 3 гв. сд, 22 и 53 бр — на р. Круглая.

21.09. Наступление противника на фланги.

23.09. Взятие противником Гайтолова; отвод синявинской группировки наших войск к роще Круглой.

24.09. Захват противником высоковольтной линии у р. Черная.

25.09. Взятие противником Тортолова.

26.09. Высадка войск НОГ (70 и 86 сд) на Невский «пятачок».

27.09. Приказ на вывод 2 УА на восточный берег р. Черной.

1.10. Прекращение боев в районе Гайтолово — Тортолово.

10.10. Переход к обороне войск ЛФ на восточном направлении.

15.10. Захват противником РП № 8.

А. Ф. ХРЕНОВ,

*Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке,
бывш. начальник инженерных войск Волховского фронта*

Синявинская наступательная операция (август — сентябрь 1942 года)*

Прошло сорок лет с тех пор, как в синявинских лесах и болотах, на берегах Невы закончилась одна из значительных операций на северо-западном направлении в битве за Ленинград.

Более 40 дней и ночей шли непрерывные ожесточенные и кровопролитные бои. Крупная стратегическая группировка врага, нацеленная на штурм Ленинграда, была разгромлена, и гитлеровцам некем было штурмовать город. Стратегическая инициатива была вырвана у врага на северо-западном направлении.

Но лето 1942 года было для нас очень трудным. Только что закончилась тяжелая любанская операция. Войска приводились в порядок. Пополнялись передевые полки 2-й ударной армии, вышедшие из окружения. Поступали вооружение и техника для них. Войска Волховского фронта усиленно работали по оборудованию своих позиций, наблюдательных пунктов и укрытий. Строили все — стрелки, артиллеристы, танкисты. Всякая смена позиций была сопряжена с величайшими трудностями и начиналась с прокладки дорог. Напряженная работа войск по оборудованию оборонительных позиций потребовала снять с передовой шесть стрелковых дивизий. Эти дивизии очень пригодились для создания фронтового резерва. Но Ставка Верховного Главнокомандования уже торопила с подготовкой наступательной операции.

Позади у ленинградцев осталась нечеловечески трудная зима, во время которой голод и мороз унесли многие тысячи жизней, а новая зима была не за горами. Блокаду необходимо было прорвать!

По всем видам разведки поступали сведения о крупной переброске немецко-фашистских войск и тяжелой артиллерией под

* Доклад на военно-исторической конференции во Мгэ 1.10.1982 г.

Ленинград. Стали поступать данные о прибытии из Крыма 11-й армии Манштейна. По всем данным противник готовил крупное наступление на Ленинград.

Для срыва готовившегося вражеского наступления и прорыва блокады Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования решила провести наступательную операцию на синявинском направлении в августе — сентябре 1942 года силами войск Волховского и Ленинградского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом.

Принимая это решение, Ставка также рассчитывала активными действиями на северо-западном направлении сковать вражеские войска и не позволить немецкому командованию перебрасывать свои соединения на юг, где в то время развертывались решающие события.

Командующий войсками Волховского фронта решил сосредоточенным ударом прорвать вражескую оборону на 15-километровом участке между Гонтовой Липкой и Вороновом, соединиться с войсками Ленинградского фронта в районе Мги и вместе с ними разгромить мгинско-синявинскую группировку врага. Ударная группировка фронта создавалась из двух оперативных эшелонов: в первом должна была наступать 8-я армия генерала Ф. Н. Старицова, во втором — 2-я ударная армия генерала Н. К. Клыкова. Между 8-й и 2-й ударной армиями размещался 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. А. Гагена. Такое построение диктовалось необходимостью преодолеть сильно укрепленную позиционную оборону противника с учетом возможности наращивания силы его сопротивления в короткие сроки. Поэтому 8-я армия и 4-й корпус предназначались для прорыва обороны на всю глубину, а задача 2-й ударной сводилась к разгрому вражеских резервов уже на завершающем этапе операции. Суть идеи заключалась в намерении высокими темпами пробиться к Неве до того, как прибудут немецкие подкрепления.

Ленинградский фронт наносил два удара силами 55-й армии и Невской оперативной группы, расположенными на блокированной территории: один — в направлении р. Тосны, другой — на Синявино с целью соединения с войсками Волховского фронта. К операции привлекались малые корабли Балтийского флота. Им предстояло высадить десант на противоположные берега Невы и Тосны, захватить мосты и переправы, обеспечить форсирование главными силами водных рубежей и развитие ими наступления на Тосно и Синявино.

Для согласования взаимодействия боевых действий 21 августа неподалеку от Тихвина встретились Военные советы Волховского и Ленинградского фронтов и командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц.

Причина, побудившая планировать прорыв блокады близ Ладожского берега, была очевидна. Всего 15–16 километров разделяли здесь Волховский и Ленинградский фронты. Именно поэтому операция представлялась небольшой по глубине и по срокам. Здесь в случае удачи наступления наши войска могли достичь Невы в течение двух-трех суток. На проведение более продолжительной операции фронт не имел сил. Короткие сроки выхода к Неве позволяли завершить ее до того, как немцы подтянут свои резервы с других участков. Наступление ленинградцев нам навстречу позволяло надеяться на ускорение встречи.

Но на войне наименьшее расстояние не всегда самое короткое. В полосе запланированного наступления противник обладал наиболее совершенной обороной. Каждый поселок был превращен в мощный опорный пункт обороны, все проходимые участки местности держались под огнем орудийных и пулеметных дзотов, перекрывались минно-взрывными и проволочными заграждениями. С точки зрения гитлеровского командования здесь нельзя было планировать наступление из-за труднопроходимой местности и хорошо оборудованной оборонительной позиции. Значит, мы могли рассчитывать на тактическую и оперативную внезапность. И это была вторая причина, по которой осуществлять прорыв решили именно здесь.

Но нам нужно было упредить противника, раньше и более скрытно произвести перегруппировку и развернуть свои силы для наступления. При этом удар должен был оказаться не только внезапным, но и решающим. Избранное направление полностью отвечало этим требованиям.

Успех наших действий во многом определяла скрытность подготовительных мероприятий. В ходе подготовки операции Волховскому фронту нужно было произвести большую перегруппировку войск, находившихся в основном на чудовском и новгородском направлениях. Редкая дорожная сеть в полосе фронта, которая к тому же подвергалась непрерывному воздействию вражеской авиации, крайне затрудняла переброску войск.

А нам надо было в приладожский район перебросить 13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, 35 артилле-

рийских и минометных полков, управление 2-й ударной армии, два корпусных управления, большое количество специальных и обслуживающих частей, 120 маревых рот пополнения, конский резерв и крупные запасы боевого снаряжения, продовольствия, горючего и фуража.

В почти бездорожном районе сосредоточения требовалось большое дорожное строительство при тщательной маскировке производимых работ. На это необходимо было много времени, но сроки начала операции поджимали и район не получил нужных дорог для наступающих войск.

Более месяца шла перегруппировка войск фронта, но хорошо продуманный план оперативной маскировки, перевозок, разработанный штабом фронта, который выполнялся неукоснительно, позволил скрыть переброску войск от противника. Достаточно сказать, что эшелоны с войсками направлялись из-под Малой Вишеры в сторону Москвы, якобы на Южный фронт, а потом кружным путем, через Вологду и Череповец, прибывали к месту назначения. Но достигнуть оперативной внезапности все же не удалось. С 25 августа над районами сосредоточения войск начали подозрительно часто кружить вражеские самолеты-разведчики. Это не могло не вызвать тревогу у командования. Генерал армии К. А. Мерецков, командующий войсками Волховского фронта, решил созвать 26 августа совещание командующих и начальников родов войск, командиров соединений и их комиссаров, заслушать их о готовности войск к наступлению и установить время начала операции.

На совещании тов. Мерецков отметил, что все подготовительные мероприятия к наступлению в основном закончены. Войска первого эшелона вышли на исходные позиции. Соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса завершают получение пополнения, но до полной боевой готовности им нужно еще 2–3 дня. Войска 2-й ударной армии (третий эшелон фронта) в ближайшее время закончат перевозки. Полное же сосредоточение в исходном районе соединений третьего эшелона ожидается через 10–12 дней. Следовало бы закончить перевозки войск и всего необходимого для наступления и тогда начинать операцию. Но активность вражеской воздушной разведки увеличивает риск вскрытия противником создаваемой группировки фронта и участка подготовительного прорыва. И, конечно, позволит противнику подготовиться к отражению нашего удара. Командующий считает необходимым начать операцию, не ожидая сосредоточения всех войск.

Кроме того, командующий сообщил, что 19 августа части 268-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта после сильной артиллерийской подготовки и бомбового удара по противнику десантировали на катерах и заняли плацдарм в районе Ивановского. Отразив ожесточенные контратаки немецких войск, 268-я и прибывшие к ней на помощь части 43-й, 70-й и 136-й стрелковых дивизий прочно удерживают захваченный плацдарм.

Участниками совещания высказаны мнения относительно немедленного начала операции. Было принято решение начать операцию 27 августа, не ожидая сосредоточения всех войск.

27 августа 1942 года после артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 10 минут 128-я, 3-я гвардейская, 19-я гвардейская, 24-я гвардейская, 265-я, 11-я, 286-я и 327-я стрелковые дивизии 8-й армии Волховского фронта перешли в наступление на 19-километровом участке Липки—Вороново. Гвардейские дивизии, действуя на главном направлении, имели построение в три эшелона.

Наибольший успех сопутствовал 24-й гвардейской стрелковой дивизии полковника П. К. Кошевого, которая форсировала реку Черная и захватила первую позицию 425-го пехотного полка. Левый фланг соседней справа 19-й гвардейской сд полковника Д. Н. Баринова также форсировал реку Черная и захватил первую позицию 425-го пехотного полка, но центр и правый фланг еще вели бой за первую позицию.

Наступающая слева 265-я сд полковника Б. Н. Ушинского вела бой за Тортолово.

К 16 часам 24-я гвардейская стрелковая дивизия продвинулась на 2–2,5 км от исходного положения и вела бой за перекресток просек, находящийся в 2–3 километрах от исходного положения.

19-я гвардейская сд существенных успехов не имела.

265-я стрелковая дивизия освободила Тортолово и вела наступление на 1-й Эстонский поселок. Но на подступах к нему артиллерийским огнем и контратаками пехоты дивизия была остановлена. 128-я, 11-я, 286-я и 327-я стрелковые дивизии встретили упорное сопротивление и успеха не имели.

28 августа наступление наших войск успешно развивалось, несмотря на усиливающееся сопротивление противника. Воины преодолевали лесные чащобы и болота, иногда передвигались, находясь по пояс в воде. Противник перешел к тактике обороны мелкими группами численностью до роты, седлал тропы, удер-

живал опушки леса и поляны. На сухих местах немцы оставили минные заграждения.

19-я гвардейская стрелковая дивизия сломала сопротивление противника и быстро продвигалась на Синявино.

265-я сд овладела 1-м Эстонским поселком около полудня. Противник нанес сильный контрудар пехотой по левому флангу успешно наступающей 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Контратака была отбита, было захвачено два вражеских орудия. Через два часа последовала новая контратака пехоты противника, но уже с танками. После ожесточенного боя контратака была отбита, уничтожено три вражеских танка.

265-я сд продвинулась на запад от 1-го Эстонского поселка всего на 400–500 метров и была остановлена сильным артиллерийско-минометным огнем.

К утру 29 августа 19-я гвардейская стрелковая дивизия вела бой в 1,5–2 километрах к востоку и югу от Синявино, а 24-я гвардейская сд вышла к озеру Синявинское.

Со стороны Мги частями вновь прибывшей 170-й пехотной дивизии противника были предприняты три сильные контратаки по левому флангу 24-й гвардейской стрелковой дивизии.

Утром появилась авиация противника, которая группами по 5–15 самолетов совершала налеты с интервалами в 20–60 минут до самого вечера.

Над 1-м Эстонским поселком и Тортолово бомбардировщики непрерывными волнами совершали налеты и над полем боя стоял сплошной грохот разрывов тяжелых авиационных бомб. Со стороны поселка Михайловский за вторую половину 29 августа противник нанес шесть сильных контрударов пехотой с танками при поддержке авиации по левому флангу 24-й гвардейской дивизии.

На третий день этой операции на поле боя появилась 170-я пехотная дивизия из состава 11-й армии Манштейна, только что прибывшей из Крыма. Усиленная танками 12-й танковой дивизии, она с ходу атаковала наши части. Чтобы отразить этот контрудар, Военный совет фронта усилил наступающие войска одной стрелковой и одной танковой бригадами, взятыми из 2-й ударной армии.

Сильные контрудары пехоты с танками и большим количеством самолетов задерживали продвижение наших войск 30 августа и в последующие дни наши окопавшиеся части успешно отражали по 7–8 контратак противника.

Были замечены крупные силы немецкой пехоты с танками, подходившие в район южнее Тортолово.

В этой обстановке командующий войсками фронта решил в ночь на 1 сентября ввести в сражение соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса с задачей нанести главный удар в направлении Синявино—Анненское и к исходу дня выйти на восточный берег Невы.

Ввод в сражение 4-го гвардейского стрелкового корпуса проходил в исключительно трудных условиях полного бездорожья. На преодоление болот уходило много времени и сил. Войска скучивались и попадали под сильный артиллерийский обстрел противника, а с рассветом начались непрерывные бомбёжки вражеской авиацией.

Артиллерийское обеспечение ввода корпуса со стороны штаба 8-й армии не было организовано.

Преодолевая сопротивление врага, соединения корпуса обошли Синявино с юга, продвинулись в направлении Келколово на 2–3 километра. Нашим войскам оставалось пройти до Невы не более 6 километров. Это не могло не вызвать тревогу у гитлеровского командования и, как мы теперь знаем, последовал личный приказ Гитлера фельдмаршалу Манштейну немедленно вступить в командование войсками на мгинском участке восточного фронта и восстановить положение.

Для восстановления положения Манштейн бросает в сражение соединения своей 11-й армии, подтягивает артиллерию, предназначавшуюся для штурма Ленинграда, сосредоточивает авиацию.

Продвижение соединений 4-го корпуса было остановлено.

2 сентября 3-я и 19-я гвардейские стрелковые дивизии получили приказ овладеть Синявино и развивать наступление на Московскую Дубровку. 259-я сд 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Гагена сменила 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию у озера Синявинское и должна была продолжить наступление к Неве на Анненское.

24-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 32-й отдельной стрелковой бригадой и 29-й танковой бригадой должны были нанести удар на юг на тылы тортоловской группировки врага.

После перегруппировки 4 сентября все соединения 8-й армии перешли в наступление. 4 и 5 сентября непрерывные атаки наших войск не имели успеха. Противник подтянул много пехоты и артиллерии, авиация противника абсолютно господствовала в воз-

духе. Сотни бомбардировщиков постоянно находились над расположением наших войск и беспрерывно бомбили.

Сосредоточив у основания прорыва значительные силы, гитлеровцы нанесли *6 сентября* через рощу Круглая удар и потеснили наши части. Для парирования удара врага командующий фронтом распорядился ввести в сражение 191-ю стрелковую дивизию и 53-ю стрелковую бригаду, взятые из состава 2-й ударной армии. Неприятель был остановлен, а затем отброшен в исходное положение. Командующий фронтом решил овладеть рощей Круглая и приказал подготовить удар по ней артиллерией и авиацией для обеспечения атаки стрелковых частей. Но противник отбил наши атаки плотным артиллерийско-минометным огнем. Тогда Военный совет принял решение о вводе в сражение 2-й ударной армии. Но к моменту ввода в сражение в составе 2-й ударной армии оставались только одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада. Поэтому ввод в сражение 2-й ударной армии на ход событий не повлиял. Переподчинение *8 сентября* ей соединений 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов, которые в многодневных боях уже понесли большие потери и потеряли ударную силу, не дало никаких преимуществ 2-й ударной армии.

Таким образом, вместо ввода эшелона развития прорыва получилась замена одного армейского командования другим с небольшим усилением стрелковыми соединениями действующих войск.

8 сентября управление 2-й ударной армии приняло полосу наступления со всеми войсками от 8-й армии. Вводятся в бой новые соединения, но из-за редкой сети плохих дорог на марше скучиваются и несут большие потери от авиации противника.

Введенные в бой 22-я отдельная стрелковая бригада полковника Гордова, 23-я осбр полковника Сокурова, 374-я стрелковая дивизия при чрезвычайно сильном вражеском сопротивлении продвижение имели небольшое. 24-я гвардейская и 265-я сд с 32-й осбр перешли к обороне фронтом на юг. Бои здесь развернулись ожесточенные, так как противник стремился подрезать у основания клин наших войск в обороне немцев. Все контратаки, несмотря на поддержку большим количеством авиации и танков, были отбиты с большим уроном для противника.

10 сентября противник перешел в контрнаступление на всем фронте прорыва наших войск.

11 сентября авиация противника совершила 700 самолето-вылетов. Чрезвычайно высокая активность авиации противника ско-

вывала наши войска и наносила большой урон. Продвижение войск остановилось. Нашей авиации над полем боя не было. Зенитных средств борьбы было очень мало.

12 сентября немецкая тяжелая артиллерия открыла интенсивный огонь по боевым порядкам наших войск и путям сообщений.

14 сентября командующий фронтом генерал К. А. Мерецков приказал 2-й ударной армии овладеть опорным пунктом немцев с кодовым называнием роща Круглая на северо-восточной оконечности Синявинской возвышенности.

В роще Круглая оборонялись подразделения 5-й горно-егерской дивизии, прибывшей из Крыма. Противник силами 5-й горно-егерской, 28-й легкопехотной и 121-й пехотной дивизий при поддержке танков и авиации наносили сильные удары от рощи Круглая в направлении на Гайтолово.

Сильный удар пехоты с танками при массированной поддержке авиации противник нанес по 259-й стрелковой дивизии с направления от Келковово. Вражеские войска вклинились в боевые порядки 4-го гвардейского стрелкового корпуса, раскололи их, окружили четыре батальона и взяли в полуоколоцо 137-ю стрелковую бригаду, которая стойко удерживала занятые позиции. Четыре батальона с большими потерями прорвали окружение и вышли к своим войскам. 376-я стрелковая дивизия под сильным нажимом врага стала отходить. 24-я, 132-я пехотные и 12-я танковая дивизии противника при поддержке авиации непрерывно наносят сильные удары с юга на Тортолово.

21 сентября после многочисленных сильных ударов противнику удалось форсировать реку Черная и подойти с севера к Гайтолово. Движение транспорта по дороге вдоль высоковольтной линии прекратилось.

23 сентября, подвергнув семичасовому массированному обстрелу и авиационной бомбардировке позиции 24-й и 265-й стрелковых дивизий, противник произвел особо сильные и настойчивые атаки. Противнику удалось вклиниться встык дивизий. Наши войска медленно отходили на заранее подготовленные позиции в глубине обороны. Противник появился на восточном берегу реки Черная южнее Гайтолово. 22-я отдельная стрелковая бригада полковника Гордова дралась очень хорошо и не дала сомкнуться вражеским частям.

26 сентября по приказу фронта войска 2-й ударной армии начали отход на восточный берег реки Черная. *27 сентября* 73-я отдель-

ная стрелковая морская бригада полковника Бураковского овладела тремя безымянными высотками севернее Тортолово. Этим она помогла нашим частям выйти из окружения. 27, 28, 29 и 30 сентября происходил отход наших войск и выход из окружения.

В течение сентября не прекращались и боевые действия Ленинградского фронта. В первой половине месяца предпринимались попытки очистить от фашистов район Ям—Ижоры. Но они оказались неудачными. С 30 сентября проводилось наступление в районе Московской Дубровки с целью форсирования реки Невы, овладения Мустолово и выхода на Синявино для соединения с наступающими войсками Волховского фронта. Две дивизии, наступавшие здесь, вынуждены были отойти на исходные рубежи. 1 октября войска перешли к обороне на прежних рубежах.

26 сентября 70-я, 86-я стрелковые дивизии и 11-я отдельная стрелковая бригада при поддержке 117 боевых самолетов с десантом морской пехоты форсировали реку Неву и захватили плацдарм в районе Арбузово и Московской Дубровки. Ожесточенные бои продолжались здесь до 6 октября, но развить успех наши войска не смогли. По приказу Ставки операция была прекращена, и основные силы эвакуированы на правый берег.

Синявинская наступательная операция не завершилась прорывом блокады Ленинграда. Однако она имела положительное значение для общего хода борьбы на советско-германском фронте и, прежде всего, для Ленинграда. Синявинская операция сорвала проведение немцами операции «Нордлихт» по штурму Ленинграда.

Впоследствии в своих мемуарах «Утраченные победы» Э. Манштейн напишет: «...и вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера...»

Северное сияние не занялось!

Потери противника в Синявинской операции были огромны: 60 тысяч солдат и офицеров, 260 самолетов, 200 танков, 600 орудий и минометов. В ротах противника осталось по 18–20 солдат. Это был главный итог операции двух фронтов.

В официальном издании «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» дана оценка данной операции.

«Итоги борьбы на северо-западном направлении летом и осенью 1942 года показали, что группа армий «Север», усиленная переброшенной с юга 11-й армией, не смогла решить тех задач, которые были перед ней поставлены еще в плане «Барбаросса», а затем подтверждены директивами ОКВ № 41 и № 45.

Втянутая в оборонительные сражения против Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов, она не смогла приступить к операции по овладению Ленинградом. Активными действиями советские войска прочно сковали крупную стратегическую группировку врага и привлекли резервы гитлеровского командования. Если в начале июня в группе армий «Север» было 34 дивизии, то в конце сентября их стало 44.

Самоотверженной борьбой на этом стратегическом направлении и, прежде всего, на ленинградских рубежах, воины Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов оказали существенную помощь защитникам Сталинграда и Кавказа, сражавшимся на юге с основными силами Вермахта»*.

Синявинская операция 1942 года войск Ленинградского и Волховского фронтов не нашла еще достаточно полного освещения в военно-исторической литературе.

Надеюсь, что выступления ветеранов этой операции на сегодняшней конференции, обобщенные и обработанные, во многом восполнят этот пробел.

И. А. ИВАНОВА

*Семь дней боев в устье Тосны***

Война шла уже второй год. И почти год длилась блокада. Полувымерший от голода, раненый город все не сдавался. И тесно, по всему блокадному кольцу, от реки Сестры до Средней Рогатки, Колпина и поселка Саперный на Неве, насмерть стояли голодные, уставшие солдаты Ленфронта. Вооруженные винтовками и немногими пулеметами, полковыми пушками и считанными снарядами они не только сдерживали врага, но и пытались пробить брешь в замкнутом кольце блокады.

Несколько попыток прорыва не увенчались успехом. Целиком погибли морские десанты сорок первого, пришлось оставить залив кровью Невский «пятачок», была разбита на Волхове окруженная 2-я ударная армия. А разведка доносила о готовящемся штурме Ленинграда.

* История Второй мировой войны 1939—1945 гг. — Т. 5. — С. 242.

** «Санкт-Петербургские ведомости» 18.08.2002 г.

И тогда было спланировано новое наступление войск Волховского фронта — южнее Ладожского озера. Навстречу им должны были выступить части 55-й армии, защищавшие восточные ворота города в устье реки Тосна при впадении ее в Неву.

Немецкие траншеи по обоим берегам Тосны с 6-го июня сорок второго года занимала полицейская дивизия «СС», уверенная в своей неуязвимости. Если уж рядовая пехота 122-й дивизии успешно отражала здесь в течение года все попытки русских прорваться на восточный берег Тосны, то элита войск Вермахта, завоевавшая Бельгию, Францию, Прибалтику, закаленная в ужасных волховских болотах, не сомневалась, что не даст «Иванам» прорваться на восток.

18 августа немцы услышали шум моторов, заметили движение нашей пехоты к фронту и поняли: начинается новое наступление русских. Но сил у эсэсовцев было немного — 1448 человек, и они выжидали.

На рассвете 19-го поднялся шквал артиллерийской подготовки, в небе появились краснозвездные самолеты, сбросившие на немецкие позиции фугасные и зажигательные бомбы. 268-я дивизия полковника С.И.Донского начала наступление. Немцы отвечали заградительным огнем, но наши атаки на деревню Усть-Тосно — ключ к восточному берегу — следовали одна за другой, и сдерживать их становилось все труднее.

Полной неожиданностью для противника явился десант, высадившийся с бронекатеров на восточный берег Тосны: прикрытые крутым невским берегом, катера незамеченными вышли из Корчмино и доставили к пристани в Ивановском отряд пехоты численностью в 500 человек под командованием старшего лейтенанта Кострубо. Десант быстро распространился по берегу до перекрестка дорог у церкви в Ивановском и занял шоссейный, «горбатый», мост через Тосну. Через мост прошли 3 наших танка.

Немцы вывели противотанковые орудия на прямую наводку, и две машины им удалось подбить. Но 952-й полк майора А. И. Клюканова уже взломал передний край немецкой обороны и ринулся по мосту в Ивановское. Впереди был 1-й батальон под командованием ст. лейтенанта Николая Афанасьевича Кукарево. За ним, отстреливаясь от наседавших эсэсовцев 1-го полка полицейской дивизии, переправился 2-й батальон капитана Поболина.

«19 августа, — записано в журнале боевых действий 268 сд, — части дивизии заняли положение по обе стороны железной дороги,

но понесли большие потери: 947-й полк — 70% личного состава, 952-й — 60%, особенно — командиров рот и взводов. Командиры подразделений не обеспечили освоение захваченных районов, занятие огневых точек противника, не ликвидировали оставшихся в тылу немецких автоматчиков».

Неспособность закрепляться на достигнутых рубежах типична для первых периодов войны и зависела, вероятно, не только от слабо усвоенных правил военной тактики, но происходила также из черт русского характера — неудержимого, не умеющего оглядываться назад.

Так произошло и на Тосне. 952-й полк целиком устремился в Ивановское; 947-й не удержал завоеванные участки на западном берегу, и немцы в 16 часов вновь заняли свои траншеи в Усть-Тосно, ведя огонь по наступающим и отрезая им путь к мостам. Живая связь с восточной группой прервалась.

На командном пункте Клюканова в круче западного берега раздавались лишь голоса четверых дивизионных радиостанций: Рувима Спринцона, Сергея Тютева, Михаила Бубнова и Владимира Люкайтиса, корректировавших огонь артиллерии из подвала пивоваренного завода на том берегу:

- 100 метров вправо — по лощине движется немецкая пехота;
- 200 метров влево — огневая точка!

А на западном берегу не прекращалась борьба за Усть-Тосно. В схватку вступила полковая разведка во главе с лейтенантом Кузнецовым. Фашисты отчаянно сопротивлялись, но к полудню 20-го Усть-Тосно снова стало нашим, а немцы были отброшены за железную дорогу.

Артиллерия постоянно била по Ивановскому — и наша, и немецкая. Над селом стояла сплошная пелена дыма, взлетали вверх комья земли, бревна блиндажей. Неожиданно Спринцон передал:

— Немцы в пятидесяти метрах, окружают, бейте по нам! Повторяю — огонь по нам!

Взрыв — и рация замолчала. Судьба оказалась милостивой к отважным: снарядом лишь перебило антенну и ранило осколком Мишу Бубнова. Радисты остались живы. Но тогда никто не знал, что творилось на восточном берегу. Позже о том поведали очевидцы. Вот как описывает беспрерывный семидневный бой на Ивановском «пятачке» участник этих событий военфельдшер 952-го полка Ершов.

«Каждый из бойцов и командиров дрался здесь буквально за десятерых. 60 часов без отдыха бойцы комбата Кукарево бились с немцами, которые вводили в бой все новые резервы. Почекневшие от усталости, с красными от бессонницы глазами, они знали одно: надо держаться. Вчера по радио донеслись слова Клюканова:

— Молодец, Кукарево, держись!

Эти слова врезались в сознание самого Кукарево, пулеметчика Кузьмина, связного Николая Хайминова — всех, кто находился в траншее. Примостившись в ячейках, выдолбленных в сухом песке, люди не выпускали из рук оружия. Внезапно кто-то крикнул:

— Товарищ старший лейтенант, посмотрите направо!

Кукарево вскочил. Вскочили все. Справа бежали немцы. Оврагом они пробрались в траншею и теперь гуськом бежали прямо сюда, даже не пригибаясь. Их серая цепь извивалась на поворотах хода сообщения, как длинное тело змеи. Кукарево смотрел на эту «змею», словно оцепенев. И вдруг, одним движением схватив сразу шесть гранат, он кинулся немцам навстречу. Он не давал никакой команды, не оборачивался, не смотрел, бегут ли за ним люди. Он бежал и что-то кричал охрипшим голосом. И остальные — все, кто был в траншее, бежали за ним и тоже кричали. Они были готовы рвать, кусать, душить тех, в серых куртках.

Широко размахнувшись, Кукарево метнул две гранаты. Третью послал дальше, чтобы свалить задних и устроить в траншее пробку. Так и кидал поочередно: одну гранату близко, другую — дальше. Бойцы без перерыва подавали ему новые, со вставленными капсюлями. Кукарево швырял их, продолжая бежать. Связной — маленький, рыжий Хайминов следовал за ним по пятам, на бегу добивая раненых немцев из автомата. И остальные мчались за командиром и связным, стреляя на ходу. Когда немцы кидали в них гранаты, бойцы ловили их на лету и бросали обратно. По ним били из пулеметов, из пушек; их засыпало в траншее. Оглушенные, они откалывали друг друга, окликая:

— Жив?

— Жив! — и снова вставали.

Когда на них пошли танки, с западного берега загрохотали орудия.

— Наши! — выкрикнул Кукарево. — Смелее, ребята, ничего, что нас мало...

— Я могу за троих, — сказал юркий Хайминов. Он разложил на бруствере три автомата, в тридцати метрах один от другого, и бегал взад и вперед, стреляя из них по очереди. И вдруг упал. Кукареко подбежал к нему и услышал тихие слова:

— Умираю, товарищ командир

Связной проговорил так, словно извинялся, что мало повоевал.

После пятой атаки в траншее осталось восемь человек. Снова темнело небо, снова близилась ночь, и никто из восьмерых не знал, увидит ли еще раз, как занимается заря

А у шоссе, вблизи пивоваренного завода, дрались бойцы 2-го батальона капитана Поболина, которые тоже двое суток без отдыха вели бой. У них в руках были то «ППД», то гранаты, то трофейные автоматы. От беспрерывных разрывов снарядов — своих и чужих — поднимался песчаный вихрь, слепивший глаза и засорявший оружие. Немцы не раз вклинивались в наши боевые порядки, и группы бойцов оказывались отрезанными, но и тогда они не теряли присутствия духа и с боем прорывались к своим.

Геройски бились бойцы обоих батальонов, но их становилось все меньше. Капитан Поболин погиб, и в его батальоне, как и у раненого Николая Кукареко, осталась лишь горстка бойцов.

Радистам удалось, заменив антенну, восстановить связь, и в землянке Клюканова раздался голос Кукареко:

— Кончаемся. Бойцы кончаются, боеприпасы...»

Рассказывает бывшая телефонистка 952-го полка Тамара Родионовна Овсянникова.

«Клюканов решил перенести свой КП на восточный берег, доложил комдиву. Я слышала по индукции слова Донскова:

— Собери всех: поваров, парикмахеров, связистов, но удержи плацдарм!

И вот уж от бойца к бойцу передается команда:

— Всем живым собраться в траншее около КП. Приготовиться к атаке!

И «все живые» во главе с командиром полка ринулись к дорожной насыпи, оттуда, в короткую паузу между пулеметными очередями, броском двинулись через мост на другой берег. Помню, за командиром бежал его адъютант Жуков, радисты Маслов и Потапов, я с коммутатором. Из темноты послышались голоса:

— Стой, кто идет?

— Командир 952-го полка майор Клюканов, — был ответ.

На том берегу стоял разрушенный пивоваренный завод. В его подвалах разместили раненых и штаб полка. Дальше по берегу Невы — церковь, рядом кладбище. Завоеванный нашими участок — западная часть Ивановского до пристани.

Немцы наступали от церкви и стреляли без перерыва. Клюканов собрал трех радистов, нескольких командиров, десяток бойцов, тридцать раненых — все свое войско.

— Раненые, вы можете драться?

— Может, товарищ командир!

Первым из подвала с автоматом в руках выбежал Клюканов. В подвале оставались только радист, сообщавший цели артиллеристам, я у телефона и раненые. Но и они участвовали в бою, заряжая диски к автоматам.

Уже три немецкие атаки отразил клюкановский гарнизон. Вдруг прибегает адъютант Жуков:

— Немцы снова атакуют!

Нужен огонь с того берега, а связь не работает: перебило.

— Ты умеешь плавать? — спрашивает Клюканов радиста. Миша Маслов кивнул.

— Передашь: прошу «катюш!»

Миша поплыл. Прошло минут тридцать, из Корчмино ударили «катюши». Снаряды легли в цель. Немцы забегали. Едва развеялся дым — они снова пошли в атаку.

Тогда Клюканов посыпает на западный берег Жукова с запиской: «Огонь на меня!» — и указывает наши координаты. Жуков поплыл, но на другом берегу попал в руки особыстов. Доложили комдиву, и Жуков передал Донскому записку, которую держал во рту.

Начавшийся на какое-то время обстрел остановил немцев.

«Горбатый» мост находился под беспрерывным огнем, и ночью саперы навели наплавные мостки, скрытые под водой. Рано утром по ним перешли к нам заместитель командира дивизии Дементьев, около 100 человек пополнения. Среди них была и медсестра Кларисса Чернявская.

— Где раненые? — первым делом спросила она.

Кларисса перевязывала, а я подносила котелком воду из Невы.

По Неве на катерах переправились командир минометчиков Ярошенко и начальник артиллерии Бучельников с 45-мм пушками. Высадив пополнение, катера забрали часть раненых.

И в этот день немцы продолжали атаковать. Раз, другой, пятый, седьмой... Клюканов все время находился с бойцами, поднимая их в контратаки.

— Ребята, держись!

В окровавленных повязках, с простреленными руками, люди продолжали драться. Но их становилось все меньше. Убило комроты связи Юру Сильвестрова, начхима Шибаева и его сына Толю — 16-летнего связиста, многих других»

«Все здесь простиралилось и просматривалось, — вспоминал Александр Иванович Клюканов, — но мы знали, что отступать нельзя, что «пятачок» надо удержать любой ценой»

Немцам тоже приходилось несладко. Командир 1-й роты противотанкового батальона полицейской дивизии «СС» писал в своем донесении: «Состояние наших траншей, где они еще не были сровнены ураганным огнем, ужасно. Люди на пределе своих сил. Только самые категорические приказы могли заставить их двигаться вперед. В этом бою противник, как он привык это делать, вопреки законам гуманного ведения войны, применял разрывные снаряды, допустимые лишь при охоте на крупную дичь. Причиненные ими ранения совершенно ужасны.»

После всего, что мы знаем о преступлениях, совершенных нацистами во время 2-й мировой войны, странно читать об их требованиях гуманного ведения военных действий. По-видимому, наци, уверенные в собственной исключительности, полагали, что гуманизм — явление одностороннее. Война же по сути своей античеловечна, антигуманна и имеет лишь одно оправдание — защиту Отечества.

Но вернемся к дневнику Ершова.

«Стемнело. Казалось, наступила передышка. Клюканов спустился в подвал. Вдруг крики:

— Танки! Товарищ командир, танки!

Клюканов выбежал наружу. Заливая голубым лунным светом, виднелась вдали церковь. За ней — пять вражеских танков, три из них уже идут к нам.

Командир подзывает троих бойцов, каждому дает по противотанковой гранате:

— Ваша задача, — говорит он, — каждому — по машине. Готовы ли вы?

Их взгляды встретились. Все знали, что командир требует от них очень многоного, по сути — подвига: ползти навстречу танку

и сознавать, что промахнуться — значит умереть. Но все трое ответили одинаково:

— Готовы!

Клюканов обнял и поцеловал каждого:

— Идите!

А сам бросился в подвал к рации, передал артиллеристам цель и, схватив гранаты, снова выбежал наверх. И все, кто мог держать оружие, кинулись за ним.

Танки харкали дымом, огнем, сталью. Они били по КП, по мосту, по переправе. Навстречу им ползли трое. Не сдадут ли ребята в последний момент? Но тут, вздрогнув от взрыва, остановился первый танк. Потом пламя охватило второй; еще взрыв — и запыпал третий!

Из-за Тосны била наша артиллерия. Она отсекала пехоту и разбивала танки. Девятая за сутки атака была отбита.

Бой не прекращался ни днем, ни ночью. Он рождал все новых героев, и многих из них вырывала смерть.

Как же выглядел клюкановский «пятачок»? Представьте себе площадку, ограниченную с севера обрывистым берегом Невы, с запада — речкой Тосной, с юга — Шлиссельбургским трактом, а с востока — передним краем у «Пяти углов» — перекрестком дорог вблизи церкви. Весь этот участок занимал по берегу Невы около 600 метров, вдоль Тосны — всего четыреста.

Так стало после прихода на «пятачок» командира полка. До этого нашими были лишь развалины пивоваренного завода, а кругом шныряли немцы, готовые задушить последних защитников глацдарма.

До войны здесь стоял благоустроенный поселок, от которого теперь остались только груды щебня да воронки от бомб и снарядов. Рыть траншеи или строить землянки было очень трудно: вместо земли — песок, сверху — щебень. Только что вырытая траншея либо котлован для землянки осыпалась при каждом разрыве снаряда. При этом нередко засыпало песком людей. Чтобы избежать обвалов, требовался лес, который приходилось под огнем вытаскивать из Невы.

Каждый новый день немцы начинали с обстрела КП. Они хорошо знали это место: до нашего наступления здесь располагался их штаб. Свистели и с грохотом взрывались снаряды, ходуном ходил подвал, сыпался песок, но все оставались на своих местах. Спокойно работали у телефонных аппаратов девушки-связистки

Тамара Овсянникова и Зинаида Мельникова; обрабатывали раны и даже делали неотложные операции медики ПМП, развернутого в соседнем помещении.

Героически работала по спасению раненых лаборантка медсанбата Кларисса Чернявская. Кругом рвались снаряды и мины, а эта бесстрашная девушка ходила с санитарами по «пятачку», словно не замечая огненного вихря. 23 августа, перевязывая раненого, она была прошита пулеметной очередью

Эвакуацию раненых с «пятачка» организовал начальник санслужбы полка военврач 3-го ранга лейтенант А. П. Лебедев. 24 августа он вышел проверить погрузку раненых в лодки и был убит прямым попаданием снаряда 25 августа тридцать оставшихся в живых «Клюкановцев» отошли согласно приказу под обстрелом на западный берег по наплавному мосту. Последними отходили Клюканов с Дементьевым. Подполковника Дементьева на мосту тяжело ранило: оторвало ногу.

Клюкановский полк сделал все, что мог. Отвоевав у немцев Усть-Тосно и западную часть Ивановского, он выполнил то, за что безуспешно бились в течение года пять наших дивизий.

Попытка расширить «пятачок» силами 136-й сд генерала Н. П. Симоняка не удалась. Наступление 342-го полка 26–27 августа вдоль насыпи в Ивановском привело лишь к гибели 760 человек.

Всего с 19 по 25 августа 268-я дивизия потеряла здесь 3677 человек, а 136-я — 2001.

Но плацдарм в устье Тосны остался за нами. Немцы больше не посягали на него, и подразделения 43-й дивизии удерживали его вплоть до января 1944 года, когда захватчики были, наконец, изгнаны с невского берега. После войны Фридрих Хуземан, автор книги о полицейской дивизии «СС»*, напишет об августовских боях сорок второго: «Наступление 8 дивизий к востоку от Колпина мы расценили как отвлекающее от прорыва у Гайтолово. С этой точки зрения должен рассматриваться упрямый натиск противника в устье Тосны и крайняя необходимость для нас его выдержать, т. к. при удачном наступлении русских весь северо-восточный заслон вокруг Ленинграда рухнул бы.»

* Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

27 августа 1942 г. войска Волховского фронта, прорвав немецкую оборону между Гайтолово и Гонтовой Липкой, начали наступление в направлении Синявино.

Х. ПОЛЬМАН,
полковник, командир 284 пп
96-й пд 18-й немецкой армии

Первое Ладожское сражение* *Лето 1942 г.*

В то время, как немецкий Восточный фронт с мая 1942 г. начал широкое наступление на юге на Кавказ и Волгу, а 16 армия вела изнурительные бои за Демянский котел, 18 армия на всем своем фронте перешла к позиционной войне.

Даже после того, как стихли бои, жизнь войск на этих позициях, которые во многих случаях еще надо было построить, оставалась тяжелой. Пехота, саперы, противотанковые части, артиллерийская разведка непрерывно находились в соприкосновении с противником, иногда в одной или нескольких сотнях метров от него, постоянно под огнем снайперов, пулеметов, минометов, «сталинских органов»** и артиллерии. Вылазки своих и вражеских разведгрупп сменяли друг друга.

Позиции лишь частично были оборудованы окопами и блиндажами. На Волхове и в котле Погостье почвенные воды не позволяли вести земляные работы, и поэтому приходилось довольствоваться блокгаузами, заборами со смотровыми щелями и жердевыми гатями.

Сводки Вермахта лишь скромно сообщали об этом фронте. Он оставался в тени. Однако и здесь ежедневно были жертвы. Например, в августе 1942 г., согласно одной из записей полкового журнала 284 пехотного полка 96 пехотной дивизии, при отсутствии «значительных боевых действий» потери убитыми и ранеными составили 12 %.

Прежде всего необходимо было восстановить численный состав соединений по штатам военного времени. Поскольку почти

* Pohlman H. Wolchow. 900 Tage Kampf um Leningrad 1941–1944. — Bad Nauheim, 1962. — С. 55–69 / Пер. с немецкого М. И. Беккер.

** Немецкое прозвище «катюш».

все дивизии участвовали в боях, это потребовало длительной и многократной перестановки взводов, пока каждый батальон и каждая батарея снова не заняли свое место в соответствующем полку. Эти мероприятия продолжались до августа.

Начиная с зимы, за линией фронта, в «тыловом районе армии» и дальше, вплоть до самых границ Рейха, создавалась всеобъемлющая система тыловых служб. За всю эту систему отвечали начальник тыла 18 армии со своим штабом, а также генерал, командующий группами прикрытия непосредственно примыкающей территории, и главнокомандующий прифронтовым районом 101 генерал Франц фон Рок с охранными дивизиями 207 (фон Тидеманн), 281 (Байер) и 285 (барон фон Плото) с главной полевой комендатурой, полевыми комендатурами, комендатурами гарнизонов и многими другими подразделениями.

Через дивизионные медицинские пункты и полевые госпитали катился поток раненых и больных, которые на грузовиках, вспомогательных и полностью оборудованных санитарных поездах отправлялись в госпитали в Прибалтийские страны и на родину. В особо тяжелых случаях, требовавших срочной операции, и для транспортировки раненых из котлов использовались также самолеты. Большая часть дивизий устроила себе дома отдыха в Прибалтике, где им помогало дружественное население. Такие дома отдыха находились на Рижском взморье, в Ревеле, Феллине*, Тойле, Вырице и в некоторых других местах. Здесь «служба» заключалась лишь в том, чтобы есть и спать, здесь претворялась в жизнь извечная мечта солдата — «Больше музыки и меньше начальства!». Работавшие здесь медицинские сестры своими заботами заслужили искреннюю благодарность солдат.

Часть лошадей, даже ценой снижений подвижности войск, уже в первую зиму была переправлена в зоны отдыха вплоть до Эстонии и Латвии по обе стороны Даугавы, где была возможность их лучше кормить. Однако и здесь падеж от недостатка кормов был очень велик. Работавшие в обозах и подразделениях снабжения добровольцы — частично из населения Прибалтики, частично из перебежчиков и военнопленных — высвобождали все большее количество бойцов для фронта.

Переделанные на нормальную колею железнодорожные линии обеспечивали доставку продовольствия, боеприпасов, горючего,

* Таллинн, Вильянди.

полевой почты, материально-технических средств, а также отправку раненых, порожняка и подлежащей ремонту техники. Большое значение для солдат имело регулярное движение поездов с отпускниками между Вирбалленом* и Красногвардейском. Четкая система плацкарт обеспечивала справедливое распределение краткосрочных отпусков. Одетые в синюю форму железнодорожники Рейхбана, верные долгу, бесстрашно водили поезда и покидали партизанами районам, и по участкам путей, подвергавшимся нападению с воздуха.

Строительные группы, в которых использовались пленные, строили и содержали в исправности дороги, мосты, гати и полевые железные дороги.

Непосредственно в тылу армии были созданы склады продовольствия, боеприпасов, горючего и обмундирования, склады для хранения оружия, оборудования для саперов, связистов, санитаров, а также автомобильных запчастей. Работали ремонтные мастерские, пекарни, бойни, молочные фермы, прачечные, бани, вошебойки, солдатские клубы и т. п. Лесопилки использовали лесные запасы страны для строительства оборонительных сооружений и убежищ.

Широко разветвленная сеть проводной связи обеспечивала телефонную и телеграфную связь, которая дублировалась радиосетью.

Части охранных дивизий, а также эстонские и латышские полицейские соединения охраняли тыл от партизан, которые причиняли всевозможный ущерб, особенно с 1943 года, хотя и не в такой опасной степени, как в районе действий 16 армии и группы войск «Центр».

Все эти разнообразные задачи начальника тыла армии с подчиненными ему службами, а также деятельность командиров тылового армейского района между Волховом и Ленинградом являлись неотъемлемой составной частью и предпосылкой для боевых действий войск. Нельзя не упомянуть также мероприятия по управлению районом и снабжению населения.

Немецкая сторона еще раз провела подготовку наступления на Ленинград. На направлении главного удара должна была действовать испытанная в боях за укрепленные районы 11 армия под командованием фельдмаршала фон Манштейна. Ее дивизии и осадная

* Верхболово.

артиллерия многочисленными эшелонами перебрасывались в Ингерманландию из Крыма. Войскам, которые теперь, в условиях уже рассредоточенных операций, лучше было бы отправить на Кавказ и в Сталинград, надлежало осуществить наступление, остановленное в сентябре 1941 г., когда еще легко было добиться успеха, но для которого в настоящий момент не было оперативной необходимости. Это новое, без сомнения, ошибочное решение Гитлера несколько месяцев спустя привело к тяжелым последствиям под Сталинградом. Наступление это, получившее кодовое название «Северное сияние», должно было начаться 14 сентября и проводиться через Неву, минуя самый город, чтобы избежать тяжелых потерь в уличных боях. Таким образом, предполагалось осуществить сплошное окружение, которое должно было привести к падению этой осажденной крепости.

После неудачи на Волхове советское командование поставило перед собой значительно более скромные задачи. Уже не уничтожение всей 18 армии посредством удара в направлении Ямбург—Нарва, уже не разгром всего Волховского фронта посредством наступления на флангах с целью окружения в направлении на Любань, а всего лишь удар через узловую железнодорожную станцию Мга вдоль Кировской железной дороги к Неве в районе устья р. Тосны, чтобы осуществить связь с Ленинградом по сухе. Станции Мга, находящейся у основания Шлиссельбургского «бутылочного горла», теперь суждено было оставаться целью советского командования в течение ближайших полугода лет.

Советское командование не без оснований ожидало немецкого наступления на Ленинград после того, как 11 армия (фон Манштейн) в жестоких боях захватила Севастополь в Крыму и приобрела богатый опыт в боях за укрепленный район.

У плацдарма Кириши, где в основном действовали восточно-прусские дивизии, все лето не было покоя. Снова и снова приходилось отбивать советские атаки. В районе Грузино и у русских плацдармов западнее Волхова тоже постоянно шли местные бои.

Согласно советскому плану Кириши должны были стать прелюдием к массированному применению тяжелого оружия. Три полка артиллерии РГК, четыре танковые бригады вместе с соединениями VI гвардейского стрелкового корпуса бросились на немногочисленные батальоны 11 и 21 пехотных дивизий, которые здесь сменяли друг друга. Сражение, начавшееся 5 июня 1942 года, в период с 21 июля по 2 августа достигло своей высшей точки.

Когда 20 августа бои утихли, плацдарм на изрытой воронками местности стоял, как и прежде; был уничтожен 171 вражеский танк, из них большая часть в ближнем бою. Для советского командования Кириши были всего лишь предварительным боем запланированного на лето сражения.

Накануне первого Ладожского сражения, после реорганизации полос обороны корпусов и прибытия первых штабов и дивизий из Крыма, силы 18 армии 23 августа располагались следующим образом.

На Волхове, начиная от Новгорода на север, по обе стороны Мостков приблизительно параллельно шоссе стоял XXXVIII армейский корпус в составе 20 мотопехотной дивизии и 212 пехотной дивизии; к нему примыкал 1 армейский корпус в составе 254, 291, 1 и 61 пехотных дивизий (последняя теперь удерживала плацдарм Грузино). У плацдарма Кириши и вокруг котла Погостъе располагался XXVIII армейский корпус в составе 269, 21, 11, 93, 217 и 96 пехотных дивизий. Восточный и северный фронт «бутылочного горла» оборонял XXVI армейский корпус в составе 223 и 227 пехотных дивизий.

На Ленинградском фронте от среднего течения Невы до Урицка Ленинград окружал L армейский корпус в составе полицайской дивизии СС, 121 пехотной дивизии, 2 пехотной бригады СС и 215 пехотной дивизии. Позиции вокруг Ораниенбаумского плацдарма удерживали 58 и 225 пехотные дивизии.

250 (исп.) дивизия была выведена из Новгорода, чтобы сменить 121 пехотную дивизию в районе Колпино; 12 танковая дивизия находилась на отдыхе и пополнении в тылу, и, кроме того, в распоряжении командования имелась еще 5 горно-егерская дивизия.

Из Крыма были доставлены штабы XXX и LIV армейских корпусов, 24 и 170 пехотные дивизии, а также 28 легкопехотная дивизия. Это был первый эшелон соединений, предназначенных для наступления на Ленинград.

Старший артиллерийский начальник 303, уже с осени 1941 г. руководивший артиллерийским боем против Ленинграда, теперь проводил основательную подготовку артиллерийской атаки. Дивизионы артиллерийской инструментальной разведки и воздушной разведки осуществляли разведку целей, привязку позиций для артиллерии усиления вплоть до самых тяжелых калибров; производилась также подготовка исходных данных для стрельбы и накопление боезапаса.

Эти немецкие приготовления нарушила русская атака в направлении Мга. Советское командование пополнило или заново сформировало соединения 2 ударной армии и 54 армии, разбитые в сражении на Волхове. Были подтянуты сводные батальоны, штрафники, надежные части, укомплектованные представителями тюркских племен, сокращено время подготовки новых пополнений, чтобы, несмотря на немецкое наступление на южном фронте, предпринять атаку здесь на севере.

Бои вспыхнули сначала на самом Ленинградском фронте, где в последней трети июля и в первой трети августа под Урицком и южнее Колпина находящимся в обороне дивизиям пришлось отбивать мощные атаки советских войск или уничтожать их посредством контратак. Между Пушкином и Урицком рядом с 215 дивизией и полицейской дивизией СС сражались части 12 танковой дивизии, а также флангандцы, голландцы и норвежцы, входившие в состав группы Екельн. В период с 18 августа по 4 сентября еще раз возобновились оборонительные бои восточнее Колпина. Однако более серьезной угрозы кольцу окружения не возникло.

В основном же все вышеупомянутые атаки в районе Волхова и под Ленинградом проводились для маскировки приготовлений к решающим атакам в районе Кировской железной дороги. Здесь штаб русского Волховского фронта сосредоточил 16 стрелковых дивизий, 9 бригад и 300 танков.

Первое Ладожское сражение началось 27 августа и 2 октября, после преодоления тяжелых критических ситуаций, закончилось полной немецкой победой в обороне. От Кировской железной дороги по обе стороны Тортолово и Гайтолово до большого торфяного болота севернее Синявино волны русского наступления после мощной артиллерийской и минометной подготовки при поддержке штурмовой авиации накатывались на слабые немецкие позиции. Вначале удались только прорывы у просеки с линией высоковольтной электропередачи и у Поселка № 8.

Однако слабые части 223 и 227 дивизий были, конечно, не в состоянии долго противостоять такому натиску. Западнее Гайтолово по обе стороны электропросеки фронт был прорван, и противник стал продвигаться на запад по труднопроходимым лесам. 170 дивизия была спешно переброшена по железной дороге на станцию Мга и уже 28 августа введена в бой с целью локализовать район прорыва; причем ее главные силы действовали на его

южном крае севернее Кировской железной дороги от района западнее Тортолово до района северо-восточнее Мги, а отдельные части обороныли Синявинские высоты.

Снова, как и во время Волховского сражения, было очень важно удержать две угловые опоры в месте прорыва — на юге у Тортолова и на севере у Гонтовой Липки, где особенно отличился 366 пехотный полк под командованием полковника Венглера, который несмотря на окружение стойко держался на так называемом «Носу Венглера»*. Таким образом, единственным путем снабжения всех сил противника осталась только электропросека.

Русским все же удалось прорваться до Балтыцервега — немецкого пути снабжения в Шлиссельбург — и таким образом пройти полдороги до Невы. Создалась обстановка, с которой уже нельзя было справиться только местными мероприятиями.

Фельдмаршал фон Манштейн как раз в первый день сражения прибыл со штабом своей 11 армии в Ушаки. Для генерал-полковника ЛинDEMанна уже один тот факт, что наступлением на Ленинград будет руководить фон Манштейн, являлся в какой-то мере оскорбительным, но это можно было хотя бы обосновать опытом последнего, приобретенным при наступлении на Севастополь. Теперь же Гитлер приказал фельдмаршалу фон Манштейну руководить боями и под Ленинградом и за котел между Ладожским оз. и Мгой, причем не подчиняясь группе армий «Север», а непосредственно под его — Гитлера — командованием, хотя он с начальником Генштаба генерал-полковником Гальдером имел свою ставку в Виннице на Украине, чтобы быть ближе к операциям против Кавказа и Сталинграда. Правда, снабжение и дальше продолжало оставаться в руках 18 армии, то есть отлаженной тыловой организации Северного фронта.

Для генерал-полковника ЛинDEMанна это было горькой обидой — ведь в котлах Волхова и Погостя он доказал, что может успешно вести подобные сражения в глухих лесах. Однако фельдмаршал был уже здесь, и в числе сосредоточенных здесь соединений были четыре его Крымские дивизии. В свойственной ему рыцарской манере генерал-полковник ЛинDEMанн подчинил свои личные интересы интересам дела и позаботился о том, чтобы взаимодействие обоих армейских командований осуществлялось без трений.

---

* Роща Круглая.

Штаб 11 армии руководил теперь XXX армейским корпусом на южном краю котла, XXXVI армейским корпусом на северном его краю, L корпусом на берегу Невы и под Ленинградом, а также LIV корпусом у Ораниенбаумского плацдарма.

Штаб 18 армии руководил операциями на Волхове от Новгорода до Киришьи и вокруг котла Погостье, где находились XXXVIII, I и XXVIII армейские корпуса. Такой порядок подчинения пропущивал до 31 октября, когда генерал-полковник Линденманн вновь принял весь свой фронт.

Для руководства боевыми действиями в районе котла было прежде всего необходимо прочно укрепить угловые опорные пункты и помешать расширению района прорыва. Противнику еще не удалось выбраться из лесистой местности, которая уже сама по себе непригодна для такого наступления. В руках немцев остались: на севере — важная Синявинская высота, на западе Бальцервег и Келколо, а на юго-западе — узловая станция Мга.

На южном краю района прорыва в составе XXX корпуса сражались 24, 132 и 170 пехотные дивизии, к которым в конце сентября присоединилась еще 3 горно-егерская дивизия, которая пополнилась, отдохнула и «проездом» приняла участие в боях, так что здесь сражались рядом дивизии с полярного фронта и с субтропиков Крыма. В районе Тортолово была введена в бой также 12 танковая дивизия, тогда как 223 дивизия, которую время от времени усиливали части 96 дивизии, прикрывала Вороново с востока.

На западном и северном краях действовал XXVI корпус в составе 28 легкопехотной дивизии у Бальцервега, 5 горно-егерской дивизии восточнее Синявина и 121 дивизии у р. Черная, где в соприкосновении с противником находились еще части 227 дивизии.

Разумеется, здесь тоже нельзя было избежать перемещивания соединений, а также использования сводных и других импровизированных подразделений, так что некоторые батальоны вступали в бой под чужим полковым и дивизионным командованием.

После того, как в упорных оборонительных боях и контратаках удалось помешать расширению котла, возникла необходимость сунуть, а затем и замкнуть участок прорыва, начиная с державшихся здесь угловых опор. Этого можно было добиться лишь в упорных боях с силами деблокирования, которые снова и снова бросались в атаку с востока.

На Ленинградском фронте тоже требовалось отразить атаки восьми русских дивизий, наступавших с целью деблокирования восточнее Колпина. Кроме того, в районе Дубровки противник форсировал Неву, однако не добился никакого успеха, кроме создания маленького плацдарма. Эти отвлекающие удары не могли изменить судьбу котла.

После того, как к 21 сентября противника удалось окружить, фельдмаршал фон Манштейн приказал предпринять наступление пехоты с целью разгромить и уничтожить котел в труднопроходимой болотисто-лесистой местности. Наступление поддерживали мощные соединения артиллерии, минометов, а также зенитные и летные части ВВС. Наряду с пехотинцами и горными стрелками особенно отличились саперы, которым постоянно приходилось разминировать местность и уничтожать долговременные оборонительные сооружения противника.

Мощная артиллерия позволила немецкому командованию во взаимодействии с соединениями бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков VIII авиакорпуса (генерал-полковник фон Рихтхофен) разбить окруженные в котле восемь стрелковых дивизий, шесть стрелковых и четыре танковые бригады и превратить болотистый лес в ад, что весьма ярко изображено в захваченном дневнике командира одного советского полка:

«2.9. Вот мы и снова под Гайтолово. 4.9. Вчера был дан боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе на Московскую Дубровку... Похоже на то, что дальнейшее продвижение вперед без предварительного расширения вклиниения на флангах — просто глупость. Однако наш 861* стрелковый полк по решению командира корпуса, генерал-майора Гагена, сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65 % своего рядового состава и 100 % командиров. 4 и 5.9. Мы не продвинулись вперед. 9.9. Рядовой состав тает, но ни малейшего успеха. Крик, шум, угрозы, ругань — какой от всего этого прок?..

12.9. Вражеская авиация все время бомбит. Вся земля дрожит от разрывов бомб. Кажется, что немцы хотят все сровнять с землей. Их боевые машины идут непрерывным потоком и бомбят, бомбят. Когда это кончится? Вокруг настоящий ад. Чтобы развить наш прорыв, прибыл VI гвардейский стрелковый корпус в составе 22, 23 и 55 стрелковых бригад, а также других частей.

* 861-й сп входил в состав 294 сд. — Сост.

Сегодня они перешли в наступление. Каких успехов они добились, я не знаю. Наверно, таких же, как и мы. Дорого обходится нам эта операция! На полосе 2 км до передовой сплошные трупы людей и лошадей.

16.9. От этих бомбажек можно сойти с ума... Из этого дьявольского котла вряд ли выберешься живым. Год назад на этом самом месте совершили такие же глупости, такие же ошибки, были такие же неудачи. Когда же у нас будет так, как у других?

25.9. Я уже испытал все прелести войны. Теперь последняя «прелесть». Нет почты, нет еды, боеприпасов тоже почти нет... Дневная норма на 4 дня.

27.9. Артиллерия все время бьет по лесу, который веками стоял нетронутый. Он разбит до неузнаваемости... Наши результаты равны нулю. Сейчас в окружении находятся шесть дивизий — 374, 259, 19, 191, 24, 294 — из них две гвардейские, а также шесть бригад и несколько минометных и артиллерийских полков. Вернее, это лишь обозначения целых соединений. В каждом соединении осталось только 7,8 или 10 % состава. Четвертый день без еды, боеприпасы кончаются. Вражеский огонь ужасен. Мы все ждем уничтожения. Куда ни сунься, везде брешь закрылась»*.

Ко 2 сентября уничтожение советских войск в котле завершилось. Было захвачено 12 тысяч пленных, потери противника убитыми и ранеными превысили эту цифру во много раз. 300 орудий, 500 минометов и 244 танка были захвачены или уничтожены. Поле боя, где между расщепленными деревьями и залитыми водой воронками валялись трупы русских солдат и лошадей, а также груды военного снаряжения, внушало смертельный ужас.

Когда немецкое радио передавало сообщение о победе, русская глушилка на немецком языке возвестила: «Все это вранье! Никакого сражения под Гайтолово вообще не было!»

Однако оно произошло, и его результатом явился новый разгром 2 ударной армии и сохранение блокады Ленинграда. Но его результатом стал также отказ от немецкого наступления на Ленинград. Предназначенные для этой цели дивизии большей частью участвовали в оборонительном сражении и требовали попол-

* Подлинность приведенного дневника вызывает сомнения. Командирам Красной Армии вести дневники с указанием частей и соединений запрещалось. 6-й гв. ск состоял из 3, 19, 24 гв. сд, участвовавших в сражении с 27.08.42 г. Вероятнее всего «дневник» изобретен отделом пропаганды 18-й немецкой армии и распространен преднамеренно в воинских частях. — Сост.

нения и отдыха, прежде чем могли бы предпринять такое серьезное наступление, перспективы которого фельдмаршал фон Манштейн назвал «весома проблематичными». Кроме того, под Гайтолово была израсходована значительная часть предусмотренных для этой операции боеприпасов, и их тоже надо было пополнить. Фельдмаршал фон Манштейн намеревался прорвать укрепления Ленинграда силами трех корпусов при поддержке мощнейшей артиллерии и VIII авиакорпуса. Самый город предполагалось не штурмовать, а после разгрома сил противника между Ленинградом и Ладожским оз. окружить его тесным кольцом и заставить сдаться, чтобы избежать больших потерь в уличных боях. План Гитлера посредством массированных налетов принудить огромный город к сдаче и фельдмаршал фон Манштейн, и генерал фон Рихтхоффен считали утопическим.

Теперь, после сражения, Гитлер все еще упорно придерживался своего намерения наступать, однако вынужден был примириться с необходимым замедлением операции и, кроме того, сузить цели наступления. Тем самым, однако, окончательное решение вопроса едва ли становилось возможным. Желательного участия финнов в наступлении нельзя было добиться по политическим причинам.

Пока продолжались эти рассуждения, прошел октябрь, после чего развитие событий на Центральном фронте и прежде всего угрожающая ситуация под Сталинградом положили конец всем этим планам. 11 армия и XXX корпус были выведены, а сам фельдмаршал фон Манштейн назначен главнокомандующим группой армий «Дон». 18 армия с 31 октября вновь приняла на себя командование всем районом Волхов—Ладожское оз.—Ленинград—Ораниенбаум.

Сосредоточение войск для наступления на Ленинград было значительно ослаблено, так как Центральный фронт и прежде всего Южный фронт вследствие тяжелого кризиса под Сталинградом требовали новых сил. Первыми вскоре после сражения район 18 армии покинули 3 горно-егерская дивизия и 12 танковая дивизия, еще до середины октября за ними последовали 269, 93, 291 пехотные дивизии, 20 мотопехотная дивизия, а также 58 и 225 пехотные дивизии.

Взамен армия получила 69 пехотную дивизию, а также лишь условно пригодные в качестве пополнения 1, 9 и 10 авиаполевые дивизии. Это были части с отборным личным составом и таким

же материально-техническим обеспечением, однако недостаточно укомплектованные офицерским составом и не подготовленные для наземного боя. Это было капризное детище Геринга, который не желал отдавать излишек своего персонала сухопутным войскам. Эти части в качестве временного пополнения направлялись на предположительно более спокойные фронты, а командование сухопутными силами старалось помочь им инструкторским составом.

VIII авиакорпус тоже был переведен на Сталинградский фронт, так что вскоре стало заметно советское превосходство в воздухе.

Таким образом, план захвата Ленинграда штурмом окончательно рухнул. Общее положение не позволяло ожидать, что для выполнения этой задачи Северному фронту еще раз будут предоставлены в распоряжение превосходящие силы. Нельзя было больше надеяться и на то, чтобы посредством блокады принудить Ленинград к сдаче. Благодаря использованию вновь построенных судов на Ладожском оз. и созданию ледовой дороги зимой, снабжение Ленинграда значительно улучшилось, и одновременно в результате эвакуации было намного уменьшено число бесполезных едоков. Таких ужасных лишений, как зимой 1941–1942 гг., ленинградцы могли уже больше не бояться, хотя жизнь в осажденном городе и дальше оставалась тяжелой и опасной. Пропагандистские мероприятия партии и советских властей стали более эффективными, настроение жителей поднялось, развился также своеобразный корпоративный дух и определенная гордость своей стойкостью. Жизнь стала входить в нормальную колею, и даже начали снова проводиться — хотя и в скромных размерах — культурные мероприятия.

Бои, которые теперь велись, служили лишь сохранению блокады и прежде всего имели целью сохранить связь с финнами, чтобы они не прекратили военных действий. Добровольный, паномерный, свободный от серьезных помех со стороны противника отвод войск Северного фронта на «позицию Пантера», то есть на линию оз. Пейпус—Нарва, был теперь наиболее разумным решением, результатом которого явилась бы экономия сил и создание оперативных резервов. Однако при установке Гитлера не приходилось рассчитывать на его согласие произвести этот отход, настоятельно необходимый с точки зрения группы армий «Север». И поэтому событиям суждено было идти предначертанным судбою путем.

*А. РЕЙПОЛЬСКИЙ,
капитан в отставке,
бывш. офицер штаба артиллерии 8-й армии*

Наши штыки подо Мгой*

Вот что у меня записано о Синявинской операции.

25 августа 1942 г. Немцы ведут воздушную разведку над сосредоточением 8-й армии.

26 августа состоялось совещание командиров и комиссаров соединений. Проводил совещание генерал армии Мерецков.

27 августа 8-я армия начала наступление, чтобы прорвать блокаду Ленинграда. Артподготовка продолжалась 2 часа 10 мин. На главном направлении прорыва на 1 км фронта — 120 стволов, чего раньше не было. Фронт прорван! Глубина прорыва 2,5 км. 265-я стрелковая дивизия полковника Ушинского взяла Тортолово. В центре прорыва наступает 24 гв. сд п-ка Кошевого. Среди бойцов много курсантов стрелковых училищ. Дивизия должна прорвать кольцо блокады между Мгой—Синявино на всю глубину, а дней через пять выйти на Невскую Дубровку и соединиться с войсками Ленфронта.

Утром шел мелкий, теплый, грибной дождь. С НП было видно, как рушились под артогнем укрепления немцев. Огонь был действенный, без задержки атакующие с малыми потерями захватили первые траншеи.

28 августа наступление продолжается. 265-я стрелковая дивизия на штыках выбила немцев из 1-го Эстонского поселка. 19-я гвардейская дивизия полковника Баринова быстро продвигается под Синявино. Правее наступает 3-я гвардейская стр. дивизия генерала Мартынчука.

29 августа 24-я дивизия полковника Кошевого оседлала железную дорогу Мга—Шлиссельбург. Немцы перебрасывают подкрепления. Отмечена новая пехотная дивизия, появляются все новые части.

31 августа введен в прорыв 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала Гагена. Полностью блокированы Поречье, Мишкино, поселок № 8. Ожесточенные бои идут в центре прорыва за Синявино, которое является основным пунктом немцев на нашем пути к Неве.

* Газета «Ладога», 27.08.87 г.

3 сентября. Немецкая авиация опять стала господствовать в воздухе. Немцы перебросили по данным разведки 500 самолетов.

5 сентября войска армии в 5 км от Невы. Но дальнейшее продвижение приостановилось, немцы вводят все новые и новые части. Пленные говорят, что они воевали под Севастополем. При планировании операции мы не знали о крупных резервах немцев. Теперь у немцев превосходство.

6 сентября. Наступление продолжается. Глубина прорыва 9 км. 6-й корпус 2-й ударной армии наступает на Синявино.

10 сентября немцы перешли в наступление крупными силами. По документам убитых немцев против 8-й армии действует свежая 11-я армия. Начальник штаба артиллерии Степанов сказал: «Мы своим наступлением, видимо, сорвали план штурма Ленинграда, для чего прибыла 11 армия».

12 сентября ходил на рекогносцировку. Местность вся в воронках, лес разбит снарядами и бомбами. От едкого дыма першил в горле. У нас очень мало снарядов. Армейский склад пуст. Разрешение на выдачу снарядов согласовывается с Мерецковым.

13 сентября. Все перемешалось! Идут встречные бои. Наши отбивают атаки и переходят в контрнаступление. Горит лес, земля, болото. Солнце стало в дыму и село в дым. Манштейн напоролся на упорство и волю командования фронта и 8-й армии. Наши мысли сосредоточены на одном: все-таки будет по-нашему.

18 сентября. В плен берут не одиночек, а десятки. В разведделе столы завалены документами убитых и пленных солдат и офицеров 11-й армии. В плен — не отступающих, а наступающих фашистов! Однако Манштейн наступает, а наши части 23 дня ведут невиданные бои. Все больше проясняется, что Волховский фронт не может выполнить задачу, поставленную Ставкой.

27 сентября по приказу Сталина принято решение о выводе всех частей, находившихся западнее Черной речки. Морские пехотинцы 73-й бригады полковника Бураковского отбросили 132-ю пехотную дивизию и обеспечили вывод наших войск.

30 сентября ночью части 4-го стрелкового корпуса Гагена вышли из окружения. На рассвете вышел последний батальон, скорее не вышел, а прополз по-пластунски несколько сот метров по торфянику полю в районе Гайтолово. Части вышли с оружием и боевыми знаменами.

Так закончилась Синявинская операция. План немцев по штурму Ленинграда сорван, 11-я армия потеряла 51 700 человек. Уничтожено 260 самолетов, 144 орудия, 300 минометов, 400 пулеметов, 197 танков. Захвачены трофеи: 72 орудия всех калибров, 105 минометов, 330 пулеметов, 7 танков, 2 самолета.

*Н. А. ЧЕКОВ,
26. л-т в отставке, бывший командир
взвода 72-го гв. сп 24 гв. сд*

Синявино — трагедия сорок второго года*

В составе 111-й сд полковника С. В. Рогинского я участвовал в Любансской операции. В марте 1942 г. дивизия получила звание гвардейской и стала именоваться 24-й гв. сд. В апреле меня ранило автоматной очередью. Вывезли на Большую землю. К августу вылечился, вернулся в свой полк уже гвардии лейтенантом, командиром взвода.

27 августа после двадцатиминутной артподготовки наша дивизия начала наступление вдоль высоковольтной линии Волхов—Ленинград. Нас сопровождали три легких танка БТ-70. Это танки с тонкой броней (2–3 мм). На них устанавливались 20-миллиметровые пушки и станковые пулеметы. Два танка вскоре увязли в болоте, третий подбили. Но как хорошо мы тогда пошли! За сутки прошли километров 5–7. Это очень много, если учесть, какая местность была вокруг: густой лес и болото. Взяли несколько вражеских батарей и обстреляли немцев из их же орудий. На третий день наступление замедлилось, продвигались всего на 200–300 метров и то на отдельных участках. Немцы сильно и умело оборонялись.

Днем их авиация свирепствовала. Наших «сталинских соколов» мы не видели. По ночам донимали обстрелы. Пехота несла большие потери. Мой взвод несколько раз пополнялся. Землянки не выроешь: кругом вода. Несколько раз брали в плен немцев с автоматами. «Синявино» они не выговаривали, называли «Синя-вinya».

Пищу на передовую приносили в заплечных мешках. Иногда случались и забавные происшествия. Как-то у бойца-носильщика, бойца 1925 года рождения, пробило осколком бачок с супом.

* Рассказ Н. А. Чекова записала И. Иванова.

Он упал навзничь. Поднимается — целехонек, только вся голова в лапше и капусте.

Бывали дни, когда пища не доставлялась вовсе. Тогда старшина выдавал по три перчины: — Запейте водой, посытнее будет...

Ползали по болоту с котелком в зубах, собирали клюкву — свежую и прошлогоднюю.

Потом уже узнали, что нас окружили. Немцы совсем обнаглели — бомбили беспрерывно. Мы окопались. Снайперы-«кукушки» били с деревьев по выбору. Это все днем, а ночью била немецкая артиллерия.

В конце сентября болота уже покрылись корочкой льда. Нам дали приказ на отход. Отходили ночью, прикрываясь заградотрядами. Потом они нас догоняли, и мы менялись местами. На речке Черной мой взвод оставили прикрывать отход. В конце концов живых нас осталось трое.

По собственной инициативе мы перешли р. Черную. Речушка небольшая, но берега топкие, а дно — сплошной ил. Проваливались почти по пояс. Вытаскивая друг друга, кое-как перебрались на тот берег. А обстрел жуткий. Хорошо, что многие снаряды не взрывались — уходили в трясину.

Днем какой-то командир с двумя шпалами собрал разрозненные группы в леске и сказал: — Если хотите жить, нужно прорываться, пока немцы не успели как следует укрепиться. Подготовились, и по его команде с криками «Ура!» (и еще с кое-чем) бросились вперед. Многие упали, единицы вернулись обратно в лес. Ночью ползком стали пробираться через немецкую оборону. Впереди раздались автоматные очереди — наши! Мы стрельбу различали по звуку: немецкие автоматы бьют чаще.

Проползая мимо окопа, я вдруг услышал: — О, майн Готт! Это немец, как на грех, выглянул из своего окопа и положил на бруствер гранату. Мне бы схватить ее и бросить в окоп, а я растерялся, и она взорвалась, разворотив мне правое бедро и ранив правую руку. Когда пришел в себя, никого вокруг не было. Пополз вперед, волоча ногу и руку. Сколько прополз — не знаю. Стало светать. Я спрятался между двумя кочками. Пролежал все светлое время, часто впадая то ли в сон, то ли в забытье. Все тело болело. Снова пополз в сумерках. Ко мне присоединились два солдата. Один полз впереди, я за ним, третий сзади. Так ползли до рассвета. Утром впереди ползущий ткнулся головой в землю и замер. Вскоре и задний издал стон и остался лежать. Это не-

мецкий снайпер-«кукушка» снял их. Первый раз за свои 20 лет я попросил Бога сохранить мне жизнь. Опять весь день лежал, почти не двигаясь. И только на третий сутки выполз к своим, держа в левой руки пистолет.

Меня втащили в траншею. Кто сует самокрутку, кто воду, кто хлеб. Это ведь может только русский человек так выразить свое отношение. Прибежала медсестра, разрезала телогрейку и брюки, принялась за перевязку. Вдруг, всех растолкал, появился офицер из «Смерша» и давай допрашивать: кто такой, как выполз, из какой части, почему один. Бойцы возмутились: — Оставьте его, разве не видите — раненый, нужна срочная перевязка! А он не слушает, кричит: — Где взял пистолет?

Младший командир не выдержал, взорвался:

— Да что ж это делается? Раненый выполз к своим, а его арестовывают? — и выпустил в особиста автоматную очередь.

Никто не выдал, сказали: сняла «кукушка», когда выпрямился в траншее.

Меня отправили в медсанбат, потом увезли в тыловой госпиталь, в г. Киров. В 43-м комиссовали подчистую. Дали 2-ю группу инвалидности и пенсию 240 рублей. Не выжить бы, но помогла старшая сестра. Благодаря ей я закончил институт, стал конструктором и вот дожил до двадцать первого века. Но пережитое в войну не забылось. Так и стоит перед глазами Ораниенбаум, переправа через залив, когда я едва не утонул, Невский «пятачок», Мясной Бор и синявинское болото, где остались все мои товарищи.

*Н. П. ЖАБИН,
ветеран 24-й гвардейской стрелковой дивизии*

В первом эшелоне боев на блокадной дуге*

В числе ожесточенных боев, в которых сражалась 24-я гвардейская стрелковая дивизия, была Синявинская наступательная операция. Как мы теперь знаем, эта операция осенью 1942 года была упреждающим ударом по врагу, готовящемуся к штурму окруженного Ленинграда.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

В наступательной операции по прорыву блокады участвовала наша 111-я стрелковая дивизия, прибывшая в район Синявино после Любанской операции, где она в марте 1942 года приказом Народного комиссара обороны за массовый героизм, высокое мастерство была преобразована в 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

2 июля 1942 года командование 24-й гвардейской стрелковой дивизией принял полковник Петр Кириллович Кошевой. Один из видных военачальников, впоследствии дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза. На Волховском фронте он прошел суворовскую школу. Под его командованием 65-я стрелковая дивизия успешно выполнила задачи по разгрому фашистских войск при освобождении города Тихвина в ноябре и декабре 1941 года, в боях на Волхове в районе Мясного Бора.

Полки и подразделения дивизии были хорошо укомплектованы, в основном за счет пехотных училищ. Подобрался опытный командно-политический состав. Так, 70-м гвардейским стрелковым полком командовал боевой командир подполковник Я. Ф. Титов. Во главе 71-го полка стоял подполковник И. Н. Моторичев. 72-м командовал полковник Г. Е. Кухарев, а артиллерийским полком — подполковник Ф. П. Тонких. Комиссаром был полковой комиссар И. П. Макаров, начальником штаба — подполковник Г. Б. Котик: все бывалые командиры и политработники, мастера своего дела. Под стать им были и другие начальники подразделений и служб.

Началась подготовка дивизии к наступательной операции. Командный состав сколачивал подразделения и обучал гвардейцев тактике боя. Бойцы слушали разъяснения сути приказа «Ни шагу назад», учились хорошо нести службу, понимая, к чему идет дело. Политработники проводили беседы с бойцами, разъясняя им стоящую перед ними задачу. Коммунисты и комсомольцы составляли ядро каждой роты, они были поставлены на самые ответственные участки первой линии. Командиры частей и подразделений, агитаторы и пропагандисты рассказывали бойцам о коварстве врага, о преступлениях фашистов на временно оккупированной ими территории, о страданиях голодающего населения Ленинграда. Бойцам разъясняли, что они идут в бой, чтобы освободить осажденный врагом город, отрезанный от Большой земли. Воины понимали, что судьба колыбели Великого Октября зависит от них, от их боевого мастерства.

24-й гвардейской дивизии, расположенной в центре боевого построения войск 8-й армии, предстояло вместе с другими сильными дивизиями наступать в первом эшелоне, наносить удары по врагу от Черной речки между Синявином и Мгой с задачей соединиться с войсками Ленинградского фронта.

27 августа 1942 года войска 8-й армии пошли южнее Ладоги на прорыв обороны врага к Неве, в сторону Невской Дубровки. В районе деревень Гонтовая Липка—Вороново завязались ожесточенные кровопролитные бои.

К концу вторых суток наша дивизия прошла восемь километров по лесным массивам и топким болотам. Утром 29 августа 70-й и 71-й гвардейские полки с боем перерезали железнодорожную линию Мга—Шлиссельбург. До Невской Дубровки оставалось не больше 5–6 километров. Враг непрерывно контратаковал отбитые у него позиции, вводя все новые и новые части, оснащенные крупнокалиберной артиллерией.

70-й гвардейский стрелковый полк понес значительные потери. Выбыл из строя командир полка Я. Ф. Титов. Всю тяжесть наступающих боев принял на себя 71-й гвардейский стрелковый полк, который уже был в четырех километрах от станции Мга и слышал грохот орудий Ленинградского фронта. Каждый день давал примеры стойкости и мужества, подлинного героизма и отваги целых подразделений и отдельных групп бойцов, руководимых коммунистами и комсомольцами. Были дни, когда гвардейцы отбивали по пять–шесть атак врага. В невероятно трудных и жестоких боях смертью храбрых пали сотни отважных бойцов и командиров, в том числе старший лейтенант И. Ф. Горюнов, командир 71-го полка подполковник И. Н. Моторичев, комиссар того же полка старший батальонный комиссар П. И. Амелин и другие.

Несмотря на крупные потери в живой силе, фашисты стремились во что бы то ни стало перерезать коммуникаций дивизии. Пятого сентября им это удалось сделать ценой очень больших потерь. Был прорван левый фланг на стыке 72-го полка с соседней 265-й стрелковой дивизией.

10 сентября противник, подняв в воздух десятки самолетов, перешел в яростное наступление крупными силами пехоты и танков на позиции 24-й и 265-й дивизий, направляя удар в сторону д. Тортолово. Наткнувшись на организованный отпор 70-го и 72-го полков, пехота противника была остановлена. Было установлено по документам убитых немцев, что в наступлении при-

нимали участие солдаты трех разных дивизий. Дивизии были свежими, недавно прибывшими на Волховский фронт. На этом участке боев противник получил превосходство в пехоте, в танках, артиллерии и абсолютное — в авиации. Фашисты, не считаясь с потерями, продолжали наращивать наступление на наши позиции. С каждым часом все труднее и труднее становилось отражать атаки врага. Стойко и мужественно удерживали свои позиции гвардейцы 72-го полка. Ни на минуту не прекращалась политическая работа в полку агитаторами Б. Ф. Редько, Д. С. Авдеенко и другими. В одну из контратак на батальон гвардии старшего лейтенанта С. П. Буткевича устремились восемь вражеских танков и до батальона пехоты. Бойцы батальона встретили немцев автоматным и пулеметным огнем. Отличились бронебойщики младшего лейтенанта Чуракова, уничтожив из противотанковых ружей два вражеских танка. Но остальные танки продолжали атаку. Тогда в единоборство с танками вступила батарея старшего лейтенанта К. М. Байгарина. Артиллеристы подбили еще один танк, но и сами понесли потери. Командир огневого взвода младший лейтенант Н. В. Шишгин, встав к пушке, метким огнем подбил еще три танка. Вражеская контратака сорвалась. Группа автоматчиков во главе с политруком роты Рыбалко, отражая атаки врага, уничтожила около сотни немецких солдат. Противник отступил, но в этом бою пал смертью храбрых и отважный политрук, и многие его друзья по оружию.

Последующие дни, теперь уже оборонительных боев, слились для наших войск в бесконечный грохот от взрывов снарядов и бомб, треска пулеметов и автоматов. Сутки за сутками проходили в отражении бесчисленных атак пехоты и танков противника, в борьбе против его авиации. Стоявшие рядом подразделения днем почти не видели друг друга из-за густой пелены дыма, застилавшего землю. Огонь лесных пожаров пожирал стволы простреленных деревьев, тлеющий торф создавал удущливую атмосферу. Участки обороны превратились в изрытое воронками месиво грязи с обгорелыми пнями. Гвардейцы стойко приспособливались к невероятно тяжелым условиям боя. Бронебойщик Владимир Орлов из 71-го полка успешно поражал танки противника. Рядом с ним стояло нехитрое приспособление в виде рогатки, которое он сам смастерил и использовал для стрельбы по самолетам. И один раз он достиг цели, сбил вражеский самолет из противотанкового ружья при помощи своей рогатки.

Для подразделений дивизии особенно тяжелым был день 20 сентября, когда противник перешел в общее наступление. После гибели командира 71-го полка подполковника И. Н. Моторичева полком стал командовать начальник штаба гвардии капитан Т. М. Степанов — храбрый, рассудительный ленинградец, бывший чемпион Союза по классической борьбе. Его штаб был хорошо укомплектован грамотными командирами и четко работал в трудной боевой обстановке. Растворенный на километры полк под командованием нового командира успешно отражал атаки целой горно-егерской дивизии немцев.

Мужество и отвагу проявили гвардейцы 72-го полка на стыке с 265-й дивизией, где проходили основные дороги. В этом районе фашисты проявили особую ярость, пытаясь захватить главные коммуникации наших обороняющихся войск. На позиции полка накатывались густые цепи пьяных гитлеровцев, сотни которых остались на поле сражения. Но полк выстоял и не отдал ни пяди земли.

23 сентября артиллерийский обстрел и авиационная бомбардировка наших позиций продолжалась непрерывно семь часов, после чего противник перешел в наступление на позиции дивизии. Гитлеровцам удалось вклиниваться в стык нашей и 265-й дивизий с целью проникнуть за Черную речку. Командование, предвидя намерения противника, фланговым огнем 70-го полка и учебного батальона 265-й сд не позволило немцам осуществить свой план. День 27 сентября, как и все предшествующие, начался с жестоких ударов немецкой авиации и тяжелой артиллерии, а затем атак пехоты и танков врага. Однако гитлеровцы не застали гвардейцев врасплох. По-прежнему 72-й и 70-й полки дрались с подлинным героизмом, враг оставлял при каждой атаке все больше и больше своих солдат на поле боя.

Стало известно, что врагу удалось севернее позиций 24-й гвардейской дивизии проникнуть за Черную речку и приблизиться к д. Гайтолово. Это значило, что движение по дороге вдоль высоковольтной линии, по которой шло снабжение дивизии, теперь стало невозможным. Надо было искать любые возможности для доставки полкам боеприпасов и продовольствия. Было решено проложить по болотам в тыл деревянные настилы и гати и по ним доставлять боеприпасы и пищу.

В этой сложной обстановке по разъяснению тяжелого положения дивизии ответственность легла на политработников и коммунистов, объяснявших личному составу создавшееся положение.

И гвардейцы поняли, что только от их дисциплины, экономного расхода боеприпасов будет зависеть успешное выполнение поставленных задач. Отбивая атаки противника, люди стали особенно подтянутыми и сосредоточенными. Даже раненые заняли боевые места, помогая своим товарищам уничтожать врага.

Количество бойцов в ротах и взводах под ударами врага все уменьшалось, а число коммунистов росло. В этой тяжелейшей обстановке сотни гвардейцев дивизии стали считать для себя великой честью идти в бой коммунистами. Политотдел дивизии, возглавляемый ветераном соединения батальонным комиссаром Я. В. Цивиным, и партийная комиссия во главе с политруком С. И. Шишмановым работали прямо на поле боя.

Попытки доставлять боеприпасы и продовольствие полкам через лес и болота были сорваны противником. Не удалось регулярно снабжать войска и с помощью самолетов У-2. Они могли действовать лишь по ночам, но часто грузы падали в зыбкие болота, откуда извлекать их было почти невозможно. Продовольствие кончалось, но это было легче, чем отсутствие боеприпасов. Хлеб и медикаменты удавалось добывать нашим разведчикам — «реквизизировать» у врага или перехватывать их транспортные. Расход же боеприпасов возрастал, поскольку атаки фашистов становились все яростнее и многочисленнее. В конце концов, большинство бойцов дивизии перешли на трофейное оружие, которого было много, и боеприпасами пополняться стало проще.

На исходе 26 сентября поступила радиограмма. Приказывалось стойкой обороной обеспечить планомерный и организованный выход наших войск, втянувшихся в синявинский выступ.

К исходу 28 сентября в дивизию поступил приказ генерала армии К. А. Мерецкова, которым предлагалось всем войскам, наступавшим на синявинско-мгинском направлении, выйти и занять оборону на восточном берегу Черной речки, откуда дивизия начинала наступление.

День 29 сентября был еще более тяжелым. Войскам приходилось готовиться к отходу и в то же время отражать яростные атаки врага. До самого вечера положение оставалось крайне напряженным. Взятый в ходе атаки «язык» — офицер пехотного полка — показал, что в районе д. Тортолово, против левого фланга нашей дивизии, сосредоточено несколько дивизий и танки противника. Эти показания еще больше осложнили отход дивизии в район Черной речки.

Во второй половине дня 71-й гвардейский полк, теперь уже под командованием гвардии капитана Т. И. Степанова, начал скрытно отходить в заданном восточном направлении. Командир направил группы прорыва по кратчайшему пути через населенный пункт Гайтолово, который накануне был занят немцами, а не по луговине, простреливаемой немцами. Авангард приблизился к Черной речке. Степанов и его бойцы не узнавали местности, по которой проходили месяц тому назад, так она изменилась после обстрелов и бомбёжек. Многие участки когда-то сплошного леса теперь светились горелыми лысинами или чернели обугленными, обезглавленными стволами. Речка, перелопаченная снарядами и бомбами, превратилась в пучину грязи, тускло мерцающую под лунным светом. Здесь полк Степанова сосредоточился, а затем ринулся на врага, образуя коридор для выхода следующим за ним частям на восточный берег Черной речки.

Спотыкаясь, цепляясь за ветки и корни поваленных деревьев, проваливаясь в воронки, заполненные водой, бойцы спешили форсировать реку с илистым дном, заваленным корягами и трупами. Проход настолько измотал бойцов, что кое-кто перестал маскироваться, а это приводило к излишним потерям. По указанию командиров и политработников оказывалась необходимая помощь ослабшим и отстающим. Преодолев реку и простреливаемый врагом участок, бойцы выбирались на восточный берег, а там и к траншеям дивизии, занявшей жесткую оборону.

Вышедшие из окружения воины 24-й гвардейской стрелковой дивизии сосредоточились в районе деревни Новая, где стали приводить себя в порядок. Потери в боях дивизия понесла большие, но и уничтожила в боях много гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду.

*К. А. ЗЛОБИН,
гв. капитан в отставке,
бывший комсорг 72 гв. сп 24 гв. со*

В боях за Черной речкой*

После боев за Спасскую Полисть наша дивизия в июне 1942 г. была отправлена на переформирование, после чего в составе 6-го гв. ск приняла участие в прорыве вражеской обороны на Черной

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й ж/д школы пос. Мга.

речке. Наступление, предпринятое 27.08.42 г. с целью прорыва блокады Ленинграда, развивалось успешно, и в первые же дни мы продвинулись на 15–20 км в направлении пос. Синявино.

К тому времени я крепко подружился с полковыми разведчиками: Горячевым, Литасовым, Чихаревым, Пушкиным и др. Я был комсоргом полка, но часто ходил на задания вместе с разведкой.

Захватив немецкие тылы, мы овладели штабными домиками в лесу, укрытыми 3–4 бревенчатыми накатами. За домиками была огромная пустая поляна, за ней, у опушки леса — рубленый колодец. Немцы ушли дальше в лес, а нам пришлось строить линию обороны перед поляной: таков был приказ командования полка. Я в это время находился в своей родной пульроте, занявшей огневую позицию. Я провел с комсомольцами небольшую беседу, пожелал хорошо окопаться и ждать дальнейших команд, и уже собрался уходить в штаб полка, размещененный в лесных домиках, как вдруг над поляной появился немецкий самолет. Сделав круг, самолет пошел на снижение. Я вернулся к пулеметчикам. Мы находились на замаскированной позиции и видели, как самолет сел в центре поляны. Из него быстро выбрался летчик, поправил свой планшет и направился в сторону пульроты. Потом свернул влево, на просеку, за которой находились немецкие домики. Самолет он заглушил, пропеллер продолжал врететься. Летчик скрылся в лесу, а минут через 5–7 немцы открыли огонь по своему самолету. Стрельба прекратилась, когда самолет загорелся. А летчик доставил приказ немецкого командования контратаковать прорвавшихся русских. Приказ попал прямо в руки полковнику Кухареву. После этого командование полка вновь перебралось в свои блиндажи за р. Черную. Летчика увели с собой.

Я возвратился в политотдельский блиндаж и доложил своему начальнику, зам. командира полка по политчасти п/п-ку Розенцвейгу об обстановке на переднем крае и немецком самолете. Тут зазвонил телефон. Кто звонил, и о чем шел разговор, я не понимал. Слышал только ответы Розенцвейга: — Да, не место! Хорошо, сейчас направляю.

Закончив разговор, Розенцвейг сказал: — Звонил Петр Кириллович (г.-м. П. К. Кошевой — ком. 24 гв. сд). Срочно вызывает тебя к себе.

— По какому поводу?

— Не сказал. Только предупредил: сейчас же, срочно.

Я взял полевую сумку и отправился в штаб дивизии. Мне повезло: на дороге повстречался мотоциклист с донесением для штаба, с ним я добрался быстро. Войдя в блиндаж комдива, я хотел доложить по форме, но Кошевой махнул рукой и сказал:

— Присаживайся.

А сам подсел к столику и кому-то позвонил: — Явился. Введен в курс дела на месте. Закончив разговор, обратился ко мне.

— Слушай, орденоносец. Немцы теснят левый фланг соседней дивизии, нависла угроза над нашей. Мы с командирами полков решили сформировать ударные группы — так сказать, опорный боевой кулак. От 70 и 71 полков — у большой поляны, от 72 гв. сп — за речкой Черной, за горелым лесом. Это задачу я поручаю тебе, Злобин. Надеюсь, что ты оправдаешь доверие и сумеешь удержать немцев, если они сунутся. Основание: — Ни шагу назад! Ты будешь не один: слева и справа такие же кулаки создают наши соседи. Ядром группы будет пульрота вашего полка, группа ПТР, автоматчики. Остальные указания получишь от командаира полка.

Г.-м. Кошевой встал, пожал мне руку и сказал на прощание:

— Ну, ни пуха, ни пера!

Я покинул блиндаж, пересек поляну и вышел на просеку. Комполка выслал мне навстречу мотоциклиста, который довез меня до штабного блиндажа.

Полковник Кухарев подробно рассказал об обстановке, до мелочей объясняя задачу и обеспечение группы. После этого я отправился в пульроту, где меня встретили хорошо знакомые пулеметчики Николай Чулдин и Тореев (мы вместе воевали под Мостками и Любанью). Чулдин теперь командовал ротой, т. к. прежний ротный выбыл по ранению. Вскоре к нам прибыла группа солдат с п/т ружьями, автоматчики и минометчики. Всех прибывших принимал Чулдин, а я обошел всех бойцов, рассказал о сложившейся обстановке, о том, что командир дивизии надеется на нас, что на своем участке мы немцев не пропустим. Спросил, все ли имеют «НЗ», санпакеты, как обеспечены боеприпасами.

Недалеко от огневой позиции оборудовали медпункт, где расположились санитарка и радиистка, и склад боеприпасов, доставленных прибывшими группами. Каждый боец при себе имел полный комплект патронов, гранат и бутылку с зажигательной смесью. Установили очередность дежурных постов.

Пока стояло затишье, но комполка говорил, что по данным разведки немцы получили подкрепление и готовятся к наступлению, чтобы вернуть оставленный участок.

Дважды наши позиции посетил с целью рекогносировки ст. л-т Байгорин из артдивизиона. Он сказал, что немцы, получив подкрепление из Мги, атаковали соседей слева и жмут нашу дивизию, что батальоны 71-го полка отрезаны и пробиваются из окружения на восточный берег речки Черной. Теперь немцы собираются прорвать левый фланг 72-го гвардейского полка и отрезать наши передовые подразделения от основных сил. Поэтому 72-й сп тоже готовится к отходу. Вот тебе и кулак!

Уходя, он сказал мне: «Тебе придется нелегко, но ты не падай духом. В случае чего, брякни по радио, я подброшу «гостинцев». Мы обнялись, поцеловались по-братьски, и Байгорин со своими бойцами ушел в артдивизион.

Я подумал: вот тебе и «ни пуха, ни пера...»

Стемнело. Разместившись у своих пулеметов, первая группа отдыхала. Одни покропывали, другие разговаривали во сне, но мне не спалось. Время отдыха вышло, и бодрствующие стали будить спящих. Проснулся и мой дружок Николай Чулдин, потянулся и подошел ко мне.

- А я сегодня во сне дома побывал, всех повидал.
- То-то ты бубнил спросонья, звал кого-то...
- Это я свою невесту танцевать звал, а она все отнекивалась.

Ну, а потом мы с ней таки выдали «страдание», да еще с припевками... А проснулся — никого...

— Хороший сон. Теперь я посплю, а ты подежурь за меня... Оставив за себя Чулдина, я пристроился у толстой сосны и уснул.

Проснулся раньше времени и пошел к Чулдину. Он сидел, уткнувшись в еловый комель.

— Коля! Что ж ты молчишь? — спросил я Чулдина, но он не отвечал...

— Товарищ комсорг, — окликнул меня боец, — послушайте; немцы за поляной шумят. Действительно, из-за поляны доносились голоса и слабое бренчание ведер у колодца. Шум вскоре прекратился. Близился рассвет. Разбудили спящих. Я дал указание каждому приготовить по связке гранат на случай появления танков. Уже всходило солнце, когда с флангов прибежали наблюдатели и доложили, что заметили ползущих к ним немцев.

Я быстро собрал командиров всех групп нашего «опорного кулака» и предупредил их быть готовыми к отражению врага.

Солнце все выше поднималось над горизонтом, посыпая теплые лучи на землю. Сквозь редкие сосны, скрывавшие нашу позицию, поляна впереди хорошо просматривалась. Через нее в наш тыл пролетело несколько снарядов, после чего откликнулись наши артиллеристы: — Пук! Пук! Пук! Вражеские снаряды рвались уже за 2–3 км позади нас, лес наполнился гулом и дымом. Затем несколько снарядов разорвались недалеко от нас, и все стихло. Я передал по цепочке: «Не успокаиваться, быть начеку!» Поднялся ветер, зашелестели верхушки деревьев, и немцы под шумок выпустили по нашей огневой несколько мин. Они разорвались в 200 м сзади и на поляне перед позицией. Мои гвардейцы насторожились.

В 12 часов наблюдатели доложили, что немцы скапливаются группами на опушке леса за поляной и залегают. В бинокль это было видно и мне. Справа и слева прострочили очередями пулеметы и автоматы и снова — тишина. Стих ветер, облака закрыли солнце. И вдруг все вздрогнуло. Началось! Немцы открыли ураганный огонь по нашему и соседним рубежам. В основном мины и снаряды рвались в районе прежних позиций у р. Черной, лишь изредка — перед нами и позади, беря нас «в вилку». Пристрелявшись, немцы ударили прямо по нашей позиции. Все вокруг гудело подобно буре, летели вверх ветки деревьев, валились сосны, свистели осколки. Мы прижимались к земле, инстинктивно наклоняя головы. Было ясно, что немцы вот-вот двинутся на нас.

Еще не кончился обстрел, когда из леса в полный рост выбежала цепь немецких автоматчиков, ведя беспорядочный огонь. С флангов застрочили по нам пулеметы. Немцы достигли середины поляны, когда я скомандовал: — Гвардия! К бою! Минометчики — огонь!

Заухали наши минометы. На поляне стали рваться ротные «гостины». И так удачно, что цепь автоматчиков дрогнула. Немцы как бы попытались, но вскоре вновь полезли вперед, оказавшись на расстоянии прицельного огня. Подпустив их еще ближе, пулеметчики по команде открыли огонь: два «максима» были с флангов, третий — прямо в лоб. Сразу поредели ряды фрицев, устилая поляну трупами, оставшиеся побежали, но их вернула вторая цепь автоматчиков, бивших короткими очередями. Наши мино-

метчики открыли огонь, но 4 немецких становых пулемета продолжали строчить.

Среди бойцов стали появляться раненые, не успевшие выпустить из своего оружия ни одной пули по немцам. Получив первую помощь в ПМП, раненые ползком возвращались на позиции.

— Петеровцы! Огонь по пулеметам!

После выстрелов из ПТР замолчали пулеметы на левом фланге. Справа стрелял один немецкий пулемет, по нему били правофланговые пулеметчики. И снова, подпустив фрицев ближе, били по цепи.

По нашей позиции ударили немецкие минометы, но мины в основном рвались на опушке леса.

Часть фашистов достигла края поляны, но с прорвавшимися к нам врагами покончили автоматы. Замолчал и немецкий пулемет на правом фланге. У нас бой стих, а соседи слева еще сражались. Отдельные немцы на поляне зашевелились и пытались уползти назад, но их прибрали прицельным огнем из карабинов наши стрелки.

Справа царilo затишье, правые соседи боя не вели. Используя передышку, наши пулеметчики и автоматы пополнили свои ленты и магазины патронами.

Бой длился более двух часов. До вечера немцы новой вылазки не предпринимали. Мы наводили порядок на своей огневой, медсестра и радистка перевязывали раненых. Ранены оказались два автомата и боец из группы ПТР. Медсестра направляла их в тыл, но никто уходить не хотел. Один из бойцов, раненный в правую руку, сказал: — Если какой немец подойдет ко мне, я левой рукой душить его буду, а зубами грызть, и никуда отсюда не уйду!

Все солдаты прочистили свое оружие и были готовы к очередной схватке.

К вечеру подобный бой разыгрался у соседей. Видимо, немцы, потерпев поражение на нашем участке, решили прощупать соседа справа. Через какое-то время бой затих, а позади всю ночь продолжали рваться немецкие мины и снаряды, не нанося особого ущерба. И следующая ночь была счастливой — полное затишье. Бойцы вспоминали, как валились от нашего огня немцы, пытались подняться и наступать, но уходили на тот свет. До 22-х часов ждали ужина, но не дождались. Перекурили, съели по кусочку сахара и улеглись по очереди отдохнуть.

И утро было спокойным. Мы ожидали вчерашний ужин и завтрак, но их не было. На ПМП оставалось полтермоса каши, начавшей прокисать. Мы ее съели, запили водой с сахаром и разошлись по местам. В полдень наши разговоры прервала певучая немецкая мина, крякнула — разорвалась, за ней другая. Начался полный артналет по переднему краю, продолжавшийся полчаса. Минны падали на краю поляны и позади огневой. Одна мина разорвалась в 20 метрах от медпункта. Смрад, пыль лезли в горло, слезились глаза. Еще не закончился обстрел, как из просеки со стороны немецкой обороны медленно выползли два танка, в 30—40 м один от другого. Из танков застручили пулеметы, вылетело по два снаряда, и танки стали развивать скорость. Из-за танков выскоцили автоматчики и побежали к нашей огневой. Их было не так-то много.

У нас снова прозвучали команды:

- ПТР и гранаты к бою!
- Пулеметчики, огонь!

Часть автоматчиков достигла края поляны. Затрещали наши автоматы, застреляли «максимы», полетели гранаты. Один из танков дошел до первых сосен на краю поляны и вел огонь из пушки и пулемета, второй палил с середины поляны. По первому танку из ПТР ударить было нельзя. Поднялся с гранатой Калмыков, его опередили два автоматчика со связками гранат, но не попали. Однако взрывы заставили танки повернуть в лес. По нашей огневой немцы снова открыли огонь из артиллерии и минометов. Противно проскрипел немецкий «ванюша» и выплюнул свои мины в наш тыл.

От своих артиллеристов и минометчиков поддержки мы не имели. Связываться с ними по радио я боялся: немцы бы сразу нас засекли, и мы сделались бы настоящей живой мишенью. Нас было мало, но я надеялся на силу нашего «кулака» и удачно выбранную огневую позицию, не обнаруженную по-настоящему противником.

Вечером на нас двинулись три танка, ведя на быстром ходу огонь из пушек. Они шли на близком расстоянии по фронту, промежутки занимала пехота. Наша группа вела огонь из всех видов оружия: минометов, станковых пулеметов. С ближнего расстояния стреляли автоматчики и стрелки, и мы не допустили на свою позицию ни одного фашиста. Многие из нападавших нашли свои могилы в лесу и на поляне. В лес ворвался танк. Один из автоматчиков не растерялся, подполз и бросил связку гранат

под танк, а когда тот завертелся, скосил короткой очередью выбравшихся через нижний люк танкистов. На обратном пути отважного автоматчика убило, и никто не знал его фамилии. Было лишь известно, что он новичок по имени Василий.

Полегло много немецких пехотинцев, и танки, видя, что вперед двигаться не с кем, построчили из пулеметов и ушли обратно. Раненые фрицы, оставшиеся на поляне, просили: — Ру-ус, помоги! Ру-ус..., — добавляя какие-то слова по-немецки.

У нас убило семерых. Из костяка пульроты погибли Тореев и Калмыков — сибиряки, дюжие, храбрые ребята. Царство им небесное! Они не посрамили звания гвардейцев и в долгу перед Родиной не остались.

15 человек ранило. Один был ранен тяжело и застрелил сам себя из карабина. Звали его Колей, фамилия неизвестна. Мы похоронили его ночью на просеке вместе с убитыми. Ходячих раненых отправили в тыл. Они ушли тем же путем, которым Байгорин привел их на огневую позицию.

Используя ночное затишье, мы снова почистили оружие, раздали живым диски выбывших автоматчиков и ПТР. Боеприпасов у нас еще оставалось достаточно, и хотя «кулак» наш заметно поредел, мы надеялись выиграть следующий бой.

Пищу нам так и не доставили. Я разрешил использовать «НЗ» и направил бойца в штаб полка выяснить, почему нам на передний край не доставляют горячую пищу. Посыльный вернулся через час, уже в сумерках, и доложил, что в штабе сп никого нет, только в одной палатке лежали два наших тяжелораненых солдата, просивших их пристрелить. Об этом боец рассказал мне и Чулдину, остальным условились не говорить.

Утром мы приняли очередной бой. Немцы пошли с танками. На опушку леса выкатили пушки, установили минометы. Бой проходил в лесу, прилегающему к нашей позиции. В этом бою каждый был и бойцом, и командиром. Сам себе командовал, стрелял из автомата, бросал гранаты. Из танков немцы вели огонь по нашим пулеметам.

Чулдин заложил в свой пулемет ленту с бронебойными патронами и только успел нажать на спуск, как вражеский снаряд угодил в лафет, и Чулдину оторвало голову. А пулемет продолжал стрелять по танку...

Бойцы ПТР подбили еще 2 немецких танка и уничтожили их экипажи. Мы потеряли еще несколько человек убитыми, но не

пропустили немцев в свой тыл. Бой был таким близким, что, казалось, еще чуть-чуть, и мы вцепимся фрицам в горло и будем грызть их зубами. Но немцы отступили.

Мы похоронили Чулдина у дороги рядом с боевой позицией и поставили ему простенький памятник.

Боеприпасы у нас еще оставались, но я знал: еще один такой бой — и нам крышка. Я достал карту и данный мне азимут движения после боя и принял решение сняться с обороны. Из сообщения посыльного было ясно, что полк, как говорится, драпанул, и мы обеспечили его отход. Я дал команду готовиться к маршру.

После полудня мы оставили свою огневую и пошли по азимуту, оставленному комполка. Ночью мы подошли к Черной речке, где скопилось уже много бойцов. Я встретил командиров и выяснил, что немцы за речкой перерезали дорогу и засели в наших траншеях. Нам предстояло перейти реку и через немецкую оборону прорваться к своим.

При подходе к реке я уклонился от азимута и, перейдя реку, повел свою группу через болото, где немецких окопов не было. К нам присоединились несколько бойцов из 71-го полка, в т. ч. и мой земляк, ефрейтор Иван Михайлович Антропов. Мы прошли бывший КП полка и санроту, удовлетворив просьбу лежавших там безнадежных раненых прекратить их мучения. Все, способные передвигаться, пробирались через болото, вышли на просеку за линией немецкой обороны и достигли конечной точки азимута.

В том месте, откуда меня посыпал на задание комдив П. К. Кошевой, сейчас располагался новый КП п-ка Кухарева.

Я зашел в блиндаж без стука, и п-к Кухарев, вскочив из-за стола, какое-то время молча смотрел на меня, вытаращив глаза, а потом обрадованно воскликнул:

— Жив, Костик? А я уж думал...

— Жив, как видите, товарищ полковник, — отвечал я, — только немного подморился... Спасибо Вам за азимут, но на линии немецкой обороны его пришлось сменить. Со мной возвратилась часть бойцов из нашего и 71-го сп, принесли двух тяжело-раненных, надо всех разместить.

Полковник вышел со мной к бойцам, поблагодарил всех за сдерживание противника и повел меня в штаб полка. Там на меня тоже посмотрели как на выходца с того света.

Из моей группы (вместе с ранеными) вышло 23 человека и 17 — из 71-го полка. После боев на Черной речке личный состав 24 гв. сд был передан другой дивизии, а комсостав, пульрота и рота разведчиков в октябре 1942 года поступили в резерв Верховного главнокомандования в г. Рассказово Тамбовской области, где мы получали и обучали пополнение, а в последних числах декабря были направлены под Сталинград.

Откровенно говоря, я не думал вернуться живым с войны. Попадал на фронте в разные переплеты, был четырежды ранен, но голову не пришлось сложить ни в одном кусте. Вернулся после Победы домой в звании гвардии капитана с орденом Боевого Красного Знамени за бои на Волхове.

*П. И. СОТНИК,
бывший комиссар
56 гв. сп 19 гв. сд*

*19-я гвардейская стояла насмерть**

После тяжелых боев в районе Мясного Бора 25 кд влилась в состав 19 гв. сд. 100 кп вошел в 56 гв. сп, 104-й — в 61-й, 54 гв. сп остался в прежнем составе. На 2 июля 1942 г. 19 гв. сд командовал п-к Д. М. Баринов, комиссаром был Филиппов, нач. штаба — п/п-к А. Н. Трофимов (бывший командир 104 КП).

Командиром 56-го полка был назначен капитан Ярошевич, я стал комиссаром.

61 гв. сп командовал м-р Петкович, 54-м — п/п-к Кудряшов.

Личный состав был укомплектован на 60 %, но близился срок нового наступления, и во всех подразделениях проводилась интенсивная учеба. 10 августа штабом Волховского фронта была проведена проверка готовности дивизии к боевым действиям. Оценку мы получили хорошую, и через двое суток вся дивизия уже была из эшелона на ст. Войбокало.

В момент разгрузки к эшелону на машине подъехал генерал в бурке и потребовал к себе начальника эшелона. Я представился. Генерал повышенным тоном произнес:

— Вы что, прибыли к теще на блины?

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й ж/д школы пос. Мга.

Я выдержал минуту и спокойно ответил:

— Не к теще на блины, а защищать город Ленина.

Все стало на свои места. Генерал показал документ, свидетельствующий, что он командующий 8-й армией г.-м. Ф. Н. Старикин, и что наша дивизия прибыла в его распоряжение.

Через несколько минут весь личный состав поротно двинулся в район сосредоточения. Ночью со 2-м эшелоном прибыл комполка Ярошевич. Утром комдив Баринов вызвал всех командиров и комиссаров полков на рекогносцировку. Командарм поставил 19-й гв. сд следующую задачу: сменить части, обороняющиеся на Черной речке, и готовиться к наступлению в направлении Синявина. Нашим соседом справа была определена 3-я гв. сд ген. И. М. Марытнчука, слева — 24-я гвардейская полковника П. К. Кошевого.

19-я гвардейская была нацелена наступать на Синявино и высоту Синявинскую, 3 гсд — на Рабочий поселок № 5, 24-я — на озеро Синявинское. Глубина наступления до Невы — 16 км.

Во II эшелон назначался 4 гв. ск г.-м. Н. А. Гагена, в III эшелон — 2 УА г.-л. Н. К. Клыкова.

На исходных позициях сосредоточивались большие силы пехоты, артиллерии, танков и реактивных установок. Нашей дивизии придавался танковый батальон во главе с майором Г. И. Таракановым (10 танков). Вся эта армада, хорошо замаскированная, была выведена на восточный берег р. Черной. Мы верили, что пройдет каких-нибудь 4–5 дней, и войска Волховского фронта соединятся с Ленинградским.

Комдив провел тщательную рекогносцировку. Каждому полку были поставлены задачи: ближайшая и последующая. От переднего края немцев нас отделяло расстояние в 150–200 м. Все бойцы были предупреждены о необходимости соблюдения полной тишины и маскировки: любой неосторожный поворот головы мог быть замечен снайпером.

21 августа командование дивизии прибыло на НП 54-го гв. сп, откуда наблюдало за противником. Было тихо. На противоположном берегу Черной речки виднелись брустверы первых неприятельских траншей, за ними — черный лес и просека с опорами электропередач. Артиллеристы были озабочены тем, что не могут обнаружить огневые точки противника.

23 августа командарм вызвал к себе командиров 3, 19 и 24-й гвардейских дивизий для докладов о готовности к наступле-

нию. Все понимали, что от согласованных действий трех наших дивизий зависит успех операции.

В полосе наступления 19-й гв. сд оборонялся 223-й пехотный полк 96-й немецкой дивизии 18А. Слева от нас должна была наступать 24-я дивизия п-ка Кошевого, справа — 3-я генерала Мартынчука.

Свой НП комдив Баринов расположил у речки Черной, недалеко от НП 54-го полка. НШ дивизии п/п-к Трофимов успешно поддерживал связь с начальниками штабов полков и командованием 8-й армии.

27 августа в 6 утра началась массированная артподготовка. Она длилась 2 часа, причем последние 10 минут — реактивными снарядами. Пехота дружно поднялась и пошла в наступление. Несколько минут немцы молчали, потом открыли огонь по атакующим. Сильный пулеметный огонь по левому флангу нашего полка вынудил 1-й батальон под командованием ст. л-та Пушкина залечь на берегу Черной. Комдив приказал ввести в бой танковую роту.

Мне было поручено сесть на один из танков и оказать помощь 1-му батальону. Но при движении танка на его гусеницу намотался провод с высоковольтной линии, и он остановился. Пока экипаж освобождал машину из «плена», противник открыл по застрявшему танку артиллерийско-минометный огонь, продолжавшийся до самой ночи. В темноте мы освободились от проволоки, но батальон Пушкина уже овладел передней линией траншей и вел бой за вторую.

К исходу первого дня наступления все подразделения нашей дивизии глубоко вклинились в оборону противника. Немцы не выдержали натиска гвардейцев и отступили. В течение ночи командиры полков перенесли свои НП за реку, дали указания комбатам пополниться боеприпасами, накормить личный состав и быть готовыми на рассвете к дальнейшему наступлению.

Наши соседи — 3-я и 24-я гвардейские дивизии к исходу дня также овладели на своих участках передним краем немцев.

Утро следующего дня выдалось ясным. Наша авиация появилась над расположением противника и хорошо «проутюжила» район Синявина. Это здорово подняло дух бойцов и командиров.

После доклада п-ка Баринова о ходе наступления 19 гв. сд комдарт поблагодарил личный состав дивизии за успешные действия и потребовал вовремя подбрасывать боеприпасы, кормить

бойцов и отметить отличившихся в бою. Командующий армией сообщил, что 24 гв. сд должна к исходу 28 августа продвинуться вперед на 4—5 км, занять оборону в районе озера Синявинское, обеспечив тем самым прикрытие нашего левого фланга.

Действительно, 24-я дивизия 28-го наступала успешно, и наш 56-й полк, несмотря на болотистую местность и отсутствие дорог, продвинулся к восточной окраине Синявина. 61-й полк несколько отстал.

29 августа 24-я гв. сд после жестокого боя подошла вплотную к оз. Синявинскому, а 56-й полк был встречен сильным артиллерийско-минометным огнем из Синявина. В течение всего дня наша дивизия вела упорные бои. Противник каждые 30—60 минут наносил бомбовые удары по тылам и резерву 19 гв. сд.

К исходу дня п-к Кошевой сообщил, что против его дивизии противник предпринимает контратаки силами 27-й пехотной дивизии и танков. Им удалось уничтожить 3 вражеских танка, но сохраняется опасность повторных танковых атак.

На рассвете 30 августа наша дивизия предприняла наступление на пос. Синявино, но успеха не имела. 31 августа в 5 утра, после 30-минутной артподготовки атака была повторена: 1-й и 2-й батальоны 56-го полка подошли вплотную к пос. Синявино, но встретили сильный пулеметный огонь с бронетранспортеров, установленных между домами, и из пулеметов, находившихся в траншеях.

Противник сумел с началом нашего наступления возвести оборонительные сооружения на восточной окраине Синявина. 61-й и 54 гв. сп, встретив сильное сопротивление немцев, успеха не имели. 3 гв. сд на пути к РП № 5 была остановлена артиллерийско-минометным огнем и контратакой частей 28-й пд.

Во время наступления 56 гв. сп была обнаружена замаскированная батарея врага из 4x орудий и комплекты боеприпасов. Комполка Ярошевич атаковал батарею своим резервом и захватил ее. Проверив состояние орудий, наши артиллеристы организовали стрельбу из немецкой батареи по Синявину. К исходу дня все боеприпасы были израсходованы. Расчеты вынули замки орудий и зарыли их в землю. Противник ввел в бой роту автоматчиков и вытеснил наших бойцов из расположения батареи, о чем было доложено комдиву. В 18.00 п-к Баринов по телеграфу приказал Ярошевичу контратаковать врага. Все, кто находился на НП, поднялись во весь рост и с криками «Ура!» пошли в атаку. Немцы

встретили нас ожесточенным пулеметно-автоматным огнем. Был убит уполномоченный особого отдела ст. л-т Буряк, а я ранен. Контратака захлебнулась.

31-го августа было установлено скопление немецких войск восточнее Синявинской высоты, а захваченные пленные сообщили, что они прибыли из Крыма в составе 24-й пд.

Командующий 8-й армией сообщил командиру 19 гв. сд, что в бой вводится 4-й гв. ск, и на нашем левом фланге будет наступать 259-я сд. 4-го сентября была организована совместная атака 19-й гвардейской и 259-й дивизий на Синявино, но успеха она не имела. Командование фронтом решило ввести в бой свой резерв — 2 УА, но противник весь день бомбил и обстреливал наши части, из-за чего мы несли большие потери.

5-го сентября наша дивизия вновь наступала, но была встречена организованным огнем и бомбёжкой. Атака захлебнулась, потери в полках увеличивались с каждым часом. В юго-восточной части Синявинской высоты оборона противника была чрезвычайно сильна, насыщена огневыми точками, пушками, минометами и танками. В воздухе господствовала вражеская авиация, наносившая беспрерывные бомбовые удары как по боевым порядкам, так и по тылам наших частей. 6-го сентября 19-я гв. сд вновь атаковала немецкие позиции, противник отвечал контратакой. в 14-00 командарм Старикин позвонил п-ку Баринову и потребовал любой ценой продолжать наступление на Синявино.

Вступление в бой 259-й сд (наш сосед слева) не внесло в обстановку существенных изменений, т. к. еще до начала боя дивизия понесла большие потери от бомбёжек. Сосед справа — 3-я гв. сд — не смогла достичь РП № 5 из-за беспрерывных контратак противника, сопровождавшихся массированным артиллерийско-минометным огнем.

Командир 61-го гв. сп Петкович доложил о больших потерях в полку. Погиб командир 3-го батальона, ранены 2 командира рот. В нашем 56-м ксп погиб отважный командир 1-го батальона ст. л-т Пушкин, один комроты и два командира взводов.

К исходу 6 сентября комдив Баринов получил приказ командарма перейти к обороне. П-к Баринов решил построить оборону в 1 эшелон, каждому командиру полка иметь на НП по роте в качестве резерва.

С утра 7 сентября противник перешел в контрнаступление по всему фронту, поддержанное артилерией и авиацией, в результа-

те чего был потеснен правый фланг нашей дивизии — 54-й и 61-й гв. сп. 9 сентября — новые атаки врага с танками. 56 и 61-й гв. сп, использовав истребителей танков, отсекли пехоту от танков, взяли пленных из 32-й и 24-й пд. 19 гв. сд имела огромные потери, но сумела отбить наступление немцев.

В 17-00 комдив Баринов получил сообщение командующего фронтом К. А. Мерецкова о том, что противник перебросил под Синявино 11-ю А Манштейна и авиацию из Крыма. Предстояли новые, еще более тяжелые бои. Но бойцы и командиры 19-й гвардейской стояли насмерть, об их стойкости и подвигах писали газеты. Рядовые 56 гв. сп Г. Филиппов и М. Авраменко уничтожили в рукопашном бою 10 и 6 фрицев. Ценой величайшего мужества гвардейцы 56-го полка не дали немцам вклинииться в свои боевые порядки. Ночью на позициях нашей дивизии был захвачен в плен немецкий ефрейтор Гофман из 28-й пд, готовящейся к наступлению.

19-я гвардейская перегруппировала свои части, построив оборону в 2 эшелона с учетом возможности вклиниения врага в наши б/порядки, подтянула артиллерию, расположив ее сразу за пехотой. Сосед слева — 259-я сд — понесла большие потери и вынуждена была отойти. 3-я гв. сд справа поддерживала тесную связь с нашим 54-м полком.

Командование армией предупреждало обратить особое внимание на левый фланг дивизии: не исключалась возможность, что Манштейн обойдет наши узлы сопротивления и обрушится на передний край.

24 сентября немецкая авиация и артиллерия бомбила и обстреливала 19-ю и 3-ю гвардейскую дивизии, утром 25-го противник перешел в атаку и вклинился в наши боевые порядки. На участке 3-й гв. сд фашисты достигли Черной речки. Командование дивизии ввело в бой 2-й эшелон и отбросило врага. Но к исходу дня противник подбросил свежие части и вклинился на левом фланге. В бою был убит командир 56 гв. сп капитан Ярошевич, в командование вступил НШ полка капитан Н. И. Гаврилов. На обоих флангах немцы вышли к реке. Только в центре обороны 19-й гвардейской и 259-й дивизий противник прорваться не сумел.

27-го сентября немцы вели усиленный огонь по этому участку и бомбили группами по 10—15 самолетов наш передний край и тылы каждые 30—50 минут. Ночью комдив Баринов получил приказ отвести дивизию за р. Черную. 54-й и 56-й гв. сп начали

отвод своих подразделений на восточный берег реки, с 61-м гв. сп связь была потеряна. Позже выяснилось, что комполка майор Петкович был контужен, вынести его не смогли.

19 гв. сд организованно заняла первоначальную оборону на восточном берегу р. Черной и привела в порядок свои подразделения. 29 сентября противник пытался атаковать, но был отброшен. В 12-00 немцы бомбили наши боевые порядки, но личный состав находился в окопах и траншеях и особых потерь не понес. Бои велись в течение 10 дней, но, не достигнув дальнейшего продвижения, противник перешел к обороне.

Штаб фронта установил, что вновь прибывшие на ВФ 170, 24, 28, 132-я пд и 12-я тд предназначались для штурма Ленинграда, так же, как и 70 пд, и 185 танковая. С других участков под Синявино немцы перебросили 223, 227, 207 пд и 3-ю горно-стрелковую. Из района Рабочего поселка № 5 были введены в бой 128-я и 121-я пд. Все они понесли большие потери и уже не могли быть использованы для запланированного наступления на Ленинград.

В октябре 1942 года наша дивизия под командованием п-ка Д. М. Баринова была снята с обороны, погружена в эшелон и направлена в Калининскую область для пополнения.

В. Г. ИВАНОВ,
бывш. политрук 2-й роты 1-го батальона
56-го гвардейского стрелкового полка 19-й гв. сд

Под Синявино в августе — сентябре 1942 года*

В 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию я прибыл по возвращении из госпиталя в то время, когда она вышла из боев в районе Мясного Бора и процентов на 80 нуждалась в пополнении.

Я был назначен политруком 2-й стрелковой роты 1-го батальона 56-го гвардейского стрелкового полка. Из тех, кто участвовал в Любансской наступательной операции, в роте осталось всего 17 бойцов. Пополнение до полного штата получили хорошее, обстрелянное, большинство — возвратившиеся из госпиталей.

* Доклад на военной исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Так называемый «отдых» дивизии был временем сколачивания и учебы личного состава. Готовились к новым боям с высокой активностью и желанием. Моя рота хорошо проявила себя на тактической проверке и при стрельбах. Это очень радовало меня и командира роты Анатолия Полякова — лейтенанта, выпускника Камышловского пехотного училища.

По всему чувствовалось, что «отсиживаться» в лесах под Малой Вишерой долго не придется. Да и нам казалось, что лучше в бою, там хоть дело. И эта пора настала.

Синявинская наступательная операция на Южной Ладоге, предпринятая советским командованием в августе — сентябре 1942 года, ставила цель сорвать готовящийся фашистами штурм Ленинграда, прорвать блокаду города. Она была вторым боевым экзаменом на мужество и стойкость для воинов нашей дивизии, которая за активные действия в Любансской операции 17 марта 1942 года была преобразована из 366-й в 19-ю гвардейскую.

Пополнение, пришедшее в дивизию перед синявинскими боями, считало большой гордостью драться под гвардейским знаменем. Да и дело, на которое выдвигалась 19-я дивизия, предстояло почетное — вызволить из кольца блокады Ленинград.

В планах фашистского командования Ленинград занимал особое место. С захватом Ленинграда, как считали гитлеровцы, для русских будет утрачен символ революции, крупный промышленный, научный и культурный центр страны, военно-стратегический форпост на северо-западе великой страны. С осени 1941 года треть своих военных сил немцы бросили на захват Ленинграда.

На шлиссельбургско-синявинском выступе плотность вражеских войск была вдвое большая, чем на других участках советского фронта. Гитлеровцы сидели на этой полоске земли ровно год. А то, что немцы умели строить оборону, мы убедились на собственном опыте. Словом, замок на блокадный Ленинград был навешен крепкий.

Когда мы, политнаставники, вели речь о предстоящих боях, то солдаты рассуждали, что нелегкими были условия за Мясным Бором, а здесь, под Синявино, в этом мелколесье и болотах, будет еще хуже. Ни в землю врыться, ни на поверхности прикрыться нечем. Все предполье было, по существу, танконепрходимым, так что на броневую защиту рассчитывать не приходилось. Кому-кому, а нам, пехотинцам, было ясно, что вся тя-

жесть в этом наступлении ложится на многожильную матушку-пехоту.

Хотя от ротного командования в таких крупномасштабных операциях, как Синявинская, мало что зависело, все же мы старались так вести дело, чтобы солдатской крови было пролито меньше. Мы учились этому умению на полях и в землянках, в траншеях и окопах. Каждую свободную минуту мы с командиром роты и командирами взводов старались получше присмотреться к своим бойцам, понять их настроение, установить контакт, развить способность и готовность людей к ратному труду и подвигу.

Ночью, когда на правобережье Черной речки дивизия скрытно заняла исходные позиции, сменив изрядно поредевшие полки какой-то другой дивизии, стало ясно, что час нашего перехода в наступление очень близок.

С рассветом установили за противником самое зоркое наблюдение. И тут очень скоро убедились, что насыщенность огневых средств врага очень высока. Все это снижало наши шансы на успех в предстоящей атаке. Мы на огневых позициях старались максимально не обнаруживать себя.

Командирам и политработникам ротного уровня не были известны замыслы высокого командования. Знали только, что пойдем в наступление. Цель — вызволить Ленинград из беды.

Позднее мы узнали, что наша 19-я гвардейская дивизия в составе 8-й общевойсковой армии под командованием генерала Ф. Н. Старикова заняла позиции на самом острие наступательной операции и будет наносить удар непосредственно в центр фашистской обороны — на село Синявино. Само Синявино и расположенный от него грядой с северо-востока на запад хвойный лес, раскиданный по возвышенности, были превращены противником в мощный узел обороны, занимающий господствующее положение над предпольем, откуда нам предстояло наступать.

Разведка боем с целью изучения и выявления огневых средств противника, как это делалось в других случаях, не проводилась. Возможно, у командования дивизии и была хорошая информация о противнике и его огневых средствах. Но на переднем крае представление о противнике имели слабое. Даже артиллерийские наблюдатели плохо знали огневые средства противника.

Но все эти сомнения не влияли на настроение людей. Оно было истинно боевое, наступательное. Мы с командиром роты Анатолием Поляковым разъясняли своим бойцам и командирам,

что разгром врага под Ленинградом готовит вся страна, этому делу уделяют огромное внимание ЦК партии и советское правительство:

Часа в три ночи 27 августа по телефону комбат первого батальона старший лейтенант Пушкин приказал готовить роту к бою. Надо было тихо поднять всех, кто отдыхал в окопах и укрытиях, посытнее накормить, проверить боеготовность, обеспеченность боезапасом, провести партийное и комсомольское собрания с повесткой дня: «О роли коммуниста и комсомольца в бою». Мы с комроты прошли по взводам и отделениям, стараясь вселить уверенность в успех. Но люди и без командирских указаний взыскательно готовили себя к бою. Многие нашли возможность побриться, подшили чистые подворотнички к гимнастеркам, проверили удобство боевой экипировки.

И тут, как будто узнав, что пехота готова к бою, заговорила наша артиллерия. Круша передний край противника, пушки и минометы били в глубину его обороны. Такие боевые «сценарии» перед атакой мне были уже знакомы. Однако на этот раз наша канонада была ошеломляющей. Мы не могли даже понять, были ли ответные огневые удары врага, но радовались, что гитлеровцам «жарко». После говорили, что артиллерийская обработка вражеских позиций была двухчасовой, нам же все это показалось мгновением. Затем по синявинской лесной гряде ударили «катюши». Залпы РС были для пехоты радостной неожиданностью. Мы почувствовали, что позади нас стоит сила, которую фашисты называли «русская смерть».

Не успел грохот разрывов снарядов РС стихнуть в глубине обороны противника, а два наших полка — 56-й и 61-й — сорвались со своих позиций и перебежками пошли вперед на взятие первой полосы фашистской обороны.

Наша 2-я рота двинулась к позициям противника стремительно и сплоченно. Помнится, утро было холодное, хмурое. Это частично облегчало нашу участь. Низкая облачность спасала от ударов вражеской авиации, которая нам надоела до «чертиков». Самолеты врага рыскали над южной Ладогой, отыскивали цели, изучали обстановку.

Вот характерная тактика врага. Когда наш 1-й батальон пошел на немецкие позиции, враг молчал. Нам казалось, что, наверное, с первой линии гитлеровцы отошли, никого не оставили. Но едва мы приблизились на 60—80 м, откуда что взялось. Вражеская

сторона «проснулась» и полоснула по нам всеми видами огня. В таких случаях промедление смерти подобно. Бойцы моей роты, да и всего батальона, как по команде, с мощным «Ура!» ворвались в расположение фашистских траншей и огневых точек. Еще не совсем рассвело, но схватки «кто кого» уже шли в окопах. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно и зло. Но и наши ребята ни в чем не уступали, блокировали огневые точки, забрасывали их гранатами, уничтожали фашистов в траншеях в рукопашных схватках.

В горячке боя было не понять, кто в выигрыше, мы или фашисты. Взрывы, стоны раненых, дым и смрад слезили глаза, но бой продолжался. И вдруг противник куда-то исчез, бой вроде бы стих. Но тут посыпался град мин. Раздалась команда «в землю!» Да где уж тут зарываться в землю, когда головы не поднять. В траншеях и окопах видны трупы гитлеровцев, целые пулеметные расчеты противника. Похоже, что мы врага одолели. Затих и минометный обстрел. Проверяем свои потери. Раненых унесли, мертвые остались лежать на занятых позициях. Особенно тяжелые потери выпали на долю сержантского состава. Погиб комвзвода-3 Соколов, ранен комроты Поляков, но уйти в медсанбат отказался. Убавилось и рядовых бойцов. Сделали перестановку. Боеспособность роты сохранилась. Принимаем меры, чтобы закрепиться на захваченном рубеже, удержаться хотя бы до вечера. Со стороны противника активность чуть ослабла, но он еще бросает мины, бьет пушками, гаубичными снарядами.

Наступила ночь. Враг «щет» по нам трассирующими, вешает над позициями «светляки». Все же темнота не день: скрывает. Стаемся покормить личный состав, привести его в порядок, запастись боезапасом, дать людям отдохнуть. Но живем тревожно, ждем фашистской контратаки.

Прошли с комроты по взводам. Чувствовалось, люди устали, но сохранили юмор. «Нам бы только Синявино взять, а там с колокольни и Ленинград видно», — говорили бойцы.

— Что день грядущий нам готовит? — задавали мы себе вопрос. Тут от комбата Пушкина приказ: «Готовиться брать вторую линию немецкой обороны. С приближением рассвета начнем».

Едва забрезжил рассвет, бой разгорелся с новой силой. Начала боевой день наша сторона. Он получился более продуктивным и удачным. За 28 августа наш первый батальон продвинулся вперед не на сотни метров, как в первый день, а на километры.

Были заняты многие огневые точки, взяты трофеи, пленные. Сопротивление врага было менее организованным. Гитлеровцы просто бежали, бросая исправные пулеметы, минометы, запасы боеприпасов, продукты и личное снаряжение.

Пересекли высоковольтную линию Волхов—Ленинград. Все было разрушено, многие опоры превращены в лом. Синявино было рядом, в нескольких километрах. Но какой крови, каких сил требовал от нас этот опорный пункт, хозяевами которого были фашисты!

Таил опасную неизвестность синявинский черный лес, протянувшийся широкой полосой северо-западнее селения. Нешадно донимала немецкая авиация — висела над нами, как дамоклов меч. Бойцы ворчали: «Где же наши краснозвездные орлы?»

На переднем крае мы почувствовали, что враг подкрепился солидными резервами, стали попадаться одиночные пленные неизвестных номеров дивизий противника. Уже на третий день нашего наступления враг на отдельных участках 56-го полка стал предпринимать контратаки. Выходили на нас и немецкие танки. Но их «заставляли» уходить в укрытия.

Фашисты пытались идеологической отравой сбить нашу активность и стойкость, с самолетов осыпая нас разноцветными листовками. Поднимашь, видишь: на листовке пятиконечная звезда, солдат в нашей военной форме втыкает штык в землю. Писали фашистские пропагандисты складно, врали так заманчиво, что не будь это наш советский воин, патриот своей Родины, кто-то мог бы и клюнуть.

Как политработнику мне было приятно знать, что в наших рядах неразборчивых глупцов не находилось, хотя положение у нас было не из легких. Отдельные бойцы из любопытства читали такие листовки и с комментариями подносили мне: «Посмотрите, товарищ политрук, что они брешут. Свою партию называют национал-социалистической, пишут, будто вся германская армия борется за интересы народа, против капиталистов, plutokratov-evreev и большевистских комиссаров. На глупых расчет. Так им и поверили!».

— А как вы лично оцениваете эту агитацию? — спрашивал я. — У нас один ответ: смерть фашистским оккупантам! Будем еще сильнее и крепче бить фашистов! — скандировали бойцы.

Однажды на позициях батальона появился комиссар 56-го полка Петр Иванович Сотник. Молодой, высокий, спортивного

телосложения, да еще с усами, как у Василия Ивановича Чапаева.

Побеседовал он по-душевному с бойцами моей роты и спрашивает: «А что бы вы хотели?» — «Поспать, товарищ комиссар», — дружно рявкнули солдаты. Меня такая просьба в жар бросила. Ну, думаю, всыплет мне комиссар за такие настроения в роте, когда перед дивизией стоит задача войти в Синявино, а тут о сне мечтают люди.

Однако комиссар рассказал солдатам байку о том, как один капрал спал и увидел такой сон, после которой всю жизнь маялся бессонницей. Бойцы от души посмеялись и желание спать у них прошло.

Командир полка Ярошевич ставил перед батальоном задачу войти в Синявино 30 августа. Но ни 30, ни 31 августа и даже в сентябре, несмотря на все приложенные усилия, ворваться в Синявино батальону и всей 19-й дивизии не удалось. Бои были ожесточенными и тяжелыми для обеих сторон. Батальон отбивал атаку за атакой. Редели наши ряды, выбывали из строя товарищи. Фашистов тоже крушили хорошо. Рукопашные схватки стали чуть ли не системой.

Вскоре я узнал, что 5 сентября погиб наш комбат, ст. лейтенант Пушкин, человек волевой, смелый и решительный. В самой сложной и трудной ситуации он сам служил примером. И вот его не стало. Тяжело восприняли эту весть бойцы моей роты. Погиб и наш командир роты Анатолий Поляков, пермяк.

6 сентября противник перешел в контрнаступление. Командование Волховского фронта было вынуждено вводить свежие силы из своего резерва. А 7 сентября захлебнулась атака нашего батальона. Я был ранен еще утром, а пришел в чувство, когда наступила ночь. Увидел, что врачи и сестры «колдуют» над моим безжизненным телом. Над головой торчат простыни и ветки деревьев. Видимо, это был полковой или дивизионный перевязочный пункт.

Не помню, как и когда оказался я в г. Сясьстрое, на носилках в каменной церкви, в самых «райских дверях». Затем самолетиком ПО-2 был вывезен в г. Череповец. Здесь левая нога мне до самого бедра была ампутирована. Процесс лечения длился 10 месяцев уже на Урале, в г. Лысьве.

Имею награды и за войну, и за труды. После войны заработал 37 лет трудового стажа. И сейчас остаюсь в строю.

Е. И. ТКАЧЕНКО,
майор в отставке, бывш. начальник
штаба 2-го дивизиона 45-го гвардейского артполка
19-й гвардейской стрелковой дивизии

Бой под Синявино*

27 августа 1942 года грохот артиллерийской канонады возвестил о начале наступления. Противник затих, смолк. Последовала дружная и быстрая атака пехоты, и передний край вражеской обороны был прорван.

— Взяли Гонтовую Липку? Отлично! Двигай, двигай вперед, не отставай от ротного. Держи связь по радио. Я скоро тоже иду вперед, — кричал в телефон командир дивизиона Никифоров командиру батареи старшему лейтенанту Ленину.

А высоту западнее Гайтолово все еще удерживал противник. И ни орудия, ни минометы, ни транспорт не могут идти вперед за пехотой: с высоты фашисты поливают артиллерийским и пулеметным огнем. Только сегодня на эту большую и пологую высоту пехота идет в атаку третий раз. Пехотинцы нам хорошо видны, они бегут вперед. Падает один, другой, третий. Враг ведет огонь из всех орудий. И наша пехота снова залегла.

Ночью все командиры и бойцы были заняты подготовкой к новой атаке. Никто не спал. Мы, артиллеристы, готовили исходные данные для стрельбы, чтобы утром своевременно открыть точный огонь. Третий батальон стрелкового полка майора И. Н. Киреева обошел высоту, чтобы атаковать гитлеровцев с тыла.

Утром загремели залпы десятков орудий и минометов. Через некоторое время взвились зеленая, а затем красная ракеты. И понеслось над лесом грозное и многоголосое «Ура!» Поднялись пехотинцы и быстро побежали вперед, как будто боялись отстать от линии огня, перенесенного в глубину вражеской обороны. С высоты робко застручили пулемет, второй, третий. Но орудия, следовавшие вместе с пехотой, ударили по ним прямой наводкой, и пулеметы врага смолкли.

А пехотинцы видны уже на склоне высоты, потом на ее гребне. Все громче, сильнее, все неистовее несется «Ура!» И тогда с остервенением, надрывно ударили по высоте вражеские батареи из Синявина и Тортолова. Фашисты намереваются сделать высо-

* Доклад на военно-исторической конференции во МГе 1.10.1982 г.

ту мертвой. Но тщетно! Наши бойцы закрепляются на высоте, приспосабливают для обороны отвоеванные у врага траншеи. Поплелись пленные, охраняемые ранеными бойцами.

Как и ожидали, следующее утро оказалось бурным. Мы успешно наступали на Синявино, а противник начал настойчивые атаки у основания прорыва наших войск у речки Черной. После огневого налета гитлеровцы перешли в наступление на Гайтолово. На высоту ползли танки, а за ними бежала фашистская пехота. Четыре раза шли танки и четыре раза откатывались назад.

Днем противник, подбросив свежие силы, начал наступление и у Синявино, и у Рабочего поселка № 7, и у Гонтовой Липки. Наша пехота восточнее Синявино не успела закрепиться и отошла к нам.

С трех сторон наседают враги. Они идут сначала медленно, потом быстрее и, наконец, бегут на наши окопы. Заговорили пулеметы, автоматы, заторопились карабины и винтовки. Многие фашисты падают от наших пуль, но другие бегут и бегут. Прижав приклады к животам, свинцом поливают нас из «шмайсеров».

Но до гранат и рукопашной дело не дошло: не выдержали фашисты. Один за другим они падают в болото. Изредка перебегают офицеры с пистолетами в руках, грозят и подгоняют солдат в атаку. Но безуспешно.

Из Синявина движется пехота — подкрепление к залегшему врагу. Фашисты идут строем, слаженно, четко и уверенно. Так не ходят потрепанные в боях подразделения.

— Калишер, подави колонну у Синявино, — приказывает Никифоров командиру батареи, находившемуся вместе с нами на командном пункте. По проводам пролетела протяжная команда, закончившаяся резким, повелительным: «Огонь!» Ждем выстрела орудия. Но вместо этого получаем тревожный ответ с огневых позиций:

— Огневики не могут дать огня, они отбивают атаку танков и пехоты прямой наводкой.

Теперь в бою мы можем быть только пехотинцами. Если орудия не могут бить по врагу по нашим командам, то вся надежда только на винтовки, автоматы и пулеметы. Такое случалось не раз. Мы уже привыкли к этому.

Еще две атаки предприняли фашисты в этот день, но не добились никакого результата.

В боях на высоте у Гайтолово пехота уничтожила около двух десятков фашистских танков. Подступы к высоте и ее склоны были усеяны трупами вражеских солдат и офицеров.

*Е. П. ШИХАРДИНА,
бывш. мл. врач 56 гв. сп 19 гв. сд*

Без сна и отдыха

В 19-ю гвардейскую дивизию я пришла 14 сентября 1942 года после окончания Томского медицинского института. В это время дивизия вела тяжелые бои под Синявином.

Сражение было трудным и кровопролитным. Для меня, только что назначенной младшим врачом полка, это были первые дни на фронте. Наша санитарная рота размещалась в блиндажах на опушке леса, по которой немцы вели бешеный артиллерийский обстрел. Работать приходилось под разрывами снарядов. Раненых было очень много. Одни шли в санроту пешком, других круглые сутки подвозили на подводах. Мы трудились без сна и отдыха под бомбежками и обстрелами, отдавали все силы и делали все возможное, чтобы помочь раненым, облегчить их страдания. А какими молодыми они погибали!

Как раз перед боями дивизия получила пополнение из курсантов Алма-Атинского пехотного училища. Восемнадцати-двадцатилетние, они пошли в бой рядовыми, и многие остались навечно в синявинской земле. Они храбро сражались, горячо любили Отчизну и отдали за ее свободу самое дорогое — жизнь.

К концу третьих суток моего пребывания на передовой в роту с КП пришел старший врач и сказал, что дивизия окружена и с наступлением темноты мы будем выходить. Создалось трудное положение: эвакуировать раненых было невозможно и оставить их мы не имели морального права, нужно было выносить.

Помню, выводил нас командир 3-го батальона ст. л-т Косолапов, из командования полка никого не было. Ночью мы двигались по кюветам вдоль большака (насыпной дороги, которую немцы освещали ракетами). Все было видно как днем и немцы били по нам перекрестным пулеметным огнем, обстреливали из пушек и минометов.

Не знаю, сколько времени мы шли и какое преодолели расстояние, только, когда казалось, что никаких сил больше не осталось, я вдруг услышала: — Все, вышли! — и тут же провалилась в болото.

Из полка нас вышло совсем мало. Кого убило, кого ранило, кто попал в плен. Тяжело и теперь вспоминать об этом. Мне повезло — я осталась жива. С полком, который несколько раз пополнялся, прошла путь от Ленинграда до Кенигсберга, затем по степям Монголии, через Большой Хинган до Порт-Артура, где прослужила до июня 1948 года.

*Н. И. КРУГЛОВ,
полковник в отставке,*

бывш. командир 1234-го инженерно-саперного батальона 2-й УА

Армейские саперы в Синявинской операции 1942 года*

Восстановив силы в госпитале после выхода из любанского окружения, я был направлен в распоряжение начальника инженерных войск 2-й ударной армии подполковника Мельникова. По прибытии в Папортное я доложил по команде и был принят подполковником. Он меня внимательно выслушал и спросил, справлюсь ли я с батальоном. Я ответил, что справлюсь. «Тогда сдавайте документы начальнику штаба майору Семашко, ознакомьтесь со штатом батальона, поезжайте в запасной полк, набирайте солдат и сержантов, а офицеров на укомплектование мы вам пришлем».

Я с большим рвением приступил к исполнению новой должности командира армейского инженерно-саперного батальона под номером 1234.

На укомплектование и сколачивание батальона времени дали две недели. Из старого состава батальона, вышедших из окружения было 37 человек. Из офицерского состава — комиссар батальона Павлов, командир роты, командир взвода, помначштаба, партторг батальона, заместитель по тылу, начпрод, ветфельдшер, медицинский фельдшер, остальные солдаты и сержанты.

* Доклад на военно-исторической конференции во Мгэ 1.10.1982 г.

Закипела работа по формированию батальона, укомплектованию его всем необходимым согласно штатному расписанию. Через две недели подали вагоны под погрузку и мы отбыли на фронт в район Волхова. Разгрузились на станции Войбокало.

Для руководства строительством командного пункта армии со мной прибыл заместитель начальника инженерных войск армии подполковник Лавров и два офицера оперативного отдела. В этот же день у меня произошла встреча с младшим братом Владимиром. С ним мы не виделись три с лишним года. Он ранее служил в погранвойсках в Биробиджане. В 1940 году уехал на учебу в Ленинградское политическое училище, где его и застала война, а затем блокада Ленинграда. Все училище было брошено на защиту города. Многие из курсантов героически погибли. Брат Владимир был ранен. После излечения ему присвоили звание политрука и направили в зенитную часть, прикрывавшую Волховскую ГЭС от налетов немецкой авиации. Радостная встреча была недолгой. Потом мы увиделись только в апреле 1944 года.

Место строительства командного пункта выбрано. Намечено, где и что размещать. В основном было решено, как и из чего строить укрытия. На строительство КП было определено 15 суток.

С утра закипела работа. Укрытия строили из бревен, заготовленных на месте. Нужно было построить 48 домиков различных размеров со всем оборудованием для работы штаба.

К прибытию штаба армии помещения были готовы. Прибывшая из Москвы рота произвела маскировочные работы расположения командного пункта и подъездов к нему. Маскировочный режим соблюдался строго. В двух километрах западнее станции Войбокало был оборудован запасной командный пункт и построен КНП армии на высоте у южной окраины деревни Путилово. Были выстроены укрытия, защищающие от снарядов и мин всех калибров.

Соединения армии вступили в бой по прорыву блокады Ленинграда в районе Синявино. Немецкое командование бросило сюда большое количество авиации. Бомбажке подвергались все пункты, вызывающие хоть малейшее подозрение на присутствие войск или техники. Бомбажки охватывали все южное побережье Ладожского озера до Черной речки.

В дневное время передвижение было невозможно. Налеты длились до тех пор, пока цель не была уничтожена либо терялась

из виду. Перерывы между налетами длились обычно 2–3 часа. Авиация противника сковала все действия войск. Было суждение, что немцы перебросили сюда 1200 самолетов с других фронтов. И вся эта масса самолетов на узкой полосе подавляла все живое, все замеченное. Наших самолетов не было. Защитных средств использовалось мало. С целью морального изнурения и наведения страха бомбардировщики с включенными сиренами пикировали, пока не кончится горючее. Чего только не сбрасывали с самолетов! Куски железа, рельсы, бочки с просверленными отверстиями, которые при падении издавали душераздирающие звуки.

Находясь на КП армии в районе деревни Путилово, мы однажды наблюдали интересный случай, который привел в восторг всех офицеров штаба армии. Даже генерал Клыков вышел смотреть. По дороге через деревню Путилово ехал на тракторе солдат и вез два прицепа, нагруженные артснарядами. За ним увязались немецкие пикирующие бомбардировщики. Они сопровождали его на протяжении 12 километров пути. На него налетало по 15–18 пикировщиков сразу. Сбрасывая бомбы — взрывы заслоняют все пылью и дымом. Все гадают, разбомбили или нет? Но пыль и дым рассеиваются, смотрим — тракторист едет, он и не останавливался. И так все 12 километров пути его сопровождали немецкие самолеты, подвергая бомбежке. К вечеру генерал Клыков дал задание начальнику штаба послать офицера, найти этого тракториста и доставить к нему. Боец был найден и приведен к командующему. Он выглядел устало, измазан, но спокоен. В беседе с командующим солдат сказал: «При первом налете я гадал: что делать? Остановиться, найти укрытие, переждать до вечера? Но у меня был приказ к вечеру доставить снаряды на боевые позиции, я и поехал. Смотрю, бомбы на меня не падают, я решил не обращать на них внимания и ехать до пункта назначения. Я доставил снаряды на огневые позиции к установленному времени».

Наблюдающие подсчитали, что на тракториста было совершено больше двухсот самолето-вылетов и сброшено более тысячи бомб. После беседы командующий приказал немедленно оформить материал на присвоение бойцу звания Героя Советского Союза. Надо полагать, это высокое звание он получил. Я же получил приказ выдвинуться с батальоном в район деревни Гайтолово с задачей установки мин на танкоопасных направлениях. Работа была ответственная, объемная. Днем выполнить эту работу было

невозможно из-за вражеской авиации и обстрела артиллерией, корректируемой постоянно висевшими в воздухе самолетами-разведчиками. Ночь коротка, много не сделаешь, а к рассвету надо было возвращаться в укрытие. Наступательные действия по прорыву блокады начали затухать. Прорыв осуществить не удалось. Войска переходили к обороне. Почти в течение месяца батальон занимался строительством деревоземляных огневых точек для пулеметов, противотанковых ружей и 45-миллиметровых пушек. Срубы изготавливали из бревен в трех километрах от переднего края. Ночью на лошадях их подвозили к переднему краю и по ходу сообщения переносили на руках к месту установки. За ночь удавалось установить одну огневую точку. Всего батальоном было построено 16 огневых точек.

С названием героической деревни Гайтолово связаны многие кровопролитные сражения. К августу 42-го года здесь не осталось ни одного дома, кроме подвалов да колодезных журавлей. Деревня располагалась на значительных высотах, с которых открывался хороший обзор местности. Были дни, когда немцы атаковали ее по несколько раз, не взирая на потери. 23-го сентября это им удалось.

Прорвать блокаду Ленинграда осенью 1942 г. не получилось. Войска перешли к обороне. Наш батальон в течение 10 дней ремонтировал КП 2-й УА, построенный перед началом наступления, потом отбыл под Калинин и вошел в состав 54-й инженерно-саперной бригады резерва главного командования.

Ф. П. ПАВЛОВ,
майор в отставке, бывш. начальник связи
741-го стрелкового полка 128-й сд

128-я стрелковая в Синявинской операции*

От имени совета ветеранов 128-й стрелковой Псковской Краснознаменной дивизии я горячо и сердечно приветствую Вас и поздравляю по случаю знаменательного события — сорокалетия Синявинской операции.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Здесь много говорилось о том, как и где разворачивались основные события этой операции. Но значение Синявинской операции столь велико, что не лишне напомнить об этом еще раз.

Давайте на минуту представим, что нашему ВГК не удалось бы летом 1942 года разгадать замысел врага и упреждающий удар в районе Синявино не был бы нанесен. Очень возможно, что сосредоточенные под Ленинградом войска гитлеровцев, перейдя, как планировалось, в решительное наступление, в сентябре 1942 года могли штурмом овладеть Ленинградом.

В директиве на операцию «Нордлихт» («Северное сияние») Гитлер решил: «Задача: 1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами. 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей!»

Вот что ожидало город великого Ленина! Но не вышло. Синявинская операция сорвала бредовые замыслы гитлеровского командования.

Как известно, в ходе Синявинской наступательной операции войсками Волховского и Ленинградского фронтов было уничтожено 60 000 солдат и офицеров врага. Практически, под Синявино в августе — сентябре 1942 года была перемолота основные силы гитлеровских войск, предназначенных для штурма Ленинграда. Синявинская операция навсегда похоронила план врага овладеть Ленинградом и создала благоприятные условия для прорыва блокады в январе 1943 г.

Синявинская битва была исключительно жестокой и кровопролитной. Наши потери, как наступающей стороны, были огромны. Но кровь, обильно пролитая на синявинской, мгинской земле, не была напрасной. Она спасла от гибели Ленинград.

Мы, участники Синявинской наступательной операции, можем гордиться тем, что частица нашего ратного труда вложена в спасение Ленинграда, что и мы, как могли, приближали День Великой нашей Победы.

К сожалению, в докладе генерала Хренова 128-я стрелковая дивизия, впоследствии ставшая Псковской и Краснознаменной, упоминается как не принимавшая активного участия в Синявинской операции 1942 года. Это неверно. Участие 128-й дивизии в этом сражении подтверждено таким солидным изданием, как «История Второй мировой войны 1939—1945 гг.».

Я в течение пяти лет возглавляю историческую секцию Совета ветеранов 128-й дивизии и располагаю значительным количеством

архивных документов о боевой деятельности дивизии, в том числе и об участии ее в Синявинской наступательной операции.

Наша 128-я дивизия, входившая в состав 48-й, 54-й, 2-й УА, 67-й армий, единственная дивизия на фронте, бессменно воевавшая на синявинской земле бывшего Мгинского района с сентября 1941 года по январь 1944 года, участвовала во всех операциях Волховского фронта в этом районе. Занимая правый фланг Волховского фронта от берегов Ладоги в районе мыса Бугровского до Гонтовой Липки, дивизия вошла в состав 2-й ударной армии и 27 августа 1942 года после мощной артиллерийской подготовки перешла в наступление на участке роща Круглая—Рабочий поселок № 4 с целью прорыва обороны противника и выхода на соединение с войсками Ленинградского фронта. Первый успех нашей дивизии обозначился в районе южнее Рабочего поселка № 8. Оборона противника, проходившая по торфяному полю, была прорвана. 28 августа 741-й стрелковый полк, развивая успех прорыва, овладел Рабочим поселком № 4 и вышел к узкоколейной железной дороге РП-4—Синявино, а 1-й стрелковый батальон 741-го стрелкового полка под командованием капитана Г. М. Рогачева устремился к РП-5, углубившись в оборону противника на 4–5 км. При отступлении враг оставил в РП-8 более 100 трупов солдат и офицеров и большое количество вооружения, боеприпасов и другого военного имущества (ЦАМО, фонд 1345, д. 1, л. 3).

Через несколько дней под напором превосходящих сил 1-й сб 741-го стрелкового полка вынужден был отступить к РП-8. Командиром 741-го стрелкового полка в это время был подполковник Юлдашев Гариф Зиятдинович. Понеся значительные потери, 128-я стрелковая дивизия вынуждена была перейти к обороне. Занятый рубеж дивизия мужественно обороняла и отбивала контратаки до середины октября 1942 года.

С 11 по 18 октября дивизия вела жесткие непрерывные бои с противником, перешедшим в контрнаступление на РП-8. При отражении контратак превосходящих сил врага дивизия понесла тяжелые потери. Утром 15 октября противнику удалось окружить РП-8 и его гарнизон, состоящий из остатков 533-го стрелкового полка. Воины 533-го полка самоотверженно сражались до последнего патрона и все погибли в окружении. Рабочий поселок № 8 снова оказался в руках врага.

Под натиском превосходящих сил противника остатки 128-й стрелковой дивизии вынуждены были отступить на исходные по-

зиции и занять оборону на прежнем рубеже (торфяное поле севернее рощи Круглая — опушка леса восточнее РП-8 и далее по лесу до берега Ладожского озера).

18 октября со стороны РП-8 немцы силами до батальона пехоты предприняли психическую атаку на нашу жидкую оборону. На опушке леса восточнее РП-8 они были встречены яростным пулеметным огнем, практически разгромлены и обращены в бегство. Это была последняя атака немцев. Обе стороны перешли к обороне.

По сведениям ЦАМО, в ходе Синявинской операции (август — октябрь 1942 г.) воины 128-й дивизии уничтожили до 1600 гитлеровцев.

В октябре 1942 года части дивизии поочередно выводились в деревню Верхняя Назия и на мыс Бугровский для пополнения и кратковременного отдыха, а затем снова обороны рубеж от берега Ладоги до рощи Круглой и активно готовились к операции по прорыву блокады Ленинграда.

Вот как завершилась для нас Синявинская наступательная операция.

На Синявинской, ныне Кировской, земле в битве за Ленинград в 1941, 1942 и 1943 годах проводилось много наступательных и оборонительных операций. В битве за Синявино участвовали несколько десятков дивизий. Синявино и Невский «пятачок», как Сталинград и Курская битва, навечно вписаны в историю Великой Отечественной войны.

Синявино и Липки, Тортолово и Гайтолово, роща Круглая и Рабочий поселок № 8 вошли в военную историю как мощнейшие узлы сопротивления гитлеровской армии на Волховском фронте. В боях за эти пункты в 1941—1943 гг. погибли сотни тысяч советских воинов. Они отдали самое дорогое — жизнь — за Родину, за Ленинград. И очень прискорбно, что память о погибших практически предана забвению.

Перечисленные мною пункты на синявинской земле достойны того, чтобы в них были установлены приличные памятники с перечислением дивизий и бригад, участвовавших в боях. Мы часто пользуемся лозунгом: «Никто не забыт и ничто не забыто!» А что же сделано на синявинской земле за 40 лет для увековечивания памяти воинов, павших за отчество? Очень мало. Скромные обелиски на высоте Безымянной (бывшее Синявино) и на месте соединения двух фронтов во время прорыва блокады Ленинграда —

это несоизмеримо малая дань величию подвига, совершенного советскими воинами в годы войны.

Пора упомянутый лозунг по-настоящему материализовать и по-деловому занятьсяувековечиванием памяти погибших, пока живы непосредственные участники боев.

*П. В. РУХЛЕНКО,
капитан в отставке,
бывш. парторг 894-го ап 327-й сд*

Во имя освобождения Ленинграда

После Любансской наступательной операции людей осталось очень мало — в нашем полку всего 80 человек. Но скоро нам дали пополнение из расформированного кавалерийского корпуса генерала Н. И. Гусева. Меня назначили и. о. комиссара 894-го артполка. Штатных политработников в полку почти не было. Требовалось, не теряя времени, начать организацию политической работы и формирование низовых партийных организаций. Надо было прежде всего подобрать парторгов из хороших вожаков-коммунистов, которые возглавили бы работу в батареях и других подразделениях.

В скором времени начал свою работу политотдел 327-й стрелковой дивизии, начальником которого был назначен полковой комиссар Е. Ф. Дурнов. Он умело и достойно возглавлял политическую работу. Постепенно начали прибывать политработники и занимать должности комиссаров батарей и дивизионов. Первичных партийных организаций в то время еще не было, хотя вопрос об их создании назрел.

В 894-й артполк был назначен комиссар полка, а затем были заполнены и другие вакантные должности — агитатора и комсорга. Быть парторгом предложили мне. Политотдел дивизии назначил комиссаром полка батальонного комиссара П. И. Широкого. Командиром полка стал майор Н. П. Грицак, начальником штаба — майор М. А. Скубаков.

Началась организованная боевая и политическая подготовка в полку. Личный состав поступал различный: кроме кавалеристов, участвовавших в Любансской операции и уже «обстрелянных», были и не участвовавшие в боях. С этой частью личного состава нам приходилось вести более интенсивную политическую работу.

В этой новой для меня работе были свои трудности. Но мне удалось в скором времени подобрать хороший актив из парторгов и комиссаров подразделений — это была моя опора, мои помощники. Со временем я стал чувствовать себя увереннее.

Комсоргу полка Н. Ф. Котову было всего 20 лет. Он еще был в звании замполитрука, но хорошо и быстро усваивал свои обязанности. Среди актива были лейтенант А. Лебедев, рядовой М. Вырицкий и многие другие.

Развивая работу в низовых партийных организациях, мы подготовили и провели семинар, на котором было уделено большое внимание организационной работе парторгов в предстоящем наступлении. Кроме коммунистов и парторгов, мы начали отбирать актив из комсомольцев и комсоргов в подразделениях. В их числе были комсорги дивизионов сержанты Бердик, В. Зикунков и многие другие. К сожалению, за давностью всех вспомнить трудно, но важно одно: это были молодые коммунисты и комсомольцы, которые шли в бой, не щадя ни сил, ни самой жизни.

В лесах Малой Вишеры мы имели возможность поддерживать живую связь с полит управлением Волховского фронта. Это позволяло положительно решать многие вопросы практической работы в полку. Большим недостатком было то, что у нас отсутствовали такие пособия, как устав и программа партии.

Обстановка на фронте еще оставалась сложной и трудной. Немецко-фашистские захватчики уже не имели возможности наступать повсюду, как это было в 1941 году. Но на юге враг еще наступал и продвигался в сторону Кавказа и Сталинграда. Большая часть советской территории оставалась в руках врага. Особенно беспокоило положение Ленинграда.

В это время вышел приказ Верховного Главнокомандующего № 227, в котором была изложена обстановка в стране, наше экономическое и военно-стратегическое положение. Помню, как недалеко от Малой Вишеры, в лесу, политработников собрал начальник полит управления Волховского фронта генерал К. Ф. Калашников, который зачитал нам приказ № 227 и разъяснил боевые задачи. Вскоре приказ № 227 и мы получили в полк. В дальнейшем вся партийно-политическая работа с личным составом — командным и рядовым — проводилась в соответствии с приказом № 227.

В этот же период времени Волховский фронт начал перегруппировку войск в сторону Ладоги. В план перегруппировки вошла

и наша 327-я стрелковая дивизия (командир — полковник Н. А. Поляков).

Наш полк получил приказ на получение материальной части в запасном полку на ст. Котово. Получив материальную часть, все сразу почувствовали, что полк стал настоящей боевой единицей и может своими средствами нанести мощный удар по немецко-фашистским захватчикам.

Нам предстоял путь по железной дороге через Окуловку, Будогощь, Волховстрой на ж/д станцию Войбокало. Перед Волховстроем мы впервые встретили эвакуируемых ленинградцев, которые запомнились на всю жизнь. При проведении в полку партийно-политической работы с личным составом мы всегда заключали: за мучения и страдания ленинградцев не пожалеем своих сил и самой жизни — освободим город Ленина во что бы то ни стало!

Основное внимание мы уделили пополнению и закреплению вновь созданных в полку низовых парторганизаций, которые при создании в ходе комплектования полка имели всего по 6–8 человек. Благодаря активной работе по отбору и приему кандидатов в члены КПСС, у нас по отдельным организациям стало по 10 и более коммунистов. Принимали мы людей в партию на стоянках, при передвижении своим ходом и по железной дороге. Использовали для этой работы все возможные, а подчас и невозможные условия. Так, при движении в Котово своим ходом на ст. Мстинский Мост у нас была остановка, которую мы использовали для короткого заседания партбюро полка по приему в партию, а затем в Войбокало утвердили на парткомиссии тех, кто был принят ранее.

Многие при вступлении в партию в своих заявлениях писали: «Если убьют, прошу считать меня коммунистом». Иногда и так было: отдельные бойцы и командиры попадали под обстрел или бомбёжку и погибали. Например, рядовой Мельников, москвич, оформлял свое личное дело на прием в партию, а рядом разорвалась мина, которая для него оказалась роковой... Он был принят в партию посмертно.

Плотность войск на нашем участке фронта становилась все большей. Мы понимали, что скоро начнутся бои. Поэтому в своей агитационно-пропагандистской работе стали уделять большое внимание сплочению людей и их настроению. Не обходилось и без казусов, на которых я остановлюсь ниже. Вопросы героизма или трусости мы не упускали из виду, увлечение отдельных людей

листовками противника было нетерпимым. В последнем вопросе мы обязывали решительнее действовать ст. оперуполномоченного полка И. И. Косточки. Большое внимание в партийно-политической работе уделялось вопросам хозяйственного обеспечения, особенно снабжению продовольствием и боеприпасами.

На станции Войбокало мы выгрузились, не попав под бомбежку. Пришло время выйти на боевые рубежи перед д. Вороново. 327-я стрелковая дивизия закончила свою подготовку к 27 августа. 894-й артполк заканчивал укрепление огневых позиций и вел разведку целей противника. Тогда еще не было механической тяги и нас обеспечили хорошими лошадьми кавалеристы генерала Н. И. Гусева. Весь август 1942 года был очень напряженным. Большая и сложная подготовительная работа осталась позади, на очереди стала непосредственная задача — БОЙ!

27 августа рано утром началом артнаступление, которое длилось два часа. Грохотало и дрожало все, казалось, и земля тоже. Это был долгожданный час. На душе у всех радость и тревога. На головы врага обрушились тонны металла из орудий и минометов различных калибров.

Вперед пошла пехота. Опорный пункт — деревня Вороново — был взят. Успешное начало нас ободрило, но возникали все новые обстоятельства и задачи.

В это время мне пришлось находиться во 2-м дивизионе, где комиссаром был старший политрук М. Симаков. Наше наступление шло успешно, и мы, как только уточнили обстановку, начали готовить работу партбюро по приему в партию. Членами бюро были: комиссар полка П. И. Широков, начальник штаба полка М. А. Скубаков, остальные — из политсостава, парторгов, комсостава и рядовых. Все они активно участвовали в работе.

На этот раз мы проводили партбюро на огневой позиции батареи 2-го дивизиона, где старшим был лейтенант Лебедев. Работа партбюро полка впервые проводилась в условиях наступательного боя. Стоял только один вопрос: прием в партию. Но прошло немного времени и противник накрыл позицию батареи артналетом.

В начале сентября, обстановка стала меняться не в нашу пользу. Противник получил сильное подкрепление и начал решительные действия против нас. Немцы начали все чаще контратаковать, в воздухе стали появляться немецкие самолеты, которые действовали безнаказанно, так как у нас самолетов почти не было. Необходимо было усилить партийно-политическую работу

в условиях боя, который становился все труднее. На период боевых действий был составлен план, в котором намечалось вручение партдокументов, а у нас уже появились первые награжденные приказом командира дивизии. Необходимо было организовать вручение наград более оперативно, так как награжденные были в основном рядовые, сержанты и командиры батарей.

В конце месяца надо было закончить прием и сдать партийные взносы. Этим занимался лично партторг полка. Рядовой коммунист платил взнос — 10 коп., но требование политотдела заключалось в том, чтобы встретиться с бойцом, поговорить с ним по душам, суметь поднять его настроение. Но мне, вновь назначенному партторгу полка, не имеющему должного опыта, это сделать пока не удавалось, а подчас было и просто невозможно.

В это время случилась задержка с боеприпасами. Меня вызвали на КП, где командир полка майор Н. П. Грицак и комиссар Широков отдали приказ выехать на железную дорогу к станции Жихарево (25–30 км) и выяснить причину задержки. Прибыв благополучно на станцию Жихарево, я нашел базу снабжения и наших людей во главе с начальником артснабжения. Им оказался ст. лейтенант, фамилии не помню. Он был новым человеком в полку, но уже начал безобразничать: напился пьяным и забыл о деле. Мне пришлось ускорить отправку боеприпасов, а заодно и этого начальника к командиру полка.

Возвратившись на место, я встретил у себя инструктора политотдела Ярошенко. Это был человек в возрасте, ранее работавший зав. орготделом Кременчугского горкома партии. Именно он настроил меня на работу партторгом. К сожалению, вскоре Ярошенко был убит прямым попаданием снаряда.

По ходу боевых действий наш полк был разделен на две части: 2-й дивизион оставался у дер. Вороново, а 1-й и 3-й были передвинуты за железнодорожную линию под Гайтолово и Тортолово — этого требовала изменившаяся обстановка. Там были наиболее напряженные боевые действия, особенно у рощи Круглая. Вступил в бой и 4-й корпус генерала Н. А. Гагена, на которой возлагались большие надежды. Надо было взять Синявино. Требование приказа № 227: «Ни шагу назад!» — стало для нас делом дня. Во время изменившейся обстановки у нас появились негативные случаи.

Бои на новом участке становили все более ожесточенными: немцы имели много самолетов, бомбили и обстреливали даже отдельных бойцов, которые носили на передовую пищу в термо-

сах. Во второй половине дня мне пришлось выполнять много заданий как посыльному, а не как парторгу. Но война есть война... На КП я получил приказ от комиссара полка П. И. Широкого найти и установить связь с 6-й батареей: видимо, после бомбёжки был перебит провод. Со связистами мы отправились искать обрыв и нашли его в 150—200 м от расположения 6-й батареи, пройти пришлось 1,5 километра. Конечно же, этот обрыв должны были найти и устранить связисты 6-й батареи. Но на месте мы увидели большой непорядок: после прошедшей бомбёжки противника люди были в растерянности и прятались кто где мог. А старший на батарее молодой лейтенант тоже растерялся. Пришлось мне вместе с ним отыскивать людей и возвращать на свои места. Кроме того, они не успели вовремя в укрытие лошадей, большая часть которых была поражена при бомбёжке. После проведенной соответствующей работы я строго предупредил старшего на батарее, а сам со связистом направился на проселочную дорогу в сторону КП полка.

В это время со стороны железной дороги часто бил бронепоезд неприятеля. На дороге мы встретили командира полка Н. П. Грица-ка со своим ординарцем сержантом Деревянко. Я доложил комполку о своих действиях в 6-й батарее. Он поблагодарил меня и пошел с ординарцем на свой НП. Не успели мы разойтись, как немецкие самолеты снова начали бомбёжку. Мне казалось, что это конец. Я снял каску и сделал себе углубление, чтобы спрятать голову и корпус, связист сделал то же самое. Осколки падали дождем, но мы остались невредимы. Основное направление бомбёжки прошло левее расположения 6-й батареи, но именно там, куда пошел майор Н. П. Грицак с ординарцем Деревянко.

Возвратившись на КП полка, я доложил обо всем комиссару полка. Он уже знал, что связь восстановлена, и ничего мне больше не сказал. А через несколько минут майор М. А. Скубаков сообщил, что не может выяснить, где комполка майор Н. П. Грицак. Было предположение, что они попали под прямое попадание авиабомбы.

После бомбёжки к нам привели немецкого летчика, который был сбит и сел на нашей территории. Это был рослый блондин лет тридцати. Мы пытались с ним разговаривать, но он вел себя так надменно, что мы отправили его в штаб 327-й дивизии.

Вечером я пошел к зам. полка майору Васину, который был назначен и. о. комполка. Майор Васин ко мне всегда относительно благосклонно, часто давал необходимые советы и подска-

зывал обстановку. В это время в полк прибыл председатель ДПК батальонный комиссар Дегтярев. При встрече Дегтярев мне сказал: «Нам до рассвета надо пробраться на КП 1100-го пехотного полка и провести заседание по вопросам плохого снабжения». Через несколько минут мы уже шагали с ним по торфянику, держась за провод связи, который вел нас на КП командира этого полка. По пути мы обнаружили нашего коммуниста, который был на промежуточной линии связи с этим полком. Он рассказал, где и как найти КП пехотного полка. Заодно я сумел у него принять партвзносы. Путь наш был опасным. Командир полка принял нас доброжелательно, рассказал о сущности дела, а сам лег спать, так как ему рано утром надо было вставать.

Разобравшись с делом, мы строго спросили с зам. комполка по хозчасти и начальников по продовольственному снабжению, не обошлось и без партвзысканий, мы сочувствовали некоторым из них, обстановка была не из легких.

Вскоре в 3-м дивизионе мы подготовили заседание партбюро полка. Комиссар дивизиона Гульев вызвал небольшое количество причастных людей. А вскоре прибыл председатель ДПК Дегтярев, и у нас продолжилась работа по окончательному приему в партию.

Вдруг немцы начали усиленный артобстрел, который продолжался так долго, что образовалась сплошная завеса пыли и дыма. Мы сидели, разговаривали с людьми, а сами думали, как бы не угодил снаряд. Этот прием в партию запомнился надолго.

Сложными были и все последующие дни. Но призыв: «Ни шагу назад!» делал свое дело. Наши войска ожесточенно держали каждый клочок земли. Вспоминаю, как на одном из участков прошли упорные бои, а после ст. лейтенант Коротков рулеткой замерял отбитый у немцев участок земли, рискуя собой. А потом сказал: «Еще мы у немцев отбили 180 метров нашей священной земли». И Коротков для многих стал мифическим героям.

Стали подходить раненые из 4-го корпуса генерала Н. А. Гагена. На долю этих людей выпали тяжелые испытания. Мы понимали, что наступление идет на убыль.

В неудачах наших войск оказывалось многое: и неоперативное руководство при вводе второго и третьего эшелонов, и бездорожье в лесах и болотах, и господство синявинских высот, находившихся у врага. Кроме этого, у немцев было много самолетов, которые все время проносились у нас над головой. Нашей авиации мы почти не видели. Но, несмотря на это, немцы вынужде-

ны были не наступать, а обороняться, когда войска Волковского фронта обходили с юга Синявино и до Невы оставалось не так далеко, чтобы соединиться с ленинградцами. Немцы понесли большие потери в живой силе и технике.

По приказу фронта наши войска к 1 октября отошли на восточный берег р. Черной. Именно с этого рубежа мы начали наступательные бои по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Наша 327-я стрелковая дивизия продолжала и в октябре удерживать свои позиции. В обстановке обороны мы еще сумели подготовить и провести вручение партбилетов и правительственные наград бойцам и командирам, отличившимся в Синявинской операции. Вручал партбилеты полковой комиссар Е. Ф. Дурнов. Только в конце октября 1942 года мы вышли из боев и двинулись на ту же станцию Войбокало. Прибыли ночью, дороги были разбитыми и грязными. Слякоть и грязь не очень бодрили. Но мы быстро разместились в лесу вокруг д. Падрило и начали работу по подготовке к новым боям за город Ленинград.

За время синявинской наступательной операции нами было подготовлено и принято в партию 60 лучших бойцов и командиров, что дало возможность значительно укрепить низовые партийные организации. Принимали мы в партию больше всего молодежь — комсомольцев. Помню, смотришь на них и думаешь: не рано ли ему в партию? Иногда мы спрашивали у человека, а сколько он убил немцев? Это и был главный мотив приема в партию в годы Великой Отечественной войны.

*Г. Г. БОРИСОВ,
гвардии рядовой в отставке,
бывший пулеметчик отдельного
моторразведывательного батальона 4 гв. ск*

В окружении

Я служил в 241-м ОЛБ, когда в апреле 1942 г. меня ранило недалеко от д. Зенино. Увезли в госпиталь, находившийся на поляне Заяц — в трех километрах от Шапок, где проходила настильная бревенчатая дорога. Почти ежедневно приходилось наблюдать, как немецкие «юнкеры» (по шесть-девять самолетов) бомбили Шапки. Обычно каждый из них сбрасывал по три бомбы: одну пятисоткилограммовую и две по двести пятьдесят ки-

ограммов. На бомбеку заходили, делая разворот почти над самым госпиталем.

Весна... Талые воды затопили просеки и зимние дороги. Всюду лежали неубранные трупы наших и немецких солдат. Наши — в белых полуушубках и валенках, множество погибших раненых вдоль дорог — с руками на перевязи, с забинтованными головами. Кто сидя, кто лежа на обочине уснули вечным сном, не добравшись до госпиталя. Появилась специальная команда, занятая их захоронением.

В начале мая госпиталь переехал под с. Путилово и расположился на мысу в излучине речки. А в конце мая, в трех километрах от госпиталя встал на переформирование наш 241-й лыжбат.

20 июня меня выписали из госпиталя, и я вернулся в свой батальон, который переименовали в отдельный моторизованный разведывательный батальон 4-го гвардейского стрелкового корпуса. В это время батальон строил дорогу с бревенчатым настилом. Дневная норма на солдата — пять погонных метров дороги.

Затем строили вторую линию обороны с бревенчатыми дзотами и расчетными секторами обстрела, а также несли охрану штаба корпуса. Неподалеку было село с кирпичной церковью, которую взорвали, а кирпич использовали для дорожной насыпи. Питание было скучным и пресным. Поэтому из больных солдат организовали специальное отделение для сбора крапивы и щавеля для щей, которые всем полюбились.

Вскоре штаб корпуса стал переезжать на новое место, а наш взвод — сопровождать его в качестве боевого охранения. Помню только генерал-майора Н. А. Гагена и полковника Бабушкина, остальных работников штаба не знаю.

Прибыли мы в дремучий лес. Там нас встретили командиры саперов и показали три готовых просторных блиндажа. Но г.-м. Гаген возмутился и заявил: «Я должен воевать и находиться на переднем крае, а не отсиживаться в тылу. Мне нужен КП на поле боя». И дал указание изыскать место для штаба вблизи передовой, что и было сделано. Штаб корпуса разместился недалеко от Апраксина Городка.

Одновременно перебазировался и штаб нашего батальона. Хорошо помню мощную дорогу, мост через Назию, сразу за мостом — излучину реки с крутым берегом. На самом мысу мы вдвоем с парнем из Днепропетровска строили блиндаж для командира роты. Здесь остались все наши тылы: кухня, санчасть, авторота.

А мы по дороге через Апраксин Городок вышли на высоковольтную линию, где получили приказ построить для себя блиндажи в вековых соснах у самой высоковольтки. По другую сторону линии, на голом песчаном склоне выстроили блиндажи штаба батальона с ходами сообщений, за штабом — блиндажи артиллеристов, чьи батареи расположились полукольцом на песчаном склоне, прикрытые четырехствольными зенитными пулеметами «максим».

Перебазирование происходило в первой половине августа. Тыловики, прибывшие последними, рассказывали, что спустя несколько дней после ухода штаба немецкая авиация в течение суток бомбила старое расположение, где от дремучего леса остались одни пни.

С выходом к высоковольтке мы ежедневно, несколькими группами на разных участках, ходили на разведку к переднему краю. До 5—6 сентября наша группа находилась на правом фланге прорыва. По деревянному мосту через р. Черную, по просеке через рощу Круглую мы выходили на болото площадью один на два километра, на противоположной стороне которого проходила высоковольтная линия на деревянных опорах. Вдоль нее шла немецкая оборона с дотами и дзотами, прикрывавшимися минометным и артиллерийским огнем, который велся с левого фланга от Рабочего поселка № 5. Наша группа на этом участке бывала на задании много раз. Особенно мне запомнились два похода.

Один раз мы только пересекли болото, обстреливавшееся из пулемета на шестьдесят-восемьдесят сантиметров от земли, и достигли опушки леса перед немецкими позициями, как начался шквальный обстрел нашего переднего края, и налетели одномоторные «юнкерсы» — «музыканты», как мы их называли за sireны, включаемые при пикировании.

Весь наш передний край встал дыбом, в тылу началась автоматная трескотня. При этом немецкая оборона в десяти-пятнадцати метрах перед нами молчала, весь обстрел велся из Рабочих поселков № 5 и № 8. Огонь ушел в глубь нашей обороны, и мы решили, что немецкие автоматчики заняли передний край.

Перейдя болото обратно, обнаружили три наших 76-мм пушки, около них — ни одной живой души, ни одного снаряда. Метрах в двухстах слышалась автоматная трескотня. Подобрались вплотную и обнаружили, что горит наш склад боеприпасов, рвутся патроны. Решили перекурить лежа. Новиков только сел, чтобы

свернуть папироску — пуля угодила ему в правый висок. Это был беспрерывно стрелявший немецкий пулемет. Вражеские самолеты волна за волной ходили прямо над макушками деревьев, ища новые цели для бомбекки, обрабатывая нашу оборону на всю глубину. Но что такое? После ураганного огня, под треск рвущихся патронов, в трехстах метрах от нас заиграла «катюша». Откуда она взялась? Не успел погаснуть огонь залпа, как шесть немецких «музыкантов» точно пробомбили это место. Но не прошло и пятнадцати минут, как вновь в том же месте раздался новый залп «катюши», и вновь немецкие «музыканты» пробомбили точно. Так повторилось пять-шесть раз.

Когда все утихло, мы решили проверить, что уцелело от «катюши». Подобрались к месту поединка, и к великой нашей радости и удивлению нашли там только обломки ящиков «андрюши» — родного брата «катюши», штабеля которых мы ранее видели в лесу. Но нас беспокоило то, что на всем пути к нашему расположению мы не встретили никакого подразделения и ни единого солдата. Видимо, все зарылись в свои щели

Артобстрел прекратился, только «музыканты» рыщут над макушками деревьев, выискивая новые цели. Нас было шесть-восемь человек, и «музыканты», в конце концов нас обнаружили, всей шестеркой обработали нас. Не успели мы пробежать и двухсот метров, как следующая шестерка вновь напала на нас. И так повторялось пять-шесть раз. Один раз поднимают голову из-под куста после очередной обработки и вижу: над самой головой на ветке висит свежий кусок мяса. Однако все наши живы, кого разорвало — никто не видел.

Мы выскоцили на перекресток просек. Смотрим — два ствола «дегтярей» и около них четверо пулеметчиков. Это были первые солдаты, которых мы встретили после двух-трех часов пути. И опять — «музыканты» над головой. Мы ткнулись кто в окопчик, кто в блиндаж. Пулеметы начали строчить и вдруг замолчали. Все пулеметчики погибли? Улетели самолеты, мы вылезли из укрытий — пулеметы на месте, а пулеметчиков нет. Смотрим, из одного блиндажа торчат ноги, вытаскиваем — пулеметчик цел и невредим. Здесь ведь болото, блиндажи мелкие; когда стало «жарко», пулеметчик сунулся в блиндаж, а его уже занял наш солдат. Пулеметчик голову, туловище втиснул, а дальше некуда, вот и торчали вверх ноги. И смех, и грех, мы вместе с пулеметчиками от души нахохотались.

Как мы дошли, сколько раз попадали под артобстрел и бомбежки — не помню, но это было в первых числах сентября 1942 года, потому что вскоре 2-я ударная армия была введена в прорыв, и вот как это произошло.

Через несколько дней нашему взводу, а в нем уже осталось двадцать два человека, поставили новую задачу. Через то же болото когда-то проходила лесная дорога. Перед обороной немцев был лесной мыс шириной метров сто пятьдесят-двести, который углублялся в болото метров на пятьдесят-семьдесят. Надо было занять этот лесок под носом у немцев и держать его до подхода смены.

Мы его заняли в тумане ночи, тихо окопались под стволами деревьев, метрах в пяти-десяти друг от друга. На восходе солнца немцы нас обнаружили, да и мы их хорошо видели. У немцев взвилась красная ракета. Что это значит? Начался артобстрел одновременно из трех орудий из Рабочего поселка № 5 по площади. Простреляли весь лесок с левого до правого края и обратно, выпустив тридцать-пятьдесят снарядов. Некоторые деревья свалило. Били опять снарядами с двойным взрывом — удар, взрыв, чуть позже — второй взрыв. Самые отвратительные снаряды, осколки идут в лучшем случае по горизонтали или, что еще хуже, идут «зонтиком» после удара о дерево.

Только прекратится огонь, проверяем соседей справа и слева — они живы. Немцы увидели — зашевелились, снова — ракета и снова летает «коврик» туда и обратно. От бессилия, что ничем не можем ответить немцам, зубами землю грызэм.

Опять взлетает ракета — голубая. Что-то новое... Проходит пять-десять минут, и вот они, «родненькие музыканты» — девять-двенадцать штук. Но они боятся задеть своих и заходят на бомбежку со стороны собственных блиндажей, благодаря чему на нас падает только половина бомб, а вторая половина уходит в пустое болото. Мы уже к ним привыкли. Обстрел и бомбежки переносим спокойно, хотя немецкие самолеты делают по три захода каждый. А вот сирены — будь они прокляты! Своим звуком они как будто переворачивают все потроха, тошнота усиливается с каждым заходом, к горлу подступает комок, вот-вот стошнит, и ничего ты с этим поделать не можешь.

И так двое суток с семи-восьми утра и дотемна. Леса не осталось, все покрыто пороховым дымом с туманом, который не может пробить даже яркое солнце. Ощущения отсутствуют, и пока себя

не ощупаешь руками, не можешь понять, цел ты или нет. Только не обнаружив мокроты, понимаешь, что цел: руки, ноги, голова на месте и сухие.

На третью ночь нас находит лейтенант-разведчик, сменяет и дает указание идти в свое расположение. Ведь мы у себя почти не находились, питались сухим пайком: хлеб, сахар, и «второй фронт» — американский шпик и колбасные консервы.

Только вышли к бывшей опушке леса, где остались одни пни, щепа да редкий кустарник, увидели, что навстречу цепочкой идут солдаты, несут дощатые щиты и укладывают их в две колеи для прохода машин, а следом за ними по щитам уже катят бочки с горючим, и так через все болото. Тьма непроглядная, полнейшая тишина. Выходим на противоположную сторону болота. Вся просека и обочины забиты солдатами. Мы идем цепочкой, я — где-то посередине цепочки с пулеметом Дегтярева. И вдруг — свист и взрыв снаряда, прилетевшего из-за болота. Мы —броском вперед. Крики, стоны, еще два-три взрыва сзади. По команде передают: троих задних нет. Оставляем двоих на поиск в этой тьме среди стонов, криков, суматохи. Но вот снаряд разорвался впереди нас, чуть не убило ведущих, а взрывы все дальше и дальше. Дошли до мостика на Черной речке, и артобстрел прекратился. А по всей дороге сзади в гуще солдат — стоны, крики, команды: «Убрать раненых!» Только подошли к мостику — новый взрыв, но уже с противоположной стороны — от Гайтолова и Михайловки.

От моста до высоковольтной линии дорога была из бревенчатого настила. При строительстве моста перед ним сделали насыпь, а рядом остался небольшой карьер. Мы укрылись в нем, а, когда прекратился обстрел, все вышли на настил. У меня за что-то зацепился ремень пулемета, и я немного замешкался. Только вышел на настил — под самым носом разорвался снаряд. Я свалился с настила в болото и прижался к бревну. На настиле продолжают рваться снаряды. До того все осточертело! Голова пуста, ничего не слышу, тела не чувствую, думаю — рвануло бы скорее, чтобы покончить с этим кошмаром бессилия! Вдруг снаряд рикошетом от бревна ушел прямо под меня. И вот ведь какова человеческая психология, жажда жизни: неужели взорвется? А снаряд, уйдя в трясину, потерял ударную силу и не взорвался. Пока я лежал, под мое бревно ушли еще три снаряда и ни один, благодаря трясине, не взорвался.

В эту ночь вступила в бой 2-я ударная армия. Это ее солдаты двигались сплошной стеной по всей дороге. Я на том участке не был ни разу. Наш взвод потерял здесь тринадцать человек, из тридцати двух осталось девятнадцать.

В день нашего возвращения в сторону Синявина прошла колонна танков. Погода стояла сухая, солнечная, танки под обстрелом шли на предельной скорости, разворотили дорогу, слой пыли был выше щиколотки. Проходить по дороге было опасно: строчили автоматчики и снайперы. По ночам немецкие самолеты с бреющего полета бросали парашюты с грузом в рощу Круглая. На наши донесения командование батальона заявило: «Ваша задача — разведка, ее и выполняйте. Для борьбы с автоматчиками и снайперами есть пехота, да и с парашютами пехота разберется».

Все же, невзирая на запрет, наша группа не выдержала: один гад стреляет, а мы все около него ползаем! Засекли дерево с «кукушкой», углубились в лес, нашли это дерево, обнаружили стреляные гильзы — сомнения рассеялись. Начали искать, и недалеко обнаружили замаскированный окоп. Земля из окопа была кудато убрана и на палках сделана западня из мха и травы. При опасности немец нырял в окоп и закрывался западней. Фашиста вытащили, расстреляли и зарыли в его же окопе.

С усилиением сброса парашютов действия немецких автоматчиков и снайперов прекратились, видимо, чтобы не привлекать внимания к парашютам.

Однажды утром, когда мы только что вернулись в свои блиндажи, прозвучала команда выделить пятнадцать-двадцать автоматчиков. Мы вскочили, смотрим: на дороге вдоль высоковольтной линии стоят две бронемашины «ГАЗ» с 45-мм пушками, две или три легковые машины, за ними — броневик и пустая полуторка. Занимаем полуторку, и вся колонна на предельной скорости под артобстрелом мчится вдоль высоковольтной линии к Черной речке. Переехали мост, свернули на насыпь узкоколейки и остановились.

Из легковой машины вышли генерал-майор Н. А. Гаген, полковник Бабушкин, генерал-майор танковых войск и еще пять-шесть офицеров. Мы окружили их боевым охранением на расстоянии пяти-десяти метров и пошли по болоту. Не успели углубиться метров на двести, как налетела армада немецких самолетов и начала бомбить. Бронемашины сгорели вместе с экипажами. Штабеля пустых ящиков из-под снарядов, скатившихся по насы-

пи, также были уничтожены (отсюда через болото снаряды носили на руках).

Прошли два болота и два перелеска. В одном из них лежали убитые, вздувшиеся лошади. Гаген приказал какому-то командиру в звании капитана или майора их зарыть. Пошли дальше, лейтенант-связист, который шел впереди, никак не мог найти блиндажи КП, за что Гаген грубо ему выговорил. Наконец, обнаружили три блиндажа буквально в двухстах-трехстах метрах от передовой.

Генерал-майор Н. А. Гаген перед входом остановился, осмотрелся и сказал: «Вот здесь повеселее, пули посвистывают». А пули действительно посвистывали, но лес был цел.

Нам дали команду до подхода комендантской роты окопаться вокруг блиндажей в радиусе десяти-пятнадцати метров и занять круговую оборону. Не успели мы окопаться, как около пяти часов вечера начался артобстрел точно по блиндажам. Была батарея со стороны Мги или Рабочего поселка № 6 одновременно из трех орудий отвратительными снарядами с двойным взрывом. Выпустят тридцать-пятьдесят снарядов, и появляются два самолета-разведчика, пройдут по макушкам деревьев над самыми блиндажами, и вновь продолжается обстрел. Так длилось до одиннадцати часов вечера. Пока мы окапывались, шестерых наших убило. Моему соседу слева снесло затылок.

Связисты не успевали восстанавливать связь, провода рвало осколками беспрерывно. И только в одиннадцать часов вечера наступило относительное затишье. Около часа ночи началась неимоверная автоматная трескотня. Пули свистели и трещали во всех направлениях. Полковник Бабушкин не выдержал, выскоцил из блиндажа и заорал: «Какой паникер стреляет?» Но мы не сделали ни одного выстрела. Стреляли кругом, и совершенно нельзя было понять: кто, в кого и почему стреляет. На рассвете приводят двоих или троих немцев со скатками за спиной, в кителях, на касках — маскировочные сетки. Один — рыжий, с длинными волосами, без головного убора — офицер с планшетом, с простреленной левой рукой. Мы его перевязали. Гаген вышел из блиндажа и начал его допрашивать. Офицер раскрыл планшет с картой, на которой уже были нанесены три блиндажа штаба нашего корпуса.

Мы попросили «Батю» уйти в блиндаж, туда же водворили и немецкого офицера. До утра привели еще восемь-девять немцев. Из допроса офицера выяснилось, что немцы, получив точную

информацию о месте расположения блиндажей КП, решили захватить их. Группе из 29 автоматчиков была поставлена задача — проникнуть в наш тыл и открыть огонь из автоматов и пулеметов. Когда немцы проникли в тыл, они нарвались на роту, шедшую на «пополнение», и открывшую огонь. Завязалась перестрелка, которая длилась три-четыре часа.

В результате из группы немцев, проникшей в тыл, одиннадцать человек были взяты в плен, многие убиты и только двоим солдатам удалось уйти к своим. Когда все это выяснилось, Гаген разозлился, выскочил из блиндажа и потребовал выделить стрелков для обороны левого фланга. Оказалось, что там пехоты не было, оборону занимали шестнадцать танков (кажется, 16-й танковой бригады). Немецкая группа просочилась в наш тыл между этими танками.

Через день-два я опять был в штабе батальона. Смотрю: рыжего офицера, мертвца пьяного, ведут через дорогу двое наших солдат. Вот она, русская натура: угостили за хорошие показания.

И вновь мы на переднем крае. Там уже оказались все наши активные штыки и три «мухобойки», как мы называли 45-мм пушки. Пять человек заняли кустики в нейтральной полосе, метрах в шестидесяти от немцев. Нас обнаружили и открыли шквальный минометный огонь. Кого-то ранило, убило замполита роты, да так, что мы и останков его не нашли. Татаренкову раздробило ступню, но он в горячке пробежал метров сто. Когда мы добрались до него, он был бледен, как полотно, и умер по пути в госпиталь.

Днем господствовала немецкая авиация, поэтому танковую атаку решили провести ночью. Для ориентировки водителя перед каждым танком поставили разведчика. Заревели моторы, и немцы немедленно открыли огонь. Из шестнадцати разведчиков в живых осталось четверо, несколько танков было подбито, атака захлебнулась. Потом немцы перевели огонь на наш передний край и КП батальона. Многих убило и ранило, в том числе и старшего лейтенанта Дементьева. Мне с солдатом приказали вынести его в тыл. Вырубили жердь, подвязали плащ-палатку и понесли. Не раз в пути попадали под обстрел и бомбежку, но донесли.

Вернулись на передовую и узнали, что к нам приходила разведка из Невской Дубровки. Было намечено осуществить прорыв одновременной атакой от нас и с Невы 24 сентября.

10–12 сентября другая новость: мы отрезаны, доставка продуктов и боеприпасов прекратилась, связной из штаба батальона

не вернулся. Моей группе из пяти человек поручили пройти в штаб, доставить донесение, выяснить судьбу связного и прихватить с собой, сколько сможем, продуктов.

На рассвете, по молочному туману, при относительно слабом обстреле мы благополучно добрались до штаба батальона, сдали донесение, подкрепились и отдохнули. Затем нашли связного и, нагружившись до предела продуктами и еще раз поев, часов в пять вечера вышли в обратный путь с тем, чтобы по занятому немцами участку пройти в сумерках.

Направление взяли на мост через речку Черная. Ежеминутно ложились крупнокалиберные снаряды. Не успели пройти и полпути до Черной речки, навстречу нам летят девять самолетов «Юнкерс-88». На дороге, кроме нас, никого нет. Справа — лес, слева на болоте — редкий кустарник. Кто-то из ребят говорит: «Сейчас начнут бомбить». Я отвечаю: «Неужели эта армада будет бомбить шестерых солдат»?

Смотрим, часть юнкерсов отделилась, пошла на Синявинские высоты, развернулась над ними и идет на нас, чтобы бомбить поперек дороги. Только мы успели ткнуться в канаву, как пошла по площади ковром дробь мелких противотанковых бомб. Прижимаемся плотнее в мокре дно канавы, взрывы все ближе и ближе. Ага, пронесло! «Юнкеры» разворачиваются на второй заход (знаем: будет и третий), и мы вдавливаемся в лужи на дне канавы. Всех засыпало землей. Поднимаюсь, смотрю: все ребята шевелятся, значит, живы! У меня правая сторона каски вмята. Бомба упала рядом, и вывернутым суглинком меня ударило в каску.

Подошли к мосту, дал команду: «Как только взорвется снаряд — броском вперед!» Снаряд взорвался — мы броском вперед, не успели сделать десять-пятнадцать шагов, как сзади — новый взрыв. Оглянулся: внизу за мной трое бегут, значит, живы. Четвертый кричит: «Двоих задних нет!» Уже стемнело, когда возвращались и нашли одного на дороге, ощупали — сухо, значит, цел. Потерли ему уши — очнулся. Второго нашли в канаве. Это оказался связной, на ощупь тоже цел, но в чувство не приходит. Укрыли его в окопчике на обочине дороги, если очнется — вернется сам. Но оружие его и рюкзак с продуктами забрали с собой.

Невзирая на разрывы снарядов, под обстрелом автоматов и артиллерии мы благополучно миновали Чертова мост и около пяти часов утра добрались до своего переднего края. Правда, от леса, который еще был, когда мы уходили, кроме пней ничего не оста-

лось. Здесь мы узнали, что по радиосвязи генерал-майор Гаген требовал не сдавать занятую дорогой ценой территорию, деблокировать нас с внешней стороны, очистив горловину прорыва от немцев. Ему сообщили, что туда был брошен полк, но успеха не имел, и отныне боеприпасы и продукты нам будут сбрасывать ночами самолеты «У-2», для чего им нужно указать место приема. Место выбрали на первом болоте за нашим блиндажом.

Еще проходя через расположение немцев, мы видели, что они заняли горловину прорыва, насытили ее огневыми средствами, но их было не так уж много, и один полк вполне мог бы с ними справиться. И еще раз мне пришлось преодолевать эту горловину. Подробности второго прохода в памяти не остались, но хорошо помню, что обстрел начинался с красной ракеты и прекращался по сигналу голубой.

На вторичное требование Гагена деблокировать нас с внешней стороны ему вновь сообщили, что снова был брошен полк, но безуспешно. Между тем, мы в горловине никаких боев не видели.

В следующие дни до 21 сентября 1942 года положение не изменилось: мы, полуголодные, были ограничены в патронах, а о минах и гранатах и речи быть не могло. Немцы располагали о нас всеми данными. Малейшая наша перегруппировка становилась известной через несколько часов. Самолеты на болоте принимали на три костра, поскольку вся территория простреливалась поперекрестным огнем немецких батарей разных калибров вплоть до 12-дюймовых. Чтобы избежать обстрелов при приеме самолетов, мы отрезали резиновые ленты от масок противогаза и, услышав шум моторов, поджигали их. Резина горит ярко и сгорает быстро. Обычно самолеты снижались, выстраиваясь в круг и выключая моторы, и летчики спрашивали: «Свои?» Мы отвечали: «Свои». Тогда они начинали сбрасывать каждый по два мешка. Мы следили, где мешки падают, чтобы найти в темноте.

Впрочем, не всегда все шло нормально. Однажды, когда груз осталось сбросить последнему самолету, одна за другой взорвались три небольшие бомбы. Когда мы присмотрелись к этому самолету, то им оказался немецкий корректировщик «костыль» или «кривая нога», вроде нашего «У-2», но с более длинным шасси. Он пристроился к нашим «У-2», вместе с ними вошел в круг, наблюдал всю процедуру, зафиксировал место приема самолетов и сбросил нам свой «подарок».

Утром 21 сентября в небе появились группы по тридцать-пятьдесят самолетов «Юнкерс-88». Идут над нами в сторону Невской Дубровки и сбрасывают ящики, которые при падении разваливаются. Тысячи листовок — белых, розовых, голубых — засыпают нас: «2-я и 8-я армии! Вы окружены. Сдавайтесь Не верьте жидам и комиссарам, что мы уничтожаем пленных: всем, кто сдастся добровольно, мы сохраняем жизнь, офицерам сохраняются оружие, денщик, военный паек вплоть до свежих фруктов».

Генерал-майор Гаген, не добившись помощи с внешней стороны, решил создать «кулак» для прорыва изнутри, но и это ему не удалось. Какой-то полковник передал приказ: «Частям выходить, кто как может».

Около 27 сентября 1942 года мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью, построили блиндажи. Тихо, обстрелов нет. Утром узнали, что рядом три блиндажа — КП Н. А. Гагена. Под Синявино немцы почти беспрерывно подвергали нас артобстрелу со стороны Рабочих поселков № 5 и № 6, были даже из дальнобойных орудий. Один из восьмидесятидюймовых снарядов не разорвался и лежал на поверхности земли после удара о дерево.

Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена, оказалось шестнадцать человек. Это были связисты, санинструктор Суханов, политрук Поляков с адъютантом Дерябиным.

Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы. Троє должны были разоружить три сгоревших броневика на насыпи узкоколейки и снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе в тринадцать человек поручалось принять последние самолеты с патронами и сухарями. Что не сможем унести — утопить в трясине. Все годное уничтожить, с орудий снять замки, живых лошадей пристрелить. Предупредил, что он намерен продержаться еще сутки. Если при возвращении его группу мы не застанем, значит, они ушли на выход, и в этом случае придется рассчитывать только на свои силы. Вся оборона снята, оставлены только отдельные пулеметы прикрытия.

По дороге к болоту, где принимали самолеты, и на обратном пути мы неоднократно попадали под артобстрел. Одеты мы были только в гимнастерки и масхалаты, через плечо — скатки из плащпалаток. Вернувшись на место в пять утра, увидели, что дымится небольшой костер, над ним — чугунный котел с супом из мака-

рон и — ни одной живой души. Значит, штаб ушел. Посовещавшись, выставили трех человек в боевое охранение, решив, что до вечерних туманных сумерек выход невозможен. Расположились в блиндажах бывшего КП. На земляной «кровати» я нашел чистую плащ-палатку и решил свою грязную бросить, а чистую взять, но это оказалась не плащ-палатка, а плащ Гагена с двумя звездами генерал-майора в петлицах. Вначале я отвернул звезды, втоттал их в земляной пол, чтобы немцы не узнали, что это генеральский плащ, затем, не обнаружив крючков для крепления, сунул полы за ремень. Получилось нечто вроде современной штормовки.

Вскоре из нашего боевого охранения прибежал боец, раненный в ногу, и закричал:

— Немцы!

— Где?

— Да вот они, шли на нас криком «Ура!» Мы думали, что прорвались свои, выскочили из укрытия, тут они открыли огонь. Двоих наших убило автоматной очередью, а меня ранило в ногу.

Мы приготовились к бою, но через несколько минут нас начали обстреливать из шестиствольного миномета. Мы называли его «коровушкой» за звук, который напоминал коровий рев. Минны ложились в ряд по нашим блиндажам. К этому времени к нашей группе присоединились десять-пятнадцать человек из других частей. Было всего около десяти утра, а день долг, и нам нужно было продержаться до пяти-шести часов вечера. Стали решать, как быть. Соориентировались по карте и решили идти вглубь, где немцы нас не ждут. Там были пустые артиллерийские блиндажи, мы благополучно достигли их и замаскировались. Около часа самолеты, которые все время кружили над нашим «котлом», нас обнаружили, и вновь начался артобстрел. К этому времени наш отряд насчитывал уже около шестидесяти человек. Мы принимали всех, кто просился (в основном это были солдаты-одиночки), при условии, что они безоговорочно будут выполнять наши команды. Было ясно, что в случае прорыва с боем из одиннадцати человек вряд ли кто останется в живых, а из большого отряда какая-то часть все равно выйдет к своим. Среди присоединившихся был старший лейтенант — высокий, в шинели, с новыми планшетом и кобурой.

Двигаясь в обход на нижний деревянный мост через Черную речку, мы вышли к заболоченному лесу, где торчали одни пни, и валялись под ногами сотни ржавых русских винтовок от боев 41-го года.

Перед деревянным мостом была поляна метров в двести. Над головами пролетает шрапнель, а по мосту с противоположного берега из леса строчит немецкий пулемет. Справа от моста вдоль речки — мертвое поле: обстрел, видимо, корректировал самолет.

Первым шел командир группы Александр Давыдов. Он побежал под огнем пулемета через мост — проскочил, вторым бегу я — благополучно, за мной бежит высокий старший лейтенант: поднялся во весь рост, в руке — «ТТ», сбросил с себя шинель вместе с портупеей, планшетом, кобурой, и побежал в одной гимнастерке без ремня — тоже удачно. И так, по одному, броском под пулеметным огнем преодолели мост без потерь. Пробираемся по Черной речке вверх до Чертова моста на высоковольтной линии, и метрах в трехстах обнаруживаем круговую оборону с бруствером диаметром тридцать метров. На бруствере торчит стволом в сторону высоковольтки пулемет «максим» без ленты. Внутри обороны — четыре-пять блиндажей с ранеными.

Когда вся группа сосредоточилась, Давыдов скомандовал: «На обстрел не отвечать, чтобы не вызвать усиления огня». Но и здесь нас начали обстреливать шрапнелью; только били по кромке заболоченного берега, дальше огонь не переносили, боясь попасть в своих. Мы переместились вверх, ближе к немцам, и нас шрапнель не доставала.

Было уже около пяти вечера, но дальше идти было невозможно. Присоединившиеся к нам солдаты, в том числе и старший лейтенант, уточнив направление выхода, вышли из нашего подчинения и хлынули во весь рост толпой. Немцы немедленно открыли по ним пулеметный и минометный огонь. Трудно сказать, сколько их осталось в живых. А тут еще немецкий пулеметчик обнаглел, выскочил из леса, установил пулемет на бруствер и начал строчить им во фланг. Кто-то из наших ребят бросил пару гранат, немец оставил пулемет и побежал в лес. Вдогонку ему дали очередь и снова затихли. А там, куда хлынула толпа, еще продолжалась пулеметная стрельба и рвались мины.

До нашего переднего края оставался километр-полтора по трясине вдоль берега Черной речки, и нам ничего не оставалось, как дать немцам успокоиться. Раненые в блиндаже были подготовлены к эвакуации, но она была совершенно невозможна. С ними находились три сестры. Зная, что завтра здесь будут немцы, мы объяснили сестрам, что как ни жаль раненых, они обречены на плен, а сестры могут выйти с нами. Посоветовавшись между со-

бой, медсестры решили остаться с ранеными. Через час, обнявшись и расцеловавшись с сестрами, мы пошли на выход.

Немцы начали освещать речушку ракетами. Мы переползли высоковольтную линию. В трясине увидели массу трупов. Чтобы не нарушать тишину, ползли таким образом, чтобы передний, заметив опасность, мог ногой предупредить следующего, а тот мог дернуть первого за ногу. При вспышке ракеты мы замирали среди тел убитых, а как только ракета гасла, продолжали ползти. На полути меня дернул за ногу Омельченко и сказал: «С нами «Батя»! (Так мы называли генерал-майора Гагена — командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса). Я передал это Давыдову.

Вот обгоревший березовый пень, где нужно свернуть влево, дальше, в десяти-пятнадцати метрах, опять немцы. Давыдов остановился, уточняет, я подтвердил поворот. Свои совсем близко, но мы не знаем ни отзыва, ни пропуска. Вновь за ногу дергает Омельченко и передает: «Батя сообщил: отзыв — «Курок», и пропуск — «Курок». Выползаем к своим, говорим пароль, сваливаемся в траншею и, прежде всего — курить. Гаген с Давыдовым ушли к командиру обороны. Минут через пятнадцать-двадцать возвращаются. Гаген берет с собой двоих автоматчиков и уходит вперед. Мы добрались до артиллерийского блиндажа и звались спать. Проснулись и не могли понять: в блиндаже через два наката светило солнце, время — девять часов утра, мы засыпаны землей. Оказывается, ночью попал тяжелый снаряд, раздвинул накаты бревен, не взорвался, а рикошетом ушел дальше.

Штаб наш переместился на р. Назия. Вышли на дорогу, смотрим: идет полуторка. Ребята смеются: «Зря ты снял звездочки генерала, сейчас остановил бы любую машину и приказал отвезти нас на место».

В расположении автороты нас встретили как воскресших из мертвых. Накормили, напоили, поднесли по сто граммов и дали три дня отдыха. Не успели мы проспать и часа, как разбудили и спрашивают: «Где видели Гагена?» Мы рассказали, что с выходом на наши позиции он ушел с двумя автоматчиками. Сутки не могли установить, где наш «Батя». Оказалось, при выходе 29 сентября 1942 года полевой штаб 4-го корпуса всей группой нарвался на оборону немцев, как раз выше обгоревшего березового пня, и почти полностью погиб. Погибли начальник политотдела Пухов, начальник штаба Фендман, наш политрук Поляков с адъ-

ютантом Дерябиным, ротный санинструктор Суханов, лейтенант Звездин и другие. Гаген просидел сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, дождался и вышел с нами.

Вскоре нас вывели на берег Ладожского озера. Спустя несколько дней мы погрузились в эшелон в Кобоне и через три дня высадились в Балашове. Гаген пришел в батальон, запросто побеседовал с нами и проверил, как мы готовимся к новым боям.

Но бои под Синявином осенью 42-го года навсегда остались в памяти как самые тяжелые. У немцев тогда уже была прекрасная разведка, безотказная связь, плотная насыщенность артиллерией и минометами, необходимое количество боеприпасов и особая оперативность командования. Авиационное прикрытие с воздуха было абсолютным, самолеты-корректировщики обеспечивали точность ведения огня. Даже при обнаружении нашей маленькой, в пятьдесят человек, разведгруппы немедленно открывался пулеметный огонь, через несколько минут включались минометы и артиллерийские батареи, а спустя четверть часа на нас пикировали бомбардировщики. Мы же в основном были вооружены винтовками, при прорыве немецкой обороны имели лимит в пятнадцать снарядов на каждое орудие, связь была отвратительная, самолетов прикрытия и поддержки я лично не видел, а о дорогах и говорить не приходится.

Солдат в бой у нас вводили большими плотными массами, тогда как немцы действовали мелкими группами, почти совершенно не подвергаясь воздействию нашей артиллерии и авиации.

Сопоставьте немецкий пулемет с нашим. У них — расчет два человека, нагрузка по 15 кг, боекомплект 1000 кг, ленту можно заменить в любое время дня и ночи, ствол сменить — за тридцать секунд. Наш «дегтярев» имел расчет три человека, нагрузку по 18 кг, боекомплект 600 кг, перезарядить диск или сменить ствол даже днем — намучаешься. Связь такая: ввели на передовую два полка и сразу связь потеряли. Послали наши группы разыскивать полки и устанавливать с ними связь. Мы ни разу не могли установить связь нашими коротковолновыми «сегерками» и радиациями бронемашин «ГАЗ».

Чрезмерная секретность боевой обстановки лишала солдат осмысленной инициативы.

Вооружение было хуже немецкого, снайперского оружия в подразделениях вообще не было. У нас была масса солдат, но не хватало ни мин, ни снарядов.

Ходила частушка про Гитлера:

Мне бы русских летчиков, да минометчиков, да русскую пехоту,
Давно владел бы древней Русью я.
Да русских бы танкистов, да артиллеристов, и шарик наш земной
Давно бы был бы мой.

И. И. ПАЛКИН,
врач, кандидат медицинских наук,
бывш. военфельдшер 22-й осбр 2-й УА

С верой в победу*

После боев под Тихвином я попал в 22-ю отдельную стрелковую бригаду и вместе с ней участвовал в Любансской операции, пережил окружение, из которого удалось выйти 24 июня 1942 г. в районе Мясного Бора.

Бойцам и командирам Второй ударной армии, вышедшей из окружения, был предоставлен месячный отдых. В течение всего этого срока мы получали продовольственный паек в полуторном размере для восстановления сил и здоровья, так как были страшно истощены и измотаны в непрерывных изнурительных боях.

В делах и заботах незаметно пролетело время переформирования. Заканчивался последний месяц лета, который, судя по оживлению в прифронтовой зоне, должен был ознаменоваться серьезными событиями. И они не заставили себя ждать.

Утром 27 августа гром артиллерийской канонады возвестил о начала наступления Волховского фронта. В первые дни 2-я ударная армия находилась во втором эшелоне, готовясь к развитию наступления, осуществляемого первоначально войсками 8-й армии с придаными ей частями усиления.

Прорвав первую линию обороны немцев, наши войска продолжинулись вперед на пять-шесть километров в сторону Синявина. Доставалось это продвижение очень дорогой ценой. Ровно через неделю после начала наступления нашей 22-й отдельной бригаде было приказано развивать обозначившийся успех в районе деревни Гайтолово.

Еще не закончив, а вернее только начав рытье окопов и сооружение укрытий, мы увидели, что они очень быстро заполняются

* Сб. «Ветеран», выпуск четвертый. Лениздат, 1988 г.

водой, обильно поступавшей из высоколежащих водоносных слоев заболоченной низины. У нас не было иного выбора, кроме как сидеть в окопах по колено в грязной жиже.

Ранним утром бойцы и командиры нашего батальона изготовились к атаке. Однако ее начало пришлось отложить из-за массированного налета вражеских самолетов. Несмотря на неблагоприятную обстановку, с которой нам пришлось столкнуться, батальоны и роты нашей бригады дважды в этот день пытались прорвать оборону закрепившегося на новых рубежах противника. Однако наши атаки захлебывались одна за другой; люди гибли или выходили из строя по ранению, а продвинуться вперед не могли. Под губительным кинжалным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем противника наши цепи залегали, а затем, каждый раз с большими потерями, возвращались на исходные рубежи. В воздухе по-прежнему господствовала вражеская авиация. Бомбы рвались в непосредственной близости от наших окопов. Земля ходила ходуном. С руками по локоть в крови я с помощью санинструктора Николая Карпенко без перерыва оказывал первую помощь раненым: накладывал бесчисленные повязки, жгуты и шиньи.

В течение первых десяти дней боев мы потеряли большую часть личного состава убитыми и ранеными. В нашем батальоне автоматчиков, насчитывавшем первоначально 318 человек, в строю осталось только двенадцать бойцов! Не лучше обстояли дела и в соседних батальонах.

Как старший военфельдшер батальона особо хочу отметить тяжелые потери среди санитаров и санинструкторов, которые, ежеминутно рискуя своей жизнью, без устали выносили с поля боя раненых. Первоначально их было в батальоне двенадцать человек. Дольше других продержался каким-то чудом санинструктор сержант Карпенко. Но и он в конце концов был ранен, и я, перебинтовав его раны, успел отправить его в тыл еще до того момента, когда наша бригада оказалась в критической ситуации.

Получив пополнение, наш батальон продолжал боевые действия против гитлеровцев. В этих боях под деревней Гайтолово, западнее Черной речки, я был ранен осколком снаряда в левую голень. Перебинтовав рану, я начал подготовку к эвакуации в бригадный медсанбат раненых, однако санитарные машины из-за сложной обстановки в районе боевых действий не могли уже к нам добраться. Вывезти раненых в ближайший тыл помогли танкисты. Из стволов молодых деревьев, срубленных осколками мин

и снарядов, сделали волокушу, на которой уместилось около полу-
сотни раненых. Под вечер, когда уже совсем стемнело, танк зацепил эту волокушу и отбуксировал на два-три километра в тыл, во второй эшелон, откуда раненых уже мог забрать санитарный транспорт. Танк сделал за ночь два или три таких рейса, все тяжелораненые были отправлены в госпиталь. Сам я остался в строю, как и другие мои товарищи, которые еще могли держать в руках оружие.

Ночью же мы получили очередное пополнение, в котором растворился прежний личный состав нашего батальона. Фактически это было уже новое подразделение, не имевшее полного численного состава, весьма неоднородное и, естественно, не имевшее первоначальной боеспособности. Примерно такое же положение было и в соседних с нами батальонах бригады.

Не лучшим образом складывались дела и на Ленинградском фронте. Мой друг Николай Шевцов, выписавшийся в начале сентября 1942 года из госпиталя и вновь вернувшийся в свою часть в район Невской Дубровки на должность командира минометной роты, в одном из своих писем, в весьма осторожных выражениях писал в тот период, что идут тяжелейшие бои с немцами, но успех пока не обозначился.

Время шло, но и на нашем фронте небольшие продвижения вперед на сотню-другую метров ничего принципиально не изменили в создавшейся обстановке. Нарастающее сопротивление фашистов свидетельствовало о том, что они подтянули в этот район крупные резервы. Бои носили настолько ожесточенный характер, что невозможно было принести воды из ближайшей воронки. Воду удавалось доставать только ночью, и то с большими трудностями. Но наши войска продолжали активные действия. 11 сентября был взорван крупный немецкий склад боеприпасов в районе рощи Круглой — северо-западнее деревни Гайтолово. В последующие несколько дней наши войска пытались овладеть этой рощей, но успеха не добились.

19 сентября неожиданно немцы предприняли мощное контрнаступление и отсекли наши передовые части от основных сил и тылов. Снабжение боеприпасами и продовольствием, и без того весьма скромное, прекратилось совсем. Минометно-артиллерийский обстрел наших позиций продолжался от рассвета до заката, над ними все чаще появлялись немецкие самолеты.

Попытки прорваться к своим оказались безуспешными. Мне приходилось пользоваться автоматом и гранатой чаще, чем бин-

тами и йодом. Я был вторично ранен в левую ногу. Сделав себе перевязку, я поспешил на помощь товарищам.

Стараясь склонить нас к сдаче в плен, немцы широко использовали листовки, которые в большом количестве разбрасывали с самолетов. Хорошо запомнилась одна из них. На одной стороне листка бумаги, величиной примерно в половину страницы школьной тетради, были в несколько рядов изображены снаряды, мины и авиабомбы. Рисунок сопровождался лаконичной надписью на русском языке: «У вас», из которой надо было понимать, что изображенные на рисунке смертоносные «подарки» мы получим, если будем продолжать сопротивляться. На обратной стороне листовки были изображены колбасы, сосиски, окорока и другая снедь, которая нам обещалась в том случае, если мы сдадимся в плен. Под этим рисунком была столь же лаконичная надпись, как и на первом: «У нас». Ниже по-немецки был отпечатан пропуск для прохода через немецкие передовые укрепления.

Я не помню, чтобы кто-нибудь из нашей группы воспользовался посланиями врага, но щуток по этому поводу было немало. Бойцы говорили, что если бы интенданты дали им в достатке боеприпасов и продовольствия, то гнали бы они фашистов без передыху до самого Берлина.

...Уже целых десять дней мы были отрезаны от внешнего мира. Наше положение с каждым часом становилось все тяжелее и тяжелее: боеприпасы были на исходе, продовольствие кончилось совсем, как и маюшка. Курильщики пытались заменить табак высохшими листьями березы, осины и даже травой.

В редкие минуты затишья кое-кто из бойцов, пристроившись кто как, писал письма. Неотправленные письма... О чём и кому писалось в них — никому и никогда не узнать.

В ночь на 29 сентября 1942 года мы получили по радио приказ командования — любой ценой выйти из окружения. Штурм немецких укреплений с целью прорыва был намечен на утро 30 сентября.

В конце сентября рассвет под Ленинградом наступает в начале седьмого. Уже за час-полтора до наступления этого срока была дана команда готовиться к прорыву. Надежда выйти из окружения была невелика: собственными силами, как показал опыт предыдущих боёв, мы ничего добиться не могли, а надеяться на помощь, зная положение на фронте, вряд ли следовало. Она, эта помощь, и не могла прийти, так как войска фронта с трудом сдерживали натиск врага, который ввел в сражение резервы, пред-

назначенные для нового штурма Ленинграда. Но об этом мы тогда не знали.

Попытки пробиться к своим с небольшими перерывами продолжались почти целый день. Наши людские ресурсы быстро таяли. Еще быстрее таяли боеприпасы. На пополнение того и другого рассчитывать не приходилось. В последнюю в этот день атаку — шестую или седьмую по счету, когда в ротах и взводах оставались лишь единицы боеспособных солдат и командиров, — мы пошли с решимостью до конца выполнить свой долг перед Родиной, полагаясь в основном на штыки, ибо у каждого из нас оставалось не более четырех-пяти патронов. Артиллерийских снарядов не было совсем, и бойцы вывели орудия из строя, чтобы они не достались врагу.

В этой атаке я вновь был ранен. Разрывная пуля попала в приклад моего автомата, разбив его вдребезги, а ее осколки застряли в левой руке. Более двадцати осколков сидят в моей руке и по сей день...

Наступила ночь, и в темноте мы получили передышку, которую использовали для помощи раненым. Их было куда больше, чем оставшихся в строю. Тех, кому помочь была уже не нужна, мы похоронили в одном из окопов. Поистине это была могила неизвестных солдат, ибо со многими товарищами из последнего пополнения мы просто не успели познакомиться. Впрочем, правильнее было бы сказать: не могила неизвестных солдат, а могила неизвестных героев, ибо они сражались и погибли как герои.

Самые трудные испытания выпали на долю тяжелораненых, которые не могли передвигаться самостоятельно. Единственное, что было в наших силах, — сделать им перевязку и оставить в каком-нибудь укрытии под наблюдением санитара.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1942 года мы предприняли очередную попытку выйти из окружения, под покровом темноты, тайно. Это был наш последний шанс!

Всех раненых мы распределили так: по два легкораненых или по одному тяжелораненому на каждого бойца. В кромешной темноте нам удалось доползти незамеченными почти до конца нейтральной зоны. Здесь наше передвижение было обнаружено, и на нас обрушился шквал минометно-артиллерийского и пулеметного огня; хотя была ночь, вдруг стало светло, как в погожий солнечный день, — немцы непрерывно навешивали все новые и новые осветительные ракеты.

Я, вероятно, опять был ранен и одновременно контужен, так как потерял сознание. Очнулся уже на рассвете. Кругом была тишина, и только вдали слышалась артиллерийская канонада. Когда совсем рассвело, ко мне подошли какие-то незнакомые санитары, перевязали мои раны, положили на носилки и понесли. К моему ужасу, понесли в лагерь для военнопленных, как они сообщили по дороге.

Уже там, в лагере, я встретился с некоторыми оставшимися в живых бойцами и командирами 2-й ударной армии, 8-й армии, которые тоже попали в окружение. С горечью мы пытались понять: почему все так получилось? В недостатке мужества никто нас упрекнуть не смог бы: ни тогда, ни теперь.

Удивительная штука — военная судьба! Вроде бы все солдаты и командиры находятся, как правило, в примерно одинаковых условиях, однако совершенно невозможно заранее предсказать, кого судьба, как по канату, перекинутому через бездну, проведет в тяжелую годину войны целым и невредимым и, кроме того, еще щедро наградит лаврами; кому те же лавры достанутся ценой жизни, а кто сложит свою голову в неравном бою с врагом на безымянной высоте и будет вместе с ему подобными лежать в могиле Неизвестного солдата.

Но есть и такие, кому судьба уготовила самые тяжелые испытания. Их не только не коснулись листья благородного лавра, но и сами имена остались лишь в памяти родных и близких, продолжающих до сих пор разыскивать их, публикуя время от времени объявления в газетах, в рубрике «Кто откликнется?». Но даже и у без вести пропавших по-разному складывались судьбы. Для тех, кто по разным причинам оказался в руках врага и не смог вырваться на свободу, был удел — медленная мучительная смерть в фашистских застенках. У этих «неизвестных солдат» нет могил. Хуже этой судьбы нет в мире ничего! Сегодня в этом могут убедиться все, кто хоть раз побывает в любом мемориальном лагере смерти, которых немало сохранилось после второй мировой войны в Европе.

* * *

Во временном лагере в Синявине пробыли мы всего несколько часов, и памятным он остался только потому, что здесь на рукава раненым были прикреплены повязки: желтые — тяжелораненым, красные — легкораненым. Мне санитары нацепили желтую

повязку. В этот же день, то есть 1 октября 1942 года, раненых военнопленных немцы погрузили в машины и через Мгу перевезли в Гатчину. Здесь на северной окраине располагался лагерь для военнопленных.

Прежде чем разместить пленных в бараки, немцы организовали их отбор по национальной принадлежности: отдельно — русские, отдельно — украинцы, отдельно — прибалтийские нации и так далее. Только после окончания этой процедуры пленных стали разводить и разносить по баракам пленные же санитары.

Когда очередь дошла до меня, произошла какая-то заминка. Меня подняли с носилок, а поскольку я стоять не мог — прислонили к стенке одного из бараков. В таком положении я оставался некоторое время совершенно беспомощным, не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой, ни тем более сдвинуться с места.

Неожиданно я увидел метрах в десяти от себя здоровенного немца, который вскинул руку с пистолетом и стал наводить его на меня. Прицелившись, он отвел пистолет в сторону и с усмешкой крикнул: «Ви геет'с, майн либер? Вас? Гут? Нун варте маль! Етцт вирт нох бессер!»*.

Подошедший в этот момент к моему мучителю второй такой же изверг, услышав эти слова и увидев все происходящее, громко расхохотался и, дружески похлопав моего мучителя по плечу, стал что-то негромко ему говорить. Ясно было одно: ничего хорошего этот разговор мне не сулит.

Так оно и было! Первый немец вновь вскинул свой пистолет и опять начал целиться в меня. Я стоял неподвижно, не имея ни сил, ни возможности даже упасть.

Раздался выстрел, моя голова дернулась, стукнулась о стенку барака, и тут, потеряв сознание и равновесие, я рухнул на землю. Придя через некоторое время в себя, я увидел удалявшихся палачей, которые заливались громким смехом.

Вскоре пришли санитары, вновь положили меня на носилки, внесли в полутемный вонючий барак и втиснули на нижние нары. Я впал в забытье.

Придя в себя, я обратил внимание на то, что пленные в бараке уничтожали все имевшиеся у них служебные документы и даже

* Как поживаешь, мой дорогой? Что? Хорошо? Ну погоди! Сейчас будет еще лучше! (Нем.)

письма родных и близких, не желая, чтобы они попали в руки врагов. Остановив проходившего мимо меня санитара, я попросил его уничтожить и мои документы. Он согласился и начал рвать на мелкие кусочки содержимое моих карманов. Однако деньги санитар уничтожать не стал, сказав, что наши деньги имеют хождение не только в самом лагере, но и за его пределами, где они котировались как 10:1, то есть 10 рублей приравнивались в стоимости одной оккупационной марки.

Санитар, который откликнулся на мою просьбу, попал в плен на Ленинградском фронте, на две-три недели раньше меня. Он рассказал также, что в Гатчине, недалеко от нашего лагеря, на Хохловом Поле, находится другой лагерь: для гражданских лиц — беженцев из западных районов Ленинградской области и рабочих строительных отрядов. Лагерь для пленных находился также в селе Рождествене.

На второй или третий день нашего пребывания в лагере во время раздачи баланды немцы объявили через переводчика, что на три часа назначается всеобщее построение.

В назначенное время все, кто мог, выстроились в две шеренги. Вскоре на плацу появилось лагерное начальство, человека три-четыре. Один из немцев, сильно коверкая русские слова, громким голосом подал команду: «Коммунистен! Сделайт тва шака фперет!»

Как мне потом рассказывали очевидцы, коммунистов вышло из строя в общей сложности человек девяносто. Они, конечно, очень хорошо понимали, что их может ожидать впереди, но, твердо веря в грядущую победу советского народа в Великой Отечественной войне и черпая в этой вере силы, чтобы твердо пройти свой последний путь, они даже в этой бесперспективной ситуации давали пример бесстрашия.

Коммунистов построили в колонну по четыре и увели за пределы лагеря. На расстрел — однозначно решили все.

Прошло часа три-четыре, когда на территории лагеря послышался довольно сильный шум, который всегда возникает в местах сосредоточения большого количества людей. Оказалось, что это вернулись назад наши товарищи. Удивлению нашему и радости не было предела. Вернувшиеся рассказали, что немцы водили их на просмотр фашистской кинохроники, которая до небес превозносila военные успехи фашистской Германии и предрекала неминуемое поражение Советского Союза. И хотя мы свято верили

в нашу победу, гитлеровцы рассчитывали перед расправой физической убить нас морально...

В гатчинском лагере мы пробыли менее недели, без всякой медицинской помощи. Затем всех погрузили в теплушки и в страшной тесноте куда-то повезли. В пути мы пробыли примерно сутки, больше простоявая на неведомых нам станциях и полустанках, и только на следующий день оказались в лагере для военнопленных, который располагался под Новой Вильной, недалеко от Вильнюса. Здесь меня поместили в барак, в котором раненые находились вместе с туберкулезными больными. Медицинской помощи опять никакой, и многие тяжелораненые скончались. Остальных, после десятидневного пребывания в Новой Вильне, немцы стали отправлять в другие места. В середине ноября 1942 года дошла очередь и до меня. С группой военнопленных я был переведен в «лазарет» штабага № 344, который размещался на территории одного из монастырей Вильнюса.

Вновь прибывших встретил во дворе монастыря сам комендант, который выборочно произвел опрос некоторых легкораненых. Вопрос он задавал всем один и тот же: «Скажи! Сколько ты убил немцев?» Услышав правдивые ответы пленных, имевших на боевом счету убитых врагов, комендант через переводчика говорил: «Хороший солдат! Молодец!» Когда же пленные с заискивающей улыбкой поспешно лепетали: «Я и немца-то ни одного не видел, господин комендант. Служил в обозе (или в рембазе и т. д.)», комендант, опять же через переводчика, резюмировал: «Плохой солдат! Дрянь!»

В качестве переводчика выступал подросток лет 14–15, русский, свободно владевший немецким языком. Позднее мы узнали, что его зовут Женя и что родом он из Москвы. Как он попал в штабаг, мне до сих пор неизвестно. Когда нас уже распределили по кельям, старожилы поведали нам, что комендант лагеря — то ли словац, то ли чех — не очень-то жалует немцев...

В «лазарете» штабага мне повстречался врач-польян, который какими-то подручными инструментами, а вернее приспособлениями, без анестезии и антисептиков, облегчил мои страдания, вынув из гноившихся ран осколки снарядов и пули. Спустя две-три недели я уже начал вставать на ноги, а вскоре и ходить. Молодой организм, несмотря ни на что, брал верх над немочами.

С большим огорчением вспоминаю о том, что вместе с немцами охрану лагеря военнопленных в Вильнюсе несли украинские

буржуазные националисты, которые не только не отставали по жестокости обращения с пленными от фашистов, но зачастую и превосходили их. Невозможно понять образ мышления этих изменников, которые, предавая Родину, свою родную Украину, кричали о какой-то «самостийности», в то время как фашисты целыми железнодорожными составами, как скот, вывозили украинскую молодежь в Германию на каторжные работы, уничтожали украинское население, села и города!

Присматриваясь к окружающим, я вскоре познакомился с военным врачом Седых. Это был молодой мужчина, не старше тридцати лет. Диплом врача он получил после окончания Воронежского медицинского института. Там же, в Воронеже, у него осталась семья, о судьбе которой он очень беспокоился, так как там хозяйничали немцы.

Знакомство с Седых имело для меня важное последствие. Позднее по его рекомендации я вошел в состав подпольного комитета сопротивления, действовавшего в шталаге. Возможности наши были весьма ограничены и сводились в основном к распространению информации о положении дел на фронтах среди военнопленных. Эту информацию мы получали через медсестру Зарембу, молодую женщину, ежеминутно рисковавшую собой ради общего дела, и других патриотов-литовцев, фамилии которых, к сожалению, забылись.

Работать приходилось только среди надежных людей. Среди нас были и предатели, и перебежчики, и слабые духом, и шкурники, которые старались выслужиться перед немцами.

В своей палате я имел дело с Григорием Тарасовым, ленинградцем, работавшим до войны шофером автобуса. Это был абсолютно надежный и вместе с тем очень осмотрительный человек. Жаль, что действовать с ним мне пришлось недолго, так как вскоре он вместе с Седых и еще двумя-тремя товарищами совершил побег, в котором я не мог принять участие, так как был еще очень слаб.

Когда мои раны затянулись, я, воспользовавшись советами и содействием комитета, предпринял попытку бежать из шталага. Однако, несмотря на все предосторожности, меня поймали, избили до беспчувствия и бросили в карцер, где уже находилось несколько человек военнопленных из числа политического командного состава Красной Армии. Они, как могли, приняли участие в моей дальнейшей судьбе: положили под голову охапку полу-

сгнившей соломы и сделали массаж, который привел меня в чувство.

На следующий день нас всех, человек шесть или семь, вывели из карцера. Последний путь был недолгим. Расстреливали немцы тут же, в монастыре, в подвалах.

Мы вышли на улицу. Тело и голова ныли от побоев, глаза полностью заплыли. При спуске в подвал произошла заминка. Нашу небольшую процессию догнал один из охранников и что-то тихо сказал начальнику конвоя, по команде которого нас возвратили назад в карцер.

Кое-как мы поняли, что расстрел нам заменен пребыванием в карцере. Срок заключения в карцере был определен в три недели. Условия пребывания в нем — обычные для подобного рода заведений: миска баланды и кружка воды один раз в трое суток. Такой оборот событий всех нас очень удивил, однако вскоре все прояснилось. Оказалось, что немецкое командование, как нам сообщил на довольно сносном русском языке какой-то унтер, желая облегчить участь пленных, предлагает наиболее «сознательным» вступить в «русскую освободительную армию».

После этого объявления, сдобренного обещаниями о вольготной, сытой жизни, на плацу воцарилась мертвая тишина. Пленные молча переглядывались, но из строя никто не выходил. Наконец после довольно длительной паузы в конце строя послышался гул голосов и буквально вылетел подталкиваемый кем-то сзади матрос. Одет он был в полуистлевшие лохмотья, однако на голове у него с неукротимой лихостью красовалась мятая бескозырка.

Все затаили дыхание. Матрос вразвалку приблизился к унтеру и дал ему две пощечины. «От нас, суки, вы измены не дождитесь!» — сказал он. Тут же его схватили охранники и избили прикладами, затем куда-то уволокли.

Напрасно враги возлагали надежды на перемены в нашем образе мыслей. Все остались верны своему воинскому долгу.

К исходу третьего дня, уже ночью, пленных под конвоем вывели из монастыря и погнали на железнодорожную станцию, где уже были поданы товарные вагоны. Погрузка заняла считанные минуты, двери вагона захлопнулись, и вскоре наш состав отправился в неизвестность.

На следующий день, около полудня, поезд, лязгая буферами, стал притормаживать и вскоре остановился. Мы слышали, как отцепили локомотив, заскрежетали откатываемые двери, и

вагон наполнился рассеянным светом пасмурного, дождливого дня. Вдоль состава уже стояли охранники с автоматами наперевес и с овчарками на поводках. Нам приказано было выходить из вагонов. Оказалось, что нас привезли в Ригу.

Рижский центральный лагерь для военнопленных, который официально именовался шталагом № 350, находился на территории бывшего военного городка и состоял из двух частей, изолированных друг от друга колючей проволокой. Внешняя зона предназначалась для рядового и сержантского состава, а внутреннее кольцо — для офицерского состава. Такая строгая изоляция не позволяла военнопленным этих двух частей лагеря наладить контакты и практически исключала побег из офицерского сектора.

С первых же дней стало ясно, что долго здесь не протянешь: каждую ночь в офицерский сектор приходили охранники; старший конвой, уродя фамилии, вызывал пять-десять человек, и наших товарищев уводили навсегда...

В офицерском секторе было заключено человек четыреста. Простая арифметика показывала, что при таком темпе за полтора-два месяца могли расправиться с нами всеми.

Наши неоднократные попытки организовать побег заканчивались ничем. Сидеть на лагерных нарах и ожидать своей очереди на «тот свет» было далеко не самым лучшим времяпрепровождением. Поэтому во время одного из утренних обходов кто-то из офицеров, по предварительной договоренности, обратился к лагерному начальству с просьбой направить нас на какую-нибудь работу, и наутро нам объявили, что желающие могут пойти на разборку старых бараков тут же, в лагере.

Прибыв на место, мы распределились на группы и огляделись. Инструмента никакого не было, и в качестве подсобных средств для разборки мы стали использовать доски и брусья, выломанные здесь же, в бараках.

Когда были разобраны первые же метры нар у изголовья, мы увидели, что стены барака были сплошь покрыты надписями, которые, тесня друг друга, тянулись вверх. Те надписи, которые мы успели прочитать, потрясли нас. Сделанные кровью, они были криком души, призывом к мести. По форме надписи частично повторялись: здесь с такого-то по такое время находился тот-то. И следовала фамилия автора надписи и его домашний адрес. «Завтра расстрел. Присяге был верен до конца! Передайте обо мне весточку на Родину».

Кому мы могли передать сведения о погибших? Ведь мы и сами были в той же ловушке и в том же положении обреченных!

Особо взволновало обращение крупными буквами, подписанное десятками фамилий. Оно бросалось в глаза и не прочитать его было невозможно. Надпись гласила: «Братишки! Нас предали! Свой долг перед Родиной мы выполнили до конца! Умираем с твердой верой в Победу! Мстите фашистам за все их злодеяния!»

Через этот барак прошла не одна тысяча человек, так и не узнав, что на выручку им, безвестным солдатам, уже спешат овянные славой, известные не только своей стране, но и всему свободолюбивому человечеству герои Сталинграда, Одессы, Севастополя...

Каждая из прочитанных нами надписей на стенах барака говорила о трагедии личной; все вместе они свидетельствовали о трагедии нашего народа.

Примерно недели через две после нас в лагерь поступила еще одна небольшая группа пленных офицеров, человек пятнадцать. Преимущественно это были врачи и фельдшеры. С двумя из них — Василием Шаровым и Иваном Воловым я вскоре подружился. Василий, степенный, рассудительный мужчина лет двадцати восьми, до войны работал фельдшером в поликлинике города Ржева. Иван Волов, щуплый и очень подвижный человек, также не был кадровым военным, лечил железнодорожников в Петропавловске Северо-Казахстанской области.

Шли дни. В Рижском центральном лагере мы находились уже около месяца. За этот период примерно из четырехсот узников офицерского сектора лагеря нас осталось человек двести.

Однажды среди пленных пошли слухи о том, что нас опять будут куда-то переводить. Куда именно — никто толком не знал, но, пожалуй, каждый надеялся на перемену к лучшему, а также на побег.

И действительно, слухи подтвердились. В конце сентября 1943 года нас погрузили в крытые грузовики и повезли. Примерно через час, когда вышли из грузовиков, мы оказались на поле, где виднелась одна-единственная полуразвалившаяся деревянная постройка. Участок был в несколько рядов обнесен высокой трехметровой оградой из проволоки. По углам прямоугольника располагались сторожевые вышки.

По этому полю ходили, стояли, собравшись в небольшие кучки, сидели и лежали на земле люди. Одеты они были в грязную,

рваную форму и отличались друг от друга разве что ростом. Впрочем, наверное, то же самое можно было сказать и о нас самих. Все мы были похожи друг на друга. Только у одних глаза были совсем потухшие, у других глядели с болью, у третьих — с затаенной надеждой. Это, пожалуй, зависело от того, как долго находился тот или иной человек в фашистской неволе.

От «старожилов» мы узнали, что прибыли в Саласпилсский лагерь, который находился неподалеку от Риги.

Полуразвалившееся деревянное здание служило, как потом оказалось, лишь источником топлива для разведения костров в ночное время. Кроме этого здания в лагере было еще одно помещение — землянка, которая использовалась в качестве карцера. Больше ничего! Кто-то из нашей группы невесело заметил: «Вот и прибыли на конечную станцию».

Кормили нас баландой из горькой морковной ботвы. Изредка к морковной ботве примешивался деликатес — свекольная ботва. Два «повара» из числа узников готовили это месиво, добавляя в него мизерное количество какого-то жира и немного отрубей. Такую баланду мы получали раз в сутки. Вот и весь рацион. Нескольких дней подобного питания было достаточно, чтобы свести человека в могилу, тем более человека, уже до предела истощенного. Доведенные голодом до отчаяния, заключенные грызли кору деревьев. А тут еще и простудные заболевания от ночлега на голой, холодной земле...

Известно, как тяжелы жажда, голод и холод. На нас же это обрушилось все вместе, да, кроме того, и болезни, которые буквально косили людей. А бесконечные моральные переживания? Если к этому добавить всякую насекомую нечисть — не описать страданий, которые пережили пленные...

Вспоминая те кошмарные в жизни узников фашистских зас-тенков дни и ночи — а ими измерялась длина жизненного пути каждого из нас, — невольно думаешь о песочных часах. Если у таких часов закрыть верхнюю часть, то по непрерывно вытекающей тоненькой струйке песка можно еще и еще раз сделать не новый уже вывод о стремительности бега времени; по количеству накопившегося внизу песка — судить о том, сколько времени прошло, но при этом не иметь ясного представления о том, когда эта тоненькая живая струйка иссякнет...

Шел октябрь 1943 года. Погода была отвратительной: почти непрерывно лили дожди, сопровождавшиеся холодным балтийс-

ким ветром. Когда же дожди закончились и небо прояснилось, начались заморозки. За ночь земля покрывалась белым слоем инея, который саваном окутывал все вокруг. Охрана не возражала против того, чтобы пленные разводили на ночь костер. Однако, едва костер разгорался и у него собирались замерзшие, полу живые люди, раздавалась автоматная очередь охранника — и, как минимум, четыре-пять человек навсегда избавлялись от дальнейших мучений. Так охранники развлекались почти каждую ночь.

Зная о нашем крайнем источении, некоторые охранники брали с собой на дежурство объедки хлеба, гнилой картофель, а то и просто обглоданные кости и со сторожевой вышки бросали их в лагерь. И находились несчастные, которые, обезумев от голода, бросались на эти объедки под громкий хохот и заборную брань охранников.

Каждое утро в лагере начиналось с того, что мы убирали трупы наших товарищ, скончавшихся за ночь, складывая их штабелем в определенном месте. Затем мы ожидали машину, которая увозила их неизвестно куда. Эта гора трупов вызывала в памяти картину, которую я еще до войны видел в Третьяковской галерее в Москве, известного художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина «Апофеоз войны». В аллегорической форме изображен итог войны — груда человеческих черепов.

И вот теперь нам пришлось столкнуться с современным вариантом «апофеоза войны». Итоги второй мировой в моем представлении можно было бы изобразить огромным полем, сплошь заваленным человеческими черепами.

Условия, в которых находились узники в Саласпилсском лагере, нельзя было выдержать более двух-трех недель. Все мы готовились к худшему, так как побег из Саласпилсского лагеря был практически невозможен.

На пятый или шестой день после нашего прибытия в лагерь группа пленных, доведенных до отчаяния, подняла бунт. Произошло это во время раздачи баланды.

Младший лейтенант Николай Новиков, молодой, лет двадцати двух, рослый парень, получив свою порцию баланды и увидев, что вблизи него стоит неизвестно откуда взявшийся какой-то лагерный чин, яростно швырнул на землю свою миску с баландой и прокричал: «Твоим бы детям, гад, жрать подобную поносину!»

Немец, вряд ли до конца поняв смысл сказанного, стал вытаскивать из кобуры «валтер», но в это время его плотной стеной

окружили пленные. Быстро оценив обстановку, немец пообещал нам не только приличную баланду, но и хлеб, от чего мы уже давно отвыкли. Кроме того, он обещал, что за имевшими место событиями не последуют расстрелы, что в сложившейся ситуации было бы просто неизбежно.

В это самое время, видимо почувствовав, что в нашей группе творится что-то неладное, к нам подбежал один из перебежчиков, который выполнял в лагере функции переводчика. Увидев немца, окруженного пленными, и задав ему несколько вопросов, он подтвердил то, о чем немец дал нам понять с помощью жестов и нескольких русских слов. Одновременно с этим немец выдвигал требование, чтобы зачинщик бунта был наказан и чтобы мы этому не противились. Мерой наказания немец назначил ему трое суток ареста с содержанием в карцере без пищи и воды.

Мы стояли молча и размышляли: верить или не верить посулам немца? Времени для размышлений было в обрез. Мы прикинули вслух различные варианты и решили рискнуть — поверить словам немца.

К вечеру все прояснилось. Мы действительно получили приличную по тем временам баланду, в которой кроме обычной ботвы было замешано и порядочно муки, а также по пайке плохо пропеченного, пополам с мякиной хлеба. Николай Новиков отправился на три дня в карцер, предварительно плотно заправившись баландой с хлебом.

В нашем положении это было огромной победой! И мы понимали, что эта победа — частица тех огромных успехов Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, информация о которых систематически проникала сквозь фашистские застенки.

Вскоре Василий Шаров принес совершенно неожиданное известие, которое могло многое изменить в нашем положении. Он неплохо владел немецким языком и старался что-либо узнать из болтовни охранников. В этот день ему удалось подслушать разговор, из которого следовало, что через два-три дня нас будут перевозить в какой-то другой лагерь, а Саласпилсский лагерь будет ликвидирован.

Мы поняли, что давали себя знать мощные удары Красной Армии, в результате которых немцы стремительно откатывались на запад.

Итак, из подслушанного разговора стало известно, что нас повезут, как выразился Василий, «на мыло», то есть в один из

немецких концентрационных лагерей типа Дахау, где производится массовое уничтожение людей. Вновь встал вопрос о побеге во время транспортировки, но как это сделать? Ясно, что побег должен быть массовым и его подготовку надо было осуществить тайно.

Надежда на спасение, появившаяся на нашем горизонте, буквально лишила нас покоя и сна: каждый из нашей тройки (Василий Шаров, Иван Волов и я) обдумывал возможные варианты побега.

К исходу следующего дня мы наметили окончательный вариант. Он был, пожалуй, самым простым и вместе с тем достаточно надежным.

Идея побега состояла в том, чтобы во время движения по железной дороге выпилить в вагоне лаз и бежать через него в ночное время, под покровом темноты.

Для реализации плана требовалось кусок полотна от ножовки по металлу и граммов сто какого-нибудь жира. И то и другое в наших условиях достать было почти невозможно. Однако Василий взял выполнение этой трудной задачи на себя. У Василия каким-то чудом сохранились карманные часы. До войны такие часы выпускал московский часовой завод имени С. М. Кирова и в обиходе их называли просто «кировские». Их-то он и решил обменять на кусок пилки и жир.

На следующий день и кусок стального полотна, и жир были уже в наших руках. Но как пронести в вагон кусок ножовки? Перед погрузкой обязательно обыщут всех.

По жребию Ивану Волову предстояло наиболее рискованное дело — пронести пилку в вагон. На мою долю выпало пилить доски в вагоне. Чтобы пронести пилку в вагон, мы использовали обычную солдатскую фляжку, благо десяток или полтора их немцы оставили в распоряжении пленных для хранения воды. Дождавшись наступления темноты, мы залили во фляжку предварительно расплавленный на костре жир, а затем бросили туда кусочек пилки. Когда все остыво, наполнили флягу водой.

При отправке наступила очередь досмотра. Один из охранников, проводя обыск, взял у Ивана Волова наш тайник, вылил всю воду и начал усердно трясти. Мы стояли чуть живые: ведь решалась не только наша судьба, а и успех или провал плана побега. Эти считанные секунды показались нам вечностью, но все обошлось.

Восемьдесят семь пленных сопровождали восемнадцать охранников, которые заняли отдельный вагон. Когда состав двинулся в неведомый нам путь, Иван Волов, воспользовавшись темнотой, извлек лучинкой из фляги пилку и передал мне. Однако ни в эту, ни в следующую ночь поработать пилкой не удалось: большую часть времени мы простоявали на каких-то полустанках и условий для побега не было.

Наконец, из Каунаса нас отправили ночью, что давало нам, возможно, единственный шанс на освобождение. Девять наших товарищей не дождались этого шанса и умерли в пути.

Разрабатывая план побега, мы внимательно присматривались к окружающим нас людям, выбирая среди них будущих помощников. Мы подобрали восемь человек — наиболее крепких физически и, как нам казалось, надежных людей. Дальнейший ход событий показал, что мы не ошиблись в своем выборе. Узнав о близкой и желанной свободе, каждый из пленных был готов разнести вагон в щепы. Когда все утихомирились, я начал выпиливать отверстие в стене вагона. Поскольку дверная щеколда была лишь обмотана проволокой, а замка не было, мы решили не выпиливать лаз, а сделать только небольшое отверстие в стене, чтобы можно было просунуть руку и откинуть щеколду.

Работать я начал под чье-то заунывное пение: «То не ветер ветку клонит...» Затем послышалось лермонтовское «Выхожу один я на дорогу». Пилить доски оказалось делом чертовски трудным, так как пилка была довольно короткой и я все время боялся ее потерять. Примерно через час мне удалось просунуть в выпиленное отверстие руку, размотать проволоку и откинуть щеколду. Сразу же несколько рук протянулись к двери, и она со скрипом откатилась. Холодный осенний ветер ворвался в вагон. Мы, как зажарованные, смотрели в дверной проем.

Когда прошло первое оцепенение, мы, как по команде, не сговариваясь, стали по двое и троє выпрыгивать из вагона, благо поезд едва тащился.

Это было в двадцатых числах октября 1943 года где-то в районе станции Казлу-Руда. Кто хоть как-то мог держаться на ногах, а таких было 60, выпрыгнули из вагона.

Все старались добежать до леса, который тянулся метрах в ста от полотна железной дороги. Василий, Иван и я выпрыгнули из вагона в последнюю очередь, когда наш побег был уже обнаружен гитлеровцами. Охранники открыли довольно беспорядочную

стрельбу из винтовок и автоматов, но, к нашему счастью, поезд не остановился.

Я, как и все, побежал в сторону леса, на опушке которого стоял одинокий домик, принадлежавший, по всей вероятности, путевому обходчику. Под свист пуль добравшись до домика, я перепрыгнул через заборчик и почувствовал себя в относительной безопасности. Сквозь кусты мне было видно, что сюда же бежит военврач третьего ранга Григорий Иванович, немолодой уже человек, родом, как мне помнится, из Краснодара. Но немецкая пуля настигла беглеца, и он повис на заборчике. Ползком приблизившись, я увидел, что пуля попала ему в голову и что помочь ему ничем не возможно. Вскочив на ноги и добежав до опушки леса, я остановился, ибо силы совсем оставили меня. Сердце билось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Неподалеку были еще два беглеца — Николай Новиков, зачинщик бунта в Саласпилсском лагере, и ветеринарный врач, фамилию которого я сейчас уже не помню. Хотя стрельба постепенно затихала, оставаться здесь было опасно, и мы решили уходить в глубь леса.

Рассвет застал нас уже далеко от железной дороги. Нас окружал дремучий лес, в котором не было видно никаких следов человека. На нашем пути встретился небольшой ручеек, у которого мы расположились немного отдохнуть. Тут мы впервые за трое суток угостили жажду и, забравшись в заросли можжевельника, сразу же заснули мертвцким сном, тесно прижавшись друг к другу.

Проснулись мы почти одновременно. День выдался на редкость хорошим, солнечным, и мы, определив направление, двинулись на восток. Под ногами расстипался золотой ковер из опавших листьев. Яркое осеннее солнце создавало иллюзию покоя и мира. Тишина лишь изредка нарушилась робким щебетаньем каких-то пичуг да шумом вершин деревьев от ветра. Сознание того, что мы на свободе, придавало нам силы, и мы, забыв об усталости и терзавшем нас голоде, довольно быстро продвигались вперед.

На третью сутки после побега, к вечеру, мы вышли к Неману, как оказалось позднее, в районе небольшого городка Пренай. Конец дня мы провели в лесу, собирая, как и накануне, оставшиеся кое-где ягоды и полузасохшие, сморщеные грибы.

Ближе к полуночи, когда почти совсем прекратилось движение по дороге, вблизи которой мы находились, мы вышли из леса и зашагали по направлению к городку в надежде найти там мост

и переправиться на противоположный берег Немана. По пути нам повстречалась повозка, которой управляла женщина, а в повозке лежал и что-то гнусавил себе под нос пьяный мужчина. Затем мимо нас прошли два литовца, с которыми мы молча разминулись. Завидя мотоциклиста, направлявшегося в нашу сторону, мы спрятались в придорожных кустах. Тусклый свет фары освещал лишь ленту дороги, и наше присутствие осталось незамеченным. За рулем мотоцикла сидел то ли военный, то ли полицейский.

В Пренае моста через Неман не оказалось. Мы пытались найти лодку или плот, однако наша попытка не увенчалась успехом.

Стало светать. Впереди, недалеко от Немана, виднелся хуторок. Голодные, понимая, что идем на риск, мы двинулись к нему, надеясь добыть хоть какой-нибудь провизии. Не дойдя каких-то полсотни шагов до домика, мы встретили старика, вероятно хозяина, возвращавшегося из погреба. Он сказал что-то на литовском, но литовского языка никто из нас не знал. Жестами мы объяснили старику: хотим есть. Пробормотав что-то себе под нос, старик направился к домику, откуда вскоре вынес большой каравай хлеба домашней выпечки. От всей души поблагодарив старика, мы продолжили свой путь.

Расположившись на берегу ручья среди деревьев, мы разделили каравай на три равные части и приступили к трапезе. Чтобы продлить удовольствие, каждый отламывал по маленькому кусочку и запивал водой прямо из ручья.

Чтобы хоть в какой-то мере снять усталость и прогнать сон, мы вымылись до пояса холодной водой и двинулись дальше вдоль Немана.

Примерно через час ходьбы впереди показалась деревня. Миновать ее сейчас или дождаться темноты? Рано или поздно нам надо было вступать в контакт с местным населением, и мы решили рискнуть.

На окраине деревни мы встретили молодого человека лет двадцати трех. Он первым заговорил с нами на чистом русском языке и пригласил в свой дом. Не задавая никаких вопросов, он, покопавшись в шкафу, извлек оттуда ножницы и опасную бритву.

— Приведите пока себя в порядок, а я тем временем поишу для вас какую-нибудь одежду.

Я глянул на себя в зеркало и поразился. Лицо обрамляла львиная грива, под глазами синяки, заострившийся нос, а в глазах — лихорадочный блеск.

Наш хозяин отсутствовал примерно полчаса. За это время мы успели побриться и даже кое-как постричься. Теперь наш вид не внушал такого подозрения, как раньше, но наша чрезмерная худоба и какая-то неестественная бледность, без сомнения, могли вызвать у встречных самые разнообразные вопросы.

Витас Юркевичус — так звали нашего нового знакомого — принес охапку старой одежды. На наших шинелях и куртках черной масляной краской были выведены на спине большие буквы «SU»*, которые хорошо были видны даже издали. С такими особыми приметами далеко мы бы, конечно, уйти не смогли.

Витас забрал наше лагерное тряпье и спрятал его. Затем он принес хлеб, кринку молока и еще что-то в чугунке, пригласив нас, как он выразился слегка перекусить. Мы, несмотря на то, что были зверски голодны, старались поменьше есть, а побольше узнать: какова обстановка в деревне, есть ли в округе партизаны, можно ли достигнуть линии фронта.

Деревня, в которой мы нашли приют, называлась Наравай. Витас объяснил, что немцев нет ни здесь, ни в прилегающих селениях и поэтому прожить здесь можно неделю-другую без особого риска. Мы же уговаривали его поскорее переправить нас за Неман. В конце концов Витас, уступая нашим просьбам, обещал найти лодку и организовать переправу. Он отвел нас на чердак, кинул два старых тулупа и ушел на поиски лодки.

Трудно сказать, сколько времени мы проспали. По-прежнему светило солнце, судя по всему, давно уже перевалило за полночь. Витас сообщил, что лодка ждет нас.

...Плоскодонка через десять минут благополучно приткнулась к противоположному берегу. Недалеко от места нашей высадки находилась деревня Бирштонас, куда нас и повел Витас. Он сказал, что мы тут проживем некоторое время, а он постарается узнать о месте нахождения партизанского отряда, куда он хотел попасть вместе с нами, так как наш вариант перехода через линию фронта считал нереальным. К великому сожалению, эта мечта Витаса не сбылась. Вскоре его по чьему-то доносу схватили полицейские, и он погиб.

В деревне Витас прежде всего пристроил ветврача, который чувствовал себя хуже всех, ибо ему было уже лет пятьдесят,

* «SU» — начальные буквы слов «Советский Союз» (нем.).

а может быть, и более и такие передряги были ему не по силам. Под видом батрака он остался у зажиточного крестьянина. Николая Новикова приютил рыбак Йонас. Крестьянин, с которым Витас заранее договорился обо мне, вдруг стал колебаться, и Витас прекратил дальнейшие разговоры.

— Вернемся ко мне, — сказал он.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться с его предложением, в тот же лодочник переправил нас опять на западный берег. В Наравай, к Витасу, мы добрались уже в потемках.

Вскоре слухи о появлении нашей троицы в окрестностях Преная стали каким-то образом достоянием литовской полиции, и нас начали искать. Несколько раз, по ночам, полиция приезжала в Наравай, чтобы схватить меня, но все эти попытки оканчивались ничем — Витас переселял меня из одного дома в другой. Однако было ясно, что с гостеприимным Нараваем пора расставаться.

В конце ноября ночью Витас переправил меня через Неман и привел к рыбаку Йонасу. Николая Новикова там не оказалось: за ним тоже началась «охота» и он счел за благо исчезнуть. Таким образом, связь с Николаем оборвалась. Поскольку и к Йонасу могла нагрянуть полиция, оставаться у него не было никакого смысла. Пришлось возвращаться в Наравай. Заночевал я у Витаса, а на следующий день с помощью жителей, которые укрывали меня в своих домах, я перебрался в другую деревню — Попруджай. Там я познакомился не только с литовскими патриотами, выступавшими против фашистской оккупации, но и с такими же, как я, бывшими военнопленными: старшим лейтенантом-артиллеристом Симоненко и сержантом Иваном Суминым. Иван прекрасно владел литовским языком, что нам очень помогало при общении с крестьянами.

Втроем мы, естественно, не могли нанести серьезного ущерба оккупантам и их прихвостням, да и оружия у нас не было, если не считать финских ножей и одного пистолета, который мне подарили при прощании мой новый друг из Наравая Альбинас Валаткявичус.

Свою деятельность в деревне Попруджай мы начали с разъяснительной работы среди местного населения. Каждый из нас стал агитатором. Мы убеждали крестьян срывать поставки продовольствия для Германии и немецкой армии, препятствовать угону молодежи в фашистское рабство и т. п.

Памятуя о том, что полиции известно о нашем появлении в этом районе, мы меняли место жительства. К концу зимы 1943—44 года я скрывался в семье Винцаса Монтвиласа в деревне Кунигишки; Иван Сумин — в деревне Меденяй; Николай Симоненко — на хуторе, между деревнями Кунигишки и Бальберешкис. Вскоре к нам также присоединился Альбинас Валаткявичус, который покинул Наравай и пристроился в деревне Попруджай. Несколько позже в нашу группу влился Пятрас Валаткявичус, который скрывался попеременно то в городе Пренай, то в пригороде Каунаса Гарляве.

Живя в Кунигишках, я познакомился с литовскими коммунистами Крылавичусом и Пукштасом. От них, а несколько позднее и от других жителей Кунигишек я узнал о партизанском отряде Сяноса*, действовавшем на территории нашего и смежного уездов. В разговорах крестьяне довольно часто вспоминали также партизана Лакштингала**, который командовал одним из подразделений отряда и слыл отчаянным храбрецом. Однако наши литовские друзья не могли указать нам путь к партизанам.

Приходилось ждать счастливого случая, который помог бы установить связь с партизанами. В том, что рано или поздно такой случай представится, мы не сомневались. А тем временем мы активно занимались агитационной работой среди крестьян не только своей, но и окрестных деревень. Освоив с помощью Ивана Сумина литовский язык, мы с Николаем Симоненко рассказывали крестьянам правду о поражении фашистских войск под Сталинградом, на Курской дуге, на Украине, к освобождению которой уже приступила Красная Армия, о прорыве блокады Ленинграда и других успехах наших войск.

Во время одной из очередных бесед с крестьянами мне был задан такой вопрос:

— Скажи, Йонас, — так на литовский лад звали меня крестьяне, — а бог есть или нет?

Все присутствующие затихли в ожидании моего ответа. Я знал, что значительная часть крестьян в бога верила, и если бы я ответил «да», чтобы потрафить верующим, то навсегда оттолкнул бы

* Старик (лит.).

** Соловей (лит.).

от себя неверующих, ибо все они, без сомнения, почувствовали бы фальшь в моем голосе.

С другой стороны, если бы я ответил «нет», то глубоко оскорбил бы чувства верующих и внес бы раскол в тот кружок единомышленников, который мне с таким трудом удалось сколотить. И тот и другой ответ не только сразу же развенчали бы мой авторитет агитатора, но и могли стоить мне жизни.

— Есть бог или нет — я не знаю, ибо никогда его не видел, — сказал я. — Поэтому давайте вместе порассуждаем.

И далее, используя взятые из повседневной жизни крестьян примеры, которых более чем достаточно давали бесчинствовавшие повсеместно оккупанты и литовские националисты, я подвел своих слушателей к самостоятельному выбору.

Приходилось мне заниматься и исполнением прямых обязанностей — лечить крестьян и их детей. Давал советы, как уберечь здоровье, назначал несложные процедуры, выписывал рецепты, по которым можно было заказывать необходимые лекарства в аптеке Преная.

Однажды под вечер я стоял прислонившись к клуне*, отдохная после колки дров. Будучи сам невидимым для построенного наблюдателя, я обратил внимание на человека, который пробирался деревенской оклицией. Держась в отдалении, я, благо наступили сумерки, решил посмотреть, куда это он торопится. Незнакомец зашел в один из домов, возле которого я и спрятался в кустарнике.

Минут через пятнадцать мужчина вышел из дома, торопливо направился в сторону леса и скрылся за деревьями. Несомненно, судьба давала мне тот шанс, о котором мы давно мечтали:

На следующий день я сообщил о своих наблюдениях Николаю Симоненко, и мы вдвоем, поочередно, стали дежурить около этой клуни, полагая, что незнакомец должен появиться вновь. Наше дежурство длилось уже вторую неделю, но все было безрезультатно. Мы уже начали подумывать, не заглянуть ли в дом, куда наведывался незнакомец, но решили подождать еще две недели.

К исходу второй недели, опять к вечеру, я вновь увидел этого человека. Он придерживался того же пути, что и в первый раз, но несколько дальше от клуни, возле которой я дежурил. Я позвал Николая, и мы вдвоем двинулись к незнакомцу. На всякий

* Крестьянская хозяйственная постройка.

случай мы прихватили с собой свое оружие. Как только мы вышли на открытое место, мужчина нас сразу же заметил. Помахав ему рукой, мы заспешили к нему.

Он заговорил с нами по-немецки. Но Николай заметил вполголоса:

— Он такой же немец, как мы негры, — и, забыв всякую осторожность, заявил: — Мы знаем, что ты партизан, и хотим, чтобы ты взял нас в партизанский отряд.

Незнакомец опешил, однако, быстро взяв себя в руки, предложил нам пройти в полицейский участок и там разобраться, кто есть кто.

— Хватит валять дурака, — ответил я ему, не мудрствуя лукаво. — Мы знаем, что ты партизан, и знаем дом, в который ты ходишь. Мы ведь ищем контакт с партизанским отрядом Сяноса, чтобы в его рядах мстить захватчикам.

По тому, как он, отбросив конспирацию, вступил с нами в переговоры, думаю, что ему было все-таки известно от местных жителей, кто мы.

Объяснив, что сегодня ему идти на задание, он сказал, что не может взять нас с собой. Он расспросил нас о военных специальностях, наличии оружия и боеприпасов. Поскольку оружия у нас практически не было, а в отряд без него не принимали, партизан предложил нам достать оружие любым путем к следующей встрече — ровно через неделю на опушке ближнего леса.

С помощью наших литовских друзей удалось раздобыть отечественную винтовку и патроны к ней. В назначенный час Николай Симоненко, Иван Сумин и я, захватив с собой съестные припасы, пришли к месту встречи. Через некоторое время, видимо убедившись в том, что за нами нет «хвоста», из леса показался наш партизан. К сожалению, он опять не смог взять нас с собой, но уж в следующий раз, через неделю, он обещал нас обязательно увести в отряд.

В течение следующей недели мы достали еще один отечественный карабин и около сотни винтовочных патронов.

Наступило время встречи — никого не видать. Прошел час, полтора. Что случилось? Неужели нас обманули? Не может быть! Наконец к исходу третьего часа ожидания из леса появился наш незнакомец. Вместе с ним мы, миновав молодой сосняк, вышли к группе вооруженных людей. Их было человек восемь-девять. И тут из разговоров партизан между собой мы услышали, что наше-

го незнакомца все называют Сяносом. Так вот он каков — командир партизанского отряда, с которым мы долго искали встречи! То, что командир отряда сам ходит на выполнение заданий, нас очень обрадовало: личная храбрость командира всегда определяет психологический настрой подчиненных, влияет на успех проводимых операций.

Растянувшись цепочкой, все направились к партизанской базе. Это были хорошо замаскированные землянки. Таких баз, как мы узнали впоследствии, было несколько.

В нашем партизанском отряде имени Каролиса Петрикаса, командиром которого был Стасис Симонович Науялис, так называемая «русская» группа насчитывала около двадцати человек и по праву могла быть названа группой дружбы народов. В ней были представители пяти национальностей. Возглавлял группу лейтенант Ашот Саробян (Николай) — армянин, бывший узник 9-го форта в Каунасе, откуда ему буквально чудом удалось спастись.

Все мы жили очень дружно, единой семьей. При выполнении боевых заданий никогда не оставляли друзей в беде. В сложной обстановке неравного боя с полицейскими в самом конце 1943 года в Шиловата тяжелораненого Николая Симоненко мы вытащили под огнем из-под носа противника и передали на лечение в надежные руки супругам Драугиненам из деревни Руденю. Через три месяца благодаря заботам Екатерины Драугинене наш боевой товарищ вновь встал в строй народных мстителей.

Мне приходилось не только оказывать медицинскую помощь раненым, но и принимать непосредственное участие в боевых действиях своей группы.

Первым заданием, которое мы выполнили вместе с Иваном Суминым и Николаем Сидоренко, было уничтожение матерого бандита из местной националистической группировки и ликвидация их подпольного склада оружия и боеприпасов. Бандит получил по заслугам, а трофейное оружие поступило в распоряжение партизан.

Второе задание я выполнял в составе всей «русской» группы. На этот раз нам предстояло нанести удар по колонне вражеских автомашин с военным грузом на дороге Бальберешкис — Пренай. Мы подорвали несколько машин и без потерь возвратились на базу.

Наряду с выполнением боевых заданий мне приходилось неоднократно распространять листовки различного содержания в городах Пренай, Мариамполь, других населенных пунктах. В большинстве случаев делал это я вместе с Сергеем Смышляевым.

Жизнь в посещаемых нами городках шла как в кинокартине с замедленной съемкой. Вольготно чувствовали себя в них лишь оккупанты. Именно для них были предназначены кафе и магазины, в окнах и на дверях которых красовались вывески: «Здесь говорят только по-немецки», «Вход только для немецких подданных», «Немецкий пивной бар» и им подобные.

Вскоре после нашего зачисления в отряд, мы узнали, что в наш район должна быть сброшена с самолета группа советских разведчиков-парашютистов. Им надлежало обеспечить наши наступавшие части разведданными и организовать крупную диверсию на железной дороге, по которой немцы непрерывно перебрасывали с запада живую силу и технику для усиления своей прибалтийской группировки.

Разведчикам — а их было человек пять или шесть, включая девушку-радистку — с самого начала не повезло. При приземлении погиб командир отряда; кроме того, от сильного удара о землю вышла из строя радиация. Починить ее не удалось, и разведчики лишились связи с командованием.

Партизаны Сяноса помогли разведчикам собрать необходимые данные о противнике, а также организовать диверсию на железной дороге, и на этом участке более чем на неделю приостановилось движение поездов. Воинский эшелон гитлеровцев, который при этом былпущен под откос, в значительной мере удалось уничтожить. Это лишь один эпизод «рельсовой войны», а их в нашей жизни было немало.

Выполнив свое задание, разведчики стали собираться в обратный путь. Партизаны из нашей группы проводили их за пределы Литвы, откуда путь к своим был им уже достаточно хорошо известен, так как в подобных операциях они участвовали не первый раз.

Когда мы вернулись в партизанский отряд, то узнали об успешных действиях Красной Армии в Прибалтике. Не за горами было время нашего воссоединения.

Партизанская жизнь в отряде шла между тем своим чередом: мы регулярно ходили в разведку, устраивали засады и диверсии, защищали мирное население от насильственного угона в Германию, боролись с бандитами всех мастей, которых немало насчи-

тывалось в то время в Литве, вели широкую агитационную работу среди местного населения. Когда же выдавалась свободная минута и мы собирались вместе — пели хором. Запевалой всегда выступал Николай (Ашот) Саробян, обладавший несильным, но красивого тембра голосом. Его проникновенное пение захватывало всех. Потому-то он и был известен как Лакштингал.

О боевом пути нашего партизанского отряда, его победах и утратах, о верности партизан своей присяге и гражданскому долгу подробно описано в книге, которую подготовил и опубликовал наш бывший командир Стасис Науялис. Жаль, что она еще не переведена на русский язык.

С приближением линии фронта деятельность партизанского отряда все более затруднялась. В районе расположения отряда значительно увеличилось количество немецких регулярных войск, возросли численность и агрессивность бандитских националистических групп, которые уходили с территорий, освобожденных Красной Армией, и зверствовали в западных районах Литвы. Однако даже в этих сложных условиях мы продолжали наносить ощутимые удары по врагу.

Район нашего дислоцирования освобождала 11-я армия, входившая в состав 3-го Белорусского фронта. Первые воины-освободители, которых мы увидели, были разведчики. Они помогли нам связаться с соответствующим отделом штаба 11-й армии. Там мы рассказали о своих злоключениях и обратились с просьбой быстрее направить нас в действующую часть.

С чувством огромной благодарности вспоминаю я толкового и, главное, дальновидного офицера штаба армии, которому было поручено заниматься нашими личными делами и распределением по частям. После обстоятельной беседы с каждым из нас, бывших военнопленных, он выстроил нас в две шеренги и сказал:

— Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! Командованию известно, что на вашу долю выпали исключительно тяжелые испытания. Выражая уверенность в том, что ваша солдатская честь и гражданская совесть не были запятнаны никакими неблаговидными поступками. Не сомневаюсь, — продолжал он, — что с фашистами вы будете воевать с удвоенной энергией — не только за себя, но и за погибших в плenу товарищей.

Из 212-го запасного полка 11-й армии через 3—4 дня нас распределили по частям. Все мы получили назначение в 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, штаб которой направил меня

с Николаем Симоненко и 97-й гвардейский стрелковый полк, а остальные товарищи, к нашему великому сожалению, попали в другие части. Я был назначен фельдшером в санитарный взвод, а Николай Симоненко — командиром батареи. Вскоре начались боевые действия, и мы жили только радостями и печалями полка, дивизии, армии и, конечно, страны, которая несла на своих победных знаменах мир и свободу порабощенным народам Европы.

Не прошло и месяца, как я получил письмо от Ивана Сумина. Он сообщал, что в одном из боев был тяжело ранен и едет с санитарным поездом в тыловой госпиталь. На этом наша связь с Иваном оборвалась, так как я и сам был вскоре тяжело ранен в боях в Восточной Пруссии, под Тильзитом. Начались хождения по госпиталям. Сначала дивизионный медсанбат, затем эвакогоспиталь и наконец — стационарный госпиталь в городе Мичуринске.

Ранен я был 18 октября 1944 года, а выписался из мичуринского госпиталя в конце июля 1945 года, отпраздновав День Победы на больничной койке. Со справкой инвалида второй группы я и вышел из ворот госпиталя на новеньких, сверкающих лаком костылях. Ковыляя по залитым солнцем улицам Мичуринска, я смотрел на спешащих по своим делам людей, на рабочих, которые с энтузиазмом трудились на стройках, на пионеров, идущих куда-то строем в сопровождении собственного небольшого и не очень сыгранного оркестрика...

А что делать мне? Найти ответ на этот мучивший меня в те дни вопрос было не так-то просто. Ясно было одно: нужно возвращаться в родные края.

Сделав по пути несколько остановок для отдыха, я наконец добрался до вокзала и взял билет до Ленинграда, где меня никто не ждал. Адрес сестры Марии мне не был известен, да и вряд ли она надеялась меня увидеть, ибо связь с ней оборвалась более двух лет назад. А больше в Ленинграде у меня никого из родственников не осталось: всех унесла война. Об этом я знал еще в 1942 году.

Ожидая поезд, я медленно прогуливался, осваивая попутно новую «технику» — костыли. В одном из боковых проходов вокзала я случайно увидел зеркало и приблизился к нему. Гимнастерка не первой свежести сидела на мне мешковато. На ней красовались две желтые и две красные нашивки, обозначавшие соот-

ветственно два тяжелых и два легких ранения. По другую сторону от нашивок тускло поблескивал гвардейский значок. Вот и все.

Мои размышления у зеркала были прерваны объявлением о прибытии на станцию поезда, следующего до Ленинграда. Я взял вещевой мешок, в котором лежали шинель и немного провизии, и двинулся к своему вагону.

Что же всё-таки делать дальше? Как жить? Эти вопросы мучили меня всю дорогу. Трудно описать чувства, которые охватили меня, когда я вышел на перрон Московского вокзала: это и радость встречи со ставшим мне родным Ленинградом, и горечь больших, невосполнимых утрат...

Прежде всего я через справочное бюро узнал новый адрес сестры и поехал к ней домой. У нее же я остался временно жить, до получения собственной жилплощади. Несколько дней, проведенных в Ленинграде, убедили меня в том, что жизнь, несмотря ни на что, идет своим чередом и мне надо найти в ней свое место.

После долгих размышлений и колебаний я подал заявление о приеме в Ленинградский медицинский институт, успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен студентом на первый курс института, который закончил в 1949 году.

Годы учебы остались позади. В кармане у меня лежит еще пахнущий типографской краской диплом врача, и я почувствовал, что свое место в жизни я вновь нашел.

Начав работу лечащим врачом, я одновременно занимался научной деятельностью. Опыт, накопленный во время обширной практики, позволил мне подготовить и успешно защитить кандидатскую диссертацию. В итоге я получил возможность заняться педагогической деятельностью.

Сегодня можно насчитать уже не одну тысячу специалистов, с которыми я занимался в институте на протяжении почти трех десятков лет. Есть среди моих бывших студентов и иностранцы, в том числе более двухсот человек из Германской Демократической Республики. В их душах произросли семена не только знаний, но и дружбы. Именно в этом я вижу тот фундамент, на базе которого может быть построен мир во всем мире.

Десятилетия, прошедшие со времени моего пребывания в вильнюсском шталаге, не стерли из памяти тех страданий, которые выпали на мою долю и на долю моих друзей по несчастью. Я

периодически бываю в Вильнюсе и каждый раз пытаюсь отыскать среди многих монастырей тот, где размещался «лазарет» шталаага. Еще с военной поры я помню, что «лазарет» находился неподалеку от Святых ворот, но где именно, я не знаю, так как ни разу не видел здания снаружи. Даже старожилы, с которым я обращался с этим вопросом, не могли сказать мне ничего определенного.

Бывая в Вильнюсе, я обязательно встречаюсь с бывшим командиром партизанского отряда Стасисом Науялисом. Он длительное время был секретарем Президиума Верховного Совета Литовской ССР. Он остался по-прежнему скромным и отзывчивым товарищем. Вместе с ним мы посещаем ставшую мемориальной партизанскую базу, расположенную в сорока с небольшим километрах от Вильнюса, в направлении Гродно. При въезде на территорию бывшего партизанского лагеря установлен памятный камень, на котором написано:

«Советским партизанам от трудящихся Шальчинского района. 1977».

И ниже тот же текст на литовском языке.

Из Вильнюса мой путь лежит обычно в Пренай и окрестные села, где мне довелось побывать во время минувшей войны и где у меня много хороших, испытанных друзей. К великому сожалению, не все они дожили до светлого Дня Победы. Погиб от рук предателей Витас Юркявичус, который спас жизнь нашей тройке, бежавшей из неволи. Уже после освобождения Литвы, в 1945 году, погиб смертью храбрых Альбинас Валаткявичус, который одним из первых вступил в ряды Красной Армии, с боями дошел до Берлина. Он прожил всего 19 лет. Недосчитываемся мы в своих рядах и многих других товарищей, погибших во время войны или ушедших от нас уже в послевоенное время.

Время от времени я приезжаю на место бывшего лагеря смерти в Саласпилсе, где сейчас находится мемориальный музей под открытым небом, чтобы отдать дань глубокого уважения многим тысячам неизвестных солдат — жертвам фашизма. Вспоминая своих товарищ по несчастью, я мысленно обращаю свой взор на их матерей, вдов и сестер, с которыми судьба сводит меня чуть ли не ежедневно.

Нельзя остановить стремительный бег времени, в котором будут жить новые люди и продолжать славные дела отцов и дедов.

З. С. КОЛЕСНИКОВ,
подполковник медслужбы в отставке,
бывш. главный хирург 32-й осбр

Сыновьям — о мужестве отцов*

В район сосредоточения войск 2-й ударной армии для наступления наша 32-я отдельная стрелковая бригада прибыла в июле 1942 года. До этого бригада участвовала в ожесточенных боях под Любанью.

В наступление наша бригада была введена 1 сентября 1942 года. Наши подразделения несли большие потери. Раненых было так много, что мы едва успевали оказывать им квалифицированную медицинскую помощь.

Инстинкт самосохранения у солдат, получивших ранения, был настолько высок, что во время бомбёжек или обстрелов наши пациенты вскакивали с операционных столов в поисках укрытия, и врачам волей-неволей приходилось следовать за ними под операционный стол, чтобы закончить операцию. И в этом заключалась одна из особенностей работы полевых хирургов. Вначале наш медсанбат дислоцировался в районе Путилово, где подвергался частым бомбёжкам и артиллерийским обстрелам. Командование бригады, понимая всю опасность выведения из строя медсанбата, часто меняло нашу дислокацию. После Путилова нас перевели в Апраксин Городок, где мы реже подвергались обстрелам, хотя были ближе к передовой линии.

В те суровые дни и бойцы, и медики жили одной мыслью, одним желанием — взять реванш за неудачу под Любанью. Все — от солдат до комбрига, ясно сознавали свою цель — любой ценой прорвать блокаду Ленинграда, который вот уже второй год находился в железном кольце гитлеровских войск. И нередко мы наблюдали, как раненые прямо с операционного стола шли снова в бой, отказываясь от эвакуации в госпиталь. Интересно заметить, даже серьезные раны у таких больных заживали хорошо и редко гноились. Большую роль здесь играл психологический фактор: солдат рвался в сражение, и весь организм его был нацелен на активные действия, на победу. Мобилизация духовных и физических сил помогала раненому быстрее одолевать недуг. Личный хирург Наполеона Лерен отмечал в своих мемуарах, что раны

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

победителей заживаю значительно лучше, чем раны побежденных. А мы все верили в неизбежную победу.

Хорошо помню одного раненого разведчика, даже его фамилия осталась в памяти — Симаков. Так вот он часто жаловался мне, что его мучает совесть за то, что там, под Любанью, будучи раненым, он не вернулся в роту, а поехал лечиться в госпиталь, где, по его словам, напрасно пробыл три недели. Он и сейчас жив, этот бывший фронтовик Симаков. Несколько раз мы виделись с ним во время встреч ветеранов, и он непременно напоминал мне об этом.

Бережно храню в своей памяти образы комиссара разведроты Сергея Куделько и командира Ивана Чернышева. Оба молодые, красивые, ловкие. Они пришли в бригаду сразу после окончания военного училища и сразу влились в коллектив. Своей простотой, общительностью, добрым нравом лейтенанты полюбились бойцам. Ваня и Сережа были частыми гостями медсанбата. И ни для кого не было секретом, почему — девушки! Но вот формирование бригады и подготовка ее к боевым действиям закончились, и все личное отошло на задний план.

Во время одного из жестоких боев, Иван Чернышев получил осколочное ранение в живот. Он мужественно перенес сложную операцию.

— Кто же вместо тебя остался командовать? — по-дружески спросил я его, чтобы хоть как-то отвлечь от сильной боли.

— Серега, он справится... — ответил Иван.

Едва успели мы донести больного до послеоперационной палатки, как в медсанбат принесли нового раненого. Им оказался Сергей Куделько.

— Захар Семенович, пожалуйста, сделайте побыстрее, что надо: ребята без меня сражаются...

Несколько осколочных ранений, которые Сергей получил, не были особо опасными. Я понимал, как сейчас трудно на передовой, как он нужен бойцам. На его рану левого плеча, которая меня тревожила возможностью повторного кровотечения, я наложил тугую повязку.

Через три-четыре часа раненые из разведроты принесли горькую весть: Сергей Куделько пал смертью храбрых. Во время одной из атак он вместе с группой бойцов подпустил поближе вражеский танк с группой гитлеровцев. Вооруженный автоматом, стал забрасывать их гранатами. Фрицы отступили, танк удалось

поджечь бутылкой с горючей смесью, но автоматная очередь скосила Сергея. Товарищи быстро занесли его в траншею, пытаясь оказать первую помощь. Комиссар, пока хватало сил, отдавал приказы роте. На эту группу медленно надвигался горящий немецкий танк... Все, кто мог, успели отползти. Сергей не смог... Зато он сумел остановить на этом участке атаку противника, что позволило его бойцам отступить на новый рубеж и соединиться с другими силами нашей бригады.

Когда Ваня Чернышев узнал о героической смерти своего друга, он, потемнев лицом, выдавил:

— Лучше бы я погиб!.. Он комиссар, он нужнее фронту.

Не забудется мне и смерть фельдшера Веры Тарасенко. Она отличалась необыкновенной красотой, обаянием и мягкостердечием. Поклонников у 22-летней девушки было немало, но Вера никому не отдавала предпочтения. Она была из тех цельных натур, кто долг ставит выше личных интересов, всегда была аккуратной, собранной, спокойной.

Когда бригада включилась в бой, эта хрупкая девушка проявила незаурядную силу воли. Она бесстрашно шла под пули, чтобы вытащить из-под обстрела тяжелораненого солдата и побыстрее помочь ему.

В одном из боев погиб фельдшер, обслуживавший штаб бригады. И жребий, кому заменить его, пал на Веру Тарасенко. По приказу комиссара Пожиткова девушка была откомандирована на командный пункт бригады. В очередной атаке комиссар получает ранение. Под шквальным минометным огнем фельдшер Тарасенко отправляется на помощь пострадавшему. Она не только перевязала его, но и помогла комиссару спрятаться в укрытии.

Сама же поползла выручать из беды других раненых. Вражеский осколок не пощадил эту прекрасную молодую жизнь... Бойцы быстро доставили в ближайший медсанбат своего фельдшера, однако ранение оказалось таким тяжелым, что врач ничем не смог помочь умирающей. Трудно выразить словами всю горечь, которую мы тогда пережили. Каждый боец воспринял эту смерть как утрату родного человека.

Не могу без глубокой печали вспомнить о гибели врача отдельного батальона Херсонова. Он ушел из жизни в 24 года. Даже в последние свои минуты молодой доктор продолжал оказывать помощь защитникам Ленинграда. На своем посту от осколка мины погибла фельдшер эвакоотделения Клара Хорошилова.

Светлые образы моих друзей и по сей день живы в памяти, время бессильно стереть их имена. Они своей смертью завещали нам жить и помнить все перенесенные страдания.

В сражении под Синявином осколки снарядов и мин не забыли и меня. Враги вели массированный артобстрел, а у нас шла сложная операция. Неожиданно я почувствовал острую боль в правой голени: один из осколков вошел в большеберцовую кость. Я ясно ощущал, как мой правый сапог наполняется кровью. «Спокойствие и выдержка», — говорил я себе. До конца операции оставалось немного. И вот больного снимают с операционного стола. Только тогда я позволил себе сесть на стул и заняться своими ранами.

Операционная сестра Ульяновская, перевязочная сестра Солодовникова и санитарки помогли мне снять одежду и рассмотреть раны. Старший ординатор Спасский извлек злополучный осколок и наложил давящую повязку. Через несколько минут кровотечение остановилось. Две таблетки красного стрептоцида и несколько глотков горячего чая, всегда имевшегося в медсанбате, быстро вернули мне силы. Можно было продолжать работу.

Немало моих коллег погибало на своем посту. В нашем медсанбате скончались от ран терапевт, медсестра, санитар аптеки.

А можно ли забыть врачей противошокового и послеоперационного отделений? Всегда веселого и неутомимого врача Карапаева, заведующего эвакоотделением Изотова. Особо хочу отметить наших сестер, которые сутками находились в операционных. Медсанбат получал кровь для раненых в достаточном количестве. Но зачастую бывало так, что ее не хватало — слишком много раненых поступало с поля боя синявинского сражения. И наши сестрички становились донорами. А сколько было радостных минут, когда медсестра, перелив свою кровь раненому, счастливо восклицала: «Доктор, доктор, у раненого появился пульс!» Они все стоят перед моими глазами: операционные сестры Шурганова, Ульяновская, Климакова, наркотизатор Тася Солодовникова, Шура Нехорошева, Катя Егорова, Валя Дьячкова и другие. За синявинское сражение Шурганова, Солодовникова и Ульяновская были удостоены медалей «За отвагу». Я тоже получил орден Красной Звезды. Это была моя первая боевая награда.

Как известно, к каждой ампуле с кровью прилагается официальный документ со всеми необходимыми сведениями: дата заго-

товки, группа крови и т. д. Но нередко к этим ампулам прилагались записки от доноров, в которых они желали бойцам скорого выздоровления. Мне удалось сохранить несколько таких записок. В одной из них говорится: «Дорогой и родной наш воин! Я работаю на заводе, где мы создаем грозное оружие для фронта, которое поможет вам уничтожить фашистскую нечисть. И вот после работы, немного отдохнув, я пришла на донорский пункт, чтобы сдать тебе кровь. Верю, дорогой солдат, что, если ты получишь ранение, моя кровь непременно спасет тебя от смерти. Буду ждать весточки о твоем выздоровлении. Валя Кушнарева, город Горький».

Не могу не рассказать о своих встречах с главным хирургом Волховского фронта, профессором А. А. Вишневским. Она состоялась в начале синявинской операции. Я уже писал, что Любанская операция нам преподнесла хороший урок по военно-полевой хирургии и эта школа была несравненно эффективнее, чем та, в которой мы учились по институтским учебникам. Многому научил нас и А. А. Вишневский. Они поделился своим методом обезболивания. Я совершенно не знал о методах анестезии по Вишневскому и впоследствии высоко оценил их эффективность. Профессор прибыл в наш медсанбат из другой дивизии, где сделал несколько показательных операций. Несмотря на усталость, он затем всю ночь оперировал вместе со мной. Наиболее сложными были операции при ранениях в грудь с открытым пневмотораксом. Особенно трудно было выводить раненых из шока. И профессор поделился с нами своими новыми приемами. Особенno ценной я считаю так называемую вагосимпатическую блокаду по Вишневскому. Эта блокада облегчала страдания больных и позволяла быстрее проводить операции. Большую роль сыграла и футлярная блокада конечностей с повреждением нервов. Профессор помог нам лучше овладеть местной анестезией при проникающих ранениях в брюшную полость и подсказал, как вести себя при массовом поступлении раненых.

Для меня встречи с профессором А. А. Вишневским явились самой большой профессиональной школой.

Не могу не сказать немного слов о нашем комбриге Сухореброве Н. З. Во время синявинских боев все мы оценили человеческие и командирские качества полковника Сухореброва. Это был очень образованный человек: окончил сельскохозяйственную и военную академии. Необычайно требовательный к себе и к подчи-

ненным, но всегда справедливый и чуткий. Для подчиненных он был непререкаемым авторитетом и образцом командира.

После синявинских боев наша бригада была отведена в Данилово для пополнения.

Н. И. ДИЮК,
бывш. разведчик штаба артиллерии 32-й осбр

Выход из окружения штаба бригады*

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. я служил в 32-й отдельной стрелковой бригаде. Сообщаю некоторые сведения из боевого пути штаба бригады во время нахождения ее в окружении в 1942 году.

Это было в начале октября 1942 года. До этого бригада в составе войск 2-й ударной армии участвовала в прорыве фронта в районе станции Мга, Синявино и других пунктах. Я был в то время рядовым разведчиком-артиллеристом при штабе артиллерии бригады. В последние дни окружения наш штаб состоял из начальника артиллерии майора Мязина и меня, все другие работники штаба погибли в окружении и при прорыве фронта. Помню, во второй половине дня (дату забыл) мы со штабом бригады во главе с командиром бригады подполковником Сухоребровым начали отход к линии фронта с целью выхода из окружения. Продвигаясь под непрерывным огнем неприятеля, мы вечером подошли к КП нашего артиллерийского дивизиона, которым командовал старший лейтенант Красниенко. Вскоре на командный пункт посыпались мины и снаряды, а затем более взвода немецких автоматчиков атаковали наш штаб.

Нас было мало, немцев больше, но мы приняли бой. Все, начиная от командира бригады до солдат комендантского взвода, отражали атаки немцев, часто дело доходило до рукопашных схваток. Этот бой мы выстояли, он продолжался до темноты, после чего немцы, понеся большие потери, отступили. Мы тоже потеряли много своих товарищей. Были убиты начальник связи бригады, командир комендантского взвода и многие другие. Не вышел из окружения и начальник артиллерии бригады майор Мязин.

* Сообщение на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

По окончании боя мы, оставшиеся в живых и раненые, продолжали движение к фронту и к утру прорвались к своим. Затем остатки штаба и вышедших из окружения подразделений были направлены в г. Данилов на отдых. В дальнейшем наша бригада вела бои на Северо-Западном фронте.

*С. С. СЕЙТЕНОВ,
лейтенант в отставке, бывший пулеметчик 33-й осбр*

*Боевое крещение в составе 33-й отдельной стрелковой бригады**

14 июля 1942 года нас, курсантов Краснознаменного Тамбовского пулеметно-артиллерийского военного училища им. Ашенбреннера из г. Семипалатинска КазССР в количестве более 1700 человек подняли по тревоге. 27 июля привезли в Волховстрой, который лежал в развалинах от вражеских бомбёзок. Там была сформирована 33-я отдельная стрелковая бригада в составе 2-й УА Волховского фронта — 3666 чел**.

К вечеру 31 августа бригада вышла в поход на передний край, прошла через деревню Путилово. В пути колонна часто подвергалась сильному обстрелу. Снаряды рвались после ракетных сигналов, которые давались почти рядом с колонной. В ночь на 1 сентября мы проходили по жердовым настилам по болотам в густом лесу, где колонна снова попала под сильный перекрестный огонь противника. Моя пулеметная рота шла последней в батальонном строю, и тут, в мгновение, я потерял рядом шедших товарищей. С правой стороны настила, в воронке, я остался один. На рассвете недалеко от меня по левую сторону настила были две машины, на них какие-то рельсообразные рамы. Над этими машинами в небе кружились самолеты с фашистскими знаками. Но они не бомбили и не стреляли. А также по самолетам никто не стрелял. Это удивило и сильно испугало меня. Вдруг, после каких-то встрясок, машины сгорели за несколько минут. Немецкие самолеты улетели. Страшная безжизненная тишина беспокоила мою душу.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

** ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339. — Сост.

К полудню собирались несколько незнакомых друг другу красноармейцев, также потерявших своих, мы не знали куда и в какую сторону идти. Находились мы в середине полусгоревшего, обстрелянного леса.

Впереди нашей колонны было открытое поле длиной 550–650 и шириной 250–300 метров. С трех сторон густые несгоревшие леса. Красноармейцы спрашивали друг друга: «Есть ли здесь наши?»

В этот трудный для нас, новичков, момент к нам по траншею подползли 5–6 командиров Красной Армии, со шпалами и кубиками в петлицах.

Один из них сказал, что наши там, за поляной в лесу, а по обе стороны поляны — немцы. Нам надо перебежать это поле. Была дана команда: «Подготовиться! Короткими перебежками по одному — за мной!»

Когда мы добежали до середины поляны, вдруг появились вражеские самолеты. Их было очень много. Прозвучало: «Ложись!» Бросились на землю ничком. Трава была высокая, зеленая, а земля мягкая, качалась, как пружинная. Сверху сыпались бомбы, они падали рядом с нами. К счастью, ни одна бомба не взорвалась на поверхности — все утонули в болоте.

Самолеты летали очень низко, ни на минуту не прекращая бомбить. Кто-то из командиров крикнул: «Обратно, бегом в траншею!» Когда собирались в траншею, все были неузнаваемо черными от болотной жижи.

До вечера сидели в траншее, к закату солнца в середине полуслоревшего леса разыскали батальонную кухню. Последним подошел к повару я. Повар с удивлением спросил: «Какой нации?» — «Казах, из Казахстана», — ответил я. — «С утра, с тобой вместе, всего четырнадцать солдат получили у меня завтрак», — грустно сказал он. Тогда я понял, что нахожусь на настоящей войне, а не на тактических учениях в семипалатинских песках.

До наступления темноты сушили и чистили обмундирование. Вечером, плотно поужинав, взяли продукты и двинулись в путь. Ночью ту же поляну мы прошли совершенно спокойно: не было ни стрельбы, ни бомбажек.

Быстро нашли своих, но из училища осталось очень мало знакомых. Днем над лесом постоянно кружили немецкие самолеты. Они летали так низко, что умелому стрелку можно было их сбить. Велико было искушение, но: «...Не курить, громко не говорить, днем по траншее не ходить и ни в коем случае, при любых обсто-

ятельствах не стрелять, особенно по самолетам!» — такая команда строго выполнялась всеми без исключения.

Один раз в сутки, по утрам, на роту приволакивали на веревочке неполный мешок прессованной пшеничной каши. Кирпичик хлеба на 12, иногда на 24—30 солдат. Разговоры противника нам хорошо были слышны: «Рус, дели сухари!» Это была правда. Не хватало питания, боеприпасов, на 2—3-х солдат одна винтовка, в том числе СВТ. На роту пулеметчиков один станковый пулемет «максим», да и у него ленты старые, рваные, потому он без задержек не стрелял. В таких условиях, находясь от противника в 40—60 метрах, в обороне, в окопе, я был принят кандидатом в члены ВКП(б) и назначен замполитом роты. В окопах нам рассказали, что нас, курсантов, специальным поездом в срочном порядке привезли для пополнения 2-й ударной армии. Мы также узнали причину самосгорания машин (как позже стало известно, это оказались «катюши», которые, чтобы не дать возможности фашистам сфотографировать их с воздуха, были сожжены).

В полуокружении, в «мешке» с 1 по 26 сентября 1942 года по приказу командира роты днем я в обязательном порядке спал, а с вечера до утра ходил по траншеям, блиндажам, дзотам и контролировал состояние и действия солдат. Приказания командира выполнялись безупречно. В течение почти двух месяцев в обороне бойцы не пили кипятка, не говоря о горячем супе!

Противник находился в 40—60 метрах от наших позиций в густом лесу. Даже его разговоры были слышны: на многих языках Советского Союза немцы по радио агитировали солдат перейти на свою сторону. Не жалели фашисты всевозможные лживые листовки и пропуска. Не было дня, чтобы противник не атаковал нашу оборону. 24—25 сентября 1942 года атаки и стрельба усилились. Но неоднократные атаки были отбиты.

Днем я чувствовал себя здоровым, а по вечерам и ночам, особенно в последние 2—3 дня меня сильно трясло — малярия с высокой температурой и невыносимой головной болью. Только из-за малярии, как сказал комроты, меня в числе 22-х красноармейцев отправили на шестимесячные курсы мл. лейтенантов 2-й УА Волховского фронта.

Не могу забыть до сих пор того, что собственными глазами увидел в пути следования на курсы 26 сентября. Нас сопровождал пожилой старший сержант, он был двадцать вторым. Вышли с переднего края к вечеру. Над шоссе, идущем к деревне Пути-

лово, появились многочисленные самолеты. Было еще светло. Самолеты начали беспорядочно бросать на дорогу бомбы. Пере-крестным огнем путь был отрезан. Укрываться пришлось пооди-ночке. Спрятавшись возле шоссейной дороги на краю большой воронки, я наблюдал за одноконной, покрытой брезентом уп-ряжкой, в которую была впряженя гнедая кобыла. Рядом с ней шел 6–8-месячный жеребенок, на тележке сидел красноармеец. В мгновение туловище кобылы с тележкой унесло в сторону, а голова и шея с дугой остались на середине шоссе. Пронзитель-но засвистели снаряды и пули. Раненый, весь в крови, жеребе-нок заметался и заржал. Как только кончился свист снарядов и пуль, жеребенок подбегает к мертввой голове кобылы, нюхает, на глазах его блестят слезы. Это продолжалось до тех пор, пока он сам не упал рядом с головой матери.

Такое мучительное, жестокое зрелище потрясло меня. Я был мужественным, крепким, но тут не выдержал — прослезился. Эта картина, как отражение страшного лика войны, навсегда врезалась в мою память.

К вечеру 27 сентября из двадцати двух красноармейцев на курсы явилось шестеро. Судьбы остальных мне до сих пор не известны.

Жизнь на курсах также была нелегкая. Не было ночи без боевой тревоги, так как курсы располагались в прифронтовой полосе, в 17 км от переднего края, в деревне Кроватино.

В числе добровольцев, желающих досрочно сдать экзамены по уплотненной программе, я закончил курсы за 107 дней, против установленных 180.

Ф. И. СИРЕНКОВ,
писатель, бывш. минометчик 33-й осбр

В сентябрьских боях 1942 года*

Весной 1942 года меня призвали в Красную Армию и направи-ли в Семипалатинск, где в то время дислоцировалось Тамбовское пехотное училище имени Ашенбреннера. Меня зачислили кур-сантом минометного батальона. Учеба шла успешно в лагере на реке Иртыш в 18 километрах ниже Семипалатинска.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1942 г.

Неожиданно 18 августа 1942 года наша учеба оборвалась, и мы походным порядком вернулись в Семипалатинск. Нас помыли в бане и выдали новое обмундирование. После обеда курсантов построили побатальонно и парадным маршем под музыку привели на железнодорожную станцию, где разместили в вагонах двух эшелонов. Эшелонам была дана «зеленая улица» на запад.

Ранним утром 28 августа мы прибыли на станцию Волховстрой. После завтрака сухим пайком, осточертившим за дорогу, нас помыли в бане, прожарили наше обмундирование в «вошебойке». Затем мы вернулись в теплушки и поехали дальше. На полустанке Новый Быт наш эшелон выгрузился. Погода способствовала нашей маскировке, и мы построились на большой поляне в лесу вблизи железнодорожного полустанка.

К нашему строю стали подходить сержанты и вызывать курсантов пофамильно. Названные выходили из строя, и их уводили в глубину леса.

К нашему взводу подошел молодой круглолицый сержант и вызвал меня и Воронцова, с которым мы вместе призывались в Лениногорске и учились в одном взводе.

Мы шагали за сержантом к мокрому черничнику. Я спросил сержанта:

- Куда ты нас ведешь?
- В свой расчет. Но пока пойдем к ротному писарю — получите красноармейские книжки.

С этими словами он подвел нас к писарю, который, сидя на пне, быстро заполнял документы. Пока мы ждали своей очереди, я продолжал интересоваться:

- Как твоя фамилия?
- Нечаев. Сержант Нечаев, командир минометного расчета.

Мы с Воронцовым повеселились: слава богу, не в пехоту. Наше училище пополнило 33-ю отдельную стрелковую бригаду, воевавшую на Волховском фронте. Командир бригады — полковник Залесский. Бригада формировалась в Архангельске, и ее первый личный состав был из Архангельской и Вологодской областей. Курсанты пополняли батальоны бригады по специальностям: минометчики — минбатальон, стрелки — стрелковые батальоны, связисты — роту связи.

Как оказалось, наше училище было не единственным. Несколько других военных училищ, прервав учебу, пополнили дивизии, готовящиеся к прорыву блокады Ленинграда. Еще

с гражданской войны курсантов бросали на самые трудные участки фронта.

Нечаев привел нас к огромной ели, под которой стоял 82-миллиметровый миномет, называемый батальонным. Нас встретили три пожилых красноармейца. Им было лет за сорок. Обязанность «стариков» — подносить мины и снаряжать их дополнительными зарядами. Наводчиком Нечаев назначил Воронцова, а меня заряжающим.

Вскоре Нечаев повел нас к кухне на обед. Шли мы с Воронцовым с величайшей ревностью. И не только потому, что всегда хотелось есть, а что за десять дней пути ни разу не пробовали горячей пищи. Сухари, рыбные консервы, иногда чай, если задерживались на какой-либо станции и успевали набрать в котелок кипятку.

Едва стемнело, батальоны построились и, соблюдая установленный комбригом порядок движения, вышли из леса.

Наш минометный батальон сначала шел по железной дороге, потом свернул влево, на заболоченный луг, заросший редким кустарником. Ботинки с обмотками сразу же промокли. Мы долго шли по этому лугу, шли молча, соблюдая маскировку, но сотни ног так чавкали в болоте, что этот неприятный звук, наверно, был слышен в Ленинграде. В кромешной темноте ночи маяком служили мачты высоковольтной передачи Волховстрой—Ленинград.

Впереди налегке шагал Нечаев, за ним, блюя строевую выправку, Воронцов со стволом миномета на плече, затем я с двуногой на спине. Она гнула меня к земле, и я шагал враскорячу. Эта часть миномета, хотя и не самая тяжелая, но очень неудобная для переноски, хуже самой тяжелой детали — плиты. Воронцов в роте был примерным курсантом. Его выправка, прекрасный строевой шаг, работа в штыковом бою, все это восхищало командира роты, который называл меня «никудышным курсантом» и советовал учиться у курсанта Воронцова. Видимо, поэтому Воронцова и назначили наводчиком, а меня только заряжающим: такое место в строю и должен занимать недотепа вроде меня.

Уже полночь вышли на шоссе. Объявили привал. Я растянулся на мокрой обочине дороги. Прежде я никогда не испытывал такого наслаждения в самой мягкой постели, как теперь на грязной дороге, ощущая приятную прохладу земли истерзанным двуногой телом.

Воронцов с Нечаевым боятром «снохались» и куда-то ушли в темноту. Я удивился такой способности Воронцова — девятнадцати лет, а уже дипломат. У меня так никогда не получалось, я сходился с людьми трудно, зато навсегда. Посыпался запах табачного дыма, а с земли, на фоне неба хорошо просматривалось зеленое облако. И ни одного красного глазка горящей папиросы. Сыпался сдержанный говор солдат.

После короткого привала пошли дальше. Прошли деревню Путилово, около которой еще в петровские времена добывали известняк — бут для фундаментов зданий Петербурга.

Прошло еще какое-то время, ужасно хотелось спать, но далеко на западе послышался приглушенный рокот, похожий на гром. Причина его была не ясна, а потому волновала душу, будя тревогу. Но вот над дальним лесом появилась пульсирующая заря. Это среди ночи? Так было в первое мгновение, потом я догадался, что на самом деле означают рокот и необычная заря.

С восходом солнца пришли в Апраксин Двор. Здесь был сосновый бор, сухой и теплый. Я хотел было расположиться в брошенном блиндаже и выспаться, но Нечаев не разрешил:

— Сначала завтрак, а потом уж будем припухать.

Меня мучил кашель, в вагоне я простудился. Нечаев заботливо спросил: «Может, сходишь в санитарку? Во-он под той сосной сидит фельдшер».

Я тут же отправился к медику. Тот, выслушав меня, неодобрительно поморщился:

— Тут война, а не госпиталь. Если возить каждому лекарства, то и вагонов не хватит. Нечем будет подвозить снаряды и патроны.

Он встал, коренастый блондин лет тридцати пяти, и, давая понять, что разговор окончен, зашагал к кухне. Это было 29 августа 1942 года. Второй день наши войска штурмовали позиции немцев и не безуспешно.

В Апраксином Дворе мы переночевали, пообедали и, прикрываясь кустами и лесом, отправились на юго-запад. Едва отошли несколько метров, как Нечаев приказал взять ствол у Воронцова, тот очень боялся ответственности. Я было стал отказываться, но Воронцов так жалостно просил, что я пожалел этого мальчишку и принял ствол. Теперь за Нечаевым шагал я. Нечаев времени от времени сменял меня и сам нес ствол.

Дорога шла бором, а потом мы оказались на лугу и пошли берегом неширокой речки с мутнокоричневой водой. Нечаев пояснил:

— Это Черная речка, но не та, на которой стрелялся Пушкин на дуэли.

Берега речки бурно заросли ольхой, их корни полоскались в воде. Это была такая речка, которую можно было перейти вброд в любом месте. Мы шагали вдоль нее недолго, потом свернули на запад и вышли на небольшую высотку на болоте. Она была похожа на буханку хлеба на столе, вокруг — болото. Высотка изрыта траншеями, выкопанными немцами. В одном из ответвлений окопов мы и расположились. К вечеру оборудовали огневые позиции, снарядили мины дополнительными зарядами, прорвали мины, а я навел миномет на цель, имея впереди точку наводки — короткую жердь, стоявшую вертикально. Нечаев сказал по секрету, что завтра в бой; за три дня боев наши войска продвинулись на десять километров и до Ленинградского фронта рукой подать. Нечаев не мог сидеть или стоять на месте, он то и дело пропадал в блиндаже командира роты.

Когда стемнело, бойцы стали устраиваться ночевать в траншею, кто как мог. Последним закончил возню у миномета я. Надо было искать удобное место для сна, начинал моросить дождь. Я вошел в самое глубокое место траншеи с песчаным откосом. В этом откосе я решил выкопать нишу, про себя посмеиваясь над солдатами, спящими в траншее под дождем. Я выкопаю нишу и заберусь в нее, — ни дождя, ни холода. Используя свои знания сопромата, я соорудил ее с большим куполом вроде арочного перекрытия. Забрался в нишу, положил под голову противогаз, каску поставил на ребро у головы, чтобы случайная песчинка не упала на лицо и не разбудила. Одним словом, я создал «комфорт» в боевых условиях. Однако едва я уснул, как купол песка обрушился и «похоронил» меня. Я орал, звал на помощь, но либо солдаты спали и не слышали меня, либо мой голос не мог пробить толщу песка. Я потерял сознание. Перед рассветом меня откопал Нечаев. Он дежурил по роте — пришла моя очередь становиться на пост, а найти меня не удалось. Кто-то подсказал ему, где я устраивался на ночь, — вот он и откопал. До сих пор загадка: я пролежал без сознания не менее шести часов. Как выжил?

Утром 1 сентября послышались команды командиров взводов:
— К бою!

Я занял свое место наводчика, Воронцов стал справа от миномета, остальные бойцы расположились где им положено по уставу.

Я с нетерпением ждал команды «Огоны!», с любопытством осматривая пространство впереди траншеи: там не было ни души. Где же наша армия? Я представлял себе бой иначе, как это было описано Д. Фурмановым в «Чапаеве».

Томительно тянулось время. Вдруг где-то сзади, откуда всходило солнце, что-то хлопнуло, как бывает, когда откупоривают бутылку шампанского. Через мгновение хлопок повторился, но более громко. Затем эти хлопки слились в невыносимый грохот, иногда слышался оглушающий треск, словно рвали ситец. Нечаев прибежал от командира взвода, крикнул:

— Десять мин, беглый огонь!

Воронцов резво бросал мины в глотку миномета, а я следил за угломером и уровнями. Расчет напряженно работал. Воронцов сбросил шинель, да и мне стало жарко. Мы продолжали стрелять, время от времени меняя установки прицела.

Впереди нас раздался треск, будто одним махом сломали огромную кость. Сразу же послышался короткий, но отчаянный вопль раненого. Подобные звуки повторялись один за другим, поднимая фонтаны песка. Кто-то из передней траншеи крикнул:

— Жидовецкого убило!

Как всякий мальчишка, я школьником много читал о войне. Из прочитанного у меня укоренилось романтическое представление о ней. Хотелось и самому «помахать саблей». С гибелю Жидовецкого погибла и моя романтика войны. И все же, несмотря на смерть товарищей, страх смерти, мне не верилось, что я, — молодой, только начавший жить, вдруг погибну. Как это ни странно, но такое было и в какой-то степени помогало выжить: трусливые солдаты метались под обстрелом и попадали под осколки, я же спокойно ложился за ближайший пень.

Мы все еще продолжали артподготовку, немцы отвечали тем же. Потери были таковы, что несколько наших минометов замолчали: прислуга перебита. Раза два или три взрывались снаряды вблизи нашего миномета, но никто из расчета не пострадал.

Неожиданно грохот стих, в ушах звенело. Ствол миномета дышал жаром, к нему невозможно было притронуться. С Воронцова лил пот. Нечаев дал команду прекратить огонь и побежал к командиру взвода. Скоро он вернулся радостный, крикнул:

— Командир роты объявляет наводчику благодарность за точную стрельбу. Разбит склад боеприпасов фрицев. Вот так! Я говорил: наша бригада гремела и греметь будет!

Он тут же убежал, долго отсутствовал, наконец опять показалось его радостное лунообразное лицо:

— Наша бригада прорвала оборону фрицев и продвинулась на два с половиной километра! Атака продолжается!

Нечаев опять исчез. Конечно, нам были приятны эти известия. Ведь мы находились в укрытии и боя не видели. Стреляли, а куда — не видели.

После артподготовки похоронили убитых рядом с траншеями, раненых отправили в санроту и подготовились к движению на новую огневую позицию. Однако вышли только в темноте. Я думал, что мы двинемся на запад, но маршрут лежал на юго-запад. Едва прошли свой остров среди болота, как оказались на мокром лугу — ботинки по щиколотку были в воде. Шли молча повзводно. Откуда ни возьмись, над головой, искрясь и попискивая, что-то пролетело. Потом целый ливень пуль, да еще трассирующих. В училище нам, конечно, об этих пулях говорили, но слушать — одно, а видеть — другое.

Все минометчики, как по команде, присели. Я тоже. Смотрю, вдали лес, а на опушке что-то рычит и искрится. Я возмутился:

— Какой осел там трактор заводит? Из глушителя искры летят — демаскирует. Надо ж, какая наглость, — не унимался я.

Нечаев тихо разъяснил:

— Это не трактор, а немецкие автоматчики по нам стреляют. Засекли.

Через несколько дней мне было уже горько вспоминать свою наивность.

Едва автоматчики притихли, мы поднялись во весь рост и круто повернули на юг, в сторону видневшегося леса на краю болота. Шли быстро, торопясь уйти от автоматчиков и укрыться в лесу.

Лес оказался березовым. Стояли огромные, метров по тридцать, березы. Мы расположились отдохнуть, но ненадолго: над нами пронесся шквал пуль; они, задевая деревья, рвались, рассыпаясь красной пылью. Автоматчики противника и тут нас настигли. Было обидно, что они ходят по нашей земле, как дома, а мы вынуждены прятаться. К нам подошел лейтенант, грузин, командир какой-то роты, предложил:

— Кто примет участие в «охоте» на фрицев? Видите, обнаглели.

Поднялись несколько человек, я тоже хотел присоединиться, но Нечаев приказал таким тоном, что непослушание исключалось:

— Лежи, без тебя там обойдутся, и, вообще, на войне не навязываются, приказывают — не отказываются. Закон Суворова. Понял?

Он копал себе укрытие — окоп для стрельбы лежа. Соорудив небольшой бруствер, отдал мне лопату, хотя я считал, что опасности нет. Вдруг Нечаев схватился за голову:

— Ой-ой... я ранен...

Он снял каску, в темноте ощупал ее и повеселел: пуля плашмя ударила в каску, но не пробила. — А мне показалось...

Чтобы и мне не «показалось», я принялся копать окоп, удивляясь своей ревности. Закончив работу, передал лопату товарищу слева. Но в этот момент обстрел прекратился; зато зарокотали наши автоматы на опушке леса. Затем все стихло. Через полчаса вернулась группа добровольцев под командой лейтенанта Гоглидзе. Ребята весело вспоминали, как они подкрались к фрицам и проучили их. «Будут знать, как нападать на минометчиков», — не без хвастовства заключил один курсант.

В этом лесу мы переночевали. А утром двинулись на восток, дошли до линии электропередачи Волховстрой—Ленинград. Про-сека была серой от пепла. Серыми выглядели деревья, трава, мачты и два наших подбитых танка, около которых лежали трупы танкистов. В небе кружили юнкеры. Мы форсировали просеку, прошли по опушке леса в сторону Ленинграда, затем опять пересекли просеку и вышли на лежневую дорогу, пролегающую на запад как стрела. Параллельно с лежневкой шла танковая дорога через густой ельник, как в ущелье. Странная это была дорога: огромные хлысты деревьев уложены не поперек дороги, а параллельно. Бревна лежали вплотную друг к другу, кое-где в два ряда.

К полудню двигались уже не по лежневке, а по опушке леса, имея справа огромное болото с чахлыми, редкими сосенками. К вечеру пришли к старому ельнику и остановились. Начали копать ямы под блиндажи, огневые позиции. Минометы нацелили на юго-запад. Нечаев успел сбежать к командирам, вернулся с новостью:

— Хлопцы, мы под Синявино... До Синявинских высот не более трех километров.

- Бригада перешла к обороне? — спросил я у Нечаева.
- Пока нет. Ждем 2-ю ударную армию, которой передали наш 4-й гвардейский корпус. Завтра-послезавтра 2-я ударная движется на штурм Синявино. Идем в решительную атаку! До Ленинградского фронта осталось раз плонуть. Пробьемся!

Нечаев ушел, а мы продолжали работать. Грунт тут был тяжелейший — голубая глина такой плотности, что поддавалась только топору.

Утром следующего дня у нас забрали «стариков», отправили в пехоту, такая же участь постигла подносчиков мин и в других расчетах. У минометов осталось по три, два человека.

Наконец настал день наступления. Мы поддерживали пехоту минометным огнем. Командир нашей роты погиб еще в первом бою, теперь нами командовал младший лейтенант, он корректировал огонь. Из лейтенантов остался только один — бывший артиллерист, весь в ремнях. Его и назначили командиром нашей роты вместо погибшего капитана.

В этом бою участвовали все мы — Нечаев, я и Воронцов. Нечаев успевал протирать мины, снаряжать их дополнительными зарядами и командовать.

Мы стреляли, пока не израсходовали полный боезапас мин. Как и в первом бою, ствол накалился, пахло жженым железом и целлULOидом.

Вечером стало известно, что 2-я ударная армия продвинулась примерно на два с половиной километра и выдохлась. Бригада, понеся большие потери, перешла к обороне. Соединиться с Ленинградским фронтом так и не смогли, хотя до него остался узкий перешеек в пять-шесть километров. Теперь нужно обескровленным соединениям удерживать отвоеванное пространство, похожее на огромную грушу, лежащую черенком на восток.

Немцы, получив подкрепление, перешли в наступление у основания этой «груши», чтобы окружить наши войска.

Наши огневые позиции то и дело обстреливались минометным огнем днем и пулеметным — ночью. Стоять на посту было опасно, пули хлестали над головой, по сторонам, всюду. От минометного огня противника выбывали солдаты. В роте оставалось все меньше и меньше минометчиков. Из 16 минометов действовали только 5.

Пехота бригады занимала оборону впереди наших огневых позиций в 300 метрах, не более.

Обычно за водой ходил Воронцов, он же подносил и мины, но однажды, когда он отсутствовал, я пошел за водой. Ребята подсказали, что воду берут в двух местах: в ручье, в двух километрах от позиции, и в воронке от авиабомбы на нейтралке, это рядом. К ручью идти было лень, и я пошел к воронке. На опушке леса я увидел нашу пехоту. Одни выкопали себе ровики, другие лежали открыто, как на курорте. При первом же артналете — гибель. Один из таких ленивых пехотинцев спросил меня:

- Куда направился, молодой человек?
- Тут где-то есть воронка с водой. Где, не знаешь?
- Иди по этой тропке, только там снайпер бьет. Береги башку.

Я пошел по грибной тропинке и на поляне нашел огромную, метров в шесть глубиной, воронку, наполовину заполненную водой. Из воронки торчала жердь с суком на конце для котелка. Я приспособил котелок, зачерпнул воды и благополучно вернулся в лес. Ленивый солдат удивился:

- Никак жив? Повезло. Дай маленько воды.
- Сам сходишь. Лодырь ты. Разве можно в пехоте вот так лежать? Не можешь ровик себе выкопать! — отчитывал я солдата. Но по его лицу я видел безразличие ко всему, кроме желудка. Он уже свыкся с мыслью о своей гибели и не верил в счастье. Какая разница, когда и где умирать? Мне стало жаль беднягу и я плеснулся в его котелок немного воды.

Однажды ночью, когда дежурным по роте был Нечаев, я стоял на посту у минометов. Противник яростно обстреливал из пулемета нашу позицию. Стоять было опасно, и я спрятался за миномет в окопе. Нечаев часто подходил ко мне закурить: я курил мало и табак у меня водился. Очередной раз он появился прихрамывая и как-то спокойно, даже радостно сказал, указывая на ногу:

- Я ранен. Иду в санроту. Вот тебе моя плащ-палатка, носи на здоровье.

Я с удовольствием принял эту удобную для солдата вещь, спасавшую не только от дождя, но и от холода. Сколько солдат, завернувшись в плащ-палатку спало на снегу в трескучий мороз!

Утром к нам пришел сержант Халиуллин. Его миномет разбило, наводчик погиб, а он уцелел, представился:

- Я вместо Нечаева.

Как и Нечаев, Халиулин воевал в бригаде давно, участвовал в боях. До прихода к нам я видел его только издали. Боевая обстановка не располагала к общительности. Люди суровы, из всех человеческих чувств доминирует одно — самосохранение.

Опять пришлось идти мне за водой. Как и в первый раз, я направился к воронке по знакомой тропинке. На опушке леса я ожидал увидеть ленивого солдата. И встретил. Он лежал на том же месте мертвым. Да и на всей пехотной позиции остались только мертвые, ни одного живого солдата не было. Пехота ушла на другой участок.

Жердь стояла на прежнем месте в воронке. Я нагнулся, чтобы взять ее и заглянул в яму. Из воды торчали две пары ног в ботинках и обмотках. Пока я справлялся со своей растерянностью, над головой пронесся шквал пуль. Я юркнул в кусты и был таков. Пришлось шагать за водой к ручью. Хотя это и далековато, зато вода там чище, не в пример мутной воде из воронки.

18 сентября в 13 часов построили батальон в ельнике, около землянки штаба батальона. Я посмотрел на строй в две шеренги: не батальон и даже не рота. Это все, что осталось от четырех рот минбатальона.

Командиры чего-то ждали, поглядывая в глубину леса. Наконец, по тропинке проконвоировали бывшего курсанта Русова. Русов шагал под конвоем двух автоматчиков и старшего лейтенанта. Выглядел конвоируемый странно: в ботинках, но без обмоток и шнурков, без гимнастерки, бледный, с белесой стриженою головой. Его поставили перед строем; старший лейтенант зачитал приговор военного трибунала. Оказалось, Русов — самострел. Чтобы выйти из боя, он прострелил себе ладонь левой руки. Закончив читать, старший лейтенант приказал Русову идти к выкопанной могиле, тот хотел что-то сказать, но старший лейтенант не разрешил, приказал:

— Иди, иди.

Русов послушно пошел, но, не сделал и двух шагов как старший лейтенант выстрелил ему в затылок. Русова похоронили тут же, в яме. Мне было жаль этого двадцатилетнего парня, хотя и струсившего, но не предателя. Если бы он хотел спасти жизнь предательством, ему ничего не стоило уйти к противнику: немцы сбрасывали с самолетов листовки, призывая нас сдаваться в плен. Но Русов этого не сделал, значит, он, поборов страх, стал бы неплохим солдатом. Так думал я, и сам не зная почему, влеко-

мый каким-то непонятным чувством к убийце, я подошел к старшему лейтенанту, безуспешно пытавшемуся засунуть пистолет в кобуру трясущимися руками, и попросил:

— Дайте мне на память один патрон из Вашего пистолета.

Старший лейтенант, не сказав ни слова, вынул обойму из рукоятки и молча подал мне патрон. Я спрятал «сувенир» в карман шинели. Старший лейтенант, наконец, водворил пистолет на свое место и, сопровождаемый двумя автоматчиками, отправился к себе. Скоро он скрылся в лесу.

Начальник штаба батальона, одетый в серую шинель, пристально следил за моими действиями и, едва старший лейтенант ушел, подозвал меня:

— В батальоне нет патронов ППШ, что ты клянчил у особыста?

Глаза его смотрели строго, даже презрительно. Я молчал.

— Курсант? — продолжил он допрос.

Я ответил.

— Кем в гражданке работал?

Я тоже ответил.

— Почему не забронировали?

Когда я ответил и на этот вопрос, капитан несколько смягчился и уже спокойно приказал:

— Иди.

Однако строй не распустили. Добрую половину минометчиков послали стрелками. В минбатальоне совсем мало осталось бойцов.

19 сентября утром мы ждали, как всегда, старшину с завtrakом. Напряженно смотрели на тропу, по которой он приходил с подносчиками термосов, но старшины не было. К полудню стало ясно, что он не придет. Батальон снова построили. Капитан, начальник штаба, сказал:

— Мы окружены, противник перерезал наши коммуникации. Пищи не будет. Пехоты впереди нас нет. Будем сами себя охранять — выставим секреты. Командирам рот: выставить секреты впереди и с запада, по уставу.

Командиры рот построили роты, в которых осталось меньше взвода бойцов и приступили формировать секреты по два бойца. Моим напарником оказался Воронцов.

Первым делом приступили копать укрытие — окоп. По очереди рубили топором землю и выбрасывали ее лопаткой на бру-

ствер. К вечеру мы с трудом выкопали яму метровой глубины. Мелковата, но все же защита. Вокруг лежали груды валежника: видимо, лесники перед войной делали санитарную рубку. Одну такую груду мы целиком перетащили на свой окоп, чтобы замаскировать его. Маскировка получилась что надо. Когда стемнело, залезли в укрытие и улеглись на лапник, чтобы не так сильно тянуло сыростью от земли.

Посовещались, кому дежурить первому. Воронцов хотел стать первым: с вечера ему не так сильно хотелось спать, как под утро. У меня же было наоборот. Поэтому мы быстро договорились. Я улегся и сразу же уснул. Не знаю, сколько времени спал, проснулся от удущливого кашля, так и не унявшегося в боях. От земли тянуло сыростью, этот промозглый холод и вызвал кашель. Откашлявшись, я опять было улегся, но Воронцов тревожно прошептал:

— Напротив за елкой фриц прячется...

Хотя военный опыт у нас с Воронцовым был одинаков, мне почему-то казалось, что я опытнее, да и ему так виделось. Наверное из-за разницы в возрасте — я был на несколько лет старше Воронцова. Поэтому, решительно отстранив в сторону напарника, присмотрелся. Темно, силуэты вековых елей выделялись на фоне ночного неба, но никакого фрица за елкой я не увидел. Я уже подумал, что другу померещилось, у страха глаза велики, но из-за ближайшей елки вышел человек и, размахнувшись, что-то бросил в нашу сторону. Посыпался удар о ель, стоявшую у окопа, и взрыв гранаты в стороне нашего убежища. Потом немец выстрелил из ракетницы и все вокруг осветилось, как днем. Я даже видел прошлогоднюю хвою под елью. Свет погас и снова стало темно. Я взял у Воронцова автомат и приготовился стрелять, если фашист выйдет из-за елки. Однако вышел второй немец из-за соседнего куста и, будто призрак, направился к первому. Я дал длинную очередь. Немец нелепо взмахнул руками и рухнул головой в куст. Из-за елки к нему бросился товарищ, но не добежал: его я тоже срезал автоматной очередью. Наступила тишина.

Ожидая новых «гостей», мы с Воронцовым так и не уснули до утра. Воронцов, заядлый трофеист, едва рассвело, побежал к трупам немцев. Принес два ранца. В каждом из них было одно и то же: хлеб, колбаса, галеты и табак. Один ранец мы оставили у себя, а второй Воронцов отнес на огневую позицию солдатам, они тоже голодали.

Дня через три, когда я сидел у задней стенки окопа, прикрываясь грудой хвороста, увидел Соколова. Старший сержант Соколов заменил командира взвода и пробирался к нам, держа наган наготове, настороженно оглядываясь. Увидев меня, приказал:

— Собирайте шмутки и на огневую. Меняем позицию.

Он был похож на девушку. Большие серые глаза, румянец во всю щеку, красивое лицо. Мы тут же с удовольствием покинули секрет и отправились на огневую позицию. Там было все по-старому. Удивил Халиулин: он встретил нас как родных братьев. Сильно волновался за нашу судьбу и не без основания: два секрета были уничтожены патрулями фашистов. И, если бы в схватке с немцами мы не проявили находчивости, с нами могло случиться то же самое.

Когда мы собирались на огневой позиции, командир роты приказал смазать густой смазкой минометы и закопать в землю. Из шестнадцати минометов оставили только три. Только три расчета мог укомплектовать командир роты. Мы построились и зашагали в глубину леса. Шли долго, наконец поднялись на высотку, заросшую смешанным лесом, здесь и переночевали. Утром под командой Халиулина отправились за минами, которые находились где-то на нейтралке. Подходы к складу знал только Халиулин, ходивший в разведку.

Пошли все, кроме командиров. Халиулин вел нас по лесу, потом по лежневке. Свернули направо и перед нами открылось болото с тропинкой, по которой и прежде подносили мины. Оно было пристреляно противником; немцы стреляли даже по одиночному пешеходу. Надо было проскочить этот участок бегом, сколько есть сил. Первым побежал я, невольно видя по сторонам трупы наших бойцов. Я благополучно пересек болото и вошел в березовую рощу. Однако немцы открыли огонь, хотя ребята бежали уже по второй половине болота. Пока немецкий корректировщик давал батарее новые установки прицела, минометчики благополучно вошли в березняк.

К минам подползали по-пластунски, загрузили их в вещмешки кто сколько мог. Ведь одна мина весит восемь килограмм. Но, как мы не были ослаблены голодом, меньше четырех мин в мешки не клали. А некоторые бойцы брали и по шесть. Почему носили мины в вещмешках? Да потому, что в лоток помещалось только три. Да и лотков у нас уже не было. Лотками пользовались только на марше к фронту.

Я смог взять лишь четыре мины, а ведь совсем недавно носил груз тяжелее в полтора-два раза. Тяжелонагруженные, мы подошли к злополучному болоту и задумались: как его перейти? За плечами тяжелая ноша. Да и не взорвется ли она от детонации при близком разрыве снаряда? Думали недолго. Единственный выход из этого положения — бежать бегом. Мы побежали. Я споткнулся о кочку и упал. Вещмешок, описав над моей головой дугу, упал впереди. Я вскочил, водрузил на место груз и снова побежал. И на этот раз нам повезло: опоздал фриц стрелять.

Получив боеприпасы, мы принялись беспокоить противника кочующим взводом. Наш расчет — Халиулин, я и Воронцов — начинал пристрелку. Мы уже сменили три огневые позиции. Младший лейтенант, корректировавший огонь взвода, хвалил за точную стрельбу. Но когда мы в очередной раз сменили огневую позицию, то попали под артналет. Один расчет был выведен из строя. Один солдат убит, двое ранены — перебиты ноги. Убитого похоронили, а раненых отнесли в санроту. Когда ребята вернулись, я поинтересовался, много ли раненых в санроте. Один из минометчиков ответил:

— Никакой санроты давно нет...

Оказывается, снаряд попал в сарай, в котором находилась санрота, и весь медперсонал и раненые погибли.

Передохнув, мы с двумя минометчиками опять кочевали. Надо было расстрелять все мины, которые мы принесли с таким трудом.

Соколов приказал мне идти в третью роту за дополнительными зарядами. Старший сержант Соколов теперь был старшим, других командиров не было. Он дал мне кабель связи между ротами и я, держась за провод, отправился в третью роту. Это был большой немецкий блиндаж, вырытый в склоне высотки. В одной половине — рота, в другой — штаб батальона. Десятка два дополнительных зарядов я положил в вещмешок, взял в руку тот же кабель и отправился в обратный путь. В одном месте я споткнулся, выронил провод и в кромешной тьме найти его не смог. Пришлось идти наугад, удивляясь, почему не видно примет знакомой местности. По времени мне давно уже надо было быть в роте. Наконец, я перешел какой-то овраг и едва не угодил к немцам. Хорошо, что услыхал разговор часовых. Я пустился в обратный путь, тоже долгий. Мне показалось, будто вернулся к своим. Я залез в крохотный блиндаж, переночевал, лежа рядом с мертвым

солдатом. Утром осторожно выглянул из приямка — наш блиндаж виднелся в 200 метрах. Еще издали увидел ожидавших меня товарищей. Я не явился вовремя, и они, естественно, полагали, что я либо погиб, либо попал в плен. Обрадовались, когда я подошел. Только Соколов подозрительно разглядывал меня, допытываясь, где я провел ночь. Едва перекурил с ребятами, как Соколов приказал мне идти к начальнику штаба батальона, находившемуся во второй половине блиндажа третьей роты.. Я взял знакомый провод и отправился в путь. То, что осталось от третьей роты, располагалось почти рядом.

Капитан, тот самый, который ругал меня за взятый патрон у старшего лейтенанта, расстрелявшего Русова, встретил приветливо. Едва я доложил, что такой-то по вашему приказанию прибыл, как он указал на катушку кабеля и приказал отнести ее в артдивизион. А чтобы я попал по адресу, дал мне в руки красный телефонный провод.

Через несколько минут я уже был в рубленом сарае немецкой работы и докладывал капитану — командиру артдивизиона. В сарае вкусно пахло вареным мясом, которое разделяли два солдата в другом конце помещения. Капитан сидел за столом у окна и рассматривал карту. Не отрываясь от нее, приказал:

— Дайте мяса начальнику штаба минометчиков и этому курсанту.

Пожилой старшина засуетился, принес два кусочка мяса, один, завернутый в газету, капитану, а другой — мне, приговаривая:

— Последнюю лошадку доедаем. Вчера снарядом убило. Кушай, кушай на здоровье.

Старшина был добродушен и похож на рачительного крестьянина.

Когда я вернулся в свой штаб, начальник вежливо принял мясо и, не выдавая своего голода, предложил мне:

— Угощайся.

— Мне там давали.

— Можешь идти.

Еще издали я увидел, что товарищи собирались в поход и ждали меня. Едва я подошел, Соколов приказал становиться в строй и повел нас в третий стрелковый батальон.

В штабе батальона нас, человек шесть-семь, принял старший лейтенант. Соколов прощально кивнул и зашагал обратно. К нам присоединилась такая же группа курсантов из другого подразделе-

ния под командой сержанта в зеленой шинели. Старшина выдал нам немного сухарей и табаку, пояснив:

— Наши сбрасывают ночью с самолетов...

Едва мы погрызли сухари, как старший лейтенант приказал сержанту в зеленой шинели:

— Строй бойцов и веди в батальон. Там на левом фланге никого нет. Идите, ползите или летите, но должны быть на позиции!

Сержант построил нас. Я оказался впереди с Халиулиным, и мы пошли. Долго шли молча и вышли на опушку старого леса. Впереди была большая мокрая лощина перед Черной речкой, вдали, под бугром — позиция пехоты. Опушка леса представляла собой пни разной высоты, заваленные древесным хламом — ни пройти, ни проехать. Так поработали артиллерия и авиация, но чья? Этого никто не знал. В одном месте, около тропы, завалы были расчищены и виднелся новый мост через речку. На бугре — немцы. Как пройти открытое пространство не менее километра? Покурили, выгадывая время и понимая, что дойдут не все, а возможно, и никто. Почему пошли на такой риск, если в сумерки можно пройти без потерь? Но приказы не обсуждают. Надо идти. Сержант в зеленой шинели приказал становиться в колонну по одному. Он встал впереди, я за ним.

Это был самый короткий за войну и самый трудный марш. Голодные, слабые, мы испытывали невыносимое напряжение, ожидая свиста мин или пуль. Спрятаться негде — лощина ровная, как стол. У меня в вещмешке было 250 патронов, они кололи исхудавшую спину как гвозди. Карабин тянул вправо, а ноги еле переступали. Мы перешли мостики, уже видели окопчики наших солдат. Немцы молчали. Слева на небольшой возвышенности, тянувшейся от леса к бугру, лежало множество трупов. Но лощина была пуста: значит, здесь наши не наступали.

Сержант свернулся налево и мы пошли вдоль фронта пехоты. Едва преодолели полсотни метров, как справа треснул выстрел снайпера. Сержант странно дернулся: пуля пробила его каску, как скорлупу яйца. Он что-то промычал и свалился на землю. Теперь очередь моя. Опять выстрел. Я съежился, ожидая пули, но упал кто-то в середине колонны. Мы вошли в лощину, залегли. Приполз связной командира батальона и передал приказ занять левый фланг. Мы поползли. Действительно, на левом фланге лежали только мертвые. Оборудовать укрытие или ячейку для стрельбы лежа было невозможно — из земли сочилась вода. Не-

которые курсанты пытались укрыться в огромной воронке впереди позиции, но она просматривалась снайпером, в ней было много мертвых, среди которых я узнал нескольких минометчиков.

Начиналось утро 29 сентября. Остаток ночи прошел без потерь. Спокойно закончился день, нам даже дали по горсти сухарных крошек. Я лег под небольшой елкой, стоявшей около воронки. Не помню, сколько времени проспал. Разбудил дежурный по взводу:

— Вставай, выходим из окружения, — и пошел будить других.

В это верилось с трудом, хотя гул слышался третью ночь. Земля гудела от топота солдат, выходивших из котла под Синявином.

Батальон собрался на берегу Черной речки, у нового мостика. Когда собирались все, комбат приказал:

— Выходить самостоятельно. Собираться в тылах своих подразделений. Стрелки в своем тылу, минометчики — в своем и так далее. У нас пополнение из многих часией. Ну, тронулись...

Он пошел первым, мы за ним, толпой. Ходить скопом уже отвыкли. Перешли мост и потерялись в человеческом потоке, хотя и старались держаться вместе. Я шагал с Сергеем Смирновым, курсантом нашего взвода по училищу, воевавшем в другой роте.

Зрелице было потрясающее: текла широкая человеческая река, сравнимая с колоннами демонстрантов, выходящих на Красную площадь. Шли огромные массы войск. До этого у меня было представление, что и выходить-то некому, что все погибли в синявинских болотах. И то, что я ошибся, очень обрадовало — есть еще порох в нашей пороховнице. Но тревога не покидала: то там, то сям рвались снаряды немцев, обстреливавших болото методическим огнем. Иногда с бугра летели трассирующие пули.

Только утром, когда поднималось солнце, мы вышли из болота. Теперь я поверил, что выжил, и меня охватила такая радость, какую зовут счастьем. Это чувство я испытал впервые на краю синявинских болот утром 30 сентября.

Войска ждали многочисленные кухни, повара зазывали свои роты, это было смешно и горько: на болотах остались целые дивизии, а он ждет свою роту. Так именно и сказали поварам вышедшие из болот солдаты. Повара сникли и заработали черпаками; наливая полные котелки горохового супа, предупреждали:

— Ребята, ешьте помаленьку, понос проберет!

Какой-то солдат, работая ложкой, буркнул:

— Черт с ним, с поносом, нажраться бы!

Я думал также и съел целый котелок супа, а к вечеру заболел. В тылах минбатальона собралось всего 12 человек. Это все, что осталось от четырех рот. Правда, были в медсанбате Нечаев и Халиулин. Кладовщик вынес нам по 100 граммов сахара, банке рыбных консервов и хлеба. Этот глухой жмот мог бы дать и больше: ведь экономил продукты десять дней на личном составе минометного батальона.

Вечером нас вернули на край болота, где стояли кухни, в ту же роту третьего стрелкового батальона.

5 октября нас сменила новая часть, и мы направились в лес около деревни Сирокасска. А еще перед две недели — на станцию Новый Быт, где погрузились в три теплушки и поехали в Горжок формироватьсья. Солдаты и офицеры занимали одну теплушку, всего нас было человек сорок пять оставшихся от бригады в 6,5 тысяч штыков, вошедшей в бой под Синявином.

С. И. ГАЙДАР,

*ст. сержант в отставке, бывш ком. взвода
управления отдельной минометной роты 265-й сд*

*Воспоминания о Синявинской операции**

В конце февраля 1942 года всех выписанных из ленинградских госпиталей доставили к Ладожскому озеру. Эшелон прибыл поздно вечером. Дальнейший путь предстоял на машине по Дороге жизни.

Мы, человек 19, погрузились в открытый газик. Предстоял путь свыше 30 км. Мороз около -30° , ветер. Обмундированы мы были легко. Это и правильно: ведь едем на Большую землю, а теплое обмундирование нужнее здесь, в блокадном городе. Но можете себе представить, что значит истощенному, легко одетому человеку покрыть путь в открытой машине при таком морозе.

Холод пронизывал до костей. Все сгрудились у кабины, прижавшись друг к другу. Спустя некоторое время я стал меньше чувствовать холода, но зато сильно клонило ко сну. Почему-то казалось, что в эти минуты ничего нет милее сна. Даже голод

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

отступил на второй план. Я стал медленно сползать на пол кузова. Меня обволокла какая-то странная дремота, сквозь которую послышался чей-то голос:

— Не давайте никому ложиться на пол, иначе до берега не доедут!

Меня берут под руки и ставят на ноги.

Хочется оттолкнуться и снова лечь. По телу проходит приятная теплота, но в сознании отчетливо сохранилась брошенная фраза.

Всеми силами стараюсь устоять, стряхнуть с себя дрему, но не могу. Как страшно хочется спать! Абсолютное безразличие ко всему. Через какое-то время снова ложусь на пол кузова. Сколько прошло времени — не помню. Очнулся внезапно от сильного толчка. От этого толчка мгновенно сползла дремота. Я явственно ощущил положение, в котором очутился: темень, сугроб и удаляющийся кузов машины. Времени на раздумывание не было. Чтобы не замерзнуть — надо бежать. И я побежал. Все мышцы тела, кажется, сокращались, чтобы бежать, но бег мой был больше похож на медленное передвижение и через несколько шагов я уже тихо брел по утоптанному снегу дороги.

Я знал, что по трассе беспрерывным потоком движутся машины и незамеченным я не останусь. Действительно, первая же машина остановилась. Дверь кабины распахнулась, и я с трудом ввалился в нее. Шофер ехал один, порожняком. В кабине было тепло, и я погрузился в сон. Проснулся от толчка. Первое, что бросилось в глаза, — наступившее утро. Машина взбиралась на пологий берег к деревне. В некоторых избах дымились трубы. Стояла удивительная тишина. Я до предела напряг слух, пытаясь услышать петушиный голос. Казалось, только он мог удостоверить меня, что есть место, где нет войны. Через несколько километров мы въехали в Жихарево.

Шофер подвез к эвакопункту. Жарко натопленное большое помещение, полно людей. Здесь не требовали ни документов, ни объяснений. Меня усадили и поставили передо мной большую миску горячего макаронного супа с мясом. Да, это было настоящее мясо, и притом много.

В полдень на Жихарево налетела немецкая авиация. Деревянные здания загорелись. Где-то в стороне заухала зенитка. Вокруг горящих домов таял снег. Но главным моим помыслом было: где бы еще поесть?

Через день небольшую группу, в том числе и меня, построили в повели в часть. К вечеру мы подошли к участку, занимаемому 265-й стрелковой дивизией. Шли по широкой лесной просеке. Это была основная дивизионная артерия, по которой подвозили боеприпасы и продовольствие. По обочинам дороги в обоих направлениях сновали люди. Одни шли в ночной дозор, на наблюдательные пункты, другие возвращались с дневного дежурства. Мимо проезжали машины и подводы. Чем ближе к передовой, тем яснее слышались автоматные очереди, пулеметная дробь. От дороги в обе стороны уходили в лес утоптанные пешеходные дорожки. На деревьях висели всевозможные указатели.

Нас, четырех миномётчиков, направили в отдельный минометный дивизион 120-миллиметровых минометов. Встретили хорошо. Поселили в землянки по расчетам. В землянках тепло, уютно. Накормили. Проходит несколько дней, а нас никто не беспокоит. Все ведут себя так, как будто нас и не существует. Оказалось, что командир дивизиона приказал ленинградцев не трогать, пока не поправятся. Среди нас начали появляться больные. Заболел и я.

Через две недели двоих из нас направили в тыл, в деревню за 15 километров от переднего края. Спустя полтора месяца мы окрепли настолько, что могли нести службу наравне со всеми. В начале мая в дивизию прибыла большая партия пополнения из Сибири и Тувинской республики. В это время я был уже в минометном батальоне; командир батальона — ст. лейтенант Левогский, командир роты — мл. лейтенант Мазуренко.

Началась боевая учеба.

Лето полностью вступило в права. В кропотливой ежедневной учебе креп и мужал коллектив. Полк получил новое боевое оружие. В полку была рота ПТР и рота автоматчиков. По мере освоения боевой техники, тактики ведения боя стало больше свободного времени. Началась организация самодеятельности.

В одном из номеров «Правды» был опубликован рассказ А. Довженко «Отступление». Этот рассказ произвел сильное впечатление на всех, и я высказал мнение, что не плохо поставить по нему инсценировку. Меня поддержали. На следующий день я написал сценарий. На женские роли были приглашены девушки из медсанбата; по моим эскизам подготовили декорации. Политотдел дивизии прислал к нам инструктора-капитана. В подраз-

делении оказалось столько талантов, что можно было ставить спектакли. Активно помогал политрук роты Пискарев.

Полк сменил место расположения — видимо, в целях маскировки. Ежедневные налеты немецких разведчиков не проходили даром.

Получили новое обмундирование. Непривычно было носить шинели английского покроя из их сукна. Легкие, холодные.

25 августа, во второй половине дня, полк был поднят по тревоге. После захода солнца колонны двинулись к переднему краю.

Около полуночи заняли траншеи переднего края. Привычная обстановка фронта. Одна за другой ввысь с небольшими интервалами поднимались ракеты, ярко освещая местность. Короткие очереди автоматов и пулеметов. Подходы к переднему краю забиты нашими войсками. Настроение приподнятое. По всему видно, что наступать будем мы.

Утро 26-го было пасмурным. Моросил мелкий дождь. Видимость плохая. Тишина нарушалась очередями с той и другой стороны. Когда видимость немного улучшилась, я осмотрелся: в 100—150 м по выгодным рубежам проходят немецкие траншеи. В километре от переднего края, в низине, — развалины деревни. Торчат только сохранившиеся печные трубы, чуть дальше за косогором — опушка леса. Мы на левом фланге. Правое крыло дивизии было к Рабочему поселку № 1. Весь день находились в траншеях, соблюдая все меры предосторожности. Противник молчал: кажется, он не заметил нашего сосредоточения.

Вечером зачитали приказ о наступлении. Ночь прошла беспокойно. Чувствовалось всеобщее напряжение. Чем ближе час атаки, тем больше оно росло.

Утро 27-го. Солнца нет. По небу плывут тучи. И вдруг разом заговорила артиллерия. Сотни орудий всех калибров открыли огонь. Впереди все заволокло разрывами снарядов, мин. Все мы, возбужденные, наполовину повысовывались из траншей. Силимся что-либо увидеть среди сплошных разрывов, но тщетно. Артподготовка длилась лишь 40 минут, но вот мы услышали характерный звук «катюш», затем полет сотен продолговатых снарядов, обгоняющих друг друга. Все высypали из траншей на бруствер.

Войска двинулись вперед. Вместе с пехотой пошли танки. Первое время продвижение было успешным. Противник редким огнем огрызается. По всему было видно, что удар был для него неожиданным. Соседи справа ушли далеко вперед. Но неожиданность

прошла, и немцы начали сильнее и интенсивней вести огонь по наступающим частям.

Мы попали в зону сильного артобстрела. Залегли. Прошли более 2 км. Впереди лес, железнодорожная насыпь. У насыпи пехота залегла и начала окапываться. Заскочив в одну из небольших рощ, я увидел батарею 81-миллиметровых минометов. Видны следы поспешного бегства. Всеброшено врагом. Увидев одного из наших бойцов, подзываю к себе. Разворачиваем минометы в сторону противника, ставим дальность «800» и все оставшиеся мины выпускаем по противнику.

В дивизионной многотиражке на следующий день были опубликованы сообщения о первых награжденных, героических подвигах бойцов и командиров. Дивизия понесла потери. Убит командир нашего батальона ст. лейтенант Левогский. Убит командир полка. Тяжело ранен командир соседнего полка майор Черный. Командный состав нашей роты пока цел.

Через 2 дня противник начал массированную бомбёжку на нашем участке. Пикирующие бомбардировщики эшелонами заходили над занимаемыми нами рубежами.

Под вечер позвонили из штаба полка. Мне и еще нескольким бойцам приказано быть там. В темноте нашли насухе вырытую просторную землянку с легким перекрытием.

В этот вечер мне была вручена кандидатская карточка. В роте первым меня поздравил политрук Пискарев. Это был обаятельный человек. Учитель по профессии, откуда-то с Южного Урала. Дома у него остались жена и маленькая дочурка, фотографии которых он часто показывал.

В последующие дни у нас продвижения вперед не было, но справа наши войска продвинулись к Синявину. Оттуда доносились беспрерывная артиллерийская канонада. Противник, по-видимому, всю артиллерию сконцентрировал у Синявинского выступа, но против нашего участия действует батарея шестиствольных минометов. Периодически их характерный скрипучий звук слышится все чаще и чаще. Рота ежедневно несет потери. Прямое попадание снаряда в расчет. Убит наповал боец Рахматов, тяжело ранен Савинов — сибиряк.

8-го сентября получен приказ сменить огневую позицию. Менять начали в полночь. Утром командир роты Мазуренко приказал мне в районе сожженной деревни выбрать и оборудовать наблюдательный пункт. К полудню все работы были закончены.

Провели телефонную связь на батарею. Начал пристрелку предполагаемых подступов к нашему переднему краю. Согласовал систему сигналов на случай выхода из строя связи.

Утром 10 сентября погода выдалась плохая. Моросил мелкий густой дождь. Густые тучи низко плыли в небе. Видимость плохая. После 8 часов дождь прекратился. Небо стало проясняться. Началась артиллерийская подготовка противника. Огонь плотный. Артподготовка длилась около часа. В это время я внимательно просматривал опушку леса, где находился противник, в стереотрубу. Было заметно, что немцы на опушку вывели танки. Позвонил на батарею. После артподготовки немецкие танки начали выползать и готовиться к атаке.

Я насчитал более 20 танков. Они медленно развернулись и пошли в нашу сторону. Между танками сновала пехота. По танкам открыла огонь наша артиллерия. Появились редкие разрывы. Огонь стал плотнее. Некоторые танки начали подрываться на наших минах. По-видимому, ночью саперы заминировали этот участок.

Вот уже весь косогор перед деревней заполнен вражескими танками и пехотой. Даю команду на батарею: по такому-то ориентиру открыть беглый огонь. Пауза. Через полминуты начали рваться первые мины. Ложатся хорошо. И вот уже весь косогор покрыт сплошными разрывами. Охватило радостное чувство. Наблюдавшие это связисты и разведчики не могли удержаться от громкого восхищения точным массированным минометным огнем по немецкой пехоте. Когда рассеялись последние разрывы, оставшиеся в живых немцы бросились в лощину, покрытую мелким кустарником. Танки остановились. Как хорошо, что я вчера пристрелял эту лощину!

Даю команду беглым по ориентиру № 4. Снова пауза. Затем вся лощина покрывается сплошными разрывами. Над кустарником поднимаются клубы дыма и земли. Здорово! Отлично!

Немного погодя противотанковая артиллерия еще интенсивней начала вести огонь по танкам. Танки еще не поворачивают обратно, но и не двигаются вперед. Наступила пауза, после которой в небе появились пикирующие бомбардировщики. Началась бомбейка. Я до сих пор не видел такой бомбейки. Один эшелон сменяет другой. Вся земля перерыта взрывами. Все обволокло дымом, гарью, землей. Сколько прошло времени, трудно определить. Кажется, бомбейке не будет конца. Нервы напряжены до предела. Связь с батареей прервана. Ясно, надо ждать

новой атаки. Необходимо наладить связь. Посылаю первого связного. Бомбекка кончается, а связи нет. Посылаю второго связиста, последнего. В стереотрубу вижу, как немцы переходят в атаку. Снова танки, пехота. Все начинается сначала. Необходим огонь по тому самому месту. Даю сигналы ракетами. Сумеют ли на батарее в этой суматохе увидеть и отличить мои сигналы? Томительно идет время. И вот начинают рваться первые мины. Чувствую облегчение. Я уже уверен, что сейчас последует сплошной шквал обрушившихся мин. Точно. Опять все в пыли, дыму. Дым рассеивается и видно, как остатки пехоты убегают в обратном направлении. Один за другим выходят из строя танки, но один из ведущих упорно продвигается к развалинам деревни. Вот он подползает к первым развалинам, и я отчетливо вижу нашего бойца, который, встав в полный рост за остовом трубы, бросает связку гранат. Взрыв. Танк встал. Смельчак бросился в окоп. Снова пауза и снова массированная бомбекка. Вот группа самолетов: один за другим они пикируют на наш наблюдательный пункт. Зажимаю глаза до боли. Грохот, взрывы и... все стихло. Ничего не слышу. Чувствую тяжесть. Когда отбомбился последний самолет, поднимаю голову. В голове шум. Подняться не могу. Сильная боль в правой ноге. Кругом вздыбленная земля, обломки и... никого нет. Оглядываюсь. Окликаю товарищей. Все живы, но лежат в разных сторонах и засыпаны землей. Понемногу приходим в себя. Подошли и ко мне, помогают выбраться. Через полчаса прибыло несколько человек из батареи. Их послал командир роты. Оставляю за себя человека, а меня на плащ-палатке под бомбеккой тянут на батарею.

Проходит около часа, и меня благополучно доставляют на батарею. Здесь тоже видны следы бомбекки. Убит политрук Писарев, несколько раненых лежат в траншеях. Меня кладут рядом с ними. Началась новая волна бомбекки, за ней — очередная атака. Слышим рев движущихся танков. Кто-то побежал из батареи. Раздается неистовый крик командира роты Мазуренко:

— Стой, ни шагу назад! Бутылки с горючим! Давай бутылки с горючим!

Время клонится к закату. Как тяжело в такие минуты лежать совершенно беспомощным! Ползу на гребень. Хочется посмотреть, что делается там, куда убежали батарейцы с бутылками.

Немцы решили в этот день нанести мощный удар под основание синявинского выступа, и таким образом окружить и отрезать

наши части. Пока все безрезультатно. Удержаться бы до захода солнца, а ночью наши перегруппируют силы и будет значительно легче. Возвращаются батарейцы. Все возбуждены. Видно по всему, что и эта атака противника захлебнулась.

Начало темнеть. Подвезли ужин. Есть не хочется, клонит ко сну. Быстро засыпаю. Будят: оказывается, прибыли санитары. Прощаюсь с товарищами.

Путь следования до медсанбата не помню, но по прибытии туда меня эвакуировали, как тяжело раненного, в тыловой госпиталь г. Череповца. Через сутки сделали операцию. Продержали в этом госпитале месяц, а потом направили в глубокий тыл — в г. Соликамск на Северном Урале. Вскоре я получил письмо из дивизии, где сообщалось, что 265-я сд находится на переформировании.

После выздоровления я снова попал на фронт в январе 1943 года, волей судьбы — в другую часть.

*Н. М. СЕМАШКИН,
капитан в отставке,
бывш. начарт 450-го сп 265-й сд*

*У речки Черной**

Нудные дожди прекратились. Над землей снова висело яркое августовское солнце, щедро даря свет и тепло. В один из таких дней, когда я проводил занятия с командирами взводов и батарей по артиллерийско-стрелковой подготовке, ординарец командира полка сообщил о срочном вызове в штаб.

Прервав беседу, я заторопился в глубь леса, туда, где на зеленой полянке стояли скамейки из обструганных сосновых палок, маленький самодельный стол. Здесь обычно проводились все важные совещания. Вскоре подошли командиры батальонов старшие лейтенанты Костюков и Шкурихин, капитан Табунов. Определив, что все в сборе, ординарец доложил командиру. В дверном проеме показался капитан Степин. Это было неожиданно: обычно у себя он командиров никогда не собирал.

* Глава из повести Б. Н. Цветаева «Лицом к врагу». Липецк, 2000 г. С. 60–81.

С трудом мы разместились в тесном помещении: кто на скамье, кто на нарах, покрытых тонким байковым одеялом. Сосновая комната сияла чистотой: об аккуратности нашего немногословного, пунктуального командира в полку все знали. Подождав, когда люди рассядутся, командир оглянулся на дверь, плотно закрыл ее, повернулся к нам.

— Вызвал я вас по важному вопросу. Предупреждаю: о том, что вы будете делать сегодня и в последующие дни, никто не должен знать. А теперь отправляйтесь за биноклями и на дороге, что впереди артиллерийских батарей, подождите меня.

Мы собрались в указанном месте. Летний день был в разгаре, и солнце палило нещадно. Через несколько минут подошла полуторка. Придерживая рукой бинокли, мы дружно полезли в старенький скрипучий кузов. Уселись на скамейку вплотную к кабине, и машина поехала мимо станции Назия, деревни Новая и дальше по лесной дороге. Мы догадывались, что направляемся к передовой.

Проехали еще несколько километров, остановились. Местность приметная: справа — высота с тригонометрической вышкой, покрощая хвойным лесом; слева — болото. По краю его походными кухнями и повозками проторена дорога. Автомобиль по ней не пройдет. Поэтому дальше пошли пешком.

Подходим к переднему краю. Вот и землянки показались, вкопанные в крутой песчаный обрыв.

— Здесь штаб батальона, занимающего оборону, — впервые за весь путь заговорил Степин. — Присаживайтесь, отдохните. А я сейчас.

И он уверенно направился к одной из землянок. Только тут мы поняли, что комполка, вероятно, уже не раз бывал в этих местах.

Вскоре из землянки появился Степин с командиром батальона, и мы пошли осматривать его «хозяйство». Глубокая траншея повела нас вдоль края болота. Через каждые 200—250 метров от нее в глубину обороны ответвлялись ходы сообщения. На самом гребне безымянной высотки неожиданно столкнулись с дежурным расчетом станкового пулемета.

— Левая точка нашего переднего края, — вполголоса сказал комбат.

Мы подняли бинокли. Отсюда отчетливо просматривался весь передний край обороны противника: укрепления вдоль берега Чер-

ной речки, деревня Тортолово. Правда, из 33 построек деревни не уцелело ни одной, и о населенном пункте можно было догадаться только по фундаментам домов, которые гитлеровцы приспособили для обороны.

Сверяя свой путь с картой, мы обошли район обороны батальона, познакомились с его инженерным оборудованием. Долго и внимательно наблюдали за противником с разных хорошо замаскированных точек переднего края. Враг усиленно совершенствовал свою оборону: в низких местах строились насыпные окопы.

— Ну и ну, — ахал Шкурихин, — на глазах у всех фашисты безнаказанно роют окопы. Один аж на бруствер вылез, землю разравнивал. И за целый день ни одного выстрела! У моих хлопцев терпения не хватило бы.

Командир полка выслушал наши мнения об увиденном, указал пути подхода части к переднему краю и рубеж развертывания батальонов, но уточнять задачи почему-то не стал. Какая-то недоговоренность была во всей проведенной рекогносцировке, и об этом, наверное, думал каждый из нас.

Весь следующий день мы провели на передовой, составили схему укреплений и огневых точек врага. Встретившись вечером, устроили перекрестную проверку результатов. До наступления темноты я начисто обработал материал, и, оказалось, вовремя, так как ночью меня неожиданно разбудил часовой — вызывал командир полка.

— Начарт, доложите, что сделали сегодня, — обратился он ко мне. Я извлек из полевой сумки схему, развернул на столе. Степин долго разглядывал ее, потом заметил: — У вас четыре оружия поставлены на нейтральной полосе. Это ошибка?

— Никак нет, товарищ капитан. Так и должно быть. Отсюда орудиям гребень высоты не мешает.

Степин, ни о чем больше не спрашивая, вернул схему:

— Идите отдыхайте.

Три последних дня мы работали с особым рвением. Выявляя скрытые подходы к переднему краю, обошли все болото. На четвертый день вернулись запоздно. Быстро поужинав, мы собрались в домике командира полка. В помещении горела коптилка, освещая развернутую на столе карту. Капитан Степин начал подводить итоги разведки:

— Я вам не раскрывал до конца всех секретов, но, видимо, вы догадались, что готовится большое наступление. Приказ пока не

получен, но через пять, возможно, десять дней наш полк будет наступать в направлении Тортолово—разъезд Апраксин—Михайловское—Мга.

Начинался новый этап работы. Артиллеристам в этот период досталась двойная нагрузка. Днем они участвовали в совместных занятиях со стрелковыми отделениями, которые должны будут оказывать помощь орудийным расчетам в ходе боя, а по ночам на телегах подвозили боеприпасы к позициям. Расчеты стремились доставить на каждое оружие не менее 600 снарядов.

Наш полковой лагерь в эти дни напоминал потревоженный улей. Командиры батарей старшие лейтенанты Буркасов и Кондаков, командиры огневых взводов старшие лейтенанты Мансуров и Веселов, командиры орудий сержанты Полушкин, Ляпустин, Митякин, Сиянко учили пехотинцев, как идти в атаку за огневым валом. Бывалые солдаты проводили индивидуальные занятия с необстрелянными бойцами.

Все мы тогда жили одной мыслью: прорвать блокадное кольцо вокруг Ленинграда. На политзанятиях в подразделениях часто выступали солдаты, сержанты, офицеры, семьи которых находились в блокированном городе. Они с болью говорили о трудностях ленинградцев, о родных и близких, читали письма от них. Полк, более половины бойцов которого не бывало в деле, рвался в бой.

Подготовка к наступлению заканчивалась. С 20 августа за неприятелем было установлено круглосуточное наблюдение. 25 августа командир полка на совещании командного состава объявил:

— Получен приказ: готовность к атаке в четыре часа утра двадцать седьмого августа. Завтра людей не ограничивать в отдыхе. Командирам проверить до мелочей боевую готовность подразделений.

Наша 265-я стрелковая дивизия должна была наступать двумя эшелонами, главный удар наносить левым флангом. Там находился наш 450-й полк. Нам предстояло овладеть опорным пунктом Тортолово.

Утро 26 августа выдалось теплым, и день обещал быть ясным, солнечным. Занялись своими делами: кто протирал оружие, кто подшивал свежий подворотничок. Артиллеристы и минометчики хлопотали возле орудий. В лагере царило оживление. Днем перед полком выступил командир полка майор Степин, только что получивший очередное воинское звание. Он подвел итоги боевой

учебы подразделений, поблагодарил бывалых бойцов за подготовку молодого пополнения. Солдаты услышали долгожданное слово о том, что предстоят бои по прорыву блокады Ленинграда.

С наступлением темноты артиллеристы, в помощь которым были выделены стрелковые подразделения, подтянули орудия к передовой. Следом за ними по обочинам дороги, чтобы не поднимать пыль, двинулись пехотинцы. Политработники во главе с комиссаром полка Шадриным направились в стрелковые роты. Августовская ночь, уже по-осеннему темная, надежно прикрывала перемещение полка.

К командиру полка то и дело подходили подчиненные с докладами о готовности батарей и батальонов к атаке. Степин приказал выдать бойцам завтрак и сухой паек.

На часах — 3.50. Командир артиллерийской группы майор Николаенко подает дивизионам команду: «По местам!» На командном пункте устанавливается полнейшая тишина. Напряженно ждем очередной команды. «Зарядить!» Кажется, все перестали дышать. «Натянуть шнуры!» Николаенко смотрит на секундную стрелку карманных часов. Она, подрагивая, описывает последний круг. Остается десять секунд, пять, одна... «Огоны!»

Темно-красным заревом полыхнула округа. Дрогнул воздух. Серым тротиловым дымом, землей вздыбился передний край обороны гитлеровцев. На десятки метров в стороны разлетаются бревна перекрытий немецких укреплений, камни, осколки снарядов. На наблюдательных пунктах сразу стало хлопотно и оживленно. Заработала связь с огневыми позициями батарей и дивизионов. Через минуту артиллерийская группа перенесла огонь в глубину обороны врага. Пробил час орудий прямой наводки. Расчеты быстро выкатывают их на основные позиции. Тридцать стволов на шестисотметровый участок прорыва. Снаряды крушат деревоzemляные укрепления, пулеметные гнезда, поражают живую силу в окопах.

Я вижу, как повеселили пехотинцы, приготовившиеся к атаке. С одобрением смотрят они на огненный смерч, бушующий впереди окопов, что-то кричат друг другу. Орудия прямой наводки еще продолжают стрельбу, когда на передний край противника накатывается второй огневой вал артиллерийской группы. И словно ставя точку в какофонии звуков, воздух со свирепым свистом рвут стрелы гвардейских минометов.

Но вот в дымное небо вонзается несколько десятков красных ракет. С громким «Ура!» поднимаются в атаку стрелковые роты и устремляются вслед за огненным валом. Через несколько минут они врываются в первую траншею опорного пункта Тортолово.

Противник ведет по нашим боевым порядкам редкий артиллерийский и минометный огонь. Шесть наших танков приближаются к речке Черной. Самый левофланговый танк попал в болото и забуксовал. Остальные повернули направо, где саперный батальон под командованием капитана Иванова начал сооружение моста.

Орудия 76-миллиметровой полковой батареи сержанта Ляпустина и старшего сержанта Митякина поднимаются по обрыву в Тортолово.

На НП командира полка прибыли командир дивизии полковник Ушинский, комиссар дивизии подполковник Марченко. В это время стрелковые батальоны первого эшелона в сопровождении огневого вала и орудий прямой наводки, преодолевая сильное сопротивление противника, продолжали движение вперед.

Командир первого батальона старший лейтенант Костюков и командир третьего батальона капитан Табунов условным сигналом просили перенести огонь на насыпь. Но она прикрыта от нас березками, ольхой — нельзя вести прицельную стрельбу. Чтобы выгнать немцев с высотки, нужны танки, а они застряли на топком берегу реки.

По мосту, наведенному через Черную, прошли оставшиеся орудия прямой наводки. За ними — Т-34. Когда тяжелый КВ, лязгая гусеницами, вполз на мост, танк повело влево вместе с деревянным сооружением. Оказавшись в реке, КВ завяз.

Между тем наши роты, понеся значительные потери, залегли у подножья песчаной высотки. Командир полка перенес свой НП ближе к злополучной насыпи, где была немецкая землянка. В ней вместе с майором Степиным расположились радисты, телефонисты, посыльные командиров 450-го и 798-го полков. Немцы оставили в землянке радиостанцию. Командир радиовзвода артполка лейтенант Смирнов проверил ее. Трофей оказался в полной исправности.

Около девяти часов утра противник силою до двух рот с направления железнодорожного переезда контратаковал левый фланг. Огнем всех видов стрелкового оружия и орудиями прямой наводки контратака была отбита с большими потерями для про-

тивника. Однако этот открытый фланг оставался под угрозой. Дело в том, что левее 450-го полка наступала 11-я стрелковая дивизия, которая ни на метр не продвинулась.

Майор Степин был вынужден прикрыть левый фланг батальоном второго эшелона под командованием капитана Шкурихина и двумя ротами капитана Табунова.

На правом фланге нашего полка наступает 941-й стрелковый полк, сформированный в начале 1942 года. Основной его состав — сибиряки Алтайского края. Возглавляют этот полк подполковник Паруликов и старший батальонный комиссар Ариничев.

941-й полк левым флангом занял несколько домов северной окраины 1-го Эстонского поселка и группу безымянных высот на стыке полков. Но правому флангу 941-го полка не удалось продвинуться, потому что дивизия, наступающая справа от нашей, никакого успеха не имела.

Примерно в 14 часов был введен в бой второй эшелон 265-й дивизии — 951-й стрелковый полк, но без танков. Они так и не смогли переправиться через речку Черную. Атака второго эшелона положительных результатов не дала. Недоставало танков. Они бы, пожалуй, решили исход боя в нашу пользу. Потеряны время, инициатива. Фашисты успели получить подкрепление и начали усиливать артиллерийский и минометный огонь.

Тем временем батальоны 951-го полка подготовились к повторной атаке с задачей овладеть насыпью. Артиллерийская группа произвела по ней десятиминутный огневой налет.

В ответ артиллерия противника подвергла обстрелу наши позиции. Мина разорвалась в пяти-семи метрах от орудия командира взвода Меркина. Вышла из строя пушка, из семи бойцов расчета один погиб, остальные получили ожоги термитной смесью, но остались в строю.

Во время обстрела был ранен командир противотанковой батареи старший лейтенант Кондаков. Атака не состоялась. Командование приняло решение: собрать все силы и во что бы то ни стало овладеть укрепленной насыпью, которая являлась второй линией обороны немцев.

Командующий артиллерией дивизии полковник Барышев побещал майору Степину произвести залп дивизиона реактивных минометов.

Солнце было на закате, когда начался артиллерийский налет. Продолжался он несколько минут. В заключение прогремели

«катюши». К сожалению, 1/3 их снарядов разорвалась в наших боевых порядках — потери были немалые.

Полковник Барышев приказал немедленно произвести расследование случившегося. Председателем комиссии был назначен командир дивизиона 798-го артполка Долгановский, члены комиссии: капитаны Зиновьев и Семашкин.

При тщательной проверке данных для стрельбы в записях командиров установок и старшего ошибок не обнаружено. Виновник найден не был. Комиссия предупредила командование дивизиона реактивных минометов, чтобы оно строго следило за работой подчиненных.

Насыть осталась у врага.

Вечером майор Степин, оставив за себя на НП капитана Шапенко, исполнявшего обязанности помощника начальника штаба полка по разведке, отправился с докладом к командиру дивизии. Он взял с собой ординарца Наумова, смелого, подтянутого бойца.

Быстро стемнело. У входа в землянку поставили дежурного с трофейным пулеметом МГ-34. Автоматная стрельба идет с обеих сторон. Иногда противник ведет огонь из пулемета: во тьме вспыхивают трассирующие пули.

Я направил командиров батарей — старшего лейтенанта Буркасова и лейтенанта Мансурова, назначенного на место раненного лейтенанта Кондакова, — проверить состояние пушек и их obsługi, выяснить наличие боеприпасов.

Вернулись они через полчаса, доложили, что орудия и артиллеристы в полной готовности, снаряды есть. Признались, что на обратном пути еле нашли землянку — в темноте очень трудно ориентироваться.

Из штаба полка позвонили: майор Степин с ординарцем комиссара Шадрина, Натализоном, отправился на НП. Значит, скоро должен быть здесь.

Шло время, а командир полка не появлялся. Капитан Шапенко, заметно волнуясь, направил ему навстречу трех разведчиков. Они прошли до штаба полка, вернулись обратно, но майора Степина и Натализона не обнаружили.

Время перевалило за полночь, но никто не спал, и в сон не тянуло: ждали командира полка.

— Товарищ капитан, вас просят к телефону, — обратился связист к Шапенко.

Закончив разговор, Шапенко объявил, что для подкрепления и прикрытия левого фланга полка прибывает учебный батальон дивизии.

— Им в свое время командовал майор Ершов. У деревни Лодва его тяжело ранило в левую ногу. В госпитале ее ампутировали, — вспомнил вслух о боевом товарище старший лейтенант Костюков.

— Да, майор Ершов был одним из организаторов снайперского движения в нашей дивизии, — сказал капитан Шапенко.

Противотанковых средств учебный батальон не имел. В его боевые порядки я направил орудия сержантов Ляпустина и Полушкина.

В землянку торопливо вошел рядовой Наумов. Он рассказал, что сопровождал Михаила Сергеевича до штаба полка. После чего по приказу майора повел его коня Орлика дальше в тыл, чтобы накормить. Когда вернулся в штаб, Степина там уже не было.

— Ищите командира полка, товарищ Наумов! — резко сказал капитан Шапенко.

— Есть искать! — ответил рядовой и быстро вышел из землянки.

Прошла, наконец, тревожная ночь. Рассвело. Со стороны разъезда Апраксин доносился нарастающий гул моторов. Противник подтягивал танки к передовой.

Настало утро. Свежее, пасмурное. Над болотистыми местами висела сплошная дымка. Разведчики, бойцы комендантского взвода по всему фронту полка искали майора Степина. Обнаружили его в стапятидесяти метрах от НП. Он лежал убитый. Левая рука прижата грудью, а правая вытянута вперед. Место, где нашли майора, противник держал под обстрелом. Как попал сюда Михаил Сергеевич? Шел проверить передний край, поговорить с бойцами... Но почему о его смерти долго не говорил старшина Натанзон?

Провожали в последний путь отважного боевого командира немногие, но мысленно весь полк шел за гробом. Похоронили Михаила Сергеевича Степина на восточной окраине Путилово. Посмертно он награжден орденом Ленина.

В восьмом часу участок обороны, занимаемый учебным батальоном, противник подверг сильному артиллерийскому обстрелу. Не было, казалось, того места, где бы ни рвались снаряды. Горел мелкий сосняк.

Всем нам, находившимся на НП, думалось: едва ли кто уцелеет из учебного батальона, и приданые ему орудия прямой наводки выйдут из строя. Потому, оставив НП, мы развернулись в боевой порядок в ожидании контратаки.

Вмиг смолкла артиллерия противника. Сквозь дым и пыль мы увидели три ряда немецких автоматчиков. Поливая свинцом, они приближались к окопам учебного батальона.

И вдруг по автоматчикам яростно хлестнули картечью орудия прямой наводки. Помогая им, дружно заработали пулеметы, автоматы, винтовки.

— Ура! — стоя в окопе, крикнул Шайхалиев.

Наша сводная рота, находясь на запасном рубеже, вздохнула облегченно. Я видел, как десятками падали на землю немецкие автоматчики. Через несколько минут все три ряда наступавших гитлеровцев были уничтожены.

В течение дня пехота противника, получая пополнение, шесть раз поднималась в контратаки, но, неся большие потери, откатывалась назад. Потеснить наши ряды ей не удалось.

Конечно, и у нас тоже были раненые и убитые. У каждой пушки осталось по четыре бойца. Командиры орудий сержанты Ляпустин и Полушкин встали у панорам наводчиками, командиры взводов Меркин и Веселов командовали орудиями. При отражении последней контратаки погиб лейтенант Веселов, волевой и опытный командир, любимый бойцами.

Снайпер учебного батальона Татьяна Петрова вела меткий огонь по фашистам, когда они рвались к нашим окопам. В минуты затишья она перевязывала раненых, помогая им добраться до надежных укрытий.

С последними лучами солнца затихает трескотня пулеметов и автоматов. Наша артиллерия производит редкие, но массированные огневые налеты по глубине обороны противника. Его артиллерия молчит.

Вечером капитана Шапенко и меня срочно вызвали в штаб полка. С нами пошли рядовые Васенкин и Шайхалиев. Как и вчера, темнота невероятная. Идем по дороге на ощупь. С трудом преодолели речку. Вымазались в грязи.

Придя в штаб, привели себя в относительный порядок. Затем представились новому командиру полка — подполковнику Бронникову. Он среднего роста, худощавый, с румянцем на щеках. Глаза маленькие, острые, густые брови нахмурены. Волосы ред-

кие, с заметной сединой, причесаны на пробор. Одет подполковник в новое хлопчатобумажное обмундирование.

Окинув острым взглядом собравшихся, подполковник сказал:

— Товарищи командиры! Боевые действия, начатые нашей дивизией и всем Волховским фронтом, имеют не только тактическое, но и стратегическое значение для Ленинграда. Верховное немецкое командование создало мощную группировку в составе более десяти пехотных дивизий, усиленных авиацией и танковыми соединениями, которые полностью подготовлены к наступлению с целью отрезать город Ленина от «Дороги жизни». Командование этой операцией Гитлер возложил на фельдмаршала фон Манштейна. Поэтому противник всеми силами стремится остановить наше наступление. В данный момент главная задача полка — всемерное укрепление достигнутых рубежей, быть готовым к отражению атак противника. Начальнику артиллерии организовать надежную противотанковую оборону. На подкрепление, товарищи, не надейтесь.

Возвращаясь от подполковника Бронникова, капитан Табунов говорил озабоченно:

— Уверен, немцы в первую очередь попытаются вернуть Тортолово. А батальон мой изрядно поредел.

— Да и мой тоже, — сказал Костюков. — Вся надежда на капитана Семашкина — в трудную минуту поможет «огурцами».

За речкой Черной мы разошлись. Точнее, я остался с капитаном Шапенко и нашими ординарцами. До НП добрались вечером.

В течение ночи мы произвели перегруппировку артиллерии прямой наводки. В Тортолово установили дополнительно два орудия, которые возглавил командир батареи Буркасов.

Командование орудиями противотанковой обороны правого фланга, как наиболее вероятного направления атак противника, я взял на себя вместе с командиром батареи Мансуровым.

Рано утром противник возобновил артиллерийский обстрел. Основной огонь он сосредоточил на северной окраине Первого Эстонского поселка и Тортолово.

Минут через пятнадцать враги пошли в атаку. Наши стрелки и артиллеристы встретили их свинцом, картечью. Падают первые ряды наступающих, на смену им встают вторые ряды, валятся вторые — появляются третья... Накалились стволы пушек, пулеметов, а немецкие автоматчики все идут и идут.

Сержант Ляпустин посыпает очередной заряд картечи в приближающихся гитлеровцев. Как подрезанные, упали автоматчики. Десять ли упало, пятнадцать — считать некогда.

Но тают ряды защитников Тортолово. Заметно слабеет их огонь. Противнику удается достичь южной окраины деревни и закрепиться. Фашисты вклинились в стык двух полков — 450-го и 941-го — и заняли безымянную высоту у речки Черной, что очень затруднило положение соседнего полка.

Очередная ночь существенных изменений на переднем крае не принесла. Наши подразделения занимались укреплением огневых позиций, пополнением боеприпасов. Облегчения никто не ожидал. Все готовились к новым жестоким схваткам.

Пошло шестое утро с тех пор, как мы прорвали оборону противника. На этот раз немцы атаковали наши фланги мелкими группами — по двадцать-тридцать человек.

Командир полка, оценив обстановку, приказал установить два орудия на дороге Тортолово к безымянной высоте и два — справа от Тортолово. Он считал, что это самые танкоопасные направления.

Под вечер противник стал более активен. Особенно давил на правый фланг батальона Костюкова и левый фланг 941-го полка.

Когда стемнело, на НП полка пришел старший лейтенант Костюков. Он сказал, что правый фланг его батальона держит оборону на рубеже нашей землянки. Нам следует ее оставить. Костюков займет НП у танка с лопнувшей гусеницей, который находится в трехстах метрах позади землянки.

Я вместе с Костюковым перебрался к танку. Вскоре его обстреляли немецкие автоматы. Пули летели с фронта. Значит, перед танком нет нашей пехоты? Кем прикрыть образовавшуюся брешь?

— У меня нет больше людей, — сказал командир батальона и полез вместе с радистом в танк.

Я отправил Шайхалиева в учебный батальон с просьбой выделить десять-двенадцать бойцов для прикрытия НП полка.

Мой ординарец вернулся с сержантом и восемью красноармейцами, которые заняли оборону перед танком. Из люка высунулся старший лейтенант и сказал незнакомым стрелкам:

— Надо, товарищи, продержаться до утра.

— Постараемся! — отозвалось несколько голосов.

Было спокойно. Я с ординарцем пошел к артиллеристам. Вброд перешли речку Черную. Затем ползком забрались на безымянную высотку. Здесь стоят два орудия. Они были бы хорошим прикрытием правого фланга и танка, где сидит Костюков, но в темноте ничего не видно. Даже противник в этом направлении не освещает местность ракетами.

Оба орудийных расчета бодрствовали. Часовые ловили каждый шорох, возникающий во тьме.

— Неужели фрицы в такую ночь решаться наступать? — спрашивали меня бойцы.

— Будут или нет, а нам надо быть наготове, — ответил я.

— Это верно.

Спустившись с высотки, мы с Шайхалиевым завернули в Тортолово, не без труда нашли артиллеристов. В двух расчетах 45-миллиметровых орудий — по три-четыре человека, но настроение у всех бодрое.

В обрыве над речкой, обращенном в нашу стороны, — землянка. В ней — командир батареи Буркасов, командир взвода управления Меркин. Они сидели за самодельным столиком, ужинали. Предложили мне перекусить. С удовольствием выпил стакан чаю. Уходя, напомнил Буркасову, чтобы чаще проверял подчиненных — могут уснуть, а враг рядом.

Возвращаясь в штаб полка, мы с Шайхалиевым услышали за спиной дружную автоматно-пулеметную стрельбу. Немцы возобновили атаки. Трассирующие пули летели и с фронта, и с флангов на Тортолово. Прибавили шаг.

— Вот и Семашкин. Легок на помине, — встретил меня Шапенко. — Идем к подполковнику.

Вошли в землянку командира полка. Его радиостанция держит связь с командиром батальона Костюковым.

— Немцы вокруг танка. Дайте огонь на меня!

Бронников спешно звонит по телефону Николаенко, просит дать артиллера.

Снова тревожный голос старшего лейтенанта Костюкова:

— Убавить прицел на двести метров.

Артиллеристы ведут беглый огонь.

— Прощайте, боевые друзья! — были последние слова комбата Костюкова.

Радиостанция переключается для связи с командиром батальона Табуновым. Но радиостанция не отвечает. Почему? Командир полка направил нас в Шапенко в Тортолово.

Идем с ординарцами, что называется, по памяти — темень непролистная. То и дело спотыкаемся о кочки, коряги, камни. Чертыхаемся. Немецкие пули летят то с одной, то с другой стороны. Наконец добрались до безымянной высоты, откуда начали атаку 27 августа. В окопах — наши бойцы. Спрашиваем: откуда, чьи?

— Из Тортолово. Мы последними ушли оттуда.

— Где ваш командир?

— Не знаем.

Долго мы ползали вдоль продолговатой высоты, к сожалению, никого из командиров не встретили. С тем и вернулись к подполковнику. Он позвонил капитану Большакову. Просил сообщить, сколько прошло в течение дня через медпункт раненых из района Тортолово.

— 128 человек, — ответил командир санитарной роты.

Подполковник, изменившись в лице, горестно сказал:

— Такие потери! Костюков погиб... Где Табунов? Где его батарея?

Ночь перевалила на вторую половину. Мы с Шапенко вышли из землянки послушать, что делается на переднем крае. В чернильной темноте чуткое ухо уловило чьи-то шаги. Вот они ближе, ближе...

— Стой! Кто идет? — окликает часовой.

— Свои, артиллеристы, — отзывался младший лейтенант Меркин.

С ним было пять бойцов. Вот, что рассказал Меркин:

— Вскоре после моего ухода из Тортолово немцы открыли шквальный автоматно-пулеметный огонь. Наши артиллеристы зарядили пушки, и через минуту прогремели выстрелы. Картечь охладила пыл наступавших. Они залегли. Но в темноте многим немецким автоматчикам удалось приблизиться к нашим окопам. Поняв это, старший лейтенант Буркасов, младший лейтенант Меркин и артиллерийские расчеты стали вместе с пехотой отбивать гранатами подползшие к ним группы противника. Вскоре убили командира батареи Буркасова и трех артиллеристов, находившихся рядом с ним.

В Тортолово оставалась горстка защитников. Чтобы не оказаться в «мешке», Меркин дал команду уцелевшим артиллерис-

там увезти орудия. Командира батальона Табунова Меркин видел незадолго до того, как погиб старший лейтенант Буркасов.

О потере Тортолово подполковник доложил по телефону командиру дивизии. Минут пять держал Бронников трубку. Закончив разговор, он озабоченно помолчал, потом сказал нам:

— До утра надо многое сделать. По данным разведки, противник в районах Михайловского, Апраксина, Славянки сосредоточивает танки. Немедленно мобилизовать всех и быть готовыми к отражению атаки с танками. Закрепиться на безымянной высоте. Уточнить, что осталось из противотанковых средств и правильно расставить их. Орудия обеспечить боеприпасами. Доложить мне об этом к шести утра.

Капитан Шапенко собрал командиров в штабе полка. Я взял с собой Меркина и разведчика Смирнова. Все пошли на передний край. Любой ценой необходимо удержать высоту. Дальше отходить некуда: сзади — болото.

Проходя вдоль высоты, мы зашли к расчету Сергея Ляпушкина. Он сказал, что левее его стоят два орудия 76-миллиметровой батареи. Нашли их. У одной пушки, что вышла из Тортолово, совсем нет боеприпасов.

Вскоре встретили командира противотанковой батареи Мансурова. Уточнили с ним, что на переднем крае нашего полка сейчас восемь пушек, но в некоторых расчетах осталось по два бойца.

В пять часов утра мы были у командира полка, еще больше поседевшего за ночь. Первым докладывает капитан Шапенко. Он сказал, что передний край проходит по траншее, откуда мы начали наступление. Тортолово у противника, который ведет себя пока спокойно. Капитан Табунов и его штаб не найдены. Оба батальона имеют большие потери. Командиры взводов и рот на местах. Учебный батальон занимает оборону по обе стороны дороги, ведущей в Тортолово.

— Забыл сказать, — спохватился Шапенко. — Батальон Костюкова возглавил его адъютант. Вместо Табунова предлагаю назначить старшего лейтенанта Куренкова.

Выслушав меня, командир полка сообщил, что полковник Ушинский выделил нам артбатарею. Ее следует разместить на главном танкоопасном направлении.

— День, надо полагать, будет очень тяжелым. Идите проверяйте боевую готовность, — распорядился подполковник Бронников.

Вскоре прибыла батарея под командой политрука Нериновского. Вместе с ним мы выбрали огневые позиции. Отсюда я пошел к младшему лейтенанту Меркину. Он доложил, что не осталось ни одного командира взвода.

— Отчаяваться не следует, — сказал я. — У нас командиры орудий опытные и могут самостоятельно решать любые сложные задачи. Я в этом убедился. Им можно вполне доверять. Кстати, у Мансурова тоже нет командиров взводов. Где их взять?

С направлений Славянка, Апраксин и Михайловский донесся рокот моторов.

— Слышите? Танки!

Уже светло, вот-вот покажется солнце. Когда я подошел к штабу полка, солнце поднялось выше леса. Оно обещало погожий день. Подполковник Бронников, раздетый по пояс, умывался холодной водой. Его ординарец Наумов, с полотенцем через плечо, лил на руки Бронникову воду из котелка.

— Освежись, сразу бодрее себя почувствуешь, — весело сказал мне командир полка, беря у ординарца полотенце.

Едва успел я умыться, как загремела немецкая артиллерия. Снаряды, вздымая землю и камни, рвались по всему участку нашей обороны.

Меня позвали к телефону. Взяв трубку, я услышал взволнованный голос Куренкова.

— Два десятка танков спускаются по дороге из Тортолово и разворачиваются в боевой порядок на стыке батальонов. Почему молчит артиллерия прямой наводки?

— Значит, время не пришло, — ответил я спокойно.

Через какую-то долю минуты дружно и хлестко ударили орудия прямой наводки. От штабной землянки хорошо было видно невооруженным глазом: загорелось несколько танков. Командиры батальонов доложили по радио: немецкая пехота пошла в наступление. Татакают пулеметы, автоматы. И все чаще, заглушая их голоса, раздаются артиллерийские выстрелы.

Жаркий бой длился не более получаса. Не добившись успеха, остатки немецкой пехоты вернулись в свои траншеи. Наступило относительное затишье. Я поспешил на передний край. Где короткими перебежками, где ползком по траншеям, разрушенным немецкой артподготовкой, пробираюсь к орудиям прямой наводки. Легкий ветерок несет в глубину нашей обороны гарь и копоть.

Младший лейтенант Меркин сидит в окопе рядом с пушкой.

— Как дела? — спросил я Якова Исааковича.

— Пока неплохие. Боеприпасы есть всякие и для всех. Люди все живы, здоровы. Думаю, фрицы не скоро очухаются...

По передней траншеи я пробрался к командиру батареи Мансурову. От порохового дыма и пыли лицо Мансурова было темно-серым. Он доложил, что его батарея подбила три танка.

— Такие танки можно уничтожить. Бронебойный снаряд их насквозь прошивает. А для пехоты картечь в самый раз. Посмотрите в panoramu, сколько ее полегло.

Я приник к окуляру panoramu: действительно, поле недавнего боя было усеяно убитыми гитлеровцами. А в стороне от них оставали восемь подбитых танков. И на сей раз артиллеристы прямой наводки дрались расчетливо и смело.

Политрук батареи Нериновский сообщил, что его орудия уничтожили три танка. — Они и сейчас еще чадят.

По дороге в штаб полка я попал под бомбовый удар партии «юнкерсов». Я укрылся в пулеметном дзотике. Глухие разрывы, сотрясая укрытие, раздавались то слева то справа. Вдруг грохнуло так, что легкое перекрытие дзотика подняло на какую-то долю минуты и снова опустило на то же место. На меня посыпалась песок, земля. В ушах зазвенело.

Когда гул моторов смолк, я, протерев глаза и отплевываясь, с трудом выбрался из укрытия. Ноги были как ватные: еле держали. Видимо, контузило взрывной волной.

Только поровнялся со штабной землянкой, как услышал тревожный голос часового: «Воздух!» Новая партия «юнкерсов» пикировала на наши боевые порядки. Под грохот бомб, артиллерии и минометов противник возобновил атаки, но все они были отбиты. Враг понес значительные потери.

При отражении атак были ранены младший сержант Сиянко, разведчик Смирнов и другие. В тот же день заболел начальник штаба полка майор Иванов. Его отправили в медсанбат. За майора остался капитан Шапенко.

На следующий день пехота противника после продолжительной артподготовки и нескольких бомбовых ударов начала атаку в стык 450-го и 941-го полков. Немцам силой до батальона удалось вклиниваться на участок 941-го полка. Его командир подполковник Паруликов, комиссар Ариничев и штаб окружены.

Командир полка решил вырваться из огненных «клещей». Нашупав слабое звено в цепи обороны врага, он поздней ночью повел своих товарищей на прорыв. Смыв задремавших оккупантов, советские воины сделали узкий проход. В него устремились бойцы и командиры.

При защите прохода погибли комиссар Ариничев и агитатор полка политрук Аксельрод.

Гитлеровцы наступали каждый день. И все чаще — с танками. В начале второй половины сентября командир полка сказал капитану Шапенко и мне, что только что звонил командир дивизии и предупредил — противник продолжает сосредоточиваться перед фронтом всей дивизии. К нам для усиления обороны прибудут подразделения из других соединений. Полку придауют четыре бронемашины, девять танков: шесть БТ и три КВ. Кроме этого, прибывает рота противотанковых ружей. Должны привезти восемь бронеколпаков.

Начальнику штаба взять из комендантского взвода группу связистов, разведчиков, которые помогут танковым экипажам провести инженерные работы.

Как и в прошлую ночь, не пришлось мне и часа вздрогнуть — вместе с подчиненными укреплял противотанковую оборону. Часа через два я увидел на гребне высотки КВ. Метрах в ста от него — броневик. Он хорошо окопан и замаскирован. Рядом с ним сидят несколько бойцов в комбинезонах и шлемофонах.

- Кто из экипажа КВ?
- Мы, товарищ капитан, — встали двое.
- Почему оставили танк на высотке?

Ответили, что сели аккумуляторы. Я приказал отбуксировать его за скат другим танком.

Рано утром прибыл стрелковый батальон и сразу же занял участок на переднем крае.

— Смотрите, товарищ капитан, «горбыль» прилетел, — сказал мне Шайхалиев, указывая пальцем в небо.

В самом деле, над нашими окопами повис немецкий самолет-разведчик, прозванный «горбылем». Сколько ни стреляли по нему — бесполезно. Словно заговоренный. Покружил «горбыль» над траншеей, окопами, землянками и улетел. Теперь жди бомбёжки или артиллерийского обстрела.

Возвращаясь в штаб полка, я подобрал по дороге несколько листовок, сброшенных с самолета. Очередная гитлеровская лис-

товка была доставлена точно по адресу: солдатам и командирам 265-й дивизии. В листовке говорилось, что наша дивизия почти разбита. Нам предлагалось сдаваться в плен.

Когда я вошел в землянку, мои товарищи над чем-то громко смеялись.

- Семашкин, не желаешь на курорт? — спросил Шапенко.
- К Манштейну что ли?

В землянку быстро вошел подполковник Бронников с листовкой в руке и, вскинув густые брови, сказал:

— Ишь, подлецы, что пишут. Наша дивизия разбита. Она этому фон Манштейну еще покажет кузькину мать!

Землянка неожиданно сильно вздрогнула: «юнкеры» пикировали на наши огневые позиции, штабные землянки. И бойцы, и командиры укрылись в земляных щелях. Но все же были убитые и раненые.

Прикрываясь кустарником, за речкой Черной появились пять немецких танков. Началась переправа пехоты противника через речку и болото. Мы знали: танки противника не преодолеют эту водную преграду, как не преодолели ее наши танки.

От штаба полка, с выходом на высоту, хорошо наблюдается весь правый фланг и далее вправо — оборона соседнего полка. Только кое-где безымянные высотки закрывают наблюдение. На НП полка — подполковник Бронников, капитан Шапенко и я. Подполковник смотрит в стереотрубу и баском рокочет:

— Как нахально идет фашист... Не ложится. Наш огонь слабоват. Капитан Семашкин, почему молчит артиллерия?

— За ней следят танки противника. Откроет себя преждевременно — будет уничтожена. Пусть немецкая пехота подойдет поближе.

— Эх, наша пехота! Пулеметного огня маловато, — нервничает Бронников у стереотрубы.

Между тем из-за кустов показались танки. Один открыл стрельбу.

Орудие первой батареи артполка не выдержало — ударило по немецкому танку. Вслед за этим орудием дали о себе знать «сорокапятка» Мансурова и несколько противотанковых ружей. Подбитый танк зачадил.

«Юнкеры» продолжают бомбить нас и обстреливать из пулеметов. Снова из укрытий выползли танки с крестами, беря на прицел наши огневые точки. После нескольких выстрелов им уда-

лось разбить «сорокапятку». Люди, обслуживающие ее, не пострадали. Пехота противника, несмотря на потери, упрямо рвется к нашим окопам. Усиливается ее автоматный огонь. В это время над нами появилась новая волна «юнкерсов»: вой моторов, оглушительные разрывы бомб. И вдруг — не верится глазам! Из передней траншеи вышли человек семь-восемь красноармейцев и, подняв руки, направились к немцам.

— В плен сдаются. Уничтожить изменников! — произнес, задыхаясь от негодования, подполковник Бронников.

Сержант Полушкин, будто услышав слова командира полка, выстрелил в спину предателей картечью.

— Молодцы артиллеристы! Кто командир орудия?

Я сказал.

— Весь расчет представить к награде.

Подполковник закурил. С его строгого лица постепенно исчезала бледность.

Активно действует против танков, укрощая их пыл, батарея политрука Нериновского. Она уже подбила три бронированных машины. Немецкий танк, замаскированный на опушке леса, засек пушку этой батареи и со второго выстрела уничтожил ее. Орудийный расчет укрыться не успел. Убило политрука Нериновского и трех бойцов ранило.

Дуэль наших батарей и противотанковых ружей с танками, которые то высовываются из-за кустов, то снова пятятся назад, продолжается. Несут потери обе стороны. Пехота противника уменьшила активность. Очевидно, устала. Вечером передний край затих.

С рассветом немцы опять пошли в наступление. Но и на этот раз атака их захлебнулась.

С рубежа штаба 450-го полка под огнем врага начал развертываться в боевой порядок стрелковый полк другой дивизии. Вместе со стрелками занимали огневые позиции противотанковые орудия. Происходило это на открытой местности на глазах противника. В этом районе стали чаще рваться снаряды и мины.

Наши орудия прямой наводки тоже ведут прицельную стрельбу. Над полем боя висят порохово-тротиловый дым и запах остывающей крови.

Примерно через час огонь противника стал слабее. Видимо, боеприпасов у немцев осталось немного, и они берегли их для отражения контратак. Но мы контратаковать не собирались.

Вечером я встретил на передовой товарища по артучилишу Тарасова. Он тоже в звании капитана, возглавляет противотанковый дивизион, прибывший сегодня утром. Мы коротко поговорили. Вспомнили Пензу, училище, командира отделения лейтенанта Чертова, которого мы ценили за обширные знания и высокую культуру.

Поздним вечером немцы оживились — открыли ружейную стрельбу. Пули достигали землянки штаба полка. Подполковник Бронников приказал капитану Шапенко со всеми штабными подразделениями занять оборону перед землянками и по высоте вдоль болота. Всем вооружиться автоматами, противотанковыми и противопехотными гранатами.

Однако ночь прошла спокойно, таким был и день. Враг, как видно, выдохся, прекратив наступление.

В конце сентября подразделения 450-го полка окончательно закрепились на рубеже, откуда начали наступать 27 августа.

Бывший командир 265-й стрелковой дивизии полковник Б. Н. Ушинский в памятном письме от 28 января 1973 года так сказал о нашей наступательной операции, именуемой Синявинской: «В минувшей войне бывали бои и даже сражения, после которых не гремели орудийные салюты и не сверкали разноцветными огнями фейерверки, но по своей значимости они равнозначны взятию больших городов. К числу таких сражений можно отнести Синявинскую наступательную операцию 1942 года. Она сорвала готовящийся штурм Ленинграда».

*Т. А. САМОХВАЛОВА (ПЕТРОВА),
старшина м/с в отставке,
бывш. санинструктор учебного батальона 265-й сд*

*Это было под Тортоловом**

После ранения в сентябре 1941 года я лечилась в ленинградском госпитале, а 25-го января сорок второго была направлена в 36-й батальон выздоравливающих и дважды сопровождала марша-вые роты через Дорогу жизни.

* Рассказ Т. А. Самохваловой записала И. Иванова.

Зима была очень суровой, морозы достигали до -30° . Я была в шинели, сапоги прострелены осколками, приходилось часто останавливаться и вытряхивать из них снег. Проход был с обеих сторон отмечен ветками. Над головами беспрестанно гудели немецкие самолеты, часто бомбили, а порой спускались и обстреливали колонны из пулеметов.

Машины шли с грузами на Ленинград, обратно — с эвакуируемыми. Помню множество случаев, когда груженые машины попадали под бомбёжку. Останавливались, выбрасывали мешки и коробки на лед. Люди из наших колонн пытались помочь, но машины медленно погружались под лед. Это было тяжелое зрелище. Солдаты мокрые, шинели тут же схватывало морозом. Люди принимались бежать, чтобы не замерзнуть.

В третий раз меня, к радости, оставили с ротой в учебном батальоне.

Комбатом у нас был ст. лейтенант Петр Тимофеевич Ершов — кадровый офицер из 106-го погранотряда, смелый и решительный человек, внимательный к подчиненным. Его заместителем по строевой части был Александр Харитонович Рогозин — ленинградец, работник промышленного отдела облисполкома, умница, с ровным и добрым характером. Учебной частью заведовал Зиновий Моисеевич Гершов — спокойный и культурный офицер. Парторгом был Захар Яковлевич Гатушкин, также ленинградец.

Когда не было больших боев, все поступавшее пополнение проходило через учебат. Роты подразделялись на стрелковые, пулеметные, минометные, снайперские. Занятия были очень напряженными, изнуряли бойцов. Некоторые приходили ко мне и просили освобождение на сутки, чтобы выспаться. Я тайком освобождала — говорила, что тот или иной солдат болен. Комбат на это отвечал: — Ты их не балуй! Не будут знать оружия, не иметь снаровки — пропадут в бою. Поняла? Я понимала, но жалела ребят.

После учебы бойцов распределяли по полкам. В период боевых действий батальон, за исключением хозчасти, отправлялся на передовую. Обратно возвращались не все. С каждым днем менялись не только солдаты, но и офицеры.

Волховский фронт был очень сложным. Местность болотистая, безлесная. Зимой земля промерзала — не вскопать. С трудом выстроенные землянки весной затоплялись водой. Отоплялись кое-где буржуйками, а больше — восковыми спиртовыми банками, на них и воду кипятили.

В конце августа 42-го года батальон в составе 265-й дивизии вел бои за освобождение Тортолова. Здесь ранило в бедро комбата Ершова — можно сказать, оторвало ногу. Я наложила жгут, шину и сопровождала его в медсанбат, так как он был тяжелым, потерял много крови, хотя сознания и не терял. Дорогой Петр Тимофеевич сетовал на неудачное проведение боя, успокаивал меня: — Не волнуйся, Татьянка, я выживу, только не дай отрезать ногу!

Комбат выжил, но ногу ему сохранить не удалось. На его место назначили Михаила Васильевича Костюкова — волевого, строгого и требовательного кадрового командира из 106-го погранотряда. Наша дивизия освободила Тортолово. Три роты учебата стояли на переднем крае, тылы — в двух километрах от передовой, у д. Пустошка. Новый комбат вместе с комиссаром Василием Егоровичем Кудрявцевым (оба ленинградцы) каждый день уходили на передний край. Меня старались с собой не брать, но я всегда улавливала момент и шла за ними.

Так случилось и 10 сентября, когда Костюков с Кудрявцевым отправились на передовую прямиком через болото. День стоял солнечный. Идти по болоту было трудно — ноги по колено утопали во мху, но сухо. Я шла за ними метрах в 70, санитарная сумка сползала с плеча и мешала идти. Внезапно послышался гул самолетов. По инерции я продолжала идти. Костюков смотрел на небо, Кудрявцев побежал вперед, прыгая по кочкам. Бомбы падали в болото, ревели, тонули, выли, земля стонала от взрывов. Костюков оглянулся, увидел меня, схватил за шиворот и толкнул на землю, и сам упал рядом. У меня было какое-то шоковое состояние, но помню, что подумалось: только бы не правое попадание!

Через некоторое время все стихло. Я поднималась, слышу свое имя: — Татьянка, ты жива?

Я увидела грязного, в налипшем мху, комбата без головного убора и невольно рассмеялась: вид у Михаила Васильевича был не боевой. А он говорит: — Ну, раз смеешься — значит, все в порядке. А где наш комиссар? Я показала рукой на идущего впереди Кудрявцева, тоже грязного и без головного убора.

Не успели мы привести себя в порядок, как послышалсявой дальновидных снарядов. Костюков сказал: — Началось... Засекли КП. Пошли обратно — там мы нужнее!

Подобрав санитарную сумку, я пошла за ними. Все ясно: после бомбёжки немцы устроили артналет на КП батальона.

Попадание было точным. Командный пункт и хозчасть, которую мы только что оставили, были разрушены. Валились бревна землянки, пятнадцать наших товарищей лежали мертвые. Раненых уже увезли. Подумалось: я бы тоже не уцелела, если бы не ушла...

Вытаскивая трупы из землянки, комбат с комиссаром укладывали их в ряд. Из котла струей лился суп — ужин. До сих пор помню лица погибших. Показалось, что Толя Цветков, связной, еще жив. Я подбежала к нему, хотела приподнять — тело захрустело от множественных переломов.

— Не тронь ребят, Татьянка, — сказал комбат. — Их не вернешь...

Мы стояли, испачканные кровью убитых, подавленные горем. Я едва сдерживала слезы.

— Поплачь, Татьянка, — сухо проговорил Костюков. — Легче будет...

Я собрала документы из карманов ребят, передала комиссару. Записала их имена, но список, к сожалению, не сохранился: сгорел в землянке в Польше вместе с гимнастеркой.

Комбат сидел на пне, закрыв руками лицо. Комиссар написал донесение и велел мне отнести его на КП дивизии. А сам взял две лопаты, одну подал комбату. Вдвоем, молча, они пошли копать могилу.

— Вот так, комиссар, остались мы с тобой без единого солдата, — проговорил Костюков.

И вдруг — о, радость! Видим, что ординарец и связной бегут к нам, целые и невредимые. У Костюкова от неожиданности лопата упала в яму. Он схватил ординарца в объятия, повторяя: — Жив! Жив!

Предав земле погибших, мы вчетвером вновь отправились через болото на передний край. Дорогой Михаил Васильевич спросил: — Татьянка, а ты помнишь, сколько было самолетов?

Я отвечаю: — Двадцать семь...

— Значит, 71 бомба, и не одна не взорвалась, — удивился Костюков. — Вот что значит болото... А ты, комиссар, здорово бегаешь — считай стометровку сдал на «отлично». Орден обеспечен!

— Хватит, комбат, шутить, — откликнулся Кудрявцев. — Сегодня я иду в батальон как на каторгу...

— Ну-ну, не хандри, еще поживем...

Дальше шли молча. Дошли до роты Полякова — храброго, волевого командира. Проверив все подразделения, детально изучив позиции, комбат приказал командиру пулеметного взвода занять левый фланг и — ни шагу без его команды. — Смотри, не обнаружь себя, будь осторожен и предупреди солдат.

Мне Михаил Васильевич дальше идти не разрешил. Поздняков отвел меня к дзоту, откуда можно наблюдать за ходом боя и принимать раненых.

Ночью немцы атаковали наши позиции и вновь захватили Тортолово. Было много убитых и раненых.

В ночь на 16 сентября в штаб батальона пришел ст. лейтенант Середа. Они с Михаилом Васильевичем хорошо знали друг друга по 6-му погранотряду. Середа передал Костюкову приказ комдива Б. Н. Ушинского о переводе его командиром 2-го батальона 450-го полка, где убило комбата. Все были в шоке: накануне наступления — смена командира?

С 17 сентября нашим комбатом стал ст. лейтенант Середа — коренастый волевой человек, а Михаил Васильевич ушел во 2-й батальон 450-го сп. Прощаясь с нами, он сказал Середе:

— Береги Татьянку, не отпускай ее от себя. Она, санинструктор и снайпер, будет тебе верным помощником.

Начались бои по возвращению Тортолова. М. В. Костюков находился недалеко, на левом фланге наступавших подразделений, но я его больше не видела. Шли безуспешные бои с большими потерями. В один из обстрелов я выбежала из траншеи на зов раненого. Перевязала его и потащила в укрытие, но не доползла — ранило в бедро. Горячая кровь полилась по ногам. Обстрел продолжался, нельзя было поднять головы.

Неожиданно передо мной оказался комбат Середа. Перевязал меня и говорит:

— Видишь воронку? Броском в нее! Можешь — не можешь, но другого выхода нет. Прижмись к земле и жди меня.

Не знаю как, но я бросилась в воронку. Пола шинели зацепилась за бруствер, в ней потом насчитали 32 пули. В воронке я пролежала дотемна. Пришел Середа, еще раз перевязал и перенес в штаб 450-го полка.

Стрельба не прекращалась ни на минуту. Из разговоров в штабе я поняла, что скоро начнется атака. Середа ушел на передний край. Вскоре от Костюкова пришел ст. лейтенант Суханов узнать о моем состоянии. Он передал привет от Михаила Васильевича и

сказал, что события разворачиваются не в нашу пользу. Уходя, он поцеловал меня в щеку и попросил начштаба Белозуба:

— Капитан, сделай для этой девушки все, как для меня!

К утру меня доставили в 324-й медсанбат. О себе распространяться не буду, расскажу о главном. 24 сентября в медсанбат привезли комиссара Кудрявцева. Он был тяжело ранен, но успел сказать мне, что положение на фронте ненадежное:

— Костюков выкручивается как может, но не знаю, долго ли продержится.

Бои шли большие. На участке 450-го полка атаки и контратаки сменяли друг друга. 2-й батальон под командованием Костюкова прикрывал полк. Как мне рассказывали, Михаил Васильевич постоянно обходил роты и взводы, разъяснял бойцам обстановку, просил беречь себя, зря не высовываться.

27-го выдался особенно тяжелый день. После артиллерией немцы снова пошли в атаку. Наша оборона была прорвана. Горели танки, рвались снаряды, удущивший дым заволакивал поле боя. В какой-то момент немцы остановились — выносили убитых. Костюков послал в штаб связного с донесением, что продержится, но тут немцы снова пошли в атаку и окружили группу смельчаков, упорнодерживавших свои позиции. Костюков дал команду на отход, а сам с двумя радиистами — сержантом Евгением Сидоренко и мл. сержантом Павлом Александровым укрылся в подбитом танке. По радио Михаил Васильевич передавал сведения о расположении немцев. В эфир летели слова:

— Я — Костюков, я — Костюков. Прошу убавить прицел на 200 метров... На 150... на 100 метров...

Я узнала, что Костюкова слушают в палатке начсандива и попросила перенести меня туда. Меня на носилках перенесли. В палатке стояла абсолютная тишина. И вдруг послышался голос Михаила Васильевича:

— Немцы рядом, окружают... Дайте огонь на меня! Немцы в 10 метрах, огонь на меня! Молодцы, ближе... Ближе, черт побери! — секундная пауза и — последние слова:

— Товарищи, прощайте! Рацию уничтожаю, сам погибаю. Прощайте!

Послышался взрыв. Я зарыдала, потрясенная этой страшной трагедией.

Вся дивизия скорбела о гибели героев. Об их подвиге писали в газете. Комдив Б. Н. Ушинский послал в Москву представление

о присвоении М. В. Костюкову звания Героя Советского Союза, но оно не было утверждено из-за того, что подвиг совершен на территории, занятой врагом.

Закончилась война. Выжившие ветераны стали собираться на встречи, бывать в школах, рассказывая о подвигах однополчан. В 1975 году на уроке мужества в 184-й ленинградской школе я рассказала о М. В. Костюкове и радиостах 450-го полка, назвала имя его жены — Катюша. И ребята-следопыты отыскали ее! Оказалось, что Екатерина Ивановна Костюкова живет в Ленинграде. Она пришла в школу, принесла фотографию Михаила Васильевича — маленького сгорбленного человека на костылях и рассказала, что тогда, в танке, он не погиб. Немцы, захватив танк, вытащили Костюкова и радиостов из танка, положили на обочину дороги и провели строем своих солдат со словами:

— Смотрите, как умеют погибать русские!

Укладывая героев на носилки, немцы обнаружили, что двое из троих живы и отправили их в санчасть. У Михаила Васильевича были множественные переломы, поврежден позвоночник, и он навсегда остался инвалидом. После войны, как все военноопренные, находился в опале. Очень переживал, писал в разные инстанции, безуспешно искал однополчан. В 1953-м был реабилитирован: помогло сохранившееся в архиве представление комдива Ушинского к званию Героя. Но радость была недолгой: в 1954 году Михаил Васильевич Костюков скончался.

*A. Г. ГОЛУБИЦКИЙ,
капитан в отставке, бывш. начальник штаба
26-го отдельного саперного батальона 11-й сд*

*Подо Мгию осенью сорок второго года**

В начале августа наша 11-я дивизия передислоцировались в район Русановка—Тортолово—Марково, что примерно в 12 километрах восточнее Мги. Мы, саперы, начали изучение системы инженерных заграждений и огневых средств противника на рубеже Мишкино—Тортолово. Наблюдением, вылазками отдельных разведгрупп, саперами было установлено, что передний край про-

* Доклад на военно-исторической конференции во Мге 1.10.1982 г.

тивника проходит по гряде высоток, на которых отрыты траншеи полного профиля с ходами сообщения, оборудованы доты и дзоты, укрытия для техники. Перед передним краем имеются минные поля, проволочные заграждения. Противник имеет здесь узлы обороны.

Мы оборудовали КП и НП командиру дивизии и его штабу в 1—1,5 километрах западнее реки Назия. Командир нашего батальона капитан Андрей Сергеевич Лобовиков и его заместитель по политчасти старший политрук Михаил Федорович Николаев большое внимание уделяли политической, боевой, моральной подготовке личного состава. Особой заботы требовало новое пополнение, которое было слабо подготовлено. Многие на фронт попали впервые. Новичков тревожила мысль, как они пойдут в первый бой. Что он им преподнесет? Удастся ли уцелеть? При таких обстоятельствах надо было дойти до сердца каждого, знать его думы, воодушевить на честное выполнение предстоящих задач. Обращалось внимание на то, что к лету 1942 года Ленинград был измучен и обескровлен блокадой. Хотя кривая голодной смерти пошла на убыль, но гибель людей от дистрофии была рядовым событием. Для улучшения положения горожан и увеличения промышленного производства, обеспечивающего фронт, нужно прорвать блокаду. Об этом постоянно шла речь в беседах с бойцами и командирами.

Из данных разведки и показаний захваченных пленных следовало, что немецкое командование готовится к новому наступлению на Ленинград.

Советское командование решило упредить наступление немецко-фашистских войск, начать наступательные действия раньше немцев. С востока на Мгу—Синявино готовились наступать 8-я армия и 2-я ударная, с запада, со стороны Ленинграда — 55-я армия с задачей ликвидировать синявинско-мгинскую группировку противника и прорвать блокаду Ленинграда. Шла подготовка к этим боям.

Наступать нашей 11-й дивизии предстояло вдоль железной дороги в направлении Тортолово—Мишкино. Как всегда перед наступлением, мы, саперы, начали готовить проходы в заграждениях противника. Я с группой опытных минеров прибыл в траншеи пехоты. Изучали обстановку. Вот сержанты Иван Фролов и Федор Голубев перевалили через бруствер траншеи, за ними остальные саперы. Стоп! Очередная вражеская ракета. Ох, уж эти ракеты! Описывая разнообразные кривые, они опускаются в небе

и падают огневой россыпью. У каждой ракеты свой рисунок. Когда ракета над нами, ее яркий свет делает окружающий ландшафт зловеще-мертвым. Ракета летит вниз, и у деревьев, кустов быстро растут тени, которые в последние секунды жизни ракеты достигают гигантских размеров, принимая причудливые формы. Это было бы забавно, если бы в нескольких десятках метрах от тебя не находился враг, который может тебя обнаружить, уничтожить огнем «шмайсера» или пулемета. Саперу же в такой обстановке надо подползти и разрезать колючую проволоку, установить указатели... Вот ракета погасла, саперы ползут вперед, преодолевая страх, соблюдая исключительную осторожность и выдержку. Струйки пота катятся по лицу, спине. В минном поле проходы сделаны. Ползем дальше. Лязг ножниц, куски колючей проволоки летят в стороны. Далее саперы выработанным профессиональным чутьем определили, что дальше мин нет. Группа возвращается в наши траншеи. Ваня Фролов докладывает мне о выполнении задания. Потерь нет!

Бои начались 27 августа. Каждый перекресток, железнодорожная насыпь, каждая высотка превращены врагом в опорные пункты, связанные между собой. На эту землю обрушился огневой вал артиллерии. Еще дымятся развороченные снарядами фашистские дзоты и блиндажи, а 163-й и 219-й стрелковые полки дивизии начали атаку. Преодолевая сопротивление противника, они вклинились в его оборону. На второй день вступил в бой 320-й полк, занял вражеские траншеи южнее Тортолова. В боях принимают участие авиация, танки. Условия для ведения боя у наших войск были тяжелые, местность неблагоприятной: низкие заболоченные места, поросшие мелким лесом и кустарником. Технику приходилось перетаскивать буквально на руках. Доставлять боеприпасы на огневые позиции очень трудно. Возможность маневрирования техникой исключена. Нашим саперам приходилось работать круглосуточно для обеспечения боевых действий пехоты, артиллерии и танков. Несмотря на трудности, наши войска продолжали вперед.

Немецкое командование было вынуждено вводить в бой свежие силы, стремясь любой ценой удержать занимаемые позиции, остановить продвижение советских войск. Ожесточенная борьба шла за каждую траншею, за каждый блиндаж, за каждый метр земли. Некоторые участки переходили из рук в руки. Дело доходило до рукопашных схваток.

Группа саперов под командованием сержанта Стрельцова сопровождала в бой артиллерию. К вечеру, когда накал боя стих, я встретился с этой группой в отбитых у немцев траншеях. Кругом следы жаркого боя: валяются вражеские каски, развороченные ящики от патронов и мин, минометы, окоченевшие трупы гитлеровцев. Здесь, на мгинской земле, они нашли себе могилу. Бойцы обмениваются впечатлениями, рассматривают захваченные трофеи. Сапер-разведчик Пташкин с гордостью показывает захваченный немецкий автомат. Передает потрепанные, с загнутыми углами книжки зеленовато-серого цвета — «зольдбух», основной документ немецкого солдата. На обложке изображен орел, широко распростерший крылья и держащий в когтях ненавистную свастику. По этим документам мы определили, что в боях участвовали: 170-я пехотная дивизия, прибывшая из-под Севастополя, 12-я танковая, переброшенная сюда с другого участка Ленинградского фронта. Потом были захвачены пленные 31-го полка 24-й пехотной дивизии. Пленные показали, что они прибыли сюда из Крыма для штурма Ленинграда и были брошены в бой в срочном порядке, чтобы остановить русских.

Противник вводил все новые резервы, контратаковал. Советские воины показывали образцы мужества и героизма. Младший политрук Любимов и красноармеец Акименко, преодолев две линии проволочных ограждений, подползли к блиндажу, из которого велся огонь. Отважные воины забросали блиндаж гранатами, потом ворвались в него. Застигнутые врасплох немцы подняли руки. Унтер-офицер, ефрейтор и солдат сдались в плен.

Красноармеец-связист Е. Семенов исправлял поврежденную телефонную линию. Передвигался где ползком, где перебежками. Застрочил немецкий автомат, связиста ранило в ногу. Семенов скатился в яму, огляделся. Недалеко сидел немецкий солдат. Семенов снял каску, положил ее на бугорок, а сам отполз в сторону, наблюдая за фрицем. Последний дал по каске две очереди, но она оставалась на месте. Тогда немец направился к каске, думая, что русский убит. Связист прицелился и первой же пулей покончил с фашистом. Забрал его автомат, документы. После чего, несмотря на ранение, исправил поврежденный телефонный провод. Связь с командным пунктом батальона была восстановлена.

Я с командирами взводов и рот, расположившись на сколоченных из кругляков скамейках, проводил разбор выполненных

за день заданий. Связной комбата подбежал к нам и сообщил, что меня вызывает начальник штаба дивизии. Прервав беседу, я побежал на КП дивизии. Подполковник сидел за картой, по которой указал мне место установки противотанкового минного поля и укрытия засад минеров.

Вскоре на автомашине к указанному месту прибыл ПОЗ (подвижной отряд заграждения) — группа саперов с минами. Возглавлял ПОЗ командир взвода лейтенант Федоров. У него был особый счет к фашистам: его семья находилась в блокадном Ленинграде, перенесла страшные муки блокадной зимы.

Саперы перетащили мины в вещмешках к переднему краю. Федоров согласовал действия своего отряда с командиром пехотного подразделения. Вот минеры, пренебрегая опасностью, под обстрелом врага, выползли на нейтральную зону, быстро установили противотанковые мины, замаскировали их. Группой и на этот раз руководит опытнейший минер, бесстрашный и хладнокровный Иван Фролов. После установки минного поля саперы соорудили укрытие на переднем крае, устроили в нем засаду с задачей: забросать связками взрывчатки вражеские танки при их прорыве. Фролов уточнил задачу каждому, особенно новичкам. Саперы сидят, ждут.

С наступлением рассвета, как и ожидалось, танки с черными крестами на бортах, а за ними пехота, пошли на позиции 320-го стрелкового полка. Танки, зловеще гремя траками, словно черные глыбы, ползут к нашим окопам, извергая на ходу огонь из пушек и пулеметов. Саперы притаились в укрытии, приготовили взрывчатку, спички для поджога бикфордова шнура. Не пережившим такие минуты нелегко себе представить состояние подрывников, когда в нескольких десятках шагов на них ползут танки. Нервное напряжение достигает крайней точки. Ребята то и дело непроизвольно покашливают. Взрыв... Часть гусеницы переднего танка взлетает на воздух. Взрыв под вторым танком. Он развертывается на месте и замирает. Теперь артиллеристам сподручнее устанавливать прицелы. Они подожгли еще один танк, накрыли пехоту своим огнем. Вражеская атака захлебнулась.

Пять вражеских танков обошли с фланга 2-ю батарею 72-го артиллерийского полка нашей дивизии. Командир батареи старший лейтенант Ипатов не оставил своего НП, он продолжал командовать, корректировать огонь по танкам и живой силе врага. Один

танк подбит, два сожжены, остальные повернули обратно. Прошло некоторое время. Немцы атакуют вновь. На этот раз им удалось окружить наблюдательный пункт мужественного артиллериста Ипатова. Он вызывает огонь на себя и гибнет смертью храбрых.

Активно применялась в этих боях авиация обеих сторон. Запомнилось, как наши штурмовики звено за звеном на бреющем полете стремительно атакуют противника: бомбят, обстреливают из пушек и пулеметов. На самолеты обрушаются «мессершмитты». Появляются наши истребители. Завязывается воздушный бой. В этих боях фашисты применяли бомбы мелкого калибра в прессованной оболочке — не хватало у них металла. От этих бомб не было осколков. Одна бомба разорвалась в нескольких метрах от меня. Я был отброшен в сторону на 2–3 метра, контужен, но остался жив и без ран. А если бы бомба была металлическая, то от ее осколков мне бы не уцелеть.

Противник занимал в этом районе оборону более года, создал прочные узлы обороны. Для уничтожения и взятия их создавались штурмовые группы. Основная роль в них отводилась саперам. Мы применяли взрывчатку для подрыва отдельных сооружений.

Вслед за продвижением полков, саперам приходилось закреплять занятые позиции. Мы устанавливали минные поля, проволочные заграждения, строили огневые точки и блиндажи на переднем крае, оборудовали траншеи.

В сентябре мы с комбатом — капитаном А. С. Лобовиковым получили от дивизионного инженера майора П. А. Кучина задания на постройку дзотов в боевых порядках пехоты. Одно из таких заданий было дано саперному взводу лейтенанта Георгия Алексеевича Калинкина. Калинкин уточнил с комбатом 163-го полка место постройки дзотов, место заготовки материала и маршрут доставки деталей к месту постройки. Место заготовки деталей было выбрано за 600 метров от переднего края, так как работать у передовых позиций было опасно, противник вел обстрел, да и деревьев нужного диаметра поблизости не было.

Я прибыл к месту работы взвода, ведущего заготовку деталей. Сентябрьский день выдался солнечным, жарким. В лесу парит, беспокоят слепни, мухи. Засмотрелся я на работу пожилого сапера Аюпова, казаха по национальности. Как он умело, мастерски владел топором! Я наблюдал, как он шевелил губами, как у него

на лбу и шее возникали капли пота. Они набухали, клейко текли за гимнастерку под несвежий воротничок. На плечах и спине темнели пятна от пота. Вот уж где поистине оправдывалось выражение: саперы — труженики войны.

С наступлением темноты, увязая в болотной жиже до колен, мокрые от напряжения, саперы Калинкина, соблюдая исключительную осторожность, переносили детали дзотов к переднему краю. Сержанты Петров, Баранов, ефрейторы Аюпов и Алсуфьев быстро и умело отрыли котлован. Фрицы освещают местность ракетами — ночь темная. На этот раз саперы благодарны фашистам за освещение, это помогает им работать. Бесшумно устанавливается сруб, укладываются другие детали, перекрытия. И вот работы закончены. Пулеметные расчеты занимают изготовленные саперами огневые точки. Командир стрелковой роты доволен работой саперов, благодарит их за отличное выполнение задания. Саперы, уставшие, мокрые, грязные, уходят в расположение своей роты.

Ранним утром фашисты возобновили атаки, но пройти не смогли. Построенные пулеметные точки преградили им путь.

Дальнейшего развития наступательные действия 8-й и 2-й ударной армий не получили и по приказу Верховного командования были прекращены. До конца выполнить задачу по ликвидации синявинско-мгинской группировки противника и прорыву блокады Ленинграда не удалось. А вот планы фашистского командования штурмом захватить Ленинград были сорваны. Ударная группировка врага, прибывшая из Крыма, была обескровлена. Ленинград жил и боролся.

11-я стрелковая дивизия перешла к обороне. Опять наши саперы выполняют большой объем работ по оборудованию линии переднего края. Работать приходилось в основном ночью, в неблагоприятных погодных условиях. Погода, как известно, в Ленинградской области в октябре — ноябре самая плохая: слякоть, изморось, дожди, пронизывающие ветры с Ладоги, длинные ночи. Но саперы трудятся при любой погоде.

В декабре наша дивизия была выведена с переднего края на кратковременный отдых. Началась подготовка к январским боям 1943 года.

А. Г. РОМАНОВ,
капитан в отставке, бывш. командир
взвода артиллерийской разведки 11-й сд

В битве за Ленинград*

В 11-ю стрелковую дивизию я прибыл в конце марта 1942 года после окончания 2-го Ростовского артиллерийского училища в звании лейтенанта.

11-я сд тогда входила в состав 54-й армии и дислоцировалась на острие клина наших войск, наступавших на ст. Любань из района дд. Зенино и Малиновка. Противник владел населенными пунктами Липовик и Дубовик.

Прибыло нас из училища 7 человек. Я был оставлен при командующем артиллерией п-ке П. Н. Алферове в должности командира взвода разведки. Остальные мои товарищи были направлены командирами взводов полковой артиллерии в стрелковые полки: 163, 219 и 320. Вскоре никого из них не осталось в живых.

Мои обязанности определялись ежедневной разведкой целей по фронту дивизии и нанесением их на топографическую карту. Я ежедневно обходил передний край стрелковых полков, уточнял координаты обнаруженных целей и наносил их на карту. С удовлетворением должен отметить чуткое и целенаправленное руководство зам. начальника штаба артиллерии майора С. Х. Павлова. Благодаря Семену Харитоновичу в штабе артиллерии всегда имелась оперативная карта, соответствующая сегодняшнему дню, что способствовало успешному подавлению целей артилеристами и минометчиками.

Дивизия располагалась в труднейшей местности. Сплошные болота, полное бездорожье. Вместо траншей и окопов приходилось строить насыпные брустверы из торфа шириной около полутора метра. Взамен дорог прокладывали лежневки, которые тут же утопали в грязи. Бывало, идешь по так называемой «дороге» и вязнешь по колено в грязи.

Дивизионные и армейские склады продовольствия и боеприпасов находились за 28–30 км, что очень затрудняло снабжение. Доставка снарядов осуществлялась лошадьми. За один рейс в день доставлялось по два 76-миллиметровых снаряда, которые привязывались к седлу наездника. Суточный рацион бойцов состоял

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

из двух сухарей и котелка жидкой пшенной каши без соли. Особенно тяжелое положение сложилось в апреле, когда наступила весенняя распутица и лес стал сплошным озером.

При обходе переднего края 219-го полка мне рассказали такой случай. На нейтральной полосе протекал ручей Полянский, из которого брали воду для питья и мы, и немцы. Один наш боец встретился на ручье с немцем. Проявив солидарность, они договорились об обмене продуктами. Наш приносил пшено, а немец соль или селедку. Когда это обнаружилось, наш солдат из дивизии исчез.

В середине мая 42-го года я получил приказ сопровождать 72-й артполк в новый пункт назначения. Марш совершился ночью. Полк был на конной тяге. 76-миллиметровое орудие с зарядным ящиком тянули две лошади; 122-миллиметровую гаубицу с ящиком — четыре. Личный состав, за исключением яичного и наездника, шел пешком.

Когда мы вышли из болота на сухое место у д. Шум, то, несмотря на усталость, почувствовали радость жизни. По насыпи ж/д Мга—Кириши дошли до ст. Погостъе, где в 1941 году 11-я сд под командованием генерала В. И. Щербакова одержала победу. А путь был еще далек... Люди валились с ног, самых слабых укладывали на лафеты орудий и зарядные ящики и какое-то время везли. Наконец, мы добрались до ст. Жихарево. Что нас ожидало дальше, никто не знал.

А нас ждала смертельная схватка с врагом во имя прорыва блокады Ленинграда. В середине июня стало ясно, что 11-я сд, приданная 8-й армии, готовится к наступлению в направлении Мги. Грохот наших пушек не смолкал круглые сутки. В воздухе я впервые увидел нашу авиацию. Штурмовики Ил-1, звено за звеном, на бреющем полете шли к переднему краю немцев и сбрасывали на него бомбы, обстреливали из пушек и пулеметов. Это приятное зрелище порадовало нас лишь в первый день наступления, в последующие дни нас постигло полное разочарование.

НП командующего артиллерией П. Н. Алферова располагался на открытой местности. Обзор был отличный. Мы видели, как проходит бомбежка переднего края и воздушные бои. В одном из таких боев один немецкий истребитель сбил 4 наших штурмовика. Больно было смотреть на небо, когда краснозвездные «илы», как куропатки, вспыхивали в воздухе и падали на землю. Эти самолеты с хорошими летными качествами и сильным лобовым

оружием управлялись одним человеком и не имели никакой хвостовой защиты, чем безнаказанно пользовались немцы. Впоследствии на Ил-1 посадили стрелка-радиста, и он стал неуязвимым летающим танком Ил-2, который успешно атаковал вражеские траншеи, сбрасывал на них бомбы и обстреливал из ракетных установок, смонтированных в крылья.

В конце июля — начале августа 11-я сд занимала оборону вдоль железнодорожного полотна от Волховстроя на Мгу. Сосредоточив на этом участке массу авиации, немцы господствовали в воздухе. Наших самолетов мы больше не видели. С 7 до 20 часов над нами висели немецкие самолеты, бомбя и обстреливая из пулеметов. Летчики охотились буквально за каждым солдатом. Сделать перебежку или выйти из траншеи было геройским поступком. В голове стоял шум от несмолкаемых разрывов. Нас охватило состояние оцепенения и полного безразличия к окружающему. Исчез аппетит, притупились все эмоции. Донимала ужасная завывленность. Сунешь руку под гимнастерку — вытащишь полную горсть вшей.

И все же, несмотря на нечеловеческие условия, мы держались. На участке, занимаемом 11-й сд, немцы не продвинулись ни на шаг.

С тех пор прошло 40 лет, но в памяти навсегда осталось мужество комдива полковника Грибова и командующего артиллерией полковника П. Н. Алферова. По долгу службы мне часто приходилось бывать с ними в стрелковых полках и на артиллерийских батареях, нередко под обстрелами и бомбёжками, но никогда я не замечал в них следов страха или растерянности. Общаясь с этими мужественными людьми (обоим тогда было за сорок, мне — двадцать), и я не испытывал боязни быть убитым, что, вероятно, и помогло мне выжить.

НП командира дивизии находился в боевых порядках 219-го стрелкового полка южнее речки в мелколесье, среди которого росло несколько высоких сосен. На одной из них и располагался НП: площадка из досок, куда был проведен телефон и установлена стереотруба. Отсюда прекрасно просматривалась окружающая местность, наши и немецкие порядки в створе д. Тортолово. На НП постоянно дежурил офицер.

В один из августовских дней, наблюдая в стереотрубу, я заметил усиленное движение на высоте у Тортолова. Спустившись вниз, я доложил об этом П. Н. Алферову. В это время налетели немец-

кие самолеты, и НП был уничтожен разорвавшейся бомбой. Алферов, улыбнувшись, сказал: — Видишь, как тебе повезло!

Я получил срочный приказ: разыскать на ст. Жихарево бронепоезд, приданый нашей дивизии, вывести его на огневой рубеж юго-западнее ст. Назия и артиллерийским налетом разгромить немцев в Тортолове. Было 11.00 по московскому времени. С 13.30 до 16.30 немцы устраивали для себя, а, стало быть, и для нас, перерыв. В воздухе не было самолетов, прекратился обстрел.

Мы с майором С. Х. Павловым (начштаба артиллерии), тщательно проанализировав обстановку, решили вывести бронепоезд на огневой рубеж в 3 км южнее ст. Назия в 16.00. Мне нужно было выходить в Жихарево немедленно. Местность от р. Назии до Жихарева — открытая, полное безлесье. Я отправился в путь около 12 часов. Перейдя насыпь железной дороги у разрушенного моста через Назию, я остановился закурить у пустых окопов глубиной в человеческий рост, вырытых для зенитных пулеметов. Вдруг на горизонте появились 3 звена «юнкерсов» (9 самолетов Ю-88), держащих курс на мост. Я спрыгнул в окоп. От каждого самолета отделились по две бомбы. Их пронзительный, все приближающийся свист заставил меня вжаться в землю. Один из самолетов сбросил бомбы своевременно и в пятнадцати метрах от меня образовалась воронка диаметром пять метров, остальные были сброшены с большим перелетом. Отряхнувшись от пыли, я двинулся дальше, прижимаясь к железнодорожной насыпи.

К 14 часам я добрался до бронепоезда. Он был тщательно замаскирован ветками и сливался с мхом. Часовой провел меня в каюту командира. Им оказался молодой симпатичный капитан-артиллерист. Ознакомившись с моими полномочиями, он собрал командиров башен и поставил перед ними боевую задачу. Хотя времени оставалось в обрез, я попросил капитана показать мне бронепоезд. Мы обошли все 12 боевых рубок, оснащенных 76-миллиметровыми орудиями. По существу, это был артдивизион полка. Состоял бронепоезд из двух платформ и паровоза, оббитых броневыми листами. На паровозе находился командирский НП. Мы с капитаном заняли здесь место.

Подошло время, и раздалась команда к отправке. Запыхтел паровоз, и мы двинулись. Я не отрывал глаз от стереотрубы. Миновали ст. Назия. Дорога пошла под уклон. В небе было спокойно. К 16 часам вышли на огневой рубеж.

Прозвучала команда «Огонь!» с данными для установки угла-мера, уровня, дальности. Раздался грохот. Мне показалось, что я нахожусь в металлической бочке, по которой бьют палками. В стереотрубу видны разрывы снарядов в Тортолове, паническая суматоха немцев, а снаряды все летят и летят. Командир бронепоезда доложил, что боезапас израсходован, и мы двинулись в обратный путь.

Своим выходом на открытую позицию мы нарушили немцам распорядок дня. Но скоро они опомнились, и на бронепоезд налетели стервятники. Мы попали в пекло: кругом огонь, разрывы. Я поблагодарил капитана за блестящее выполнение задания. Бронепоезд пригормозил, я на ходу спрыгнул и направился «домой» — на НП Алферова. Больше я бронепоезда не видел и не знаю его судьбы.

В последних числах сентября на фронте установилось относительное затишье. Особенно это чувствовалось в воздухе — нас перестали бомбить. К нам приехали дезинфекционные установки и передвижные бани, выдали новое белье и обмундирование, а старые приказали сжечь. Мои разведчики ухитрились вкопаться в берег Назии и устроить там парилку, надев веников из елок. Вначале было очень приятно, потом по коже потекли ручейки крови. Пришлось обращаться за помощью к медицине.

В конце ноября я был назначен начальником штаба вновь формируемого 11-го отдельного истребительно-противотанкового батальона, а 29 декабря был ранен при артобстреле и надолго попал в тыловой госпиталь.

С. Х. ПАВЛОВ,
бывш. зам. начальника штаба артиллерии 11-й сд

*Бои в районе Тортолова**

27 августа в 6 часов утра началась мощная артподготовка, имеющая целью разрушение инженерных сооружений и подавление огневых точек противника.

163-й и 219-й полки перешли в наступление на сильно укрепленные позиции немцев в Тортолове и Мишкине. 320-й сп находился на исходном рубеже во 2-м эшелоне. Наша пехота успешно

* «Боевой путь 11-й стрелковой дивизии», отрывки из рукописи.

продвигалась, несмотря на большие потери. 28.08 был введен в бой 320-й полк, который использовал успех соседа справа (265-й сд) и занял вражеские траншеи южнее Тортолова.

Немецко-фашистское командование, опасаясь прорыва наших войск к Неве, перебросило из-под Ленинграда на синявинское направление 12-ю танковую дивизию, а 29-го августа — 170-ю пд, прибывшую из Крыма, и ряд других частей. Яростные контратаки противника отбивались нашими войсками, которые с 3 сентября начали закрепляться на достигнутых рубежах.

О напряженности боев говорят потери, понесенные частями 11-й сд с 27 августа по 5 сентября 1942 г.:

среднего начсостава убито 51 чел.; ранено — 169;
младшего начсостава убито 105, ранено — 406;
рядового состава убито 457, ранено — 2461 чел.

Произведено частичное пополнение стрелковых подразделений за счет тылов.

Жесткой обороной опорных пунктов Рабочий поселок № 8, Мишкино и Поречье враг стремился не допустить расширения нашего прорыва и сорвать наступление. Своими действиями противник сковал значительные силы советских войск и вынудил нас вести многодневные кровопролитные бои за эти пункты.

В начале сентября 1942 г. войска 8-й армии подошли к Синявино. До Невы оставалось 7 км. Обеспокоенный реальной угрозой прорыва блокады, Манштейн ввел в сражение свежие дивизии, предназначавшиеся для штурма Ленинграда. Троє пленных из 231-го полка 24-й пд показали, что их дивизия прибыла из Крыма для наступления, но вынуждена была обороняться. Тяжелые бои с участием танков продолжались весь сентябрь. Активно действовала вражеская авиация. Каждое утро над нашими позициями появлялись 10—15 самолетов-разведчиков МЕ-109. Вслед за ними, партиями по 50 самолетов шли бомбардировщики, производя массированные налеты по боевым порядкам пехоты, ОП артиллерии и тылам. В течение всего дня группы Ю-88, Хе-111 и МЕ-110 вели бомбардировку и обстрел, затрудняя продвижение дивизии и держа наши войска в постоянном напряжении.

320-й полк, оперативно подчиненный 265-й сд, овладел д. Тортолово, ст. Апраксин, 1-м Эстонским поселком и дошел до Келколо.

В середине сентября противник дополнительно перебросил к участку прорыва три свежие дивизии, остановил продвижение

наших войск в районе Синявино и начал наносить сильные фланговые контрудары.

В полосе нашей дивизии 14 сентября немцы перешли в наступление из района Славянки, Сиголово, Пухолово большими силами пехоты с танками. 320-й полк с боями медленно отходит к Тортолову, где занимает оборону до конца сентября.

В этих боях стойкость и мужество проявили артиллеристы. 18.09 НП 2-й батареи 72-го ап (командир — ст. лейтенант Ипатов) обогнали 5 вражеских танков. Комбат, не покинув НП, продолжал корректировать огонь. В результате один танк был подбит, два сожжены, остальные отошли. В следующей атаке немцы окружили НП Ипатова. Герой-артиллерист вызвал огонь на себя, отбил врага, а сам погиб.

Командир взвода управления 1-й батареи 72-го ап мл. лейтенант Оловянников для лучшего наблюдения и корректировки выдвинулся за передний край нашей обороны в подбитый немецкий танк. К танку подползли двое немцев для его ремонта. Оловянников выбрался из башни и одного из них взял в плен, другой бежал.

Во избежание лишних потерь в изнурительных боях 27 сентября войска Волховского фронта по указанию Ставки были отведены из-под Синявина, а в ночь на 6 октября с левого берега Невы эвакуированы основные силы соединений Ленфронта.

29 октября 11-я сд сдала полосу обороны 265-й сд и отошла на вторую линию в район Марково—Хондрово, в резерв командующего 8-й армией.

Синявинская наступательная операция осталась незавершенной. Однако она обескровила ударную группировку немцев, готовившуюся к штурму Ленинграда осенью 1942 г.

*A. A. МАХАРИНСКИЙ
майор в отставке, бывш. НШ 94 мсб 11 сд*

Всю войну — в 94-м медсанбате*

Наша дивизия — кадровая, сформированная еще в 1918 году. В гражданскую воевала против банд Булах-Булаховича и войск Юденича, против белополяков в 1920 г. Командовали ею такие

* Записано составителем.

видные военачальники как Блюхер и Якир. В 1936 г. в Кингисеппе состоялось переформирование дивизии, перевод ее частей с конной тяги на автомобильную. В 1939—1940 гг. 11 сд участвовала в советско-финской войне.

Я был кадровым офицером: закончил в Ленинграде четырехгодичное военно-медицинское училище и был оставлен в нем преподавать. В 1939 г. вышел приказ Ворошилова: всех офицеров из училищ призвать в действующую армию. Я был старшим лейтенантом и получил назначение в 11-ю сд — начальником штаба 94-го мсб, с которым прошел финскую войну.

После финской кампании мы стояли в Нарве, 1 мая проводили мирный парад, но вскоре, как сказал поэт Юрий Инге, была «получена первая сводка... товарищ, война началась!»

Отходили с боями из Прибалтики через Кингисепп, Котлы, Копорье. В конце сентября дивизия остановила немцев на рубеже Старый Петергоф—Английский дворец—Гостилицкое шоссе и обороняла Ораниенбаумский плацдарм. После боев на этом направлении, как пишет бывший комдив В. И. Щербаков, в дивизии осталось 1350 чел.

В конце октября — начале ноября дивизию переправили на кораблях в Ленинград, включив в резерв фронта. Мы разместились в районе Обуховского завода, а 539-й гаубично-артиллерийский полк и 26-й саперный батальон — в Колпино и Усть-Ижоре.

Дивизия получила шесть с половиной тысяч пополнения — в основном рабочих с заводов и фабрик. К сожалению, пополнение не было обучено военному делу, и перед дивизией встала задача в короткий срок обучить новобранцев. Началась усиленная учеба, затрудненная нарастающим голодом. Поскольку мы находились в резерве, то снабжались по второй норме: 300 г хлеба в сутки и пустой суп. Хлеб в платок замотаешь — иначе весь рассыпешь, т. к. он наполовину состоял из опилок, — и растягиваешь на весь день.

Еще осенью, в Литве, мне удалось купить копченую свиную ногу, берег ее для крайнего случая. Когда стало совсем голодно, мы с комбатом Никитиным отрезали от нее понемножку, тогда могли пилить дрова и выполнять другую тяжелую работу.

В медсанчасти в это время лежали в основном больные, страдавшие поносами.

При большой физической нагрузке у многих развилась дистрофия, выводившая из строя сначала по 40—50, а потом и по

100 человек ежедневно. Комдив В. И. Щербаков не мог добиться от командования 55-й армией пересмотра норм продовольствия и подал рапорт с просьбой освободить его от командования дивизией и отправить на фронт рядовым бойцом. Комиссар дивизии П. П. Фокин добился приема к А. А. Жданову и доложил о бедственном положении дивизии. Только после этого нас перевели на первую норму, и дистрофия пошла на убыль.

5–7 января дивизию по Ладоге перебросили в район Погостя. Мы вошли в состав 54-й армии Ленфронта, находившейся за кольцом блокады. Здесь с питанием было значительно лучше, но в первые дни люди нередко заболевали от переедания.

Медсанбат развернулся в 5 км от переднего края в районе бывших торфоразработок (в 300 км от Северных бараков). Медсанбат — это целый медицинский городок: 165 человек персонала; большие палатки ДПМ, способные вместить до 300 раненых; своя электростанция «Эл-3» на 6 л.с.; свой автovзвод. В 1939 г. в Кингисеппе нам выдали 5 автомашин «ЗИС» и 25-полутонн. После боев первых месяцев войны такого количества машин мы уже не имели, но все же в каждом полку было по 1–2 полуторки, которыми в медсанбат доставлялись раненые из ПМП. Была крытая машина с печкой, где мылись, и дезкамера, где проводилась санобработка одежды; своя прачечная, из которой получали белье, обработанное мылом «К», что помогало бороться со вшивостью.

Начальником медицинского снабжения был Александр Захарович Зубань, деловой и добросовестный человек. Благодаря ему мсб вовремя обеспечивался всем необходимым.

13 января началось наступление. Случилось так, что по неверным сведениям наших соседей — 3 гв. сд — считалось, что якобы за железной дорогой имеются лишь отдельные группы немецких автоматчиков. Не получив времени на разведку и подготовку, дивизия выступила и попала под организованный огонь противника с насыпи железной дороги. Были большие потери, а в мсб поступило 915 раненых.

Мне пришлось дополнительно развернуть 3-ю палатку ДПМ, к операционной с 3-х сторон пристроить малые палатки ПГМ. Операционная работала на 11 столов, а раненых все везли и везли. Они лежали на носилках на снегу. Хорошо еще, что в 1941-м году в Нарве мы загрузили целый «ЗИС» шерстяными одеялами, и теперь они нас выручали: складывали вчетверо и подкладывали

под раненых. Благодаря этим одеялам мы всю войну были «на коне»: воспалением легких раненые у нас не болели.

В тот день раненых размещали везде, где только возможно — в блиндажах, даже в аптеке. Зав. аптекой Белла Алексеевна возмущалась: — Что это, уже и к нам раненых несут?

— Начштаба приказал, — отвечали носильщики.

На каждый операционный стол приходилось по 65 раненых. Когда-то до последнего дойдет очередь? Командир сортировочного отделения следил, кому необходима срочная помощь, и больных со жгутами, с признаками внутреннего кровотечения направлял в операционную прежде всего.

Трудные дни с массовым поступлением раненых случались часто. У нас было 15 врачей, из них семеро хирургов: главный хирург Павел Селиванов, врачи Ахундов, М. Соснин, Микиашвили Николай Северьянович, Андреева Елена Константиновна, Толстых Мария Сергеевна, Карпова Евдокия Павловна, Золотухин. Но и остальные врачи все без исключения умели обрабатывать раны. Очень опытными были операционные сестры: Никольская Антонина Николаевна, Зубань Анна Герасимовна, Смирнова, Петрова Анна и др. Помимо своих непосредственных обязанностей они ассистировали хирургам во время операций и стояли у операционных столов, не размываясь, по многу часов. Многие даже заболели недержанием мочи. Пришлось в тамбуре операционной устроить специальный туалет, куда можно былоходить с мытыми руками.

Тяжелораненых мы отправляли в госпиталь, в Жихарево. Нетранспортабельных оставляли у себя в госпитальной палатке под наблюдением врачей Беллы Ильиничны Глезиной и Евгении Григорьевны Койфман.

Легкораненых направляли в команду выздоравливающих. Еще с финской войны я знал, какую неоценимую разнообразную помощь они могут оказывать: и раненых переносили, и дрова заготавливали, и печки топили, и машины разгружали. Обычно в команде бывало около 50 человек. Поправлялись — уходили в часть. За войну 935 человек из команды выздоравливающих вернулись в строй. 8 человек стали квалифицированными санитарами и обслуживали медсанбат до конца войны. Спасибо мне сказали: все же в мсб — не то, что на передовой.

Там санинструкторов очень много погибало. Вытащить под огнем раненого в полном снаряжении, с оружием — дело нелег-

кое. Недаром за 81-го раненого орден Ленина давали, за 60-го — орден Красной Звезды. В одном из наших полков санинструктор Белов дослужился до ордена Ленина, после чего мы его в медсанбат забрали, в терапевтический взвод. Сколько же можно судьбу испытывать?

С конца августа и весь сентябрь дивизия участвовала в Синявинской операции, сражалась в районе Тортолово—Мишкино—Поречье. Генерала В. И. Щербакова перевели в 23-ю армию, комдивом стал п-к И. В. Грибов. В составе 8А дивизия наступала в первом эшелоне. МСБ развернули, как обычно, в 3-х км от передовой. Потребовали передвинуться ближе к фронту. Передвинулись на 1,5 км и сразу попали под бомбежку. Одна бомба попала ко мне в штаб, потеряли нескольких человек. Пришлось возвращаться на прежнее место.

Медсанбат ведь сам себя защищает, и маскировка требуется самая тщательная. Все палатки маскировочными сетками накрываются, и окраска соответствующая: летом — черная, зимой — белая. Если в воздухе «костьль» летает — ни один шофер свою машину к медсанбату не повернет, чтобы не выдать наше расположение. Один раз, в начале войны, мы хотели сбить немецкий самолет бронебойной пулей — он как дал очередь крупнокалиберным из пулемета, больше не рисковали.

Что-что, а дисциплина у нас была, это — заслуга и начальника мсб Коробова, и комиссара. Комиссаров в мсб, правда, за войну сменилось несколько. Самым толковым был Ковалев — инженер-шахтер, во все дела вникал. Я панибратских отношений ни с кем не признавал. Сам не пил и спиртом никого не угощал. Да и некогда было: дела всегда по горло, нередко спать в 5 утра ложился. Зато знал, что в мсб делается. Разбудит ночью начальник политотдела, спросит: сколько раненых офицеров поступило? Всегда скажу: из 163-го полка столько, из 219-го — столько, а из 230-го столько-то раненых. В дни боев операционная работала круглые сутки, врачам и сестрам поесть некогда. Я для них устраивал «ужин» в 2 часа ночи, чтобы силы были дальше работать.

И так — все четыре года, самыми трудными из которых были сорок первый и сорок второй...

Е. Ф. ФИЛИНА,
медсестра 94 мсб 11 сд

Песня

Наш медсанбат на новом месте.
затишье будет длиться час.
С передовой плохие вести
Не могут не тревожить нас.

С девчатами неподалеку
Рассвет встречаем мы в саду,
Плоды деревьев невысоких
Срываем прямо на ходу.

Тут неожиданно и славно
Вдруг кто-то из девчат запел,
И голос в переливах плавных
Над садом празднично взлетел.

На сердце сразу потеплело,
Как будто не было войны.
А медсестра все пела, пела
Средь необычной тишины.

И. ПАНУЛОВСКИЙ,
майор в отставке, заслуженный журналист Эстонии,
в 1942 году — стрелок-пулеметчик танка Т-34
29-й танковой бригады

Это была тяжелая работа...*

Встреча во Мга участников Синявинской наступательной операции 1942 года, приуроченная к 40-летию этой тяжелой, кровопролитной битвы, позволила уточнить значение и место гремевшего здесь сражения в истории Великой Отечественной войны, восстановить в нашей памяти многие важные детали, выявить малоизвестные факты. Откровенно скажу, что лично мне эти несколько дней дали больше, чем предыдущие десятилетия. И это несмотря на то, что все сорок минувших лет я помнил о ги-

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

гантском сражении, развернувшемся тогда в синявинских и мгинских болотах.

Теперь нам хорошо известно, что наступательная операция советских войск в районе Мги и Синявино предотвратила штурм Ленинграда окопавшимися у его стен фашистами вместе с прибывшими из Крыма дивизиями фельдмаршала Манштейна.

Конечно, каждому из нас те далекие дни Синявинской битвы запомнились по-своему, но из всех воспоминаний, как мозаичное панно, складывается общая картина великого подвига живых и павших. Это была страшно тяжелая работа, и не забыть нам, как болотная грязь под нашими сапогами смешивалась с солдатской кровью.

Я был в то время, одним из самых молодых танкистов в 35-м танковом батальоне 29-й танковой бригады. Все события видел с башни своей «тридцатьчетверки», а то и через приоткрытый люк механика-водителя, с которым в машине сидел рядом — за дегтяревским пулеметом. Для моего непосредственного обзора оставалось лишь маленькое круглое отверстие диоптрического прицела. Но в свои 18 лет я любил не только смотреть, слушать, о чем говорят кругом, но и делать свои обобщения. Поэтому в течение десятков лет после войны ждал объективной оценки Синявинского сражения, которое ленинградский профессор Алексей Иванович Болотин образно сравнил с Бородиным 1812 года по значению и результатам.

Накануне первого удара в сторону Синявино Волховский фронт провел отвлекающий маневр южнее города Чудово. В конце августа сорок второго танки нашей бригады были по скрытой лесной дороге выдвинуты перед деревней Большое Опочивалово. Мы провели рекогносцировку, уточнили, где стоят немецкие противотанковые пушки, а потом тихо снялись с места и сделали маршбросок через Волхов, к станции Большая Вишера. И только на станции Санково эшелон, не доходя до Москвы, повернул на запад, к Волховстрою...

Помню, долго шли наши танки по дороге вдоль высоковольтной линии, от которой остались одни опоры с оборванными, обвисшими проводами. Довольно проворно машины расползались по сторонам во время налетов вражеской авиации, танкисты спешно забрасывали их молодыми срубленными березками. Мы входили уже в прорыв и сразу обратили внимание на то, что пушки, стоявшие справа от дороги, били прямо перед собой — вправо

во, а стоявшие слева — стреляли влево. Значит, немцы были и справа и слева от нас и, конечно, впереди.

— Это что-то вроде Мясного Бора! — сказал командир нашего танка младший лейтенант Бочкарев.

Из кровавой купели Мясного Бора мы вышли всего два месяца назад и еще хорошо помнили «долину смерти», через которую пробивались к окруженным войскам Второй ударной армии.

Наша «тридцатьчетверка» с башенным номером «407» замыкала колонну 29-й танковой бригады и из-за перегрева мотора отстала от своих. Мачты высоковольтной линии пошли влево, когда мы на полном ходу выскочили на огромную вырубку, за которой стоял смешанный лес. И вдруг из этого леса по танку ударили фашистские пушки. Снаряды взметнули землю впереди машины, потом позади; оказалось, что мы проскочили нужный поворот и по открытой дороге мчались прямо на расположение немецких артиллеристов. Переполох был большой — наверное, фашисты приняли наш рывок за начало танковой атаки...

Выжидательная позиция располагалась вдоль другой вырубки — метров двести длиной и около сорока в ширину. Здесь мы готовили машины к бою, сюда подвозились горюче-смазочные материалы и боеприпасы. И отсюда, взвыв моторами, танки уходили в бой.

Через 40 лет после тех событий я встретил однополчанина, бывшего танкиста нашей роты — Николая Афанасьевича Бабушкина из Свердловска. Вспомнили мы наших товарищей — командиров взводов лейтенанта Дзюбу, лейтенанта Меркулова, команда «тридцатьчетверки» старшину Черных.

Тяжело танкистам было в Синявинской операции: танки застревали в болотной трясине, то и дело приходилось нам вместо лихих танковых атак тащить к машинам бревна, приспосабливать стальные тросы, вытаскивать друг друга из воронок и ям. Под бомбёжками и артиллерийскими обстрелами, под огнем вражеских пулеметов и автоматов.

Где-то числа пятнадцатого или шестнадцатого сентября через вражеские позиции прорвался тремя танками Т-34 взвод лейтенанта Меркулова. Он ушел далеко вперед, круша гитлеровцев огнем и гусеницами. И уже в те дни стал для всех нас легендой. Говорили, что меркуловцы совсем немного не дошли до пробивавшихся навстречу ленинградцев, наверное, видели вдали Неву, но были сожжены фашистами.

Пока бригадные ремонтники в очередной раз приводили в боевую готовность мою четыреста седьмую, младший лейтенант Бочкиев и механик-водитель Антонов были переведены на другую машину, а командиром моего танка стал лейтенант Игорь Сребницкий, за рычаги же сел Володя Федоров. С ними 20 сентября и пошли мы в одну из последних атак.

К бою на острие нашего клина приготовились несколько «тридцатьчетверок» и 5–6 танков-малюток Т-60, экипаж которых состоял всего из двух человек, а вооружение — из малокалиберной пушки ШВАК и одного пулемета.

Было раннее солнечное утро, когда мы через лесную поляну, через низкорослые кустарники двинулись вперед. Я сидел рядом с механиком-водителем за лобовым дегтяревским пулеметом. Над головой раз, и другой, ухнула наша 76-миллиметровая пушка; лейтенант Сребницкий заметил впереди какие-то цели. Мы легко прошли через ряд блиндажей и землянок — из них высказывали перепуганные гитлеровцы в мышиного цвета шинелях, бежали в стороны от танка. Через ТПУ (танковое переговорное устройство) слышу голос Сребницкого:

— Бей их, бей из пулемета!

Я открыл огонь. Через круглое отверстие над пулеметом вижу падающих фашистских солдат. В этот момент кормовой частью машина провалилась в немецкую землянку, но мотор бешено взревел, и опять перед глазами зеленый, с золотыми блестками пожелтевших листьев кустарник, какое-то неясное движение впереди.

Вдруг танк остановился, над головой опять ухнула наша пушка, и глазам не верю: почти из-под машины, высекают несколько гитлеровцев и убегают влево. Оказывается, танк опять выехал на землянку. Я рванул пулемет влево, дал длинную очередь, но не хватило угла поворота. «Тридцатьчетверка» снова двинулась вперед.

Удар немецкого снаряда под основание башни по лобовой броне на мгновение ослепил весь экипаж, крупные искры посыпались на Володю Федорова, на меня, на боеукладку. Второго удара мы не почувствовали. Только ночью, когда оттянули подбитую машину за наши солдатские ячейки, обнаружили в центре люка на заднем броневом листе круглое отверстие, прожженное термитным снарядом. Значит, фашистская пушка выстрелила сзади, вдогонку. А сейчас танк наполнился дымом, огонь побежал по корпусу...

Выскочив из горящей машины, мы залегли позади нее за толстым сваленным деревом. Рядом с нашим танком стояла еще одна «тридцатьчетверка» и пыпало несколько малюток Т-60. Впереди, откуда-то сверху, строчили немецкие автоматы. Очередью из них был смертельно ранен наш механик-водитель Володя Федоров — санитары на плащ-палатке оттянули его в лес, оставшийся за нашей спиной. Лейтенант приказал нам с башнером вернуться в машину, а сам пошел искать командира роты или комбата.

Помню, поползли мы к своему танку. Огонь на его броне погас, а дым еще стлался до высоты гусениц. Не знаю, может от горевших рядом «шестидесяток». Когда мы были уже недалеко от своей машины, между нами ударила мина. Меня только оглушило и слегка присыпало комьями грязи, а башенного стрелка ранило одиннадцатью осколками. Я успел проскочить в танк, а он сказал, что мина ударила прямо в меня и от меня ничего не осталось. Так появилось еще одно «похоронное» извещение, посланное писарем батальона моей матери и имевшее для нее драматические последствия.

В танке я обнаружил, что от удара фашистским снарядом по лобовой броне повредило пружины водительского люка, и он теперь не закрывался и до конца не открывался. Заклинило и башню — она тоже не поворачивалась. И когда я увидел, что к танку ползут фашисты, мне пришлось отбиваться через водительский люк из автомата ППШ. К счастью, вскоре я почувствовал, что меня поддерживают огнем из-за танка. Это стреляли залегшие позади подбитых машин наши пехотинцы.

Я ждал, что ко мне проскочит башенный стрелок Алеша Попов, но так и не дождался. Когда стемнело, я вылез из танка и тут же увидел лейтенанта Сребницкого — оказывается, он все время был рядом.

Ночью, когда другой «тридцатьчетверкой» мы потащили нашу машину с «ничейной» земли, немцы открыли бешеный автоматный огонь, пули яростно щелкали по броне, но, по-моему, обошлось без потерь.

Еще несколько дней мы сидели на бывшей выжидательной позиции, которая теперь вся была перепахана бомбами и снарядами, а в ночь на 27 сентября небольшой группой кое-как подремонтированных «тридцатьчетверок» и «шестидесяток» с боем прорвались через какую-то высотку к Апраксину городку. Перед вы-

соткой, темневшей справа, нас остановили пехотинцы. Они объявили, что дальше хода нет — немцы замкнули кольцо. Прямо по шоссе невдалеке что-то горело, а перед нами, в придорожном кювете, стоял пулемет «максим», нацеленный в сторону огня. Старшего танковой группы позвали в землянку командира полка. Договорились о совместных действиях.

Прорыв через занятую немцами высотку был драматичным, трудным, несколько раз приходилось выбираться из танков и вытаскивать друг друга из ям и воронок, но мы все-таки преодолели полосу немецких траншей, дзотов и блиндажей и на рассвете оказались там, откуда 27 августа началось наступление наших войск. Правда, через день, тоже ночью, вытаскивая из-под носа у немцев наш застрявший танк, 407-я подорвалась на минах и была оттянута в тыл, в расположение 43-й подвижной танкоремонтной базы. Хорошо, что машина шла на приличной скорости и взрыв пришелся под моторным отделением, а не под боеукладкой, где еще оставались нерасстрелянные снаряды. Кстати, в тот раз я через люк механика-водителя выпрыгнул на противотанковую мину, но вес мой оказался недостаточно «весомым», мина не взорвалась...

То, что я рассказал здесь, представляет собой проходной эпизод великой битвы под Синявино, маленький штрих в общей картине. Ничего особо героического, выдающегося, но из таких вот эпизодов, только часто более ярких, и состояла картина. Нелегко было здесь танкистам, но я видел, какую ношу несли ребята из приданых нам десантов автоматчиков, пехотинцы из стрелковых полков, артиллеристы, минометчики, саперы. Порой казалось, все это выше человеческих возможностей — и физических, и духовных, но все перемог советский солдат, вставший на защиту родной земли.

По-моему, для характеристики того, что произошло под Синявино осенью 1942 года, очень подходят стихи поэта-фронтовика Анатолия Чивилихина:

...Тот, кто побыл здесь, едва ли
Забудет и на склоне дней
О битвах, что порой бывали
Иных прославленных грозней.

Думаю, что сказано это о всех нас, дорогие участники Синявинского сражения!

В штабе Волховского фронта. 1942г.

Справа налево: К.А. Мерецков, А.И. Запорожец, Г.Д. Стельмах.

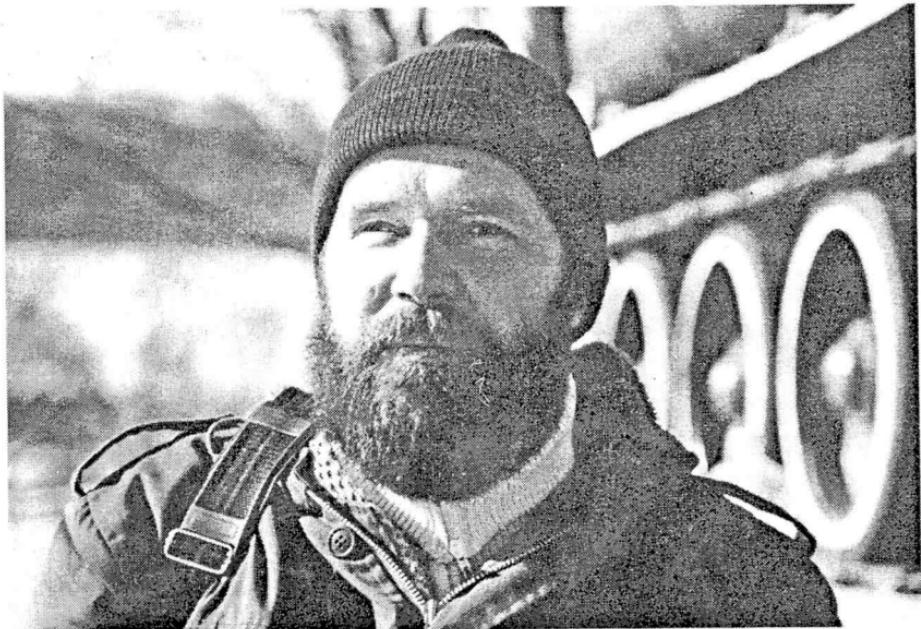
Высадка десанта в с. Ивановском 19 августа 1942г.

Ст. л-т Ф.Д. Добровольский перед
отбытием на фронт (погиб 29.09.42)

Командир стрелкового взвода 8А
ст. с-т Д.С. Игнатьев (пропал
без вести в сентябре 1942 г.)

Командир поискового отряда "Русь" А.В. Чупров.

Штаб и политотдел 3-й гв. сд. Осень 1942г.

Командир 4 гв. стрелкового корпуса Н.А. Гаген.

Командир 11 сд
И.В. Грибов

Командование 265-й сд. Слева направо: начштаба п/пк А.А. Ковалев, комдив п/к Б.А. Ушинский, военком полковой комиссар Е.И. Марченко.

Начподив 265 сд п/пк М.А. Лурье (справа) и знаменитый снайпер политрук Г.М. Калинин.

Прокурор 265-й сд Н.А. Соколов с удочеренной девочкой.

Пулеметный расчет
в действии.

Стрелковое подразделение
в бою. Август 1942г.

Бойцы бронебойщики.

Автоматчики на позиции.

Орудийный расчет Н. Тарасова.

Вручение наград в 374 сп 128-й сд.

741-й сп 128-й сд. Слева направо: с/инструктор В. Буклагина, комиссар Н.М. Панин, с/инструктор З. Михайлова.

80-я сд: слева направо: комиссар 153 сп Новиков, майор Котов, п/к Л.М. Бердничевский, батальонный комиссар Хачикоглян, инструктор политотдела (фамилия неизвестна).

374 сд. Митинг перед Синявинской операцией.

Медсестры 191-й сд В.И. Малова (Головань) и Л. Перепелкина.
Осень 1942 г.

Медсестры 15 омсб М.А. Ефимова (слева) и Т.А. Ефимова (справа).

Начштаба 94 мсб ст. л-т м/с
А.А. Махаринский.

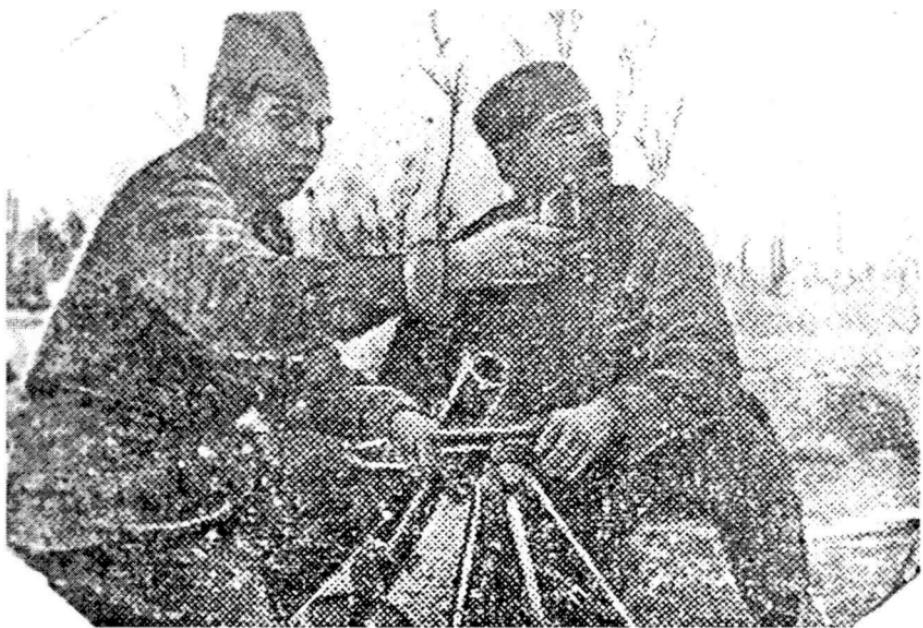
Командир взвода разведки 539 ап
л-т С.Х. Павлов. Ноябрь 1941 г.

Командир саперного батальона
А.С. Лобовиков.

Снайпер 11-й сд Л.В. Пишкурина.

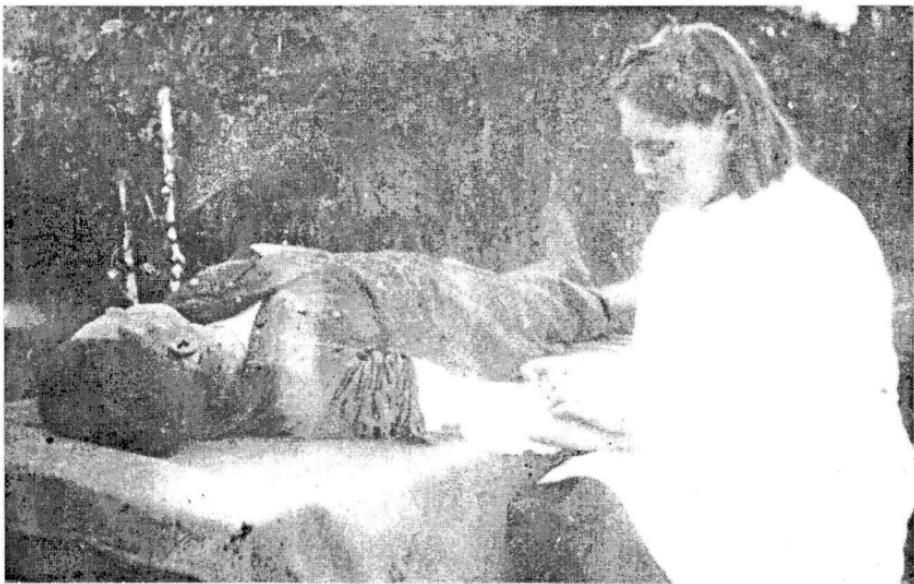
Огонь ведут минометчики 265-й сд.

Медсестры 324 мсб готовят подарки бойцам. Слева направо:
В. Рундаева, Е. Шумская, Л. Тупырина.

М/с 265-й сд Орлова-Василевская читает газету раненым.

М/с 265-й сд Терехина оказывает помощь раненому.
С. Назия, август 1942 г.

94-й мсб. Слева направо: Дубова, Е. Егорова, Е.Г. Койфман, Е. Степанова.

В госпитальной палате 94-го мсб. Обход ведет майор м/с Е.Г. Койфман. Сандружинницы М. Киливита (слева) и Е. Степанова.

Командир 2 сб 450 сп
ст. л-т М.В. Костюков

Военком 941 сп В.В. Ариничев
(погиб в 1942 г.)

Санинструктор 450 сп
Т.А. Петрова (Самохвалова)

Командир 951 сп
п/пк А.П. Надеждин

Начштаба 19 гв. сд г.-м.
К.М. Вяземский

Начштаба 11-й сд п/к
Виноградов

Медработники 19 гв. сд Л.А. Воробьева (Калистратова) и
Е.М. Лиморенко (Герасимова)

Командир 191-й сд п/пк
Н.И. Артеменко (погиб 5.09.42г)

Командир взвода 546 сп 191 сд
ст. л-т Ф.А. Меньшиков

Политотдел 191-й сд 3-й ряд слева - комсорг 546 сп А.А. Звонарев,
5-й - инструктор ч/о Панченко.

Политруки 137 остр. Слева направо: парторг оад 76-мм пушек Шутов, отв. секретарь партбюро Непомнящих, комиссар батареи Сергун 5.10.42 г.

20-й обс после выхода из окружения. Слева направо, 1 ряд: М. Артемьева, Н. Барабаш, комиссар Попков, А.Я. Гоннова, Бокова; 2-й ряд: п/к Сергеев, К. Шишкина, п/к И.Г. Рукин, М.М. Жарова, Т. Мухтарова; 3-й ряд: З. Барышева, Н. Горбушкина, Е. Андреева, М. Цеольцева.

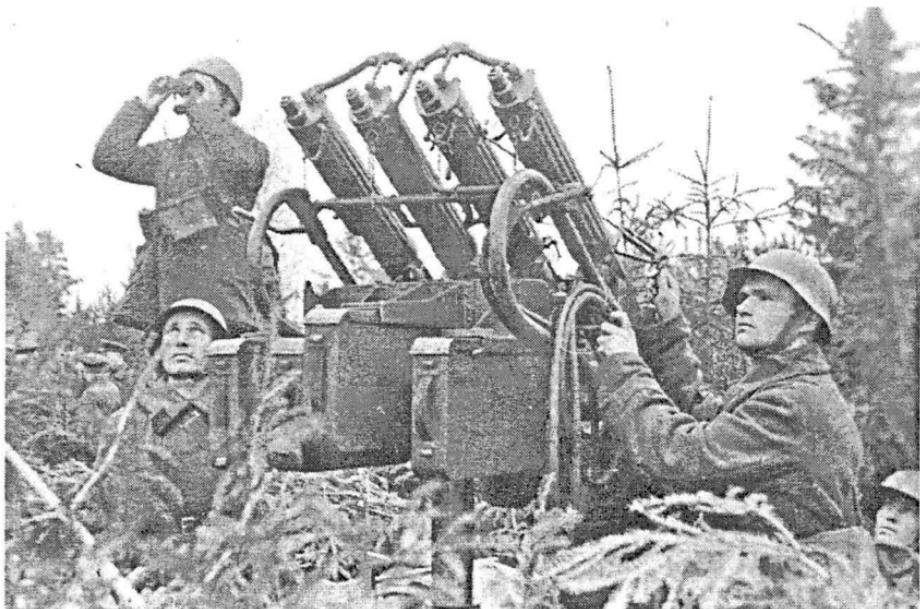
Разведчик 24 гв. сд К.А. Злобин с женой.

Знатный снайпер 374 сп 128 сд
А.Ф. Кочегаров

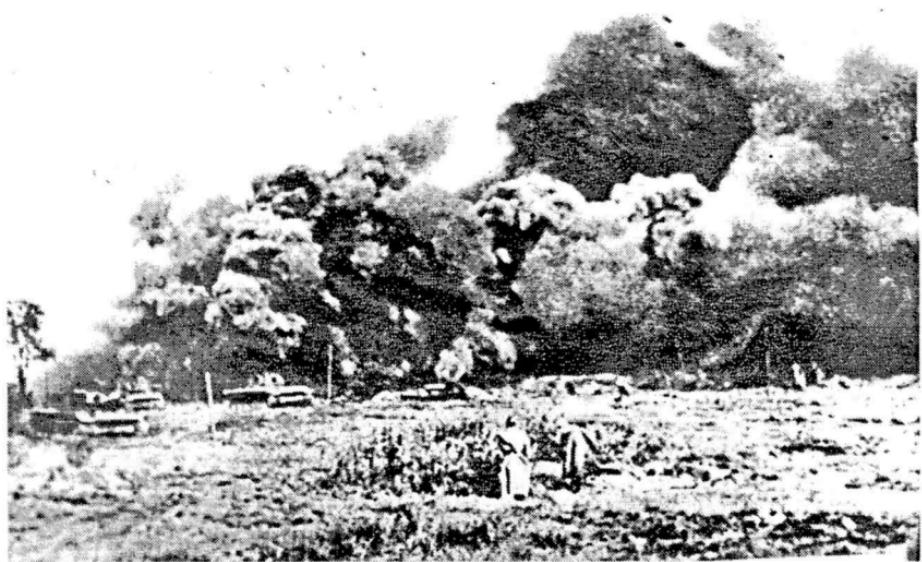
Военфельдшер 22 остр
И.И. Палкин

Зенитно-пулеметный расчет под Синявином.
Сентябрь 1942г.

Разведчики в дозоре.

Огонь ведут гвардейские минометы.

Атака.

Командир 450 сп М.С. Степин.

Начштаба 450 сп М. Шаненко
(справа) и помначштаба
А.Г. Кучеренков (убит 29.08.42)

Командование 798 ап. 1-й ряд: нач. разведки А. Книпович,
Л. Горнишев, И. Кузьмичев, М. Криворучко; 2-й ряд:
Холмогорцев, Аксенов, Николаенко, Назаренко.

Командир 952 сп 268 сд
А.И. Клюканов.

Отделение противотанковых
ружей ведет огонь по самолетам.

Снайпер Фараонов с группой.

Захоронение погибших в Синявинской операции. Сентябрь 2001 г.
Фото И. Прокофьева

Открытие памятного знака в роще Круглой 27 мая 2000 г.
Слева направо: И.Г. Прокофьев, Б.В. Нериновский, П.П. Дмитриев,
В.А. Булгаков.

В лесу под Синявином. Сентябрь 2002 г. Фото А. Шевелева.

В. И. ИВАНОВ,
бывш. командир взвода 1244 сп 374-й сд

Сентябрь: дни и ночи*

В эти тихие дни осени в моей памяти встают боевые события 40-летней давности. Тогда, в сентябре 1942 года, наш 1244 стрелковый полк 2-й ударной армии прибыл из-под Малой Вишеры в район шлиссельбургско-мгинского выступа. Полк в бой вводился первым из частей и соединений армии в помощь 8-й армии, сражавшейся в районе рощи Круглая.

День 4 сентября начался нашей артиллерийской подготовкой. Дорогу наступающим частям открыли саперы. Они метр за метром ощупывали местность, извлекая из земли смертоносный груз. Около 10 часов полк при поддержке роты танков Т-70 поднялся в атаку. За огневым валом минометов шла и наша рота, руководимая лейтенантом Чубисовым. Прикрывал нас танковый взвод. Огонь гитлеровцев усиливался, особенно мешал нам дот, расположенный у дороги, за лесной полянкой. Чубисов вместе с командиром танкового взвода решили блокировать его.

На броню танков быстро посадили десант, вооруженный противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Машины на высокой скорости бросились к опорному пункту врага. Два танка достигли цели, проскочили огневой вал, и подрывники начали вести бой за уничтожение дота. В его амбразуры полетели противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Яркое пламя огня охватило дот.

— Ребята, по-пластунски вперед! — скомандовал Чубисов. И вот до переднего края обороны противника остается 50—60 метров.

— Гранаты к бою! — слышатся голоса командиров взводов.

— За Ленинград, за Родину! Вперед! — командаёт командир роты. И встав во весь рост, мы с криком «Ура-а!» бросаемся на вражеские окопы, забрасывая их гранатами.

— Штыком и прикладом бей извергов! — слышится голос командира взвода лейтенанта Новикова. Сам он из нагана укладывает немецкого фельдфебеля и тут же хватает его винтовку. На него налетает сбоку фриц. Новиков ловко бьет его по виску прикладом. Проворно действует красноармеец Мерзоеев. В этой схватке он заколол штыком трех фашистов...

* Материал из Музея боевой славы 37-й мгинской железнодорожной школы.

Бой окончен — уничтожен дот, три дзота и взята линия обороны противника. Немцы потеряли несколько десятков убитыми и ранеными. Взяты и богатые трофеи: крупнокалиберные пулеметы, противотанковые ружья, большое количество боеприпасов. Тогда-то, в минуты затишья, мы и перебрали в памяти моменты ожесточенного боя.

— Здорово ты, Мерзоев, — говорю товарищу, — разделался с фрицами.

— Сэрдцу стало легче. Я их за родной Грозный, — с кавказским акцентом ответил герой прошедшего боя, сын солнечной Чечено-Ингушетии.

Вскоре я был вызван на КП командира полка, майора Антонова. Только приложил правую ладонь к каске, чтобы доложить о прибытии, как он опустил ее взмахом руки и сказал:

— Товарищ старший сержант, принимайте взвод 1-й роты. Командир взвода вышел из строя. Взводу представят вас лейтенант Чибисов. А обстановку объяснять нечего, сами хорошо ее знаете. Желаю удачи!

Взвод, который был мне доверен, я знал. С многими красноармейцами и младшими командирами мы были вместе в запасном полку. С командиром отделения сержантом Маркеловым, помкомвзвода сержантом Назаровым не раз встречались под Малой Вишерой. В числе красноармейцев был бывший переводчик батальона узбек Джураев, кандидат в члены ВКП(б).

...Наступила ночь. Через порядки нашего взвода ушла за «языком» полковая разведка. Где-то за полночь в стороне немецкой обороны разгорелась стрельба. А вскоре мы различили темные силуэты, прозвучавшие слова пароля. Разведчики возвращались усталые, промокшие. Двое тащили здоровенного гитлеровца. Как мы тут же узнали, он был из 170-й дивизии 11 немецкой армии, переброшенной из Крыма. Другие несли тело убитого в схватке с гитлеровцами боевого друга. Командир разведгруппы, несмотря на усталость, был бодрым — «язык» оказался очень ценным. В штабе полка он рассказал, что его командование готовит штурм наших позиций. Для этого подтягиваются свежие воинские части, сосредоточиваются артиллерия и танки. Необходимо было готовиться к большой сече. Обо всем этом нам рассказал прибывший во взвод комиссар полка Факторович. Он обошел окопы, побеседовал с красноармейцами.

В это время я был вызван к командиру полка. В его блиндаже было людно. Майор Антонов стоял за столом, на котором была развернута карта, он говорил о предстоящем бою. Обращаясь ко мне, он спросил:

— Иванов, сколько во взводе противотанковых ружей?

Я ответил. Тогда он сказал:

— Шесть расчетов с ружьями ПТР передайте лейтенанту Новикову, а вы с группой из взвода в 15 человек будете действовать самостоятельно. Для этого возьмите восемь метких истребителей танков и семь автоматчиков.

Потом, передав мне новую карту, показал:

— Вот дорога, по которой, видимо, и последует танковая атака. Истребителей танков расположите вот в этих точках справа и слева от дороги на расстоянии 20 метров друг от друга. Автоматчиков надо выдвинуть сюда. Двух истребителей танков и двух связных возьмите с собой. Займите позиции в 10 часов вечера.

Из блиндажа я вышел вместе с командиром роты лейтенантом Чибисовым и с командиром первого взвода лейтенантом Новиковым. Он, хлопая меня по плечу, сказал:

— Хорошо, что мы, Иванов, вместе. В случае чего, я помогу огнем.

Я хорошо знал Новикова еще по Малой Вишере. Ведь я был его помощником во взводе. Поэтому был рад, что первый самостоятельный бой буду принимать вместе с ним. Оставив за себя Назарова, я провел на заданный участок бойцов. Мы скрытно заняли позиции. На рассвете немцы начали артобстрел. Земля дрожала от взрывов снарядов. Огонь был настолько интенсивным, что, как снег, падали скошенные осколками хвоинки сосен и елей.

В 8 часов утра гитлеровцы пошли в наступление. Показались их средние танки Т-4 с автоматчиками на бортах. Они шли в колонне, соблюдая дистанцию 20 метров. Нервное напряжение было такое, что у меня стучало в висках. И вот одна громада, окрашенная в болотный цвет, вышла к нам. На борту — до десятка автоматчиков. Следом идет другая машина, третья... Расчет, заглегший впереди, выдержал, как и было приказано, пропустил первые танки. И вот танк сровнялся с ближним ко мне расчетом. Вижу, как летит связка гранат под гусеницы танка, и она распускается по земле. Танк развернуло, и тут же бутылка со смесью летит в моторную часть. Все это длится мгновение. Слышины взры-

вы гранат других групп, треск автоматов, рев моторов. Три задние танка подбиты. Первый охвачен багровым заревом огня.

Один из двух танков, оставшийся пока невредимым, пытается обойти горящий танк, но тут же рвется на противотанковой гранате, брошенной ему под гусеницы истребителями первой группы. В колонне подбитых и горящих танков мечется еще один. Но точный бросок зажигательной бутылки Мерзоева останавливает танк. Открылся люк башни, фашистский экипаж попытался спастись. Но там, за сосной, лежат автоматчики с Мансуровым, и они бьют по врагу. Танки горят, а бой продолжается. Я собрал свою группу. Из пятнадцати человек лишь трое получили легкие ранения. Мы присоединились к своей роте. Она отражала атаку вражеской пехоты.

Командир полка, оценив создавшуюся обстановку, послал своего адъютанта с приказом к командиру минометной роты. Не прошло и пяти минут, как разрывы мин накрыли противника... Фашисты стали отходить. И тут же раздался голос Чибисова:

— Рота! Вперед, в атаку!

В тот раз мы отбросили гитлеровцев. Но силы оказались неравными. Мы не сумели полностью овладеть узлом обороны...

Я рассказал об отдельных эпизодах из боев 1 роты 1244 полка 2-й ударной армии в сентябрьские дни 1942 года по защите Ленинграда. В конце сентября из-за создавшихся тяжелых условий мы перешли к обороне на реке Черной.

Г. Ф. ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
сын начальника 4-го отдела штаба 374-й сд ст.
лейтенанта Ф. Д. Добровольского, павшего под Синявином

«Мы не можем быть рабами!»

Мой отец, Федор Дмитриевич Добровольский, родился в 1906 г. в семье священника. В 13 лет остался сиротой — родители умерли от тифа. Закончил девятилетку с педагогическим уклоном и школу в Калуге, работал сельским учителем. В 1936 году женился на Елизавете Ивановне Васильевой, враче-москвичке. Родилась дочь Елена. В 37-м семья переехала в Москву, где отец работал учителем географии в 212-й средней школе и заочно учился в пединституте, который окончил в 1941 году.

С началом войны семья эвакуировалась в Игарку, откуда отца призвали в армию. Он принимал участие в формировании 374-й сд в г. Красноярске и вместе с ней отбыл на фронт.

В составе 2-й ударной, а затем 59-й армии дивизия воевала в районе Грузина, Званки, Спасской Полисти, Мостков и Мясного Бора, где понесла жестокие потери.

Я родился в марте 1942 года, о чем отец узнал из маминого письма.

В августе дивизию отвели к Малой Вишере и после пополнения доставили эшелоном на ст. Жихарево. 3—4 сентября 374-я сд сосредоточилась в с. Большой Колосарь, войдя в состав 4-го гвардейского корпуса. 10 сентября дивизия под командованием полковника Ермакова получила приказ о наступлении на совхоз «Торфяник».

В ночь с 10-го на 11-е 374-я сд с марша была брошена в бой. В 1-м эшелоне действовал 1242 сп совместно с 24-й танковой бригадой. Для прохождения танков саперы 659-го отдельного батальона проложили бревенчатую дорогу. Подразделения продвинулись в направлении совхоза «Торфяник» на 1 км.

Ожесточенные бои развернулись 12—14 сентября между дорогой Гайтолово—Келково и Путиловским трактом. Они продолжались до 21 сентября. 21-го немецкие танки с десантниками прорвали боевые порядки дивизии и оседлали дорогу. 27 сентября поступил приказ об отводе наших войск, 29-го — об отходе 374-й сд. В этот день отец был ранен в ногу и погиб при разрыве снаряда или бомбы. Мне тогда было 6 месяцев и 2 дня...

Я никогда не видел своего отца и представляю его себе лишь по рассказам родных, фотографиям и давним письмам с фронта. Вот некоторые из них.

7 марта 1942 г.

Дорогие мои Люсик и Леночка!.. Мои святые святых, это ты, Леночка и будущий член нашей семьи... В минуты опасности твой и Леночкин образы стоят у меня перед глазами. Я их ласкаю. И мое чувство незримо льется на вас, мои родные. Мне в минуты грозных ощущений, когда все кругом дрожит от взрывов бомб, и комья земли с деревьями взлетают вверх, в эти минуты мои мысли только о вас. Не бойся ужасов. Их бывает мало, пока по крайней мере. В эти мгновенья наша жизнь проносится в мозгу, и все то нежное и дорогое для меня ярко стоит перед глазами...

20 марта 1942 г.

Мой милый и родной Люсик! Ты меня спрашиваешь, как я живу. Мой день не всегда одинаков. Если «на улице» спокойно, то мы работаем, так как можно топить печь в землянке, и становится тепло. Ламп у нас нет, окон нет, горят две-три коптилки, сделанные из консервных банок. Они дают очень много копоти. И мы, вероятно, скоро будем все копченые. Когда влезаешь в землянку с улицы — ничего не видно, а потом привыкаешь. Долго мучались с дымом. Он забивал всю землянку, разъедал глаза — они непрерывно слезились, а «на улице» несколько часов плохо видишь. Но все эти неполадки теперь изжиты. Мы усовершенствовали коптилки и сменили печку. Сама землянка емкостью $4 \times 6 \times 1,5$ метров. Ходить в рост нельзя, так как низко. Живет в ней шесть человек, спим на земляных нарах. Они настелены тонкими деревцами, подстилаю под себя серое одеяло, а покрываюсь одеялом и шинелью; когда спим, в землянке тепло, если же в воздухе «гости», то сидим в нетопленной, зато ночью отогреваемся...»

5 апреля 1942 г.

Дорогие далекие мои Люсик, Леночка и крошка Жорик! Сегодня после вчерашнего хлопотливого дня (награждали 88 бойцов, командиров и политработников) у меня несколько свободней. Фрицы относительно спокойны, бомбили нас четыре раза, но все без толку. У нас нет потерь, ни одного человека. У меня в землянке топится печка, тепло. Горят две «усовершенствованные» лампы, сделанных из двух консервных банок топором, а фитиль заменяет кусок теплой портянки, горит бензин. В землянке достаточно тепло. И я под гул ночного самолета, храни твои, пишу тебе, мой далекий друг, слова привета и своих чувств.

Порой мне кажется, что тыла вообще нет, и я в тылу не был уже несколько лет, а редкие сновидения прошедших дней будят ушедшие в прошлое события, переживания и ощущения, как дика и бессмысленна затея Гитлера, его бредовые, дикие мысли о гегемонии, его вандализм и изощренные издевательства. Весь мир кипит в этой кровавой войне народов из-за какого-то истерика-безумца, а скольких уже нет. Сколько моих боевых товарищней не вернутся к своим родным, как больно писать на конверте или

открытке, что доставить письмо адресату невозможно... Да, мой друг, война — слишком жестокая вещь. Вот и сейчас тишину ночи и мерный храп спящих товарищей прорезают очереди из автоматов и пулеметов, настораживая и вселяя осторожность в духовный мир человека.

В сознании мысль: борьба не скоро кончится, ибо на карту еще не все поставлено, а кризиса-перелома еще не видно. Много-много нам всем еще придется пережить, но у всех нас одно убеждение — добьемся победы Мы! Раздавим эту бронированную гадину, жалящую из-за угла, Мы! И пусть страдания и слезы наших братьев и сестер, детей и матерей оккупятся во многотысячном проценте. Логика вещей говорит, что мы добьемся победы — это бесспорно, ибо мы сильны нашей правдой, нашей местью, нашей справедливой и искупительной войной. Наши страдания оккупятся, а пролитая кровь еще более сцементирует нас для борьбы жестокой и тяжелой и, возможно, длительной!.

15 апреля 1942 г.

Дорогие Люсик и Леночка! У нас на фронте пока все тихо и спокойно, постепенно все тает. Одно время нашу землянку основательно мочило. Потолок протекал. Палатки, подтянутые на гвоздях, не всегда сдерживались. Мы сливали воду полными шлемами. На полу вода. Но мы настелили тонкие деревья, сильно топили печь и теперь стало сухо. Даже пол высох, с потолка не капает. Дни стоят хорошие, весенние, теплые. Лес постепенно освобождается от снега... Сегодня мое отделение, со мной вместе, во время обеда два раза выбегало из землянки и беглым ружейным огнем прогоняло самолет-разведчик. Мои писари и помощник активно стреляли. Я не отставал от них...

1 мая 1942 г.

Дорогие мои Люсик, Леночка и Жорик!.. Ты грустишь... Ты ждешь дня моего возвращения. Я ведь это ценю, глубоко сам переживаю тяжесть разлуки и с тобой, и малютками. Но грустью горю не поможешь, надо действовать каждому в своей области. Я думаю, что наша разлука будет не так длительна. Еще десять-пятнадцать месяцев, и я вернусь домой, а может быть, и значительно раньше, если появится второй фронт, то наше возвращение будет более скорым, чем мы все думаем. Я видел живых нем-

цев, видел пленных, слышал их показания и, суммируя все, должен сказать, что у противника не все крепко, но немцы цепко держатся за каждый метр земли.

1 мая Сталин поставил перед войсками задачу изгнать войска с оккупированной территории, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев.

2 мая 1942 г.

Сегодня немцы сделали 178 самолетовылетов. Шума делали много, но без толку. Мой дорогой Ленусик! Ты помнишь о папе? Я тебя, моя дочурка, крепко-крепко целую в лобик, щечки и глазки. У меня в лесу уже сошел снег. Мох пропитался водой, много птичек. Они поют, когда солнышко ярко светит, летают бабочки: красненькие — крапивницы, желтенькие — лимонницы. Почки на деревьях еще не распустились, но набухли, и скоро появятся зеленые листочки. Мы для питья иногда собираем березовый сок. Это делается так: устраивают в коре березы разрез, вколачивают обойму от патронов, и по ней сок сбегает в бутылку или банку. Сок березовый чист и имеет сладковатый вкус.

17 мая 1942 г.

Дорогие мои Люсик, Леночка и Жорик! В нашем болоте наступило лето. Уже два дня стоят жаркие летние дни. Лес начинает распускать свои листья, болото частично просыхает. Но лес все же трудно проходим, дорогами ехать невозможно. В лесу поют птички, расцветают цветы. Даже срубленные березы не хотят умирать, а, вопреки всему, распускают почки. Много кукушек кукует. И как-то странно все это слышать в минуту безмятежной тишины, когда нет ухающих взрывов бомб и треска пулеметных очередей или «песен» нашей «катюши». Небо порой бывает глубокое-глубокое, чистое, бирюзовое. Порхают бабочки. И мысли невольно уносятся к вам, мои родные...

В мае 1942 года произошло большое отступление Красной Армии. Были оставлены города Ростов и Новочеркасск, Крым. Под Харьковом потери составили 230 тысяч человек.

В начале июня 374 дивизия передислоцировалась в район села Мясной Бор, где вошла в состав 59-й армии, которой предстояла труднейшая задача — прорвать кольцо окружения 2-й ударной армии. В ночь на 10 июня дивизия начала штурм вражеских укреплений. 13 июня противник был выбит из первой линии укреплений. Продолжались бои за прорыв второй линии обороны.

19 июня 1942 г.

Дорогие Люсик, Леночка и Жорик! Нам сейчас трудно. Сотни тысяч людей отдали свои жизни за торжество счастья и жизни, побеждая мрак и холод «ученых» варваров, еще впереди тяжелая борьба. Не одна жизнь уйдет в вечность, но все же восторжествует справедливость, то есть, мы в своей борьбе! Во имя детей и любимой надо все перенести, все перебороть и верить, быть убежденными в том, что после трудностей мы будем дышать полной грудью, а трудности восстановления будут родить энтузиазм каждого...

Часто идут дожди. Много сырости и комаров. Пение птиц и весенние мотивы навевают мысли только о тебе. Под мягкий шелест берез мне легко мечтать о встрече с тобой. Я в своем воображении рисую твою головку, твои чистые и правдивые глаза. И в шелесте уснувшего леса мне чудится твой голос, зовущий меня к тебе. Я очень ясно представляю себе Ленусю, ее крупное, неожное тельце и милые глазки. Я целую ее высокий открытый лобик и ласкаю ее головку. Я часто вижу вас во сне, часто мечтаю о тебе, особенно в минуты, когда нарастает шум боя, и в моменты критических минут, когда приходится молниеносно бросаться на землю или забиваться в земляную щель.

27 июня 1942 г.

Ты в своем последнем письме пишешь о потере двух летних периодов, но, вероятно, третье лето будет нашим. Мы всей семьей будет нежиться на солнышке, лежа на желтом песочке у реки, купаться и вдыхать полной грудью горячий воздух знойного дня, Леночка будет шлепать босыми ножками по влажному песочку, строить песочные домики и развлекать Жорика, а он, смеясь и играя, будет накапливать силенок для жизни. Будем гулять в лесу, собирать землянику, грибы, и когда усталые, придя на дачу домой, сядем за стол, то аппетитно покушаем, а затем ляжем спать или отдохнуть в гамаке или на душистом сене.

22 августа 1942 г.

Родная моя Люсик! Сегодня получил от тебя письмо и карточку моего дорогого сынка. Я в восторге от него! Ты у меня моло-дец, что подарила такого замечательного малыша.

Я и все мы не знаем, куда нас повезут, но, вероятнее всего, мы двинемся навстречу новым кровопролитным боям. Кто из нас вернется — это вопрос будущего. Да я и не думаю об этом. Пока жив — и хорошо! Конечно, будет жаль тебя и детей, если придется погибнуть, но я почему-то убежден, что из всех передряг войны я вернусь домой невредимым.

3 сентября 1942 г.

Дорогие мои Люсик, Леночка и Жорик! После нескольких дней путешествия мы прибыли на временное новое место и остановились в деревне. После ряда месяцев жизни в районе болот попасть в сохранившуюся и заселенную деревню — весьма приятное событие. Стоят жаркие дни. Только ночи достаточно прохладные. На днях, находясь на станции, встретил одну маленькую девочку. Она мне очень напомнила Леночку, когда ей было года три-четыре. Мне крайне захотелось ее приласкать. У меня на глазах даже выступили слезы, когда я ей дал сухарь, и она робко его взяла и как-то особенно посмотрела на меня. На ней были белая папашка, ботиночки. Она играла палочкой в обществе бабушки, старушки весьма дряхлой.

Мне крайне хотелось перенестись к вам, абстрагироваться от всех этих передряг и переживаний. Каждый день для меня стал мучительно долг. Я мечтаю о том лучезарном дне, когда придется вздохнуть свободно. Много дней тяжелых и напряженных нам всем придется перенести и, почем знать, дождусь ли я дня разгрома немецких гадов, а также возврата домой. У меня на душе что-то меркнет надежда на скорый исход всей этой мучительной борьбы. События на юге тебе, конечно, известны. Но это наступление немцев их должно окончательно подорвать и обескровить. Скорее бы союзники открыли второй фронт. Это для нас сейчас много значит. Болтают до потери сознания, а ничего реального не видно. Я страстно желаю скорейшего разгрома немцев. Бить эту нечисть и уничтожать физически. А пока конца еще не видно.

7 сентября 1942 г.

Я тебя и Леночку часто вижу во сне. Особенно ярко видел тебя сегодня. Острое чувство одиночества меня гнетет, да боль разлуки с тобой и детьми не дает покоя. Эти периоды, когда нахлынут воспоминания о прошлых днях, поднимают далекие прошедшие дни — и становится больно и тоскливо на душе. Война, война! Как много она приносит горя всем! Как погано на душе. Я сам не узнаю себя. Со мной творится что-то неладное. Происходит какая-то глубокая внутренняя работа, незаметная для глаз, но определяющая ход мысли своего «я». Мне бы так хотелось сейчас работы над книгой в тихиеочные часы, под мягким светом настольной лампы. Но надо разбить эту погань, этот холодный бронированный кулак. Иначе ведь нам, русским, смерть, рабство и позорное прозябанье, подобно каким-то тварям. Этого не может быть и никогда не будет. Нас нельзя победить. Мы не можем быть рабами. Кругом меня исторические места, так много говорящие нам, русским, своими именами. Они так близки для сердца каждого русского! И гневом горячим оно обливается, когда видишь своими глазами нанесенные раны этим дорогим местам. Хочется стереть с земли эту сволочь, бить и бить их до полного физического уничтожения. Это и делаем мы изо дня в день.

18 сентября 1942 г.

Милая моя! В дни суровых испытаний, которые мне приходится переносить в условиях сложной боевой обстановки, когда ежедневно приходится терять своих соратников либо на время, либо навсегда, родное, искреннее, ласковое слово особенно дорого и доходит до глубоких струн человеческого «я».

Милые птенчики, как мне хочется вас приголубить, приласкать; прижать к своей груди эти маленькие нежные тельца, такие родные и близкие мне. Ради их счастья и покойного сна в глубоких кроватках я готов переносить еще большие испытания. Пусть будет тих и радостен их безмятежный сон. Развитесь и играйте, не зная забот и горя, мои дорогие. У ваших изголовий незримо витает моя дума о вас. И забота моя сохранит вас в минуту невзгоды. Растите умными, хорошими, нежными, чуткими и человечными детьми.

Вчера под обстрелом минами я со своим связным вытащил из болота тяжелораненого бойца, перевязал его раны, вынес

на дорогу, сдал четвертым бойцам, а они понесли его на ПМП.

20 сентября 1942 г.

Дорогая моя Люсик! Сейчас глухая, темная ночь. Мои соратники спят, сильно всхрапывая. На убогом самодельном столике коптящая коптилка бросает дрожащий колеблющийся свет. На столе землянки молчит полевой телефон. Входное отверстие завешено старым брезентом, за ним осенняя ночь, собирающийся дождь и приглушенный разговор часовых. Где-то вблизи перекатывающийся гул взрывов периодически то усиливается, то замолкает. Вокруг взвиваются ракеты, белые, зеленые, красные. Они на миг освещают голубые скелеты исковерканных деревьев. И снова темная пелена ночи скрывает все окружающее.

Вот уже двенадцатые сутки идут активные боевые действия. Наше соединение выполняет свою работу. На какой период насхватит, трудно сказать. Участок, где мы действуем, весьма важен. Он хорошо укреплен немцами. Они ожесточенно сопротивляются, умело используя естественные условия. Последние дни стояла канонада. Немцы сбросили тысячи бомб всяких калибров с самолетов. Иногда самолет сбрасывал их 36–42 штуки! По лесу разносится оглушительный треск. Барабанная перепонка уха перенапрягалась. Обильно рвались мины, и ухали рвущиеся снаряды дальнобойной артиллерии. Все это сопровождается сухой, переливчатой трелью пулеметных и автоматных очередей. Так продолжается, с некоторыми перерывами, уже двенадцатые сутки.

Несколько дней назад наш наблюдательный пункт подвергся интенсивному артиллерийскому налету. Он был в лесу среди толстых деревьев.

Я во время налета был в землянке одного из отделов. Налет длился 90 минут. Нас обстреливали тяжелыми снарядами и минами. Участок леса стал голым. Ветвей у 85 % деревьев не стало, остались лишь голые исковерканные стволы, земля была вспахана снарядами. Деревья, ветки, клочья одежды и того, что раньше было человеком, перемешалось от прямого попадания в один из блиндажей. Осталась яма да на ветвях случайно уцелевшего дерева лохмотья гимнастерки и кишкы двух бойцов. В итоге — трое убито и пятеро ранено, а снарядов было выпущено не менее трехсот штук! Весь район наблюдательного пункта заволокло дымом. Видеть в трех-пяти шагах ничего было нельзя. Дым пороха, фон-

таны земли с осколками снарядов и обломками деревьев дополняли картину. Мы все облегченно вздыхали после очередного разрыва и, сжавшись, ожидали очередного.

26 сентября 1942 г.

Дорогая Люсик! Не беспокойся о задержке в письмах, так как обстоятельства несколько изменились. Будь здорова. Береги детей и себя. Пиши чаще. Твои письма для меня очень дороги. Целую тебя и детей. Твой Федя и папа.

*А. И. БОЛОТИН,
профессор, ст. л-т в отставке,
бывш. командир взвода топографической разведки
943-го артполка 376 сд*

376-я стрелковая дивизия в синявинских боях*

376-я стрелковая дивизия 7 сентября получила приказ о передаче обороны у Спасской Полисти соседним частям и прибытии для погрузки в эшелоны на станцию Большая Вишера. Небольшой путь по железной дороге — и в конце второй декады сентября полки дивизии выгрузились на станциях Войбокало, Жихарево, где без промедления уходили в лес, окружавшие Апраксин городок, Крутой Ручей и другие населенные пункты бывшего Мгинского района.

В ночь с 20 на 21 сентября полки дивизии вышли на исходные рубежи для атаки поселка Гайтолово и прилегающей к нему территории. Ближайшая задача дивизии заключалась в захвате Гайтолово и выходе к западному берегу речки Черная. Гайтолово до подхода наших частей много раз пытались захватить воины 11-й стрелковой бригады, но немцы на этом участке имели очень крепкую оборону, насыщенную противотанковыми орудиями и дотами.

21 сентября 1942 года в 6 часов 30 минут 1250-й стрелковый полк 376-й стрелковой дивизии начал наступление на высоту 40,5, прикрывавшую восточные подступы к Гайтолово. Атака оказалась неудачной. Наша артиллерийская подготовка в течение 15 минут

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

практически была пародией на артиллерийское наступление. Такая артподготовка не могла разрушить оборону противника и подавить действия его пехоты. Танковая поддержка наступления была маломощной и, кроме того, неэффективной даже в начальный период. Танки увязли в болотной трясине и сами стали мишенями для артиллерии врага. Немецкая авиация не только бомбила, но и с бреющего полета обстреливала позиции наших войск.

Командир дивизии полковник Исаков Г. П. приказал в ночь с 21 на 22 сентября ввести в бой 1248-й стрелковый полк с усиленным отрядом орудий прямой наводки. Ядром артиллерийского отряда стала 1-я батарея 943-го артиллерийского полка. Командиром отряда был назначен старший лейтенант Ерошкин, который в мирное время был преподавателем математики.

Солдаты 1248-го стрелкового полка прорвали вражескую оборону, захватили Гайтолово, и один батальон вышел к берегу речки Черной. Соседнее правофланговое соединение у Гонтовой Липки не оттеснило врага с восточного берега речки Черной и правый фланг 1248-го стрелкового полка оказался под ударом противника. Противник из рощи Круглой атаковал и разрезал на две части наш 1248-й стрелковый полк.

На помощь отрезанному батальону 1248-го стрелкового полка в ночь на 23 сентября пробился пулеметный батальон дивизии. Эти два батальона несколько дней сдерживали натиск врага на Гайтолово, но их силы таяли, боеприпасы истощались, питание непрерывно ухудшалось, а враг не жалел бомб и снарядов. Командир 1-й батареи 943-го артполка старший лейтенант Ерошкин в критический момент вызвал огонь на себя. Этот огонь временно ослабил натиск врага и позволил небольшим остаткам раненых солдат двух батальонов выйти из окружения в Гайтолово. Старший лейтенант Ерошкин избежал гибели в этом бою, но вскоре погиб вблизи Гонтовой Липки, где его батарея вновь сдерживала натиск врага из рощи в сторону Апраксина городка.

Сильный удар по нашим войскам враг нанес 24 сентября. В этот день наши части в течение семи часов находились под ударами немецкой авиации и артиллерии. Вражеские самолеты шли волнами с интервалами не более часа. Самолеты интенсивно бомбили боевые порядки артиллерии. Одна из бомб тяжело ранила комиссара 1-го дивизиона 943-го артполка Киселева и писаря Сукачева. Позиции 1-й и 2-й батарей, находившихся в районе Ап-

раксина городка и деревни Новая, были изрыты воронками от бомб и снарядов. На участке 376-й стрелковой дивизии горели лес и торф. Разрывы создали шум, который мешал подаче команд и не давал возможности сосредоточить мысли на анализе хода событий. Связь часто нарушалась, и каждое подразделение практически решало задачи самостоятельно. Пехотные полки превратились в роты без командного состава. В этой обстановке самым правильным решением был отход на исходные рубежи, где имелись траншеи, дзоты и блиндажи.

Отход остатков дивизии на исходный рубеж не ослабил натиск врага. Фашисты стремились захватить перекресток дорог у дома лесника, где они могли ударить по флангам наших войск у Тортолово и Гонтовой Липки. Мечта врага не сбылась. Воины 376-й стрелковой дивизии удержали свои траншеи. Большая заслуга в отражении яростных атак врага принадлежала в этот период подразделениям связи. Связисты Маковеев, Рябин и другие беспрерывно находились на линии и своевременно соединяли оборванные провода. Четкая работа связи обеспечивала концентрацию нашего артиллерийско-минометного огня в нужный момент на наиболее опасных направлениях атак врага.

Стрелковые полки дивизии, превратившиеся в роты, ежедневно пополнялись солдатами из маршевых рот и обслуживающих подразделений. Воины дивизии держались стойко и ружейно-минометным огнем уверенно отражали атаки врага. Много атакующих фашистов погибло на минах, установленных перед нашими траншеями и огневыми точками.

Отход войск 2-й ударной армии на исходные рубежи завершился 30 сентября. Большое число тяжелораненых попало в плен и пополнило списки без вести пропавших. Противник продолжал бомбить и обстреливать наши боевые порядки. В районе интенсивной бомбейки 2 октября оказался штаб 1-го дивизиона 943-го артполка. Дорога от поселка Крутой Ручей до Апраксина городка была изрыта воронками. Верховное Главнокомандование опасалось, что враг прорвет нашу оборону и развернет наступление на Волховстрой, однако врагу было не до этого. Его потери были велики.

Накал боев в период синявинского сражения четко охарактеризовал маршал Советского Союза П. К. Кошевой, который в этих боях командовал 24-й гвардейской стрелковой дивизией. Он в своих воспоминаниях отмечает: «Нам, после боев на Волховст-

рое и блокадной дуге, наступление на котельниковском направлении показалось более легким».

А. МИТЬКИН,

*полковник в отставке, бывш. командир взвода
управления 943-го артполка 376-й стрелковой дивизии*

Рассказ артиллериста*

Я, ветеран 376-й стрелковой дивизии, проходил службу с мая 1942 года по август 1944 года в 943-м артиллерийском и 1250-м стрелковом полках в должности командира взвода управления, начальника разведки дивизиона, командира батареи.

Вчера мы побывали на местах боев, невольно вспоминая то, что было 40 лет тому назад на этой земле. Она содрогалась от разрывов бомб и снарядов, она стонала от пролитой крови, она пылала в огне пожарищ. Еще время не затянуло ее раны, еще живет в наших сердцах скорбь о погибших товарищах.

Мне, как артиллеристу, в этих боях выпала скромная миссия вести артиллерийскую разведку, без разведки артиллерия слепа, так же как без связи глуха.

Для планирования огня артиллерии необходимы достаточно точные разведывательные данные о противнике, их надо добывать во что бы то ни стало и в любых сложных условиях.

Местность в районе боевых действий нашей дивизии была лесистая и болотистая, изрезанная небольшими, но трудно проходимыми реками и ручьями.

Обзор местности с одного пункта был крайне ограниченным и приходилось выдвигаться очень близко к переднему краю противника, вплоть до выдвижения в нейтральную зону. Осложнялось это еще и тем, что у нас не было приборов, с помощью которых можно было бы с достаточной точностью определить координаты целей противника. Были стереотруба, буссоль и не всегда секундомер. Сопряженное наблюдение из-за условий лесистой местности применить было очень тяжело, а, как известно, неточность определения координат целей ведет к излишнему расходу снарядов, и стрельба без пристрелки малоэффективна, но пристрелку

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

не всегда можно провести, ибо это связано с преждевременным вскрытием своей артиллерией.

Помню, мы поддерживали ввод в бой полка второго эшелона дивизии. Обеспечение ввода в бой осуществлялось артиллерийским огневым налетом небольшой продолжительности, причем плотность огня была невысокая, при малом расходе снарядов и недостаточной точности огня необходимая степень поражения противника не достигалась, и наша пехота при атаке несла большие потери.

В ходе дальнейших боевых действий я замечал, что с началом проведения операции проводилась мощная артиллерийская подготовка с большим расходом боеприпасов, но в последующие дни наступления расход боеприпасов резко сокращался. Хорошо получалось, когда прорыв успешно осуществлялся, но когда прорыв обороны противника в первый день не достигался, в последующие дни обеспечение наступления проводилось небольшой огневой подготовкой, чаще одним огневым налетом, после которого атака, как правило, успеха не имела.

Во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года я был командиром взвода управления 943-го артиллерийского полка 376-й дивизии, которая прорывала оборону в районе Гайтолово—Гонтовая Липка. Артиллерийская подготовка наступления на нашем участке была мощная, но дивизия успеха не имела. Одной из причин, на мой взгляд, было то, что некоторые долговременные огневые точки не были разрушены или надежно подавлены. Для их разрушения требовалось прямое попадание снаряда крупного калибра, но во время огневой подготовки корректирование огня по отдельной цели почти невозможно, а без корректировки иметь прямое попадание в дот маловероятно, поэтому некоторые огневые точки оказались живыми и сыграли свою роль. Танки на нашем участке прорыва применить было трудно, так как местность в районе боевых действий, особенно на подступах к обороне противника, была болотистая, труднопроходимая для танков.

Артиллерийская подготовка на нашем участке на второй день была гораздо слабее, и противник продолжал упорное сопротивление.

В дальнейшем нашему 943-му артполку пришлось обеспечивать боевые действия наступающих войск в районе рощи Круглой. В этом районе приходилось вести разведку в сложных условиях: лес, зима, большой снежный покров маскирует цели. Видимость небольшая, глубина обороны противника с наземных

пунктов почти не просматривалась, причем противник в системе своей обороны строил завалы из леса, что еще больше затрудняло наблюдение и разведку его обороны. Для того, чтобы добить сведения о противнике, его огневых средствах и инженерных сооружениях, приходилось постоянно сближаться с противником. Это, в свою очередь, вызывало трудности в работе с приборами, а без приборов не та точность.

В районе рощи Круглой на отдельных участках наш передний край отстоял от переднего края противника на 60–70 метров, что затрудняло стрельбу артиллерии с закрытых ОП по переднему краю противника.

Корректировка огня артиллерии проводилась с передовых наблюдательных пунктов (ПНП), садились корректировщики и в танки при их наступлении.

Разведку в основном вели с ПНП, но надо сказать, что привязка этих пунктов осуществлялась неточно. Надо сказать, что на протяжении всех дней нашего наступления противник наносил по нашим войскам сильные и частые огневые налеты с большим расходом боеприпасов.

После прорыва блокады, помнится, в феврале 1943 года, наш 943-й артполк поддерживал наступление 73-й отдельной морской бригады на Синявинских высотах. Шли ожесточенные бои. Противник в районе Синявино создал сильный оборонительный рубеж, хорошо оборудованный в инженерном отношении.

Для укрытия огневых средств противник в системе своей обороны построил бетонированные колодцы. После огневого налета бригада дружно рванулась в атаку и успешно продвигалась вперед, но при подходе к проволочному заграждению была встречена сильным огнем. Оказалось, что во время нашей артиллерийской подготовки противник свои огневые средства укрывал в этих колодцах, где уничтожить их очень трудно, а к моменту атаки, когда наша пехота уже близко подходила к его переднему краю, он выдвигал их на площадки и открывал огонь по нашим наступающим подразделениям. В этот момент, когда войска находятся близко от противника, огонь артиллерии с закрытых ОП по переднему краю вести опасно для своих войск.

Мне, как и другим разведчикам-артиллеристам, приходилось вести разведку огневых средств противника на этих Синявинских высотах. Задача сложная. Местность противника господствовала над нашей. Он хорошо просматривал наше расположение, а для

того, чтобы нам увидеть противника, нужно было как можно ближе выдвигаться к его переднему краю. Мы использовали для наблюдения и подбитые танки, которые находились на этих высотах. Была зима, холодно, обогреться негде, единственное спасение — это химические грелки.

Местность для подхода к НП была открытая, передвижение, особенно в дневное время, было опасно, но задачу свою мы выполнили.

Пользуясь случаем, хочу сказать о своих командах, боевых товарищах, с которыми мне пришлось пройти свой боевой путь и учиться у них воевать. Никогда не затмится в памяти командир батареи П. Я. Семерин — сильная, бесстрашная, волевая натура, чуткий, внимательный, отзывчивый товарищ. Помнятся боевые друзья-разведчики: ст. лейтенант Матюшин, лейтенант Л. С. Ручайский, мл. лейтенант Ерохин и другие. Помнится техник-лейтенант Савельев. Это он, наш парторг, помог мне связать свою жизнь с партией.

*Л. З. КУШЕР,
ст. лейтенант в отставке,
был командир минометной батареи 372-й сд*

В бою подо Мгою рвутся снаряды,
Сметая живое с земли,
Когда наших танков тяжелых громады
На запад вперед поползли.

У самого леса, у малой высотки,
Где шквальный огонь бушевал,
Парнишка в военном бежал без пилотки
И с криком руками махал.

От раны лицо его жутко алево
В лучах восходящей зари.
А поле вокруг от разрывов кипело,
И комья летели земли.

Я парня не видел смелее,
Он к нам через смерть добежал.
«Там мины. Возьмите правее», —
И тут же на землю упал.

Мы в грохоте боя на миг позабыли
Парнишку с кровавым лицом.
И лишь после боя его склонили
Под тихим ракитным кустом.

Кто он? Его имени мы не узнали,
Лишь память о нем сберегли.
И часто потом вспоминали
Парнишку со мгинской земли.

*Н. Ф. КАЗАНЦЕВ,
бывш. начфин 1236 сп 372 сд*

*Сибиряки под Синявинно**

После Мясного Бора и переформирования наша дивизия участвовала в Синявинской операции. Когда мы шли на передовую, я посмотрел на карту. Должен на пути быть Апраксин городок, но его не было. Вообще в этой местности на карте много значилось поселков, но не было ни развалин, ни одного бревнышка, просто чистое место. Немцы использовали все дома на дзоты, укрепления, надеялись жить здесь долго. Нашу дивизию бросили под Тортолово и Гайтолово. Эти поселки также значились только на карте.

Под Тортоловом и Гайтоловом наша дивизия держала оборону. Немцы почти ежедневно атаковали нас. Самолеты начинали бомбить с 8 часов утра и непрерывно до самого темна. В каждом вылете было до 18 бомбардировщиков в сопровождении истребителей. За световой день делали от 6 до 8 вылетов. Самолеты про бомбят, начинается обстрел, после артобстрела снова вылетают самолеты. И так ежедневно целую неделю. Занимаемую нами оборону — клочок земли — ископали весь. Не было ни одного метра, где бы не упала бомба или снаряд. Ходы из КП батальонов были завалены, приходилось ползать по воронкам и рыхви нам. КП приходилось строить почти ежедневно на новом месте. Солдаты и офицеры пригоревились: как самолеты отбомбят, в эти воронки переползали, потому что на следующий день в это

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й Мгинской школы.

место бомбы сброшены не будут. Потери личного состава сократились. А потом начались ежедневные атаки немцев. Бросали по 10 и более танков в сопровождении одного-двух батальонов. Мы поняли, что они прощупывали слабые места нашей обороны. Но дивизия стояла стойко; не отступая ни на шаг. Солдаты бросались с гранатами под танки, погибали смертью храбрых. Однажды я был на КП второго батальона и попал под артиллерию. Невдалеке рвались снаряды немецкого шестиствольного миномета (мы его называли «скрипачом»), имевшие сильную взрывную волну, от которой человека в землянке подбрасывало кверху. Я ударился дважды о бревна потолка.

Немцы с самолетов сбрасывали листовки, обращались к нашим солдатам: «Сибиряки, мы знаем, что вы храбро деретесь, не понимаете законов войны, ведете наступление ночами, погибаете по лесам. Переходите на нашу сторону и мы вам дадим полную свободу жизни». Но никакие листовки на сибиряков не действовали, и в плен ни один солдат не сдался. Немцы сколько не пытались захватить нашего «языка» — ни разу не могли. Помню, одна немецкая разведгруппа пыталась взять нашего языка в районе Гайтолова, но наткнулась на боевое охранение 3-го батальона. Немецкий офицер попал в плен и был доставлен на КП полка. Он сказал, что ему сам генерал давал задание взять хотя бы одного сибиряка в плен. «Генерал очень хочет посмотреть, что за человек сибиряк. Я тоже хотел смотреть, какой сибиряк есть человек. У нас говорят: сибиряк высокий, здоровый, медведю давит горло». Мы стояли в землянке и с хохоту чуть не падали. Командир полка показал на меня: вот он чистокровный сибиряк, немец покачал головой: «Нет, вы, русские, прячете сибиряков, это русский секрет, а ночью направляете к нам, чтобы задушить».

Через несколько дней случилось необычное событие. У нас в полку был командир музыкального взвода лейтенант Тогушанов, призванный из Томска. Музыки в полку никакой не было, и командир в основном занимался похоронными делами. Взвод собирал на поле боя убитых и организовывал похороны. Лейтенант уточнял фамилии и подавал списки в штаб полка. У Тогушанова был баян. Он договорился с командиром 2-го батальона и полковыми артиллеристами, чтобы наблюдали и дали хороший огонек. Вышел из траншеи на бруствер, встал во весь рост и на баяне заиграл немецкий марш. Немцы вылезли из своих траншей, встали по фронту и застыли по стойке «смирно». Тогда наши

артиллеристы, пулеметчики, автоматчики, короче говоря, все, кто имел оружие, открыли массированный огонь по ним. Мало кто из немцев остался в живых. Ночью наша разведка уточнила, что линия фронта перед нашим полком свободна, но к утру прибыла новая немецкая часть. Мы не сумели перейти в наступление сразу, а через сутки передний край немцев был сильно укреплен, и наше наступление сорвалось.

В этом бою погиб смертью храбрых полковой комиссар Виноградов. Он прибыл в наш полк в июне 1942 г. и за короткое время завоевал большой авторитет среди личного состава. Комиссар в своих беседах с солдатами узнавал их настроение, интересовался семьями, советовал, что писать домой, хорошо знал душу солдата. Во время боя он находился на переднем крае, попал под пулеметную очередь и был перерезан пополам. Похоронили его на возвышенности недалеко от поселка Гайтолово.

Вскоре после этих боев в дивизии появилась песня, которую сочинил писарь Беляев. Я ее полностью не помню, привожу несколько слов: «Триста семьдесят вторая непривычна отступать, дивизия сибиряков не посрамит штыков» и т. д.

Вскоре был ранен и командир полка майор Анищенко. Наша дивизия понесла большие потери и была отведена на формирование в село Назия.

*Н. М. СТРЕЛКОВ,
Герой Советского Союза, полковник
в отставке, бывш. зам. командира
440-й отдельной разведроты 372-й сд*

*Разведчики 372-й в Синявинской операции**

После выхода из окружения под Мясным Бором нас отправили на отдых и переформирование.

Быстро пролетели дни переформировки, и дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Вороново—Гайтолово. Войскам была поставлена задача: перейти в наступление в направлении станции Мга с выходом к Неве и соединением с войсками Ленинградского фронта. (...)

* Сб. «Ветеран», вып. IV, Лениздат, 1990, с. 326–327.

Первые дни наступления принесли нашим войскам заметный успех. Ведя ожесточенные, кровопролитные бои, наступавшие сумели продвинуться в направлении ст. Мга и Синявинских высот на глубину 5–6 км. Реальная перспектива прорыва блокады Ленинграда сильно встревожила командование вермахта, и оно срочно передислоцировало в этот район свежие части с других участков фронта. В частности, именно наша разведрота первой обнаружила прибытие из-под Севастополя 11-й армии Вермахта, с помощью которой немцам удалось остановить продвижение наших войск и частично окружить их. (...)

С прибытием частей 11-й армии на наш участок фронта соотношение сил резко изменилось в пользу противника. Перехватив инициативу, немцы ударами с флангов отсекли часть наших продвинувшихся вперед войск и начали сжимать кольцо окружения. Ситуация сложилась критическая. Нашей разведроте было поручено искать пути вывода окруженных частей из немецкой ловушки. Этим делом мы и занимались с конца сентября и до пятого октября.

Из числа личного состава 440-й разведроты было создано в те дни шесть или семь групп разведчиков, которые вывели из окружения в общей сложности около тысячи бойцов и командиров различных частей и соединений. Одну из поисково-спасательных групп возглавил в те дни я.

Помню, посреди какого-то болота, на кочке, под кустом, нам встретился пулеметчик с «максимом». Первый номер был убит, а второй, заняв его место, скав ручки пулемета, готовился дорого отдать свою жизнь. Не наткнувшись на этого пулеметчика наша разведгруппа, он был бы обречен...

Несколько десятков человек спасли мы тогда и из торфяных буртов, оставшихся на старых торфоразработках. Немцы не могли к этим буртам подойти, так как кругом была открытая болотистая местность, а наши не могли своими силами вырваться из окружения. Выходили, как правило, ночью или рано утром, чтобы уменьшить потери от авиации противника, господствовавшего в воздухе.

Среди выведенных нашей группой из окружения преобладали бойцы и командиры 4-го стрелкового корпуса. Последний рейд в зону окружения наши разведчики сделали 5 октября 1942 года, воспользовавшись известным только нам проходом между деревнями Гайтолово и Гонтовая Липка. Было выведено из окружения 280–300 человек. К сожалению, спасти всех, попавших в беду, не удалось...

Ф. А. МЕНЬШИКОВ,
ст. л-т в отставке, бывш. командир взвода 546 сп 191 КСД

Я не вышел из-под Синявина*

В мае 1942 г. я закончил Ачинское пехотное училище, получил звание младшего лейтенанта и вместе со своими товарищами был отправлен на Волховский фронт, к Мясному Бору. Здесь выходили из окружения бойцы 2-й ударной армии — истощенные, грязные, раненые. Впервые мы, вновь прибывшие, столкнулись с ужасами войны.

Здесь мне дали взвод и направили на передовую к Волхову. Ценой больших потерь мы заняли плацдарм на левом берегу в районе Званки. В августе нам пришла смена, нас отправили в Малую Вишеру, а после пополнения — к Ленинграду. Не помню, на какой станции мы высадились, но по всему чувствовалось, что фронт близко. Вечером перед нами выступил командир полка и рассказал о задачах, поставленных командованием фронта. Они состояли в том, чтобы прорвать оборону противника глубиной 4—6 км и соединиться с войсками Ленинградского фронта.

3 сентября мы заняли исходные позиции, где уже были вырыты окопы. Впереди нас открывалось чистое поле. Вечером выдали ужин и по 100 г водки. В 3 часа утра пошли к передовой. Шли тропинкой. В одном месте путь преградила разбитая машина. Я стал ее обходить и попал ногой в труп убитого. Кишки зацепились за сапог, мне стало нехорошо, но все стерпел. Прошли еще метров 500. Поступило разрешение на привал. Я лег на спину отдохнуть, но тут начался обстрел. Раздались крики и стоны раненых. Я быстро отполз и спрыгнул в воронку. После обстрела сосчитали потери. В моем взводе оказалось трое убитых и двое раненых. Раненых отправили обратно в тыл, сами же пошли вперед. В это время немцы пошли в наступление и открыли беспрерывный автоматный огонь. Убило хорошего пулеметчика, моего друга, еще многих бойцов. Мы оказались в кольце, немцы пошли дальше. Началась бомбейка. Вражеские самолеты вылетали один за одним и бомбили целый день.

Мимо меня прошли два танка Т-34. Впереди было шоссе, где засели немцы. Они подбили наши танки. Вокруг лежало много

* Записано составителем.

убитых. Убирать их было некому. Смотришь — голова разбита, а в ней белые черви шевелятся...

У нас была одна 45-миллиметровая пушка. Мы стреляли из нее по немцам, но те не отступали. Командование по радио запросило, как наши дела, и просило предоставить фамилии отличившихся к награждению.

Утром 9 сентября мы пошли на прорыв. Вскоре увидели немцев, которые были совсем рядом. Троє из них сидели у миномета, мы их тут же застрелили.

Выходя со взводом из долины, я поднялся на пригорок и был прошиб автоматной очередью. Меня ранило в левую ногу и руку. В горячах я пробежал несколько метров и упал. Страшно захотелось пить, но воды не было. Местность оказалась болотистая, я брал в рот мох и сосал его. Индивидуальным пакетом я кое-как перевязал себе руку, а ногу было уже нечем. Вскоре ко мне подошли два бойца и понесли. А навстречу немцы уже вели наших пленных. Вывели всех на шоссе, погрузили в машину и повезли в Синявино. Здесь меня перевязали, загипсовали раненую руку, дали поесть. Но есть я не мог — тошило. Подошел мой боец, спросил, как я себя чувствую, сказал: — Терпи!

Потом меня в числе других раненых повезли в Гатчину и поместили в лазарет.

Лазарет располагался в одноэтажном бараке с двухъярусными нарами. Люди лежали, плотно прижавшись друг к другу и только стонали. Врачи и сестры были русские, из пленных. Кормили очень плохо. И, что страшнее всего, расплодились вши. Люди прямо сгребали их с себя горстями. У меня завелись вши под гипсом, зуд был нестерпимый. Каждый день кто-нибудь умирал.

В ноябре нас погрузили в товарные вагоны и повезли в Каунас. В дороге все думали не об еде, а о том, чтобы хоть раз покурить, и предлагали за курево все, что у них было; своим же солдатам. Нас не кормили и, когда стали выгружать, больше половины оказались мертвые.

В Каунасе нас доставили в литовский лазарет, где мы прошли санобработку, сдали одежду — ее, по-видимому, сжигали. Под горячим душем многие не выдерживали и умирали. Здесь мне сняли гипс, и я почувствовал большое облегчение. Но кость срасталась неправильно, ее снова поломали и наложили новый гипс. Нас положили в чистые палаты. Сестры были литовки, а врачи —

русские военнопленные. Среди них был замечательный хирург — «золотые руки» — Михаил Михайлович Эсманд. После произведенных им операций совсем не было смертности. Запомнился и окулист, здоровенный дядя, грек по национальности, умело удалявший из глаз осколки. Питание было лучше, чем в Гатчине, но очень хотелось курить, и я прокуривал четвертушку своей пайки.

Из 2-й ударной со мной вместе были: Паисов из Тюмени, Иван Горин из Арзамаса, еще несколько человек.

Вскоре из лазарета нас перевели в бывшие казармы военного городка. Они были огорожены двумя рядами колючей проволоки. Меня послали убирать санузлы и стерилизовать в бочке перевязочный материал. Я был настолько слаб, что замерзал от каждого дуновения ветра, тело было — одна кожа и кости.

Кормили паршиво, и главной нашей заботой было раздобыть еду. Охраняли нас солдаты РОА. Мы наладили с ними своеобразный товарообмен. Бросали им из туалета выстиранное белье, а они на следующий день приносили нам еду — хлеб, сало. Еще мы мастерили деревянные игрушки, которые с охотой раскупали литовки, расплачиваясь натурой.

Ходили мы в форме убитых немецких солдат. На спинах маслянной краской были выведены буквы «Ost SU» (восточный, из Советского Союза), а у евреев желтые шестиконечные звезды. Последние содержались отдельно.

Каждое утро пленных водили на работу — разгружать стекло и шлаковату. По пути кое-кто пытался бежать, но успешные побеги случались редко.

Я топил в бане, куда приводили мыться военнопленных, работавших на мясокомбинате. Они приносили нам табак, и все попались. Нас отправили в международный лагерь Хohenштейн — недалеко от Кенигсберга. Здесь содержались пленные всех национальностей. Много было итальянцев — маленького роста, с рюкзаками.

Положение русских было наихудшим. Все, кроме нас, получали посылки от Красного Креста. Мы имели только баланду, 200 г хлеба с опилками и кусочком маргарина в 20 г, да выпращивали окурки у добродушных охранников-чехов. Жители относились к нам плохо: плевались и называли «бандитен russиш».

Отсюда нас перевели в Нинбург под Ганновером (49 км от Бремена), где мы копали траншеи и прокладывали глиняные трубы

для осушения полей. Американские самолеты сильно бомбили. Бремен и Данциг были фактически сметены с лица земли.

В марте 1945 г. нас освободили англичане. Приехал наш представитель, зачитал обращение г.-л. Голикова, в котором говорилось, чтобы мы без страха возвращались домой: якобы никакого наказания за плен не будет.

Из Нанбурга нас отправили в фильтрационный лагерь № 212 г. Бютцена. Начались допросы. Спрашивали одно и то же: как и почему оказался в плену. Потом предложили служить в контрразведке «Смерш». Пришлось согласиться — иначе не отстанут. Был ординарцем у начальника взвода, носил документы в прокуратуру штаба. После Победы написал родным, что жив-здоров. Они очень обрадовались: оказывается, в 42-м получили на меня «похоронку».

Но в 1947-м со мной случилась неприятность. Я дружил с поваром Марией, на которую заглядывался один следователь-капитан. Он написал донос о моей неблагонадежности. Меня отправили в Магадан на поселение. А в 48-м вызвали и объявили, что мое дело разбирала «Тройка» и осудила на 25 лет и 3 г. поражения в правах за плен.

Работал в шахтах. Зимой тачки таскал, летом промывал золото. Освободился по амнистии в 53-м году после смерти Сталина.

*В. И. ГОЛОВАНЬ (МАЛОВА),
лейтенант м/с в отставке,
бывш. командир эвакоотделения 15-го мсб 191-й ксд*

*15-й медсанбат в Синявинской операции**

Родилась я в 1921 году на Новгородчине. После семилетки поступила в Старо-Русскую фельдшерско-акушерскую школу, по окончании которой работала в детском учреждении г. Сестрорецка.

Как только объявили войну, меня сразу мобилизовали. «Взять с собой подворотнички, зубную щетку и явиться на призывной пункт», — говорилось в повестке. Так началась моя служба в

* Записано составителем.

15-м медсанбате 191-й дивизии, с которым я прошла все четыре года войны.

Самыми тяжелыми из них были 1941-й и 1942-й. Кингисепп, Лужский рубеж, Тихвин, Мясной Бор, Синявино... За освобождение Тихвина 9 декабря 1941 года дивизия получила боевой орден Красного Знамени.

В Любанской операции дивизия воевала в составе 2-й ударной армии и вместе с другими ее частями попала в окружение. Это были очень трудные дни. Мы не получали ни продуктов, ни медикаментов, не имели возможности эвакуировать раненых и далеко не все смогли выйти на Большую землю.

После пополнения и переформирования 191-ю сд направили в район южнее Ладожского озера, где готовилось новое наступление с целью прорыва блокады Ленинграда. Эшелонами нас привезли в Жихарево. Здесь мы попали под бомбёжку. Появились первые жертвы. Тяжело контузило медсестру Олю Жаврину, она умерла в тот же день.

В ночь на 31 августа нас передвинули к станции Поляны, от которой остались одни руины. Медсанбат размещался юго-восточнее станции. Рыли щели, строили землянки, развертывали палатки. Лес вокруг был чахлый и редкий, мы едва могли замаскировать ветками госпитальные палатки.

Под Синявином уже вовсю шли бои. Раненые из первого эшелона, увидев указатель с красным крестом, шли к нам, надеясь на помощь. Мы принимали всех независимо от принадлежности к той или иной части. Шли дожди. Раненые поступали мокрые, в расплывшихся ботинках и обмотках, грязные и голодные. Их надо было обсушить, обогреть, оказать медицинскую помощь и подготовить к эвакуации.

2 сентября дивизию посетил командующий Второй ударной г.-л. Н. К. Клыков. Было оглашено обращение Военного совета и политуправления Волховского фронта с разъяснением целей и задач, стоящих перед дивизией. Во всех подразделениях проводились митинги и собрания, концерты самодеятельности дивизионного клуба, демонстрировались кинофильмы «Щорс» и «Пархоменко», призывающие бойцов сражаться так же самоотверженно, как герои гражданской войны.

К тому времени я была избрана комсоргом медсанбата, а операционная сестра Евдокия Михайловна Синенко — парторгом. Мы также провели у себя в батальоне партийные и комсомольс-

кие собрания. Всего дивизия насчитывала 1160 агитаторов*. Патриотизм личного состава был очень высок. Бойцы и командиры были полны решимости одолеть ненавистного врага, хотели идти в бой коммунистами и комсомольцами, и один за другим подавали заявления о приеме в партию и комсомол.

На 5 сентября было намечено введение в бой войск 2-го эшелона. Комдив Н. И. Артеменко выехал на рекогносировка и был, к несчастью, убит осколком снаряда. Во главе 191-й сд встал полковник Д. М. Баринов, командовавший до того 19-й гвардейской дивизией.

С 6 по 29 сентября наши полки находились на переднем крае. Раненые поступали беспрерывным потоком. Медики дни и ночи обрабатывали и оперировали раненых. Лежачие скапливались в палатах эвакоотделения. Сестрам некогда было и присесть: одному надо сделать укол, другому подать судно, третьего подбинтовать, всех накормить.

С питанием и здесь было неважно. Сушеная картошка, сухой лук, пшеница или горох. Пшенная каша («блондинка») — это еще хорошо, а как завезут один горох — сплошные расстройства. Повар Александр Карлович Перман из д. Ложголово Сланцевского района всю войну варил нам кашу, снабжал медсанбат кипятком, вместе со всеми пилил дрова.

К обстрелам мы притерпелись и как-то перестали их бояться. Если разрывы раздаются совсем близко — спрячешься за дерево и веришь, что в тебя не попадут.

Главной задачей медсанбата было как можно скорее прооперировать раненых, вывести их из тяжелого состояния и отправить в тыл. Придут машины из штарма — все, независимо от должностей и званий, медики и тыловики, музвзвод и химзащита, — занимаются погрузкой. Пока не налетели фашистские самолеты-стервятники, надо успеть переправить раненых к железной дороге, откуда их повезут эшелоном в глубокий тыл.

Однажды я сопровождала 13 машин. Головную вел опытный водитель Паша Соловьев. Налетели бомбардировщики. Всех, кто мог держаться на ногах, стали спешно выводить из машин. Занятая разгрузкой, я не заметила, как бомбардировщики, освободившись от груза, снизились и, пикируя на колонну, открыли стрельбу из пулеметов.

* Из рукописи С. М. Голубятникова «191-я дивизия в Синявинской операции».

— Вера, ложись! — крикнул мне Паша, но было уже поздно: пуля попала мне под правую лопатку. Все же я сдала раненых и лечилась потом на ходу, в медсанбате.

На счастье, в Синявинской операции наш батальон не был окружён, как под Мясным Бором. Я даже успела получить посылку из Сестрорецка: моя бывшая квартирная хозяйка прислала мне берет, юбку и табак-самосеянец.

А стрелковые полки дивизии попали в окружение и выходили из кольца с боями и потерями. Был тяжело ранен командир 546-го полка П. В. Богатырев, многие остались навсегда под Синявином и Гайтоловом, в топких болотах Черной речки... Операция закончилась неудачно: встречи частей Волховского фронта и Ленинградского не произошло.

Дивизия вновь была отправлена на переформирование, после чего в январе 43-го года приняла участие в операции «Искра», завершившейся прорывом блокады Ленинграда.

*В. Ф. ЛОБАШЕВ,
 рядовой в отставке, бывш. боец 137 осбр*

Как мы наступали...*

В 1940 г. я закончил десятилетку и поступил в Новосибирский институт военных инженеров. Начало войны застало в лагерях на ст. Юрга, откуда нас направили на ремонт магистральных железнодорожных путей, но вскоре распределили по военным училищам. Я попал в г. Stalinск (ныне Новокузнецк), в пехотное училище, эвакуированное из Вильно. Не закончив и сокращенного курса, в августе 1942 г. мы сержантами отправились на фронт.

В Москве нас дообмундировали: выдали ботинки с обмотками и тонкие шинели английского сукна. Погрузились в эшелоны и под обстрелами и бомбежками доехали до Тихвина. Личного оружия нет. Выдали несколько ручных пулеметов. Голодно. Добирались до передовой в потоке войск по гатевому настилу, прозванному «кровавой жилой». Бомбили нас постоянно и безнаказанно. Прикрытия никакого. «Разбегайся!» — и только.

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

Ночью, по огонькам курящих, нас обстреливали немецкие снайперы-«кукушки». Утром — в бой, сопровождать наступающие танки. Подъехала бричка с собранным на поле боя оружием. Мне досталась винтовка с парой обойм и одна граната РГД без запала: запалы обещали выдать в бою. Никого, кроме своей роты, мы не знали. Напутствовал нас какой-то командир с одной шпалой в петлицах. Он сказал:

— Прорыв блокады затянулся. Ленинград в беде. Нам предстоит продолжить прорыв.

Дали нам по небольшой кружечке отварной лапши и немного водки. И мы пошли за танками. Помню, я шел рядом с замполитом роты, кузбасским шахтером Звягинцевым.

Немцы встретили нас массированным огнем, но страха не было — помогала водка. Мне в ногу впилась целая пачка мелких, как иглы, осколков. Я сбросил обмотку и, задрав штанину, по-вытаскивал осколки. Обмотку снова замотать не смог и побежал догонять своих.

Первую линию немецких траншей мы смяли, но много наших полегло, и раненых хватало. Стонут, просят помощи, в том числе и товарищи по институту и училищу. Сердце замирает от их стонов, а помочь нечем.

Наш удар был слаб и увяз в немецкой обороне. Враги обходили нас, уже слышалось их «гавканье». Мы стали стягиваться к небольшой высотке — говорили, что там медпункт и место сбора для организации обороны. Я был цел и сумел переправить к пункту сбора троих раненых товарищей. Одного громадного замполитрука, всего израненного, тащили за руки по болоту на животе.

На сборном пункте оказалась пара уцелевших танков, на которые мы погрузили раненых. Был дан приказ прорываться обратно.

Оружие я успел сменить: выданную мне винтовку после двух выстрелов пришлось бросить (заклинило затвор так, что и ногой не смог открыть). Граната все еще была без запала, никто нам запалов так и не выдал, позже я раздобыл их сам. Попрощались с ранеными, стараясь их подбодрить. Хотя все понимали, что мало кто из них останется в живых при прорыве: они же как мишени на танковой броне, да и как удержаться, когда танки понесутся по кочкам и завалам?

Нас, невредимых, осталось очень немного. Пошли. Передних немцев смяли, потом танки оторвались от нас, а пехоту немцы

отсекли пулеметным огнем. Мы метнулись назад. И... оказались в кольце. Тут меня ранило под правую лопатку. На мне был толстый ватник, так его пропороло с одного плеча до другого. Когда мы вышли из-под огня, я встретил своего сокурсника по институту. Он перевязал меня, как смог, обрывками моего белья.

Давал знать себя голод, не было табаку, а досаднее всего было то, что не действовала правая рука.

У нас была пара легких танков и одно орудие. Пока имелись боеприпасы, мы отстреливались, потом стрелять стало нечем. Потянулись томительные дни в кольце. Гибли раненые. Мучил голод. Ели все, что попадалось: траву, кору деревьев, сыромятные шнурки от ботинок, рябину.

Те, что покрепче, решили прорываться. Раненые, в основном, были тяжелые. Только я, да мой товарищ по институту были на ногах. Я мог управляться с автоматом, лишь подсунув приклад под правую руку. Нашелся компас. Мы чувствовали, что находимся достаточно глубоко в немецком тылу, и решили двигаться только ночами. Много было тщетных попыток, когда нарывались на немцев, но все же уходили. Мешала слабость, опухали ноги. Нас не раз замечали и обстреливали. Меня контузило, удар пришелся по каске, по глазу. Очнулся — болит голова, ничего не вижу. Осколок ударил по каске, что-то твердое — по глазу. Левый глаз отошел, а правый затек и сильно болел в глубине.

И вот однажды днем, когда мы прятались под сгоревшим танком на болоте, нас окружили немцы. Я увидел их ноги в сапогах и услышал «гавканье». Как и других, меня за ноги вытянули из-под танка. Крики, пинки, удары... Сейчас не передать всего, что мы тогда чувствовали. У меня была и своя тревога: в кармане гимнастерки лежал комсомольский билет, да еще в корочках с отцовского партбилета с золотыми тиснеными буквами «ВКП(б)».

Немцы повели нас к себе и стали по одному заводить в блиндаж на первый допрос. И вот, пока я ждал своей очереди, устроившись в канаве, мне удалось незаметно извлечь свой билет из кармана и, разорвав, затолкать обрывки глубоко в болотную жижу. На душе стало спокойней.

Наконец, спустили и меня в блиндаж. Там сидели артиллеристы. Среди них были наши, перебежавшие к немцам. Эти «наши» хвастались: «Вот, теперь своим поддаем!» Ничего они от меня не

узнали, да, по правде сказать, я ничего и не знал. Сказал только, что прибыл недавно с пополнением.

Потом нас перепоручили унтер-офицеру. Он оказался русским, бывшим белогвардейцем, бежавшим перед войной из архангельской тюрьмы. Злой, угрожал нам наганом, пенял, что мы достались им такими дохлыми, а не перешли к ним раньше. Показал нам на группу перебежчиков, молоденьких красноармейцев с мл. лейтенантом во главе. Они сидели возле кухни и ели из немецких котелков. Помню, как этот лейтенант вскакивал при приближении немцев и вытягивался, щелкая каблуками.

Нас отвели на капустное поле и разрешили поживиться неубранной капустой. Вечером затолкали в неглубокие блиндажики и лазы в них завалили. Прошла мучительная ночь. Из-за раны болела脊椎, а сесть было нельзя: блиндажик оказался очень мелким.

Поутру собрали всех раненых и повели мимо сожженного села, от которого осталась одна вывеска по-русски: «Вороново». Кто не смог идти — пристрелили. Привели во Мгу, в лазарет для пленных. Фельдшер (тоже из военнопленных) посадил меня на стул и, прижав за плечи, вытащил осколок. Из раны хлынул гной. Меня перевязали бумажными бинтами и отправили на нары. Я рухнул в забытье, прерывавшееся какими-то кошмарами. Постепенно мне становилось лучше, и через какое-то время меня с другими пленными переправили в гатчинский лагерь, располагавшийся в старинных казармах.

Начались наши черные дни. Злобствующие полицейские, побои, издевательства, чего там только не было... Тяжело вспоминать. Мотание по разным лагерям, в конце концов я оказался в Западной Германии, в районе Дортмунда—Кельна. 9 апреля 45-го года нас освободили американцы. Подкормили, кое-как подлечили и передали в советскую оккупационную зону. Проверка через «Смерш», кое-кого отсортировали.

После проверки я был направлен в 228-й гвардейский гаубичный артполк 10-й бригады топографом-вычислителем, стояли в Нойбранденбурге, Нойруттине. В 1946-м вышел указ Президиума Верховного Совета о демобилизации бывших студентов, не закончивших до войны вузы. В июле меня демобилизовали, и я вернулся в свой Новосибирский институт, который закончил в 1952 г. Моя военная судьба сложилась неудачно, многое из-за плены пришлось вытерпеть и на гражданке, но все же жил, рабо-

тал, вырастил двух сыновей и дожил до 40-летия Победы, которая тогда, в 42-м, казалась невероятно далекой.

22 июля 1985 г.,
г. Алма-Ата

П. А. ЧИПЫШЕВ,
бывш. зам. командира полка
по строевой части 939 сп 259 сд

«И пала грозная в боях, не обнажив меча, дружина...»*

После катастрофы в Мясном Бору от 176-го полка 46-й дивизии остался взвод. Его влили в 939-й полк 259-й сд. 19 августа нас погрузили в Бугодощи в эшелон и отправили в Жихарево, где два дня ожидали пополнения. Прибыли курсанты Уфимского пехотного училища, которым оставалось до выпуска 10 дней. Они пошли в бой рядовыми и почти все погибли.

Ядром полка стали бойцы и командиры, прошедшие Мясной Бор. Они отличались стойкостью и самообладанием. В самые тяжелые минуты боя никто не видел на их лицах страха и растерянности. Командиром полка был майор Яков Кореньков, комиссаром — Титов. Командовал дивизией г.-м. Гаврилов.

Мы наступали во II эшелоне 3—4 сентября от Черной речки вдоль высоковольтной линии на Келколово. Артиллерийской поддержки не было. Снаряды, присланные к дивизионным пушкам, к нашим 76-миллиметровым не подходили. Гранат также не было. Наступали с одними автоматами. Автоматов, конечно, стало больше. Если в 41-м году в полку было 38 автоматчиков, то в сентябре 42-го уже 748. Но доставка боеприпасов запаздывала: тылы находились в 13 км от передовой. Пулеметы немецких дотов и дзотов оставались неподавленными, подразделения несли большие потери. Под Келколовом погибло 600 человек, многих ранило. Оставшиеся в живых были окружены и попали в плен.

Мы ворвались на окраину Синявина, но подкрепления не было, немцы пустили танки, пришлось отступить. Ни днем, ни ночью

* Записано составителем.

не стихала стрельба пулеметов, пушек и минометов врага. 18 сентября командир 1-го батальона лейтенант Демидюк пытался закрыть собой амбразуру немецкого пулемета, но был сражен в метре от дзота. Комдив Гаврилов был тяжело ранен, комиссар полка Титов убит 20 сентября, а комполка Кореньков — 29-го. Начальник штаба ст. лейтенант Образцов пропал без вести, а сменивший его ст. лейтенант Коланёв убит. Комиссар дивизии Вакула возглавил выход из окружения, железной рукой руководил боем 30 сентября и вывел остатки дивизии из «мешка».

Я вышел из-под Синявина живым, но седьмым в свои 26 лет. На всю жизнь эти бои запомнились неумолчным грохотом обстрелов и немыслимыми потерями: за 25 дней дивизия потеряла 7529 чел. из 8623.

*Н. П. ШЕРСТНЕВ,
капитан 1-го ранга в отставке,
бывш. командир батареи 120-миллиметровых минометов
73-й отдельной морской стрелковой бригады*

*Сентябрьские бои на речке Черной в 1942 году**

В сводке Совинформбюро за 28 сентября 1942 года говорилось:

«В районе Синявино наши войска вели бой с противником, вклинившимся в нашу оборону. Атакой бойцов части, где командиром тов. Бураковский, немцы выбиты с одной, имеющей важное значение, высоты».

Несколько строчек... А что за ними? Вряд ли кто, кроме немногих, оставшихся в живых участников этого события, знает о двух неделях изнурительных боев за высоту, игравшую в общем плане сражения за прорыв блокады Ленинграда далеко не первостепенную роль. А между тем готовность драться до конца и если уж умереть, то за самую высокую цену, — вот то главное, что было характерным для бойцов, упомянутых в сообщении Совинформбюро. И это был их весомый вклад в победу над ненавистным врагом.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Речь идет о моряках 73-й отдельной морской стрелковой бригады, которая в сентябре 1942 года непосредственно включилась в борьбу за деблокаду Ленинграда. Я был командиром батареи в этой бригаде.

Незадолго до этого войска Волховского фронта начали операцию в районе Синявино и прорвали оборону противника на участке шириной около пяти километров. Гитлеровское командование сосредоточило на флангах прорыва по две свежие дивизии. Наступление наших войск было остановлено. Кроме того, противник начал наносить сильные фланговые удары, стремясь отрезать наступавших от основных сил.

Оценив создавшуюся обстановку, а главное, учитывая значительное превосходство сил врага, советское командование приняло решение отвести войска из района прорыва в исходное положение и прочно закрепиться на прежних рубежах. Для обеспечения отхода и завершения операции была срочно переброшена на синявинский участок фронта 73-я бригада, державшая до этого оборону на берегу многоводной Свири, в районе разрушенного и сожженного Лодейного Поля.

Через Волховстрой и далее на запад мы шли форсированным маршем, делая днем непродолжительные остановки. По мере приближения к цели все чаще стали появляться вражеские самолеты-разведчики, за ними пролетали истребители и бомбардировщики. Они обстреливали наши колонны, сбрасывали бомбы. Все говорило о том, что мы приближаемся к «горячему» участку фронта.

Всю ночь с 25 на 26 сентября мы быстро шли по хорошо указанной дороге. Справа и слева от нас гремел бой. А дорога все дальше вела нас к острию клина, где бой шел с особенной силой. Это немецкие войска пытались взять в клещи нашу группировку.

Перед бригадой была поставлена задача «втиснуться» между огненными челюстями клещей и не дать им сомкнуться. Для этого требовалось во взаимодействии с остатками уже сражавшейся здесь дивизии и при поддержке одной танковой роты захватить три небольшие безымянные высоты между поселками Гайтолово и Тортолово.

В ночь на 27 сентября батальоны моряков по гатям и еле заметным тропкам преодолели болото шириной около двух километров и сосредоточились перед высотами. Утром они атаковали

противника, выбили его из первой траншеи; после чего бойцы второго батальона овладели средней высотой и прочно закрепились на ней. А через несколько часов бойцы роты под командованием старшего лейтенанта А. И. Куца и старшего политрука А. И. Сеннова скрытно подобрались ко второй высоте и внезапной атакой около полуночи овладели ею. Было захвачено 6 пулеметов, 2 миномета, радиостанция, автоматы, пленные. В схватке было уничтожено свыше 50 гитлеровских захватчиков.

Удерживая впоследствии в течение двух недель эти две небольшие высотки, господствующие над заболоченной местностью, бригада дала возможность выйти из «мешка» войскам фронта, продвинувшимся в ходе операции к Синявино на 10–12 километров. Две недели бой не прекращался ни днем, ни ночью. Были бесчисленные атаки пехоты, танков, наши порядки беспрерывно бомбила авиация, отдельные позиции по несколько раз переходили из рук в руки, но моряки намертво вцепились в склоны высоток среди болота и не отступили ни на шаг.

Бывший тогда командиром бригады Иван Николаевич Бураковский отмечает, что достойна восхищения невиданная стойкость морских пехотинцев. Небольшая в общем-то по численности бригада смогла продержаться целых две недели, тогда как в условиях аналогичных напряженных боев случалось, что в течение двух-трех суток таяли дивизии.

Очевидно, наступила зрелость бригады как боевого соединения. К высокому боевому духу, присущему морякам, прибавилось настоящее воинское мастерство. Уверенно и грамотно действовали командиры батальонов: капитан-лейтенант Н. Скляров, майоры В. Бирюков и Г. Аниськов. Еще в ходе боев стало известно о том, что рота старшего лейтенанта А. Лопатина своими инициативными действиями способствовала проходу через линию фронта большой группы наших войск. Разведчики старших лейтенантов Д. Юрикова и Ф. Маслова умело выискивали проходы через болото и выводили подразделения в назначенные направлениях. В отражении танковых атак отличились бойцы противотанковых батарей — подчиненные офицеров И. Макурова, Н. Понятовского, В. Соколова. Командир роты противотанковых ружей С. Саркисян с группой бойцов-бронебойщиков прикрывал дорогу. Воины геройски погибли, но не простили вражеские танки, рвавшиеся в тыл наших подразделений. Из всей второй роты третьего батальона остались в живых только

командир роты Б. Романов и снайпер П. Храмцов. Они стойко удерживали свой рубеж до прихода подкрепления, отбив вдвоем несколько атак противника. Выполнив достойно свой долг, погибли командиры рот Ковалев, Моисеенко, Смолин, Шевченко, Шевцов, командиры батарей Воронцов, Павлов и многие другие.

Конечно, теперь невозможно полностью восстановить всю картину этого коллективного подвига. Кстати, массовому героизму, который был характерен для бойцов бригады, во многом способствовали известия о мужестве, стойкости и беззаветной отваге советских воинов, сражавшихся на берегах Волги, остановивших гитлеровские полчища у стен Сталинграда.

9 октября обороняемый бригадой участок был сдан 327-й стрелковой дивизии. На нем остались только артиллерийские дивизионы майоров Д. А. Морозова и Салтыкова, а также минометный дивизион майора А. Г. Панфилова, которые еще пять суток помогали подразделениям дивизии отражать атаки врага.

*Д. А. МОРОЗОВ,
полковник в отставке, бывш. командир
истребительно-противотанкового дивизиона 73 омсбр*

Они сделали все, что смогли*

В конце августа войска Волховского фронта прорвали оборону противника, продвинулись вперед на десять-двенадцать километров и завязали бои под Синявином и Мгой. Но вскоре наступление пошло на убыль. Противник подтягивал резервы, сильными контратаками стремился восстановить прежнее положение. Советские войска с трудом отражали эти попытки.

И вот очередь вступить в бой дошла и до нашей 73-й бригады. 17 сентября она была выведена из состава 7-й отдельной армии. Сoverшив 80-километровый марш, мы погрузились в эшелоны на станции Оять. На станции Мурманские Ворота выгрузились и походным порядком двинулись на запад. 26 сентября части бригады сосредоточились восточнее Тортолово (в двенадцати километрах от Мги).

* Доклад на военно-исторической конференции 1.10.1982 г. в пос. Мга.

Командир бригады полковник Бураковский вызвал к себе всех командиров частей и объявил задачу. Мы узнали, что войска 2-й ударной и 8-й армий Волховского фронта попали в тяжелое положение. Накануне нашего прибытия противник нанес сильные фланговые удары у основания прорыва, захватил Тортолово и безымянные высоты севернее этого населенного пункта. Тем самым немцы отрезали часть наших войск от основных сил.

Бригада во взаимодействии с остатками 265-й дивизии при поддержке одной танковой роты 16-й танковой бригады должна была овладеть безымянными высотами и разомкнуть кольцо окружения. Фронт наступления — один километр. Справа — части 80-й дивизии, слева оборонялись части 11-й дивизии.

Провести как следует рекогносцировку нам не удалось. Где расположены огневые средства противника, где точно проходит передний край обороны — понять было трудно. Мы знали только, что перед нами действуют части 132-й немецкой пехотной дивизии. Это было установлено по показаниям пленного, которого успел добыть Н. В. Чекавинский. 3-й батальон только прибыл в район сосредоточения, а этот смельчак уже «бродил» по тылам противника.

Впоследствии, когда возникла необходимость срочно захватить «языка», полковник Бураковский вызывал к себе Чекавинского и сам ставил ему задачу. И каждый раз задание выполнялось в срок. Этот тридцатишестилетний моряк был гордостью нашей бригады.

Обстановка осложнялась с каждым часом. Подразделения обескровленной 265-й дивизии, оборонявшиеся на высотах, отошли на восточный скат и удерживали только узкую кромку суши возле труднопроходимого болота. Нужно было действовать решительно и быстро.

В ночь на 27 сентября бригада преодолела широкое, около двух километров, болото и сосредоточилась на узкой полоске земли перед безымянными высотами. Двигаться по болоту днем было невозможно: каждый появившийся на нем попадал под огонь противника из Тортолова и с гребня высоты.

С вечера и до утра бойцы нашего дивизиона, оставив средства тяги на восточном берегу болота, перекатывали на руках орудия по дырявой, зыбучей гати, подносили ящики с боеприпасами. Шел дождь, видимость была плохой, но противник все же заме-

тил подход бригады. Снаряды и мины рвались в трясине, выбрасывая фонтаны торфяной жижи.

Перебравшись на западный берег, мы вышли из зоны обстрела. Осветительные ракеты с шипением проносились над нами и гасли в воде. В наши окопы изредка залетали вражеские ручные гранаты с длинными рукоятками: немцы находились совсем рядом.

Утром, после короткой артиллерийской подготовки, 1-й и 3-й батальоны бригады атаковали противника на безымянных высотах. Моряки стремительным броском, несмотря на ливень пуль, ворвались в первую траншею. Там завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Эту траншею наша артиллерия не подавляла огнем с закрытых позиций, боясь поразить свою пехоту. По ней стреляли только наши минометы и противотанковые пушки. Траншея оказалась переполненной немецкими солдатами. Поэтому схватка тут была особенно упорной и кровопролитной. Моряки отвоевывали один участок за другим, пуская в ход не только автоматы и ручные гранаты, но также штыки и финики.

Первое время трудно было понять, в каких окопах свои, в каких — немцы. Из-за этой неразберихи артиллерия не смогла оказать существенной поддержки пехоте, сражавшейся в лабиринте неглубоких траншей, и только окаймляла ее огнем.

Танковая рота, выделенная для поддержки бригады, обойдя болото, поднялась на голые высоты и почти в упор расстреливала врага, засевшего в укрытиях. Танки ползали по перекопанной земле, не имея возможности сделать решительного броска вперед. За высотами простиралась заболоченная долина речки Черной. Такое топтание на месте им обошлось дорого. Через полчаса все танки были подбиты огнем немецких орудий, стрелявших прямой наводкой с флангов, со стороны Тортолова и Гайтолова.

Многие наши бойцы шли в атаку в флотской форме. Для немцев появление этих смельчаков в черном было полной неожиданностью. Фашисты боялись моряков, и это тоже сыграло свою роль.

Кстати, было просто удивительно, как наши бойцы сумели сохранить свое прежнее обмундирование. Его приказано было сдать. На марше сам полковник Бураковский проверял с помощником повозки, машины, вещевые мешки и отбирал матросское

обмундирование. Считалось, что темный цвет сильно демаскирует. Но моряки умудрялись как-то спрятать старую одежду. Прятали под гимнастерками, в снарядных ящиках, а минометчики даже додумывались засовывать ее в стволы минометов. В самые трудные минуты бойцы надевали по флотской традиции тельняшки и фланелевые рубахи.

Большую поддержку нашей пехоте оказали батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Они неотступно следовали за наступающими, ведя огонь по засевшим в окопах гитлеровцам, выкуривали их из блиндажей и дзотов. Артиллеристы перекатывали свои 45-миллиметровые пушечки на руках, легко поднимали их по скатам высот, перетаскивали через траншеи.

В результате четырехчасового боя безымянные высоты были очищены от противника. Остатки вражеских подразделений отошли к Тортолову, где и закрепились.

Вражеское кольцо было разорвано. Однако окруженные войска находились на речке Черной, их попытки соединиться с бригадой днем успеха не имели. Противник простреливал образовавшийся «коридор» из всех видов оружия. Мы ждали наступления темноты.

Каким образом части 2-й ударной и 8-й армий оказались в окружении, как развивались здесь боевые действия до прихода бригады — обо всем этом мы тогда имели смутное представление. Впоследствии, работая в штабе артиллерии Волховского фронта, я детально изучил Мгинско-Синявинскую операцию по документам и рассказам очевидцев. Много интересного сообщили мне капитаны П. Я. Егоров и И. П. Снежков, офицеры оперативного отдела штаба фронта. Меня поразило очень большое по тем временам количество артиллерии, привлеченной к прорыву вражеской обороны. Тысяча триста орудия и минометов участвовало в артиллерийской подготовке, кроме того, действовало три полка и двадцать отдельных дивизионов реактивных минометов, которые мы тогда называли «катюшами».

К исходу третьего дня операции, 29 августа, войска 8-й армии, прорвав вражескую оборону, вели бои в районе Синявина, подо Мгой. Но противник подтянул мощные резервы, и дальнейшее наступление наших войск было приостановлено. Как потом выяснилось, фашисты имели на этом направлении значительные силы для удара по правому крылу Волховского фронта: немцы намеревались расширить внешнее кольцо вокруг Ленинг-

рада, хотели повторить прошлогоднее наступление на Тихвин. Наша 8-я армия упредила этот вражеский удар.

Наступательная операция наших войск не достигла конечной цели, но в ходе ее была разгромлена ударная группировка противника, перемолоты его резервы. С нашей стороны потери тоже были велики, но они оправдывались результатами операции, вырвавшей инициативу у врага и разрушившей его коварные планы.

Вечером начался выход окруженных. А наши батальоны зорко следили за тем, чтобы противник не ударил с флангов.

Перед бригадой, захватившей безымянные высоты, стояла новая задача — удержать их любой ценой, дать возможность частям вырваться из вражеского кольца.

В сообщении Совинформбюро за 28 сентября 1942 года говорилось: «В районе Синявино наши войска вели бои с противником, вклинившимся в нашу оборону. Атакой бойцов части, где командиром был Бураковский, немцы выбиты с одной, имеющей важное значение, высоты».

Их было три. Три безвестные высотки, затерявшиеся на необъятной русской земле. Они приняли на себя взрывы тысяч снарядов, мин и бомб, впитали много пролитой крови. На них, как и на севастопольских редутах, на полях Подмосковья и у берегов Волги решалось в то тяжкое время будущее нашей страны.

Одна высота, вытянувшаяся длинным плоским овалом вдоль фронта с севера на юг, начиналась от окраины Тортолова, а, вернее, с того места, где находился раньше этот населенный пункт, стертый с поверхности земли. Овальну высоту удерживал 3-й батальон с 3-й батареей нашего дивизиона. Вторая, меньшая из трех, высотка, обороняемая 2-м батальоном со 2-й батареей, маленьким бугорком прижалась к правому флангу бригады. Третья выдавалась на полкилометра западнее и находилась в центре нашей оборонительной полосы. На ней располагался 1-й батальон.

Впереди — широкая долина речки Черной, за ней — лес. В тылу было труднопроходимое болото. Длина его достигала трех километров, ширина — двух километров.

В треугольнике, образованном высотами, на одном квадратном километре земли мы и приняли всю тяжесть вражеских ударов.

28 сентября противник после огневого налета контратаковал правофланговый 2-й батальон. Но контратака была отбита с большими для врага потерями. После этого он в течение дня не предпринимал активных действий.

На другой день фашистская авиация бомбила наши позиции. Вслед за этим врагу удалось захватить часть высоты, которую оборонял 1-й батальон. Ночью 3-я рота этого батальона выбила гитлеровцев и восстановила положение. Отважно и мужественно действовали моряки. Командир роты старший лейтенант А. И. Куз и старший политрук А. Н. Сеннов шли впереди, увлекая за собой бойцов.

Командно-наблюдательный пункт нашего дивизиона сначала находился на небольшом островке среди болотных трясин, в двухстах пятидесяти-трехстах метрах от подножия высот. В него хорошо просматривались фланги. Однако противник вскоре обнаружил НП и обрушил на него огонь нескольких батарей. Минут десять островок вздрагивал от разрывов, как поплавок на воде. После огневого налета я и комиссар с трудом вылезли из обвалившейся землянки. Все кругом было изрыто воронками, которые сразу же наполнялись коричневой жижей; рощица выглядела так, будто прошла буря. Пахло горелым тротилом, с болот тянуло затхлой гнилью взбудораженной трясины.

Ночью мы перебрались через болото на безымянные высоты. Новый наблюдательный пункт разместился на северном скате левофланговой высоты, за 1-й батареей. Командир отделения разведки Юрченко и его бойцы сразу взялись за лопаты, чтобы до утра закончить все работы.

По словам тех, кто вышел из окружения, немцы подтянули к нашему участку танки. До слуха доносился приглушенный гул моторов. Мы готовились к отражению танковой атаки противника.

До самого рассвета, путаясь в ходах сообщений и траншеях, спотыкаясь о телефонные провода, о разбросанные повсюду немецкие каски и противогазы, мы ходили от орудия к орудию. Воздух был насыщен трупным запахом. За брустверами окопов валялись убитые гитлеровцы. Их еще не успели убрать.

Всю ночь шли с запада к высотам мелкие группы бойцов, вырвавшихся из окружения. Вспыхивавшие ракеты противника тускло освещали их измазанные лица. В тишине то и дело раздавались булькающий свист летевших мин и разрывы. Немецкие минометчики вели наугад беспокоящий огонь.

Проверку боевых порядков я начал с орудия старшины 2-й статьи коммуниста Александра Пашкова из 3-й батареи. Расчет находился около орудия. Бойцы расправлялись сразу с обедом и ужином, которые только что были принесены в термосах.

Пища доставлялась на высоты два раза в сутки: перед рассветом и с наступлением темноты.

— Товарищ майор! С нами за компанию, — предложил мне Пашков, подавая котелок еще не остывших щей.

— Спасибо, я только что перекусил. Как питание, жалоб нет?

— Камбуз работает полным ходом. Коля Корнеев — хороший кок. Не щи, а одно обедение! — ответил Пашков.

Я осмотрел огневую позицию. Артиллеристы быстро и умело приспособились к местности. Сказывались навыки, полученные на занятиях по инженерной подготовке, которые систематически проводились в дивизионе. Замечаний у меня не было.

— Ну, сухопутно-морские волки, — сказал я, когда расчет поужинал, — наступают горячие деньки. Как с танками справимся?

— Не подведем! Наш Ваня Волков в пятак попадает, а по такой машине, как танк, и слепому промазать грешно, — ответил краснофлотец Иван Диколенко.

— Учтите, товарищи, уходить с этих высот нам никак нельзя. Будем стоять до последнего. Не забыли, как стрелять по движущимся целям? Про упреждение не забывайте. Страйтесь бить по бортам. Большой экзамен предстоит нам!

От орудия Пашкова я добрался по ходам сообщения до огневого взвода лейтенанта Мильха. Здесь уже побывали Житник, комиссар батареи Бизюков, командир батареи Понятовский и заместитель политрука старшина Бычков; он же парторг батареи. Они покинули взвод за несколько минут до моего прихода.

Одна пушка стояла в окопе, вырытом под сгоревшим танком. Это вначале удивило меня: артиллеристы выбрали слишком заметное место.

— Мы уже стреляли с этой позиции, получается неплохо, — ответил на мое замечание старший сержант Анисим Алексин. Он считался лучшим командиром орудия во 2-й батарее. И бойцы его расчета не отставали от командира: они были награждены знаками «Отличный артиллерист».

— За нас, товарищ майор, не волнуйтесь. Мы выполним любой приказ, — заверил меня Алексин, когда я уходил от него.

Во всех орудийных расчетах настроение было боевое. От стойкости и умения этих маленьких (из пяти-шести человек) коллективов зависел исход предстоящей схватки. Я верил, что наши люди сделают все, что в человеческих силах.

Только перед рассветом возвратился я на свой командно-наблюдательный пункт.

— Вас по телефону все время спрашивал полковник Данин, — доложил начальник штаба дивизиона Лубянов.

Я позвонил начальнику артиллерии бригады. Полковник Данин справился, как идут дела, достаточно ли снарядов, и еще раз предупредил, что возможна танковая атака.

— Головой отвечаешь за противотанковую оборону высот, учти это, — сказал он. — Держись!..

Утро 1 октября выдалось погожее, ясное. Из-за леса выглянуло солнце, озарило вершины деревьев. Заблестел иней на побуревшей, опаленной траве.

«Солнце будет ослеплять противника, это хорошо», — подумал я.

С болот поднимался густой туман. Мимо пролетела стая уток и скрылась где-то за рощей. Очень тихо было вокруг. Не слышно ни выстрелов, ни громких голосов. Полторы тысячи человек затаились в траншеях, ожидая врага. Одни любовались красотой яркого осеннего утра, другие курили, третьи стояли молча, вспоминая, вероятно, свой дом, родных. Кое-кто перечитывал потертые и пропахшие махоркой письма...

Впереди в траншеях задребезжала снарядная гильза — сигнал воздушной опасности. На горизонте появились черные точки.

— Ну вот, летят воронье, — сказал Жук.

Самолеты приближались. У нас за спиной часто заухали зенитные пушки — в синем небе возникли белые хлопья разрывов. Затрещали зенитные пулеметы.

Начался новый фронтовой день. Набирая скорость, завертелась жернова войны.

Немецкие бомбы взметнули столбы земли между высотками в том месте, где стояла наша 3-я батарея.

— «Сокол», «Сокол»! — кричал я в телефон. В ответ — ни звука.

— Разрешите, я сбегаю туда! — обратился ко мне Лубянов.

— Сбегайте! Узнайте, как они там?

Когда он ушел, Жук сказал одобрительно:

— Саша так и рвется на батарею. Боевой командир.

Лубянов действительно недолюбливал штабную работу. Но обязанности свои он выполнял добросовестно, и я не имел претензий к нему.

Бомбежка продолжалась. Самолеты, маневрируя среди разрывов, взмывали ввысь, уступали место новым эскадрильям.

Один бомбардировщик загорелся. Оставив за собой длинный хвост черного дыма, он врезался в болото. Грязнул взрыв. Взметнулся фонтан торфа и грязной воды. Почти следом за ним упал и второй самолет.

Едва скрылись бомбардировщики, как гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Двадцать минут сыпались на наши позиции вражеские снаряды. Било не меньше сотни орудий разных калибров. Стреляли они и с юга, из-за Тортолова, и с севера, и с запада. Их траектории пучком сходились на высотах. Здесь стоял сплошной грохочущий гул, все тонуло в тучах дыма и пыли.

Тяжелые снаряды выбрасывали в воздух тонны земли. Но эти снаряды страшны лишь при прямом попадании или при очень близком разрыве. Опаснее были мины, залегавшие в окопы или попадавшие на бруствер. Он веера их осколков можно укрыться только в нишах, «лисьих норах» и блиндажах.

Артиллерийский огонь, ослабевая, переместился в глубину: завеса разрывов передвинулась на восточные скаты и болото.

Слева впереди затрещали автоматы. Пелену дыма прорезали красные ракеты.

Метрах в четырехстах от первой траншеи показались за серой дымкой цепи гитлеровских солдат.

— Почему не стреляет наша пехота? — удивленно спросил Жук.

— Подпускает поближе, чтобы наверняка!

Наконец застрочили станковые пулеметы. Раздался треск винтовочных выстрелов. Над нашими головами, с визгом сверля воздух, полетели снаряды: это артиллерия, стоявшая за болотом, открыла заградительный огонь по атакующей пехоте. Гитлеровцы залегли. Мелкие группы двигались вперед перебежками.

— Житник в какой батарее сейчас? — спросил Жук.

— Во второй, на правом фланге.

— Тогда я подамся в первую. Не возражаешь?

— Нет. Только подходи к ней с тыла, по бывшей немецкой траншеи. Мячин, веди комиссара! Ты ведь дорогу хорошо знаешь!

На наблюдательном пункте остались со мной командир отделения разведки Юрченко и разведчик Неловкин.

— Танки подходят! — взволнованно крикнул Неловкин.

Нагоняя пехоту, из редкого кустарника выползли черные бронированные машины. Шесть танков в первой линии и столько же сзади.

«Четыре, которые слева, — третьей батареи. Остальные на долю первой и второй батареи», — прикинул я.

Позвонил Соколову — связи нет. Позвонил во 2-ю батарею. Отозвался политрук Бизюков.

— Где Понятовский и Житник?

— В первом взводе у Чука.

— Подпускайте танки ближе и бейте с правого фланга. Держитесь крепче! Первая батарея ударит посередине.

— Хорошо, това...

В трубке что-то щелкнуло, и связь прекратилась.

Дивизион наш не имел ни связистов, ни средств связи. Телефонные линии на батареи проложили разведчики, раздобыв где-то куски провода, а телефонные аппараты достал начальник артснабжения Горбацкий. Сейчас линии вышли из строя. Чинить некогда и некому.

— Неловкин! За мной! — скомандовал я.

До наблюдательного пункта коменданта 3-й батареи старшего лейтенанта Соколова было всего метров двести. Мы, согнувшись, бежали по мелкому ходу снабжения. Вот и Соколов. Я услышал его команду:

— Приготовиться!

Рядом с ним краснофлотец сигналил флагами, подняв их над окопом.

— Открываю огонь! — доложил мне старший лейтенант.

— Подпускай ближе, не торопись!

Танки обогнали залегшую пехоту и разделились на две группы: одна, скрывшись за скатом высоты, ринулась на позиции 3-го батальона; другая, сделав разворот влево, начала заходить в тыл 1-му батальону, подставив артиллеристам борта машин.

Батарея открыла огонь. Резко, как удары огромного хлыста, щелкали выстрелы четырех орудий. Навстречу вражеским маши-

нам понеслись бронебойно-трассирующие снаряды. Те, которые не попали в цель, отскакивали от земли и, урча, взмывали вверх, оставляя за собой красный след трассы. Снаряды, задевшие броню под острым углом, рикошетили молниями, отлетая в стороны и вверх. Но вот один танк, как бы наткнувшись на невидимую преграду, резко остановился. Пехота, бежавшая за ним, залегла.

Еще одна удача: загорелся головной танк. Он замер на месте, окутался черным дымом. Две вражеские машины на левом фланге развернулись в нашу сторону и открыли огонь по орудиям.

Метрах в ста от нас, там, где находился взвод лейтенанта Швальюка, грохнули разрывы. С визгом пронеслись мимо осколки. Я невольно пригнулся в окопе. Рядом громко выругался Соколов.

— Что такое, Василий Михайлович?

— Аж в ушах зазвенело, — ответил он и показал большую вмятину в каске. — Рикошетом осколок пошел...

Напряжение боя возрастало. Открыли огонь 1-я и 2-я батареи. Два танка стояли с порванными гусеницами. Пять машин пятились назад и яростно отстреливались. Немецкая пехота лежала на земле. Там то и дело вспыхивали разрывы мин. Наши минометчики стреляли в этот раз очень метко.

Но вот из-за танков показалась новая цепь автоматчиков. Танки опять рванулись вперед — прямо на батарею.

С нашей стороны стреляло только одно орудие. Остальные почему-то молчали.

Мы с Соколовым бросились по ходу сообщения на огневые позиции. Старший лейтенант впереди, я за ним. Он раза два останавливался и просил меня остановиться... На повороте траншеи мы едва не сбили фельдшера Аню Прохорову. Она тащила на себе тяжело раненного наводчика старшину 2-й статьи Мелентия Печерских.

— Андрей, помоги! — крикнул я следовавшему за мной Неловкину.

Соколов побежал прямо, а я свернул влево.

— Почему не стреляете? — с такими словами спрыгнул я в орудийный окоп.

— К бою готовы! Ждем! — доложил Пашков, стоявший на коленях у левого колеса. — Один танк мы уже подбили.

У орудия застыл наводчик Волков. Зайцев, Диколенко и Каушин полулежали, облокотившись на станины. Кругом стреляные гильзы и раскрытие ящики со снарядами. Лица артиллеристов покрыты пылью и копотью, сверкали только зубы и белки глаз.

— Идите сюда, здесь удобнее, — Пашков показал мне ячейку в стенке окопа. — Это мы для командира взвода отрыли.

— А где он сейчас?

— К другому орудию уполз.

Воздух гудел от взрывов, от автоматной и пулеметной трескотни. Я выглянул из окопа и обомлел. Танки находились не дальше, чем в трехстах метрах от нас. Они перевалили первую траншею — в нее уже ворвались вражеские солдаты.

— Пашков, огонь!

— По танку, бронебойным, прицел постоянный... — скоро-говоркой скомандовал командир орудия. — Наводить в середину! Огонь!

— Бронебойным! — крикнул Диколенко, заряжая орудие.

Раздался выстрел. Взметнувшаяся пыль и дым на мгновение закрыли танк.

Еще выстрел — и танк с оборванной гусеницей завертелся на месте. Потом остановился бортом к орудию. Приподнялся люк.

— Огонь!

Волков послал еще снаряд в бок стального чудовища. Из люка и всех щелей струйками пополз дым.

— Молодцы, ребята! — восхликал я, захваченный азартом боя.

Загорелся еще один танк. Его подожгли или артиллеристы, или бронебойщики из роты противотанковых ружей. Три другие машины ползли по лощине, обходя орудие с фланга.

— Ничего не сделаешь: только башни видны, — огорченно сказал Пашков.

— Разворачивай оружие влево. Как вылезут на бугор, так и стреляй, — предложил я.

— Танки слева! — подал команду Пашков.

Бойцы повернули орудие и перетащили ящики со снарядами.

— Ничего не вижу. Бугор мешает, — доложил Волков, притирая воспаленные глаза.

— Будем ждать!

Высота была окутана дымом. Впереди и на обоих флангах гремел бой. В траншее перед фронтом батареи рвались ручные гранаты, щелкали выстрелы. Минометный дивизион капитана Пан-

филова вел беглый огонь по цепям немецкой пехоты, спешившей на помощь тем, кто уже ворвался в траншею.

— Ты, Ваня, адрес мой знаешь? — тихо спросил Кашин у Диколенко. Тот кивнул головой. — В случае чего... матери напиши...

— Прекратить разговоры! — приказал Пашков.

По ходам сообщения мимо нас ползли в тыл раненые. Посвистывали пули. За бугром нарастили лязг и рокот приближавшихся танков. Вот показались башня, ствол пушки. Черная громадина ползла на нас.

Сверкнула вспышка выстрела — на бруствере оглушительно разорвался снаряд. «Жив», — подумал я, стряхивая с себя землю. В ушах звенело, во рту пересохло.

Пашков, распластервшись, лежал на дне окопа лицом вниз. К нему бросился Зайцев, попытался поднять его.

— Волков, огоны! — скомандовал я. Танк был уже недалеко от нас.

— Куст мешает! — чуть не плача ответил наводчик, ведя стволом пушки над бруствером.

— Эх, братишки, была не была! Полундра! — крикнул Диколенко и выпрыгнул из окопа.

— Назад!

Но он не обратил внимания на мой окрик. Несколькими прыжками достиг куста и начал яростно обламывать ветки.

Пробарабанила очередь танкового пулемета — Диколенко схватился за грудь, зашатался и рухнул около куста.

Танк вылез на бугор, открыв черное днище. Его пушка плеснула огнем, но снаряд пролетел над окопом, не причинив нам вреда.

Поспешно выстрелил Волков. Снаряд чиркнул по броне и рикошетом отлетел в сторону. Зато после второго выстрела из черной машины сразу повалил дым. Танк дернулся и застыл метрах в десяти от тела Диколенко, матроса из Таганрога.

Два других танка свернули в сторону и попали под перекрестный огонь орудий 1-й батареи и противотанковых ружей.

Зайцев с Кашиным осторожно опустили тело Диколенко в окоп. Тельняшка отважного моряка почернела от крови. Он уже не нуждался ни в чьей помощи.

Тяжело раненного Пашкова мы перевязали, а затем отнесли к Ане Прохоровой.

— Лишь бы до вечера протянул, — скорбно сказал Волков. — Попадет в госпиталь, а уж там выживет...

— Будем надеяться, — согласился я. — Командуйте орудием, товарищ Волков...

Отважно дрался и расчет соседнего орудия, возглавляемый Иваном Митюшниковым. Наводчиком там оставался Алексей Азоркин, замечательный мастер своего дела. Оба сержанты, коммунисты. Азоркин во время боя получил ранение, но не отошел от орудия, а продолжал вести огонь по вражеским танкам и пехоте. В батарее он был комсоргом и много раз своим личным примером показывал, как должны драться коммунисты и комсомольцы.

Митюшников до войны работал бригадиром тракторной бригады. В дивизионе он сначала числился орудийным мастером. На должность командира орудия мы перевели его после настойчивых просьб. «Хочу быть поближе к настоящему делу», — говорил он.

Атака противника была отбита с большими потерями для него. Дивизион за этот день уничтожил шесть гитлеровских танков. Два подорвали гранатами пехотинцы, и один подбили бронебойщики.

Наступило временное затишье.

Вернувшиеся из батарей Жук, Житник и Лубянов рассказали, как сражались артиллеристы подразделений, в которых они находились во время боя. Житник восхищался меткой стрельбой 2-го огневого взвода 2-й батареи под командованием лейтенанта Миляха. Особенно успешно действовали орудийные расчеты А. И. Алехина и Н. Е. Серого. Алехин вместе с краснофлотцами М. И. Метелкиным и П. Л. Голубевым подбили вражеский танк, а потом выпустили около двухсот снарядов по немецкой пехоте.

Дмитрий Ильич Жук хвалил огневые взводы 1-й батареи, которыми командовали старшие лейтенанты Н. М. Макаров и И. С. Макуров. Восторженно рассказывал он о слаженности орудийного расчета старшины 1-й статьи А. П. Мирсанова, подбившего немецкий танк, а также об отваге артиллеристов старшего сержанта Л. С. Азенова, расстрелявших прямой наводкой до двух взводов вражеской пехоты.

— Первый опыт, раньше танков не видели. Мазали сначала здорово, руки дрожали и в глазах рябило. Потом лучше пошло. Самое главное — люди вели себя уверенно, назад не оглядывались. И пехота тоже дралась как надо, — заключил Дмитрий Ильич.

Лубянов рассказал, как старший политрук А. Н. Сеннов, командир 3-й роты старший лейтенант А. И. Куц и старшина Павленко с группой бойцов бесстрашно бросились в контратаку, выбили гитлеровских автоматчиков из траншеи и восстановили положение. Изумительную стойкость проявила рота лейтенанта Сергея Васильевича Плаксина. Будучи раненным, лейтенант продолжал руководить боем. В критический момент Плаксин повел бойцов врукопашную.

Враг решил, видимо, во что бы то ни стало овладеть безымянными высотами. В следующие два дня он продолжал атаки. Мы отбивали их, нанося гитлеровцам большие потери. Но и силы бригады таяли с каждым часом. Батальоны потеряли до половины своего состава.

Наибольшего ожесточения вражеские атаки достигли 4 октября. С самого утра в течение двух часов немецкая авиация и батареи засыпали наши позиции бомбами и снарядами, потом пошла на штурм пехота. А оборона наша молчала, будто все кругом вымерло, подавленное и уничтоженное огнем.

Но вот захлопали одиночные выстрелы, затрещали автоматные очереди. Вылезая из полуобвалившихся убежищ, отряхивая землю, моряки брались за оружие, становились к пулеметам, орудиям. И враг снова был отброшен.

В 12 часов 30 минут после огневого налета гитлеровцы повторно атаковали наши позиции. И опять безуспешно. Стрелять артиллеристам пришлось много, в основном по пехоте. Стволы пушек накалились чуть ли не докрасна. Осколочные снаряды не имели большой взрывной силы, но, точно ложась в самую гущу врага, наносили ему чувствительный удар.

Потеряв надежду одновременно захватить все три высоты, враг направил свои усилия на ту из них, где оборонялся 1-й батальон под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Склярова. После полудня гитлеровцы предприняли четыре атаки. Им удалось подняться на гребень высоты только тогда, когда в обескровленном батальоне осталось всего лишь сорок человек. Из них половина раненых. Захват высоты дорого обошелся фашистам. Скаты ее были сплошь усеяны вражескими трупами.

Брошенные на помощь горстке наших смельчаков танки из резерва командующего армией потерпели неудачу. Три танка были подбиты на подходе к высоте. Немцы, заимствуя наш опыт, на-

чали вести огонь из орудий прямой наводкой.. Четыре уцелевших танка повернули обратно.

Командующий армией усилил бригаду двумя малочисленными батальонами из 77-го и 153-го полков 80-й дивизии. Но предпринятая ими попытка сбить немцев с высоты успеха не имела.

В этот день было подбито пять немецких танков, из них два записали на свой счет наши артиллеристы.

Потери наши были значительны. В расчете, которым раньше командовал Пашков, уцелел лишь старший сержант Волков; в других расчетах осталось по два-три человека.

Наступила темнота, и перестрелка постепенно затихла. Однако личный состав дивизиона и ночью не получил отдыха. Надо было похоронить павших товарищей, доставить через болото на позиции больше сотни тяжелых ящиков со снарядами, эвакуировать всех раненых на восточный берег.

Начальник артиллерийского снабжения и орудийные мастера ремонтировали пушки, доливали масло в противооткатные приспособления, выверяли прицелы. Хозяйственное отделение доставляло в батареи горячую пищу. В общем, дел хватало всем.

5 и 6 октября немцы продолжали атаковать. Им удалось частично улучшить свои позиции, но большего достигнуть они не смогли.

1-й батальон, отражая атаки противника, пытался отвоевать свою высоту. Одна рота этого батальона зацепилась за восточные скаты и удерживала их несколько часов, но была выбита минометным огнем. В этом бою командир огневого взвода 1-й батареи старший лейтенант Н. М. Макаров вытащил из-под обстрела тяжело раненного краснофлотца Тураева.

— Удивительный человек Николай Максимович! — восхищенно сказал мне командир 1-й батареи И. С. Макуров. — Ходит во весь рост, пулям не кланяется. Рядом с ним людей убивают, а у него ни одной царапины. Как заговоренный!

— Человек он храбрый, это я знаю. Ты тоже хороши... Будьте оба поосторожней! Нечего без нужды голову подставлять.

На моем наблюдательном пункте то и дело раздавались телефонные звонки. Звонили начальник артиллерии бригады полковник Данин, командир бригады полковник Бураковский, начальник штаба бригады подполковник В. М. Яиров. Звонило и армейское начальство. Мы выслушивали похвалы за отбитые атаки

и грозные предупреждения на тот случай, если не отобъем следующей атаки противника...

Особенно беспокойной была ночь на 7 октября. Наутро ожидалась новая атака пехоты и танков. Об этом известил меня начальник артиллерии 8-й армии генерал-майор Семен Федорович Безрук.

— Ворог сосредоточуе свижи силы, мабуть, буде атакуваты, — басил он в трубку хриплым голосом. — Держалысь добре, молодцы! Ще трошки потерпіты треба. Бытьсь до останнього.

— Мне пополнение нужно. Который день прошу, а ничего не дают, — ответил я, вслушиваясь в певучую украинскую речь.

— Людей в брыгаду послав. Хиба ж не получив?

— Нет.

— Организуй зустріч на гати, а то пехота перехватить.

— Дали бы хоть одну батарею из своего противотанкового...

— А я з чим зостанусь? Ось, який умнык найшевся! «Огиркыто»?

— Есть.

— Ну, лады. Трымайсь...

Батальонный комиссар Жук с улыбкой слушал наш разговор.

— Все-таки получим пополнение?

— Сейчас пошлю Яроша встречать.

— Все равно будет трудно. Половины людей нет. Каждому за двоих придется... Я сейчас с коммунистами и комсомольцами поговорю. Десять человек заявления в партию подали. Парлсобрания проведем побатарейно. А как пополнение придет, с ним потолкуем.

— Ну, а я пока займусь пушками и боеприпасами, потом с командирами батарей новичков распределим. За ночь их надо научить стрелять.

— Ты только поменьше ходи, а то совсем в крючок превратишься. Вот посмотрю-посмотрю, да в медсанроту тебя отправлю.

Действительно, я был похож на крючок. Это комиссар метко подметил. Ходы сообщения и окопы были мелкими, а рост у меня около двух метров. Пробираться по ним можно было гусиным шагом или согнувшись в три погибели, иначе сразу попадешь под пулю или угодишь под осколки снарядов и мин. Моя поясница так к этому привыкла, что не хотела разгибаться. Стоило начать распрямляться, как появлялись сильные боли.

К 21 часу Ярош привел пятьдесят человек пополнения. Старший лейтенант С. Н. Ярош был назначен старшим адъютантом дивизиона вместо выбывшего по ранению Лубянова.

— Какая у вас специальность? Кем служили в армии? — начал я задавать вопросы прибывшим поочередно, освещая узким лучом фонаря незнакомые лица.

— Счетоводом в колхозе работал. В армии не служил, — бойко ответил паренек лет восемнадцати.

— Стрелять из винтовки умеешь?

— Не, только из малокалиберки стрелял, — смущенно ответил он.

— Комсомолец?

— Да.

— Хорошо. Ну а вы в армии служили? — обратился я к его соседу, хмурому небритому человеку лет тридцати пяти..

— Служил когда-то в эскадроне.

— А специальность какая? Образование?

— Шорник. А последние семь лет нигде не работал.

— Что же вы делали?

— На государственных харчах был, на всем готовом, — вяло произнес бывший шорник. Фамилия его была Кусков.

— За какие дела туда попали?

— Брал то, что плохо лежало, — в его голосе я не услышал раскаяния, одно равнодушие...

— И зачем таких ворюг выпускают? Неужели без них не управимся? — возмутился кто-то в темноте.

— Ну а вы пушку видели? — спросил я коренастого, атлетически сложенного красноармейца.

— Так точно. Был разведчиком в артиллерии, когда на действительной служил, — ответил тот.

— Давно?

— В тридцать четвертом, в 40-м полку на Дальнем Востоке.

— Кто полком командовал?

— Дегтярев.

— Э, да мы однополчане, оказывается, — Я присмотрелся к нему и узнал Бориса Бондаренко. — Я же твой бывший взводный. Помнишь, как корейскую девочку в наводнение спасал? А я тебе помогал.

— Не может быть! Товарищ командир!.. Вот это здорово! — воскликнул Бондаренко.

- А как с семьей, наладилось?
- Все в порядке. Две дочурки растут. Одна должна уже в первый класс идти...
- Ну, мы еще с тобой поговорим обо всем...
- Хорошо, товарищ командир.
- В армии служили? — обратился я к следующему.
- Нет, не довелось. На шахте после школы работал, — ответил загорелый плечистый парень лет двадцати пяти.
- Комсомолец?
- Кандидат в члены партии.
- Отлично.

Знакомиться с людьми более подробно не было времени. Только бы успеть как можно лучше распределить пополнение по батареям, заполнить места погибших и раненых. Командиры батарей сами прибыли на командный пункт, стремясь получить побольше людей в свои подразделения.

— Вот что, товарищи! На разговоры у нас времени нет, — сказал я, когда обошел всю шеренгу. — Прибыли вы прямо к делу. Через несколько часов будем драться с врагом. Пороху многие из вас еще не нюхали — первое время будет трудно и страшновато. Но это пройдет. Наш дивизион дрался хорошо, надеюсь, что и вы не уроните его чести. Храбрым и смелым у нас почет. Сейчас — по местам. Командиры расскажут, что надо делать. К утру мы все должны знать свои обязанности у орудий.

Всю ночь шла подготовка к бою. Командиры батарей, взводов, орудий и оставшиеся в живых наводчики обучали новичков, как заряжать пушку, как отличать осколочный снаряд от бронебойного, как наводить орудие и производить выстрел. Улучшили инженерное оборудование, маскировку огневых позиций, подносили снаряды.

Старший орудийный мастер И. А. Кожевников со своими помощниками отремонтировали в эту ночь прямо на позициях две пушки. Перетащили через гать еще два орудия, полученные со склада, и подготовили их к стрельбе.

На рассвете, едва заалел восток, противник начал авиационную и артиллерийскую подготовку. Опять задрожали безымянные высоты, опять взбудоражили болото снаряды и бомбы. Мощная завеса огня нашей зенитной артиллерии и смелые броски небольших групп советских истребителей не позволили фашистским

летчикам наносить прицельные удары. Гитлеровцы сбрасывали бомбы куда придется, несколько бомб угодило по Тортолову.

— Ляпнули по своим, — довольным тоном сказал Неловкин, следивший за бомбежкой.

В 7 часов 30 минут, как только огонь немецкой артиллерии был перенесен в глубину, цепи вражеской пехоты бросились на штурм обеих высот. За последние три дня фашисты отрыли окопы в трехстах-четырехстах метрах от нашей первой траншеи. Быстро преодолев это расстояние, они вырвались на передний край нашей обороны. Наши артиллеристы и минометчики открыли заградительный огонь, но было уже поздно. В траншеях завязалась ожесточенная схватка. Борьба шла за каждый метр земли.

Танки противника на этот раз задержались и только начали выходить из леса, темневшего в километре от высот.

И тут случилось непредвиденное. Необстрелянные новички, пролежав целый час под огнем артиллерии и бомбейкой, впервые увидевшие атакующую пехоту, а главное, танки противника, не выдержали. Сначала один, а за ним и другие побежали в тыл. В ходах сообщения замелькали головы беглецов. Все одиночки добирались по вееру ходов до главного хода сообщения, ведущего к гати.

Мы с комиссаром и разведчиками бросились наперерез.

— Стой!

Тяжело дышавшие люди сбились плотной кучей. Я видел возбужденные лица, блуждающие глаза. Тут были и пехотинцы, и наши артиллеристы из пополнения. Среди них я узнал Кускова, бывшего заключенного.

— Назад! — скомандовал я.

— Родину предать хотите! Ваши товарищи дерутся, а вы... — гневно кричал Дмитрий Ильич.

— Дай дорогу, начальник! — Кусков решительно пошел на меня. — Стрелять хочешь? Валяй! Мне все равно от чьей пули загибаться.

Пристрелить? Не стоит. Я посторонился.

— Беги, трус! Шкуры своей все равно не спасешь! Ну, кто еще стыд и совесть потерял? Кто предателем хочет быть?

Толпа молчала. Люди отворачивались, пряча глаза.

— А я надеялся на них, помохи от них ждал. Черт с ними! — махнул я рукой. — Пошли, комиссар, нечего тут зря время терять.

Дмитрий Ильич, быстро поняв меня, ответил громко:

— Правильно. Там дерутся, а мы мораль трусам читаем! Идем!

Я сделал шаг, еще и еще. Шел не оборачиваясь и думал: верно ли поступил? Поймут ли они свою вину или побегут за Кусковым? И вдруг сзади раздался громкий голос:

— Товарищ командир, простите нас!

Я оглянулся. Красноармейцы гурьбой шли за нами.

Да, эти, наверное, не побегут больше ни от танков, ни от пехоты.

— По местам! — приказал я.

Подоспевшие к тому времени старшины батареи Павел Пармонов и Павел Бычков быстро развели людей по местам.

— А не зря мы Кускова отпустили? Шлепнуть бы его на месте, и делу конец. Без морали обошлось бы, — засомневался Дмитрий Ильич.

— Вообще-то рискованный шаг, но себя он оправдал. А Кусков от возмездия все равно не уйдет, — ответил я.

— Его на гати уже кто-то прихлопнул, — сказал идущий сзади Неловкин. — Может, наши, а может быть, под немецкую пулю попал...

Когда мы вернулись на пункт, гитлеровские танки уже подползли к первой траншее, в которой еще продолжалась горячая схватка.

Все три наши батареи открыли огонь бронебойными снарядами. Расстояние было невелико. В первые же минуты шесть танков были подбиты; остальные, бросив свою пехоту, огрызаясь огнем, поспешно начали отходить за высоту.

Ворвавшийся в траншеи фашистский батальон почти весь был уничтожен в рукопашном бою. Уцелевшие гитлеровцы залегли. Их добили минометным и ружейно-пулеметным огнем.

В течение дня фашисты предприняли еще шесть попыток захватить высоты. Каждый раз немцы вводили в бой несколько рот с танками.

Будь у нашей артиллерии, стоявшей на закрытых позициях, достаточно боеприпасов, она смогла бы преградить дорогу атакующей пехоте. Но снарядов осталось мало, и гитлеровцы довольно легко прорывались через редкий заградительный огонь. Поэтому отражение атак легло в основном на плечи пехоты, а также на 82-миллиметровые минометы и 45-миллиметровые пушки.

Во время четвертой атаки вражеской пехоты, на этот раз наступавшей за танками, удалось вернуться в траншее 2-го и 3-го стрелковых батальонов. На отдельных участках гитлеровцы по ходам сообщения подошли к огневым позициям противотанкового дивизиона. Положение опять стало угрожающим.

Уцелевшие бойцы 1-й стрелковой роты 3-го батальона во главе с политруком Федором Павловичем Харином — командир роты был убит — бросились в контратаку, прижали немцев в траншейных тупиках и уничтожили их. Сам Харин погиб в этом бою.

Тяжелая обстановка сложилась во 2-й роте того же батальона, в которой осталось всего шесть человек во главе с раненым лейтенантом Б. И. Романовым. Снайпер, старший сержант П. Г. Храмцов, на счету которого было тридцать пять убитых фашистов, успел вынести командира, хотя сам имел два ранения.

В образовавшуюся брешь ворвалась рота гитлеровцев, но была встречена 1-й и 3-й батареями, которые, ведя огонь осколочными снарядами вдоль траншей, расстреливали наступавших немцев. Попытка врага прорваться в глубину обороны и сбросить нас в болото потерпела неудачу.

2-й батареи, тоже оказавшейся во время этой атаки на острие вражеского удара, пришлось действовать с полным напряжением. Подбив три танка, батарея открыла огонь по пехоте, ворвавшейся в траншее двух стрелковых рот. Командир батареи Понятовский и комиссар Бизюков взялись за автоматы. Вместе с группой бойцов они отгоняли гитлеровцев, которые подползали слишком близко.

Комиссар орудия А. С. Коровин, наводчик Н. Д. Артеменко и заряжающий М. И. Метелкин подбили немецкий танк, вырвавшийся вперед. Потом перенесли огонь на пехоту, просочившуюся к третьей траншее. Вскоре Коровин был ранен. Ранило в голову и Артеменко. Несмотря на это, артиллеристы продолжали стрельбу до тех пор, пока не кончились снаряды — двести штук, полный боекомплект. Когда орудие смолкло, Артеменко и Метелкин собрали группу красноармейцев и, ведя огонь из винтовок и автоматов вдоль траншей и ходов сообщений, не подпустили гитлеровцев к огневой позиции.

На наш наблюдательный пункт тоже прорвалось до взвода вражеских автоматчиков. Пришлось мне, комиссару, разведчикам Юрченко и Неловкину отбивать их атаку. Трудно было двумя ав-

томатами, парой пистолетов и четырьмя гранатами сдержать на-
тиск двадцати гитлеровцев. Вероятно, нам пришлось бы сложить там свои головы, но подоспела подмога. Группа наших людей ударила во фланг фашистам. Возглавлял эту группу мой заместитель С. Житник. Вместе с ним были старший адъютант С. Ярош, старший писарь А. Дубынин, шоферы Ф. Гомза, А. Кондратьев и Н. Туркин, начальник артснабжения Н. Горбацкий и комиссар 1-й батареи С. Пушкарев, раненный в голову и шедший к Прохоровой на перевязку.

Зажатые с двух сторон, фашисты укрылись в воронках, которые и стали для них могилами.

— Чем тебя ранило? — спросил я Пушкарева после того, как опасность миновала.

— Да так, ерунда, видно осколком задело, — ответил комиссар батареи. Он рассказал, что вместе с Н. М. Макаровым находился под подбитым танком, где укрывался орудийный расчет. Само орудие в полусотне метров от танка. Номера посменно ползали к нему и вели стрельбу. Во время бомбежки одна бомба упала около танка. Были убиты наводчик, младший сержант В. Д. Губанов и краснофлотец И. Д. Фирстов.

Пушкарев после перевязки не хотел уходить с батареи, так как считал свое ранение пустяковым. Однако к вечеру он почувствовал себя плохо и был отправлен в медсанроту. Потом на самолете его доставили в московский госпиталь, где нейрохирурги сделали Пушкареву сложную операцию.

Положение на участке бригады значительно осложнилось. Противник захватил наши первые траншеи. Все, что уцелело от бригады, сбилось в третьей траншее, прижатой к болоту. Еще одна-две вражеские атаки — и гитлеровцы смогли бы, вероятно, полностью овладеть высотами. Но атак не последовало: обескровленный враг не в силах был продолжать наступление. Только минометчики беспрерывно обстреливали нашу последнюю траншую. Бойцы и командиры укрывались от губительного огня в землянках, подбрустверных нишах и глубоких щелях.

Пользуясь передышкой, наше командование организовало к вечеру контратаку. Моряки совершили еще один подвиг. Усталые, израненные, они двинулись вперед и выбили фашистов из обеих траншей. Положение было восстановлено. В этой контратаке участвовали остатки бригады совместно с пехотой 77-го и

158-го полков 80-й дивизии — по батальону от каждого полка. С наступлением сумерек бой затих.

День 7 октября был самым кровопролитным для обеих сторон. Только в наших траншеях и ходах сообщения, отбитых у врага, оказалось около пятисот убитых и тяжело раненных гитлеровцев. По траншеям и ходам сообщения нельзя было и двух шагов пройти, чтобы не наткнуться на труп.

Сколько было убитых и раненых на подступах к переднему краю обороны — учесть трудно. Во всяком случае противник понес в этот день значительные потери.

Всю ночь немцы бродили перед нашим передним краем, подбирая убитых и раненых. Наша пехота не стреляла, хотя такой команды никто не давал. Просто людям не хотелось, чтобы трупы оставались неубранными и разлагались.

Враг потерял десять танков. Сколько из них пришлось на долю дивизиона — трудно было разобраться. Ведь по танкам били и из пушек, и из противотанковых ружей, и пехота подрывала их связками гранат.

Потери в нашей бригаде тоже были велики. Печальную картину являли собой огневые позиции батарей, когда мы с комиссаром обходили их. Два орудия были так исковерканы, что их уже нельзя было исправить. Три орудия требовали заводского ремонта. Остальные пушки тоже нуждались в разном ремонте. Работы начальнику артиллерийского снабжения и орудийным мастерам сразу прибавилось.

Орудийные расчеты поредели наполовину. Все меньше и меньше оставалось в дивизионе моряков.

Наши новички показали себя молодцами. После первого боя они приободрились, осмелели. Командиры батарей и взводов даже похвалили некоторых из них за смелые действия.

— Только уж вы, товарищ майор, не вспоминайте щаще угденнее бегство, — смущенно обратился ко мне один из них.

— Не вспомню. Верю теперь, что вы будете воевать как настоящие солдаты...

Ночью бригада готовилась к новому бою. На гати через болото шло оживленное движение. С высот выносили раненых, тащили пушки, требовавшие капитального ремонта, снарядные гильзы. Навстречу несли ящики со снарядами, термосы с горячей пищей. Шли группы бойцов нового пополнения. Живую ленту конвейера напоминала эта двухкилометровая «дорога жизни».

Командование армии придавало большое значение удержанию высот. На оборонительный участок нашей обескровленной бригады были выдвинуты ночью подразделения из 1102-го и 1098-го полков 327-й дивизии и 77-го полка 80-й дивизии.

Утром следующего дня противник нанес мощный бомбовый удар и после огневого налета артиллерии начал штурм. Но все его атаки снова были отбиты. Оставив на поле боя около двухсот трупов и несколько танков, враг откатился.

К вечеру он возобновил атаки со стороны Тортолова, во фланг 3-му батальону. Фашистам удалось захватить южную часть безымянной высоты. Группа бойцов 3-го батальона оказалась отрезанной от основных сил. Командир батальона майор Г. И. Аниськов и комиссар майор К. С. Работягов принимали все меры, чтобы выручить окруженных. Контратаки не давали результатов: слишком мало людей оставалось в батальоне. 3-я батарея на этот раз не смогла оказать существенной поддержки, так как два орудия были повреждены, а у третьего были выведены из строя все бойцы расчета. Стрельбу вели лишь одно орудие, и то с неудобной позиции. Подтянуть сюда пушки других батарей было невозможно. Артиллерия с закрытых позиций ничем не могла помочь из-за опасности поразить своих.

С наступлением ночи бой затих. Командир взвода разведки Чекавинский вызвался пробраться со своими бойцами к блокированной группе. Под прикрытием тумана и темноты разведчикам удалось проникнуть через боевые порядки врага к окруженным, а затем с боем вывести их в расположение батальона. Чекавинского ранило в руку, но он остался в строю.

Наступивший день показался нам необычайно тихим. Противник не проявлял больше активности. Царило затишье — оборона приняла обычный характер. Охотились снайперы, изредка вспыхивала короткая перестрелка.

В ночь на 10 октября бригада сдала свою полосу обороны 327-й дивизии и, покинув безымянные высоты, ушла в резерв. А в конце месяца уже занимала оборону по южному берегу Ладожского озера на участке Новая Ладога, Дубно, Кивгода, имея приказ не допустить высадки десантов противника.

И. Г. ДОНСКИХ,
Герой Советского Союза, гвардии майор
в отставке, бывш. политрук взвода разведки
284-го сп 86-й сд

Бои в районе деревни Арбузово в сентябре 1942 года*

Я, Донских Иван Григорьевич, участник наступательной операции в составе 284-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии. Вот что записано обо мне в истории 284-го сп на страницах 17–18 в данной операции: «...Политрук взвода разведки Иван Донских, который один из первых с группой бойцов переправился на левый берег Невы, ворвался в первые траншеи, а затем во вторую и третью, вышел в район дер. Арбузово. Гитлеровцы окружили группу храбрецов и хотели было пленить их, но после первых же попыток отказались от своих замыслов и начали постепенно теснить сжимать кольцо.

Двое суток находились герои в кольце. Политрук Донских 9 раз водил своих бойцов в атаку. Кончились все боеприпасы, в ход были пущены автоматы и гранаты, подобранные у убитых немцев. На третьи сутки, прилагая все усилия, группе удалось разорвать вражеское кольцо и выйти из него, не оставив ни одного раненого, вынося их на себе под ливнем автоматного огня противника».

Расскажу, как это было. Накануне, в 16.00 на участке Невской переправы в бой пошли курсанты 3-го Ленинградского артиллерийского училища под прикрытием сильного артминометного огня. Но им переплыть и захватить плацдарм на левом берегу Невы не удалось. Ночью на pontонах был переправлен 3-й батальон (лучший батальон нашего 284-го стрелкового полка). Они уплыли и сигнала от них с левого берега не поступило.

С 26 на 27 сентября 1942 года задача на захват плацдарма на левом берегу р. Невы в районе Невской Дубровки была поставлена автоматной роте и нашему взводу разведки.

Автоматной ротой командовал ст. лейтенант Александр Федулов, ленинградец. Мы с ним были большими друзьями. Нашим взводом разведки командовал лейтенант Соболев, казак. Что с ним произошло в этом бою, я не знаю, но когда мы переправи-

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

лись через Неву, то его и его ординарца Охонского с нами не оказалось. Командовать взводом пришлось мне. Автоматная рота и наш взвод по оврагу цепочкой, под артиллерийско-минометным обстрелом вытянулись на 7-ю и 8-ю переправы, где саперный батальон подготовил для нас лодки. На исходном рубеже мы уточнили задачу: вступить в бой на противоположном берегу реки в районе бывшего населенного пункта Арбузово, выбить немцев из блиндажей, траншей и землянок и подготовить плацдарм для дальнейшего наступления на Синявино во взаимодействии с Волховским фронтом.

Ночь была теплая, над Невой опустился сильный туман.

В 12 часов ночи на двенадцати лодках мы отчалили от своего берега, гребли маленькими фанерными лопатами с короткими ручками. Через наши головы шла артиллерийско-минометная душа. Туман был настолько сильным, что даже рядом ничего не было видно. Плыя на правом фланге старшим, помкомвзвода сержант Безруков, бывший моряк из Николаева, татарин из Уфы, потерял ориентировку, не заметил, как лодка их развернулась и атаковал свой берег. Но, разобравшись, он форсировал Неву, только его лодку течение снесло больше и его отделение высадилось правее нас.

На носу каждой лодки стоял станковый пулемет «максим». Под прикрытием этих пулеметов мы вброд под огнем противника выбросились на берег и завязали гранатный бой.

Смяв боевое охранение, мы ворвались в первую траншею, которая проходила по крутому обрывистому берегу высотой 10—15 метров, где было много ячеек, дзотов и дотов с хорошо организованной системой огня. Помогло нам мертвое пространство под крутым берегом.

Ворвавшись в траншею и захватив одну землянку, в которой оставили радиостанцию для связи со своим берегом и штабом полка, мы распостились с Сашей Федуловым. Он повел с боем свою автоматную роту влево, а я свой взвод разведки вправо — в сторону Арбузово.

Впереди с криком «Ура!», хотя в ночном бою это и не положено, бежал мой ординарец Ваня Капустин из города Калинина, который, по шуткам товарищей, кричал «Ура! За роту!».

Эсэсовцы, выскакивая из ячеек, оборонялись гранатами, отходили, но их отход перегородило высадившееся правее отделение, которым командовал сержант Безруков. Они много уничтож-

жили отступающих в панике фашистов и присоединились к нам. Мы уже преследовали убегавших немцев всем взводом, занимая ячейку за ячейкой, и добрались до Арбузова.

Перед Арбузовом оказался глубокий овраг. Когда мы по траншею спустились в него броском, то по нам хлестнули несколько пулеметов одновременно, осветили ракетами. Траншея была перекрыта проволочными ежами, по бокам вправо и влево натянуты МЗП. Потеряв несколько человек на этих препятствиях, мы были вынуждены остановиться и повернуть по ходу сообщения в глубь обороны в обход Арбузова. Дойдя до моста через овраг, повернули вдоль шоссе влево по кювету, из землянок нас обстреляли. Шоссе на Шлиссельбург проходило метрах в 250 вдоль Невы.

Мы штурмом овладели пятью землянками, к утру из-за шоссе нас контратаковали. Мы устояли. Быстро принимали меры к организации системы обороны плацдарма по фронту около километра и глубиною до шоссе.

Перед Арбузовом по ходу сообщения перед оврагом я поставил отделение сержанта Дулина. По шоссе в районе землянок — отделения сержантов Малышкина и Арбузова. Сержанту Безрукову с семью разведчиками приказал собирать гранаты и оружие противника и выкладывать на видные места по траншее. Сержантам Дулину и Арбузову приказал снять «максимы» с лодок, открыть для них площадки для стрельбы и быть в постоянной готовности для отражения атак противника.

Связной из автоматной роты доложил, что рота продвинулась до километра по фронту и ведет бой за вторую траншею.

По радио доложили в штаб полка о выполнении задачи и обстановке. Начальник штаба полка капитан Мосалов передал: «Держитесь, высылаем помощь». Ваня Капустин притащил 50-миллиметровый трофейный миномет. Он отличался от наших наличием спускного механизма. В г. Томске я окончил полковую школу в минометном взводе и хорошо знал силу этого вида оружия. Через овраг завязали ружейно-пулеметную перестрелку. Гранаты до пулеметных точек противника на противоположном берегу оврага не доставали. За оврагом у пулеметных точек заблестели каски врага, готовящегося к атаке.

Я собрал сержантов и отдал приказ — приготовиться к отражению атаки. С младшим сержантом Арбузовым и сержантом Малышкиным, оборонявшимся со стороны леса в кювете шоссе, связи не было. Повесив противогаз и набитую гранатами сумку

на сучок, чтобы легче было бежать, я по полю, ныряя в воронки, направился к сержантам. Спешил их предупредить и поставить дополнительную задачу. Не успел я сделать и нескольких шагов, как по нашим позициям немцы обрушили шквал минометного огня. Стена пыли и дыма настигала меня. Я упал в воронку, огненный вал прокатился дальше по плацдарму. Снова бросился бежать, но слышу, меня окликают: «Товарищ лейтенант, немцы!» Это кричал разведчик Коля Ожиганов — сын полка. Ему было около 16 лет, рыжий, веснушчатый парень из Ленинграда. Не добежав до отделений сержантов Малышкина и Арбузова, мы с Колей бросились к оврагу. Я спешил успеть схватить сумку с гранатами, но было уже поздно. Фашисты, забросав нас гранатами, под прикрытием минометного огня, ввалились в нашу траншею. Сержант Дулин и несколько разведчиков пали в неравном бою. Нас атаковали две роты с двух направлений. Отбиваясь гранатами, мы вынуждены были отходить.

В каждой стрелковой ячейке у нас были заготовлены гранаты, и мы бились за каждую ячейку. Нас пытались обойти снизу у воды, но мы не допустили. Потом фашисты бросились через шоссе, где их накрыли пулеметным огнем отделения Малышкина и Арбузова. Решающий бой мы дали им у землянки радиостанции. Здесь разошлись мы со старшим лейтенантом Федуловым. На позиции нам помогала насыпь землянки за траншееей, а над обрывом к реке — большая воронка от бомбы. Радисты заготовили много трофейных гранат и оружия. Гранатный бой кипел минут двадцать и вдруг все стихло. Автоматы забило песком, очередями они уже не стреляли. Кончились гранаты. Плохо были видны лица разведчиков. Нужно было быстро решать, что делать. Подал команду: «Снять радиостанцию!», глянул в сторону правого берега, который сильно бомбили фашистские стервятники. Мрак стал немного рассеиваться, я увидел множество немецких касок по главной траншее. Старшина взвода Славка Соколовский, бывший чекист из г. Смоленска, перевязывал бинтом левую руку. Отходить дальше без гранат — это гибель. Отходить вплавь через Неву — значит все начинать сначала. В голове мелькнули курсанты 3-го Ленинградского артиллерийского училища. Мы хорошо знали друг друга и для нас это был не первый переплет. Вспомнились бои на Ладоге зимой, когда наш отдельный полк охраны, ныне 284-й, оборонял «Дорогу жизни». Выхватил из кобуры свой револьвер и подал Славе Соколовскому: «Старшина, — вот тебе

мой револьвер, в нем 7 патронов, на себя не оставляй, отстреливайся, дай нам возможность оторваться от гадов!»

И скомандовал: «Взвод, за мной, в атаку, вперед!»

Но повел не по траншею, а в поле в направлении леса за шоссе.

Когда бросились вперед, падая то в одну, то в другую воронку, по нам раздались одиночные выстрелы: у немцев тоже автоматы забились песком.

По полю от места к своим бежали два «фрица». Один из них тащил 50-миллиметровый миномет, а второй два лотка мин.

Рядом со мной в воронку упал сержант Вася Безруков. Я ему говорю: «Вася, видишь, пока они развернут свою «рацию», мы там головы поснимаем». Стрельнуть было нечем, не было патронов. Мы бросились за ними, потрясая автоматами в воздухе. Вася крикнул: «Полундра!» Видя, что мы их настигаем, немцы бросили ношу и драпанули к своим в траншею. Схватили мы миномет, я его установил в воронке от снаряда в боевое положение и направил в сторону немцев, держа ствол покруче. Вася быстро открыл лотки и подавал мне мины, которые я бросал в ствол. Разрывы происходили и в гуще противника, и с перелетами и недолетами. Истратив мины, мы бросились вперед к оврагу. Метрах в трех от хода сообщения из-за оврага просвистела пулеметная очередь. Вася крикнул: «Ой, я ранен!» — и вскинул руки. Успев подхватить его в охапку, спрыгнул с ним в траншею над оврагом. Уложив Васю на дно хода сообщения, бросился к мосту. Немцев там не оказалось. Бегом возвращаюсь. Вася уже вытащил пакет и делал сам себе перевязку. Две пули пробили ему левый бок. Разведчики по одному приближались к нам. Я сказал Васе: «Потерпи!» и бросился к реке. Ко мне устремились Коля Ожиганов, Яковлев и другие. Двое помогли сержанту Безрукову сделать перевязку. Видя, что окружены, фашисты через бруствер бросились с обрывистого берега к Неве и стали отходить по берегу к Арбузову. У нас не было ни патронов, ни гранат. Но было много вокруг битого кирпича от разрушенного строения. Стали бросать в толпу убегающих кирпичи.

Быстро наступила осенняя ночь. Отправили через Неву раненых на лодке под командой старшины Соколовского: Васю Безрукова, Ваню Капустина, Колю Ожиганова и других. Слава Соколовский возвратил мне револьвер, его не атаковали.

В ходе сообщения над оврагом от реки до моста остались мы вдвоем с Яковлевым, замкнутым человеком 1910 года рождения,

родом из-под Смоленска. Разведчики на него не надеялись и по их просьбе месяц назад по моему рапорту командир полка перевел его в автоматную роту. В данном бою Яковлев пошел не с автоматной ротой, а с разведчиками. Вот с ним и пришлось занимать позицию для обороны отобранного у врага дорогой ценой клочка родной земли.

От реки до шоссе мы прошли вместе по траншее над оврагом, постреляв через овраг в сторону противника то из автомата, то из карабина. Я решил оставить Яковлева при входе в траншею у шоссе, а самому занять ячейку у реки для наблюдения за наиболее опасным перекрестком траншей, откуда днем начинали гитлеровцы свою атаку. Не прошло и пятнадцати минут, как слышу по ходу сообщения шорох. Спрашиваю вполголоса: «Кто?»

Отвечает: «Я, Яковлев».

— Что там у тебя?

— Страшно, я не могу.

Мы с ним сели на дне траншеи, закурили, поговорили о дневном бое, вспомнили своих товарищей. «Все были хорошие и смельчаки», — говорит он мне.

— А сколько нужно еще положить таких молодцов, чтобы занять этот плацдарм, если мы не устоим и уйдем?

— Много, — ответил он.

Рассказав еще пару анекдотов, немного пошутили, и я его спросил: «А как ты, Сашка, думаешь, немцам страшно или нет?»

Он говорит: «Они же тоже не знают, сколько нас. Они на чужой земле, а не на своей».

— Выходит, им страшнее.

Саша согласился. Снова я отвел его к мосту, попросил, чтобы он был внимателен, вслушивался в темноту.

Через 15–20 минут он снова вернулся ко мне. В третий раз я послать не стал, а послал к землянке — месту нашей переправы с заданием: кто переплынет или выйдет с поля боя, то их привести сюда. И он пошел.

Неприятное ощущение было и у меня. Я оставался один, лицом к лицу с противником. Нас разделяли какие-то 75 метров через овраг, куда от меня спускалась траншея. Но принесенные большие жертвы по захвату плацдарма подсказывали мне: «Пока жив, не уходи, действуй и удерживай отвоеванный рубеж». Напрягая все нервы, силу воли и терпение, я решил не отходить. Прошло немного времени, слышу шаги. Я окликнул: — Кто идет?

— Я, — ответил Саша Яковлев.

Он доложил, что привел троих солдат — казахов из автоматной роты. Но они «ни бельмеса» не говорят по-русски. У них ни одного патрона и ни одной гранаты.

— Хорошо, — сказал я Яковлеву, — пойдешь с ними к мосту и направишь ко мне. Я их снова отправлю к тебе и так они будут держать связь между нами. И они пошли. К сожалению, задуманного действия не получилось. Когда они возвратились, я их послал к Яковлеву, они отошли метров на 50 и присели.

Яковлев возвратился. Тогда я сказал ему: «Ну и пусть сидят, иди снова к переправе, не встретишь ли там кого-либо еще». Через некоторое время он привел раненого в руку младшего сержанта Химушкина из автоматной роты. Он и рассказал мне о том, что в бою за вторую траншею, которая шла за шоссейной дорогой, выстрелом из закопанного танка при стрельбе из трофейного орудия по пулеметной точке снарядом был убит ст. лейтенант Федулов, боевой командир автоматной роты. У меня пробились слезы.

Химушкин сообщил, что рота попала в засаду и понесла большие потери. Это был новый и больной для меня удар от сознания того, что тыл у нас не прикрыт.

«Ребята, но мы будем стоять. Саша, ты снова пойдешь к мосту, а ты, Химушкин, возьмешь троих солдат, которые сидят в траншее, и будете водить от меня к мосту и обратно, подавая команды вплоть до батальона, только вполголоса, чтобы походило на правду».

И когда сержант Химушкин вел уже свое «войско» от Яковleva ко мне по траншее, то задел одного из бойцов автоматом по каске, она зазвенела, потом крикнул: «Где там политрук девятой роты!?

В сторону нашей траншеи одновременно через овраг засвистело несколько пулеметных очередей.

Противник непрерывно начал бросать осветительные ракеты, одновременно по несколько ракет. К утру переплыл через Неву пулеметный расчет в количестве 9 человек во главе со старшим сержантом Чемизовым, моим старым другом по боям на полуострове Ханко. Нашей радости не было конца. На вопрос: «Как нас нашел?» он ответил: «По ракетам хорошо видно, где проходит передний край». Я приказал пулемет окопать и поставить над оврагом; указал сектор обстрела. Расчет приступил к работе. Че-

мизов рассказал нам обстановку. Подступы к правому берегу Невы авиация противника бомбила целые сутки. Полк понес большие потери. Начальник штаба майор Мосалов убит, ранен секретарь партбюро майор Ломанов.

Перед рассветом к нам прибыла 9-я рота с командиром и политруком. Я передал им участок перед обрывом с расчетом станкового пулемета старшего сержанта Чемизова.

Александра Яковлева, теперь уже испытанного в совместном бою, я взял с собой связным и пошел организовывать оборону по шоссе. Придя на шоссе, мы с Яковлевым встретились с сержантами Малышкиным и Арбузовым. Радости не было конца. Мы обнялись. Они показали свою работу. По шоссе и на поле, справа и слева, валялись трупы захватчиков. Оказалось, они вчера надежно прикрывали нас со стороны леса на рубеже шоссе. К 10 часам в мое распоряжение прибыла группа солдат в количестве 19 человек под командой сержанта Болдырева с правого берега. Выдвинувшись с сержантом Болдыревым за шоссе в лес на высотку, я показал позицию и поставил задачу — срочно окопаться и быть готовыми к отражению атаки противника. Бойцы начали окапываться. Подгонять необходимости не было, все понимали обстановку. По кювету у моста я поставил двух наблюдателей. Okolo 14 часов прибыл наблюдатель и торопливо доложил: «За мостом у немцев какой-то шум, беготня». Я поднял сержанта Малышкина:

— За мной!

У моста прислушались. До нас дошел звон котелков. «Ребята, у немцев обед. Кухня влево от моста за высоткой. Видите дымок?»

Вася сказал Малышкину: «Бегом веди всю группу сержанта Болдырева, но подползайте по кювету скрытно и быстро, чтобы противник не заметил». Минут через пятнадцать группа сержанта Болдырева прибыла. Я подал команду: «Приготовиться к атаке!» Рывок должен быть по зоне, простреливаемой немецким пулеметом, под мост, влево на высотку и в лес. Когда все были готовы, я подал команду: «За мной!» За высоткой у кухни оказалось двадцать немцев с котелками. Пущенными в ход гранатами они были уничтожены. За кухней, справа от траншеи, в котловане штабелем лежали 14 ящиков гранат и 81-миллиметровый миномет. Я подал команду: «Набрать гранат и приготовиться к штурму пулеметных точек и дзота в Арбузове с тыла!» С командиром 9-й роты

связаться не удалось, не было хода сообщения. Упускать момент, пока немцы не оправились, было нельзя. Я подал команду: «За мной, на дзоты!» Бойцы во главе с сержантом Малышкиным и Болдыревым бросились к траншее, я прыжком через шоссе — к землянке по кювету. Ударил в дверь ногой и бросил в землянку гранату. За взрывом гранаты в землянку вскочил сам. Передо мной выросли, как из-под земли, несколько здоровенных эсэсовцев. На голове вздыбились волосы и, как мне показалось, поднялась каска. Автомат на груди, шинель распахнута, на раздумье времени не было. Я выхватил из расстегнутой кобуры револьвер, который возвратил мне Слава Соколовский, два раза выстрелил и выскочил из землянки.

Крикнул: «Выходи, гады!» Подняв кверху руки, выходят: один, второй, третий... Смотрю, больше не выходят. Этих окружили в кювете и связывают руки наши бойцы под руководством Яковleva. Один оказал сопротивление, его пристрелили. Я бросил в землянку предпоследнюю Ф-1. Вскочил снова в землянку, там оказались двое убитых эсэсовцев, когда и чем убил их, не знаю.

В Арбузове наши ребята дрались насмерть. Кто в амбразуру стрелял и бросал гранаты, кто перебрасывался гранатами, стрелял из автоматов, другие вели бой в ходах сообщения. Лабиринт траншей был запутан. Со стороны Анненского из леса на помощь своим спешили две роты противника. Сержанту Малышкину я отдал распоряжение: «Добивай в этих землянках и дзотах эсэсовцев, я возьму 5 человек и тебя прикрою». Яковлеву и троим, находившимся поблизости, скомандовал: «За мной, навстречу противнику!»

Троих направил по главной траншее, сам с Яковлевым устремился по кювету. Ходы сообщения были нарыты через каждые 50–60 метров. Чтобы выиграть время, мы обстреляли противника и пошли на сближение. Ходы сообщения от шоссе к Неве были глубокие и узкие. Наконец, мы сблизились, противник в одном, а мы в другом ходе сообщения. Завязали перестрелку. Я Яковлеву говорю: «Как только сейчас фриц даст очередь из автомата по кювету, не зевай, на четвереньках за мной, гранаты и автоматы наготове». И вот он выстрелил. Мы броском к нему. Когда оставалось метра 2–3 до немца, я развернулся, бросил гранату и прыжком — в ход сообщения. Гранату я перебросил, и немец оказался у меня между ног. Держа его, я в группу фаши-

стов в кювете бросил вторую гранату. Яковлев подо мной выстрелил в голову немца.

Падая через убитых, гитлеровцы в панике убегали в главную траншею. Там их встречали огнем наши ребята. Вражеская атака захлебнулась.

Из леса двигались две танкетки. У нас не было противотанковых гранат, положение осложнялось. Один из бойцов доложил: «Я видел в ячейке два противотанковых ружья с патронами». «Тащи их бегом сюда». Танкетки уже открыли по нам огонь. Когда привнесли ПТР, расстояние до них сократилось до 200—250 м. Я схватил ПТР, а оно оказалось незнакомым, мы не знали, как его перезаряжать. Вдруг мне пришло в голову: насечки на металле верно для нажатия пальцами, и я нажал. Затвор открылся. Показал Яковлеву, как заряжать ПТР, и мы открыли по первой танкетке огонь из двух ПТР.

Заклинили одну гусеницу, танк закрутился на месте. Перенесли огонь по второму, подбили и его. В это время бойцы 9-й роты подоспели к нам на помощь. После очередной схватки натиск противника был остановлен. Прибежал связной от сержанта Болдырева и доложил, что они не могут взять дот в углу Невы и оврага. Оставив участок обороны 9-й роте, мы с Яковлевым поспешили на помощь. Взвесив обстановку, я приказал троим солдатам и Яковлеву с одной стороны и троим солдатам с сержантом Болдыревым — с другой на расстоянии полуметра от дота вести непрерывный автоматный огонь, а сам по «коридору» со связкой гранат пополз к вытяжной трубе, в которую опустил гранаты и отскочил в траншею. Грохнул взрыв огромной силы. В воздух поднялся черный столб дыма и множество осветительных ракет. Все затихло. Плацдарм был занят по фронту более двух километров и в глубину метров на 500.

Ночью к нам переплыли новый командир полка с комиссаром — вышедшим из полевого госпиталя после ранения майором Ломановым. С ним переправились несколько подразделений.

Очень хотелось бы разыскать Колю Ожиганова, Славу Соколовского, Васю Безрукова, Сашу Яковlevа, Ваню Капустина, Сашу Малышкина, Арбузова, Болдырева и других, а также низко поклониться родственникам Александра Федулова.

Д. К. ЖЕРЕБОВ,
полковник в отставке, бывш. начальник отделения разведки
штаба инженерных войск Волховского фронта

Синявинская операция 1942 года глазами противника*

Летом 1942 года немецко-фашистские войска готовились к новому штурму Ленинграда. Разведка установили переброску войск 11-й армии фельдмаршала Манштейна из Крыма.

Для срыва вражеского штурма Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования решила провести наступательную операцию на синявинском направлении в августе — сентябре 1942 года силами Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией. Кроме того, Ставка рассчитывала активными действиями на северо-западном направлении сковать вражеские войска и не позволить противнику перебрасывать свои силы на юг, где в то время развертывались решающие события.

В то время нашему командованию не были известны все детали замысла врага, истинное направление и размах подготавливаемого немецкого удара, что, конечно, не могло не сказаться на принимаемых решениях и действиях наших войск. Теперь же по прошествии четырех десятилетий с опубликованием многих документов мы можем правильно оценить принятые решения и боевые действия соединений наших войск.

Руководство Вермахта приступило к тщательной подготовке очередного штурма города сразу же после завершения боев на любанском направлении. Было решено на усиление войск 18-й армии, которой вновь ставилась задача прорвать оборону советских войск на ленинградском рубеже, перебросить соединения 11-й немецкой армии из Крыма и несколько дивизий из Западной Европы.

В директиве ОКВ № 45 от 23 июля указывалось:

«...группе армий "Север" к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование "Фойер-цаубер" ("Волшебный огонь"). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования».

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Первоначальный успех наступления на юге побудил германское верховное командование поторопиться с «окончательным решением» судьбы Ленинграда.

Именно для этого Гитлер отменил переброску на Волгу освободившейся под Севастополем 11-й армии Манштейна и подтвердил свое мнение о необходимости направить ее на север, «чтобы занять Ленинград, тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией». Итак, Манштейн идет не к Волге, а к Ленинграду. В течение месяца группа армий «Север» тщательно готовилась к этой операции. Под Ленинградом шло сосредоточение войск, боевой техники, вооружения, боеприпасов. Операция получила новое название — «Нордлихт» («Северное сияние»). Подготовка операции проходила под постоянным наблюдением руководства Вермахта.

23 августа у Гитлера состоялось совещание, посвященное подготовке наступления на Ленинград. Было принято решение перебросить под Ленинград не только дивизии 11-й армии, но и ее управление во главе с командующим армией генерал-фельдмаршалом Э. Манштейном с возложением на него руководства операцией «Нордлихт». Начало операции ориентировочно определили 14 сентября.

23 августа. Ставка Гитлера. Обсуждается вопрос о судьбе Ленинграда.

— Открывая заседание, — как свидетельствует запись в журнале боевых действий группы армий «Север», — Гитлер многократно повторял о необходимости избегать уличных боев. Далее запись гласит: «В целом относительно "Нордлихт" фюрер думает следующее: под Ленинградом, как и под Севастополем, снова приходится считаться с необходимостью захвата крепости. Но под Ленинградом должно быть легче, его расположение не так благоприятно, и он не так укреплен. При этом наши войска значительно сильнее, прежде всего в артиллерии. Этой сильной артиллерией при самом тесном взаимодействии с авиацией необходимо выпустить "величайший в мире фейерверк". Только под Верденом в военной истории прошлого, было введено больше артиллерии. Он (Гитлер) считает, что таким силам, в тесной связи с авиацией, при высокой концентрации достаточно будет 6-дневного подготовительного периода (3 дня для действия авиации, 3 — для артиллерии). Тяжелые и сверхтяжелые калибры и авиация

должны быть молниеносно и внезапно направлены против всех важных для жизни и боя позиций и сооружений».

Присутствовавший на совещании командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Кюхлер немедленно принял раз вивать идеи Гитлера:

— Мой фюрер, я думаю, что прежде всего необходимо произвести террористические удары по фабрикам, предприятиям вооружения, партийным домам и командным пунктам, чтобы разгромить или нарушить всю эту организацию и парализовать массы рабочих и гражданского населения. Все займет 5 дней.

Гитлер склонился над большим фотопланом Ленинграда, на котором можно было ясно различить даже отдельные дома.

— Я считаю, — сказал Гитлер, — что положение под Севастополем было иным и что будет совершенно правильным принять обратный способ действий: сначала уничтожение города, а потом укреплений.

— Прошу Вас, мой фюрер, — продолжал фон Кюхлер, — отдать директиву об участии финнов и о взаимодействии с ними в широком плане. Группа армий со своей стороны не имеет с ними никакой связи...

Далее разговор шел о деталях. В заключение Гитлер вновь обратился ко всем собравшимся:

— Я очень озабочен действиями Советов в связи с наступлением на Ленинград. Подготовка не может оставаться для них неизвестной. Реакцией может стать яростное наступление на Волховском фронте против слабо занятого нами участка у Погостъе и прежде всего против узкой горловины у Мги. Этот фронт при всех обстоятельствах должен бытьдержан. Танки «тигр», которые группа армий получит сначала девять, пригодны, чтобы ликвидировать любой танковый прорыв*.

Гитлер подошел к фон Кюхлеру:

— Я хотел бы танки «тигр» держать там, наверху, — рука Гитлера легла на карту близ Ленинграда, — за линией фронта. Тогда ничего не может случиться. Они неуязвимы и могут разбить любое танковое наступление противника.

Гитлер продолжал:

— Кроме того, что фронт будет усилен в большом количестве тяжелым и сверхтяжелым оружием, в связи с ожидаемым сопро-

* О судьбе танков «тигр» в Синявинской операции — см. с. 18.

тивлением противника, решающей может стать авиация. Учитывая это, я решил, что возглавит ее мастер руководства авиационными соединениями генерал-полковник фон Рихтгофен. Чтобы сделать взаимодействие между сухопутными силами и авиацией таким идеальным, как это только возможно, я решил, что руководство операцией возглавит генерал-фельдмаршал фон Манштейн, который овладел Севастополем при отличном взаимодействии с командующим 4-м воздушным флотом (Рихтгофеном — сост.). Общее командование наступающими и обороняющимися на фронте остается за группой армий «Север».

Как только все разошлись, Йодль быстро сформулировал задачи 11-й армии: «Во-первых, Ленинград отрезать и установить связь с финнами; затем Ленинград уничтожить».

Таким коротким и выразительным был последний «приговор» Ленинграду, вынесенный гитлеровцами.

Но прежде, чем армия фельдмаршала Манштейна полностью сосредоточилась у стен Ленинграда, советские войска начали 27 августа наступление на восточный участок той самой «горловины», которого так опасался Гитлер.

Смелый удар Красной Армии вынудил группу армий Кюхлера («Север») срочно перебросить к району прорыва крупные силы.

1 сентября 1942 года — Гитлер решил, что операция «Нордлихт» начнется только после ликвидации этого опасного прорыва войск Волховского фронта.

1 октября 1942 года — Гитлер заявил, что срок штурма Ленинграда надо отложить.

В конце концов генеральный штаб сухопутных войск противника ограничился приказом в конце октября 1942 года действиями ударных групп придвигнуть поближе к Ленинграду боевую линию войск.

30 октября 1942 года — Манштейн со своим штабом по приказу Гитлера переведен в Витебск, чтобы предотвратить возможный кризис в группе армий «Центр». Вопрос о штурме Ленинграда практически отпал.

Скупые записи в дневнике генерала Ф. Гальдера раскрывают нам планирование и ход боевых действий в августе — сентябре 1942 года южнее Ладожского озера.

*Из дневника генерала Ф. Гальдера,
начальника генерального штаба Вермахта (том 3, кн. 2)*

12 августа 1942 года, 417-й день войны. Группа армий «Север»: продолжаются атаки против коридора. Подготовка наступления на выступ у Погостъя. Направление его пока не ясно.

23 августа 1942 года, 428-й день войны. На фронте группы армий «Север» картина остается прежней: как и раньше отмечаются признаки близкого наступления противника...

У фюрера: совещание с Кюхлером о положении на фронте группы армий «Север» и о планировании наступления на Ленинград (использование Манштейна).

25 августа 1942 года. Группа армий «Север»: обстановка прежняя. Интенсивные ж. д. перевозки противника в направлении фронта. На Волхове противник переносит вперед свои командные пункты.

26 августа 1942 года. Группа армий «Север»: множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера.

27 августа 1942 года. Группа армий «Север»: ожидавшееся наступление южнее Ладоги началось. Пока только местные вклиниения. В основном удары отражены. На остальных участках фронта группы армий картина почти без изменений.

28 августа 1942 года. Группа армий «Север»: весьма неприятный прорыв противника южнее Ладожского озера. Кроме того, отмечается подготовка к наступлению на Волховском фронте.

(Генерал Гальдер, как и все у противника, считал, что граница Волховского фронта с Ленинградским все еще проходит у Киришей. — Д. Ж.)

29 августа 1942 года. Группа армий «Север»: контрудар по вклинившемуся противнику начался вполне успешно. Результатов пока еще нет. «Тигры» еще не приняли участия в боях, так как застряли перед мостами с малой грузоподъемностью.

30 августа 1942 года. Группа армий «Север»: противник продолжает атаки южнее Ладожского озера, но без существенного успеха. Однако и наши контратаки не обеспечивали продвижения вперед. Силы, подготовленные для штурма Ленинграда, все больше и больше используются для сдерживания этого наступления.

31 августа 1942 года. Группа армий «Север»: вклиниение противника на участке «бутылочного горла», кажется, удалось остановить. Подготавливается контрудар.

1 сентября 1942 года. Группа армий «Север»: на участке прорыва у Ладоги снова нажим противника в северном направлении.

2 сентября 1942 года. Полковник Крамер: отчет о действиях «тигров» подо Мгой. Очень правильно, что оттянули их назад.

10 сентября 1942 года. Группа армий «Север»: войска Манштейна, наносящие контрудар, встречают сильное сопротивление. На Неве успешно ведутся оборонительные бои.

11 сентября 1942 года. ...Наступление Манштейна остановилось. Доклады у фюрера прошли в ледяной атмосфере*.

15 сентября 1942 года. Группа армий «Север»: на фронте 16 армии обычные атаки местного значения. У Манштейна — подавление артиллерии и отражение атак местного характера.

16 сентября 1942 года. ...На фронте группы армий «Север» предварительное наступление Манштейна (южнее Ладожского озера) оказалось успешным.

21 сентября 1942 года. ...Манштейн выступил. Незначительные первоначальные успехи. На остальном фронте спокойно.

22 сентября 1942 года, 458-й день войны. Группа армий «Север»: 18-я армия: незначительная деятельность артиллерии и разведывательных дозоров.

11-я армия: отразив вражеские контратаки с запада против левого фланга нашей наступающей группировки, 30-й армейский корпус силами 132-й дивизии снова перешел в наступление. В ходе боев за отдельные укрепленные точки на переднем крае противника, наши войска, преодолевая болотистую и лесистую, почти непроходимую местность, сумели во второй половине дня продвинуться еще дальше на север и овладеть важными высотами севернее Тортолова. В полосе 26-го армейского корпуса 121-й дивизии во второй половине дня удалось прочно овладеть отрезком дороги Келколово—Путилово к северу от Гайтолова протяженностью 300 метров. Контратаки противника отражены. Из 16 разведенных огневых позиций 9 подавлены с помощью авиации. Попав утром под собственный огонь, противник, атаковывавший позиции на левом фланге 227-й дивизии (восточный участок) у населенного пункта Липка и южнее, отошел на свои исходные позиции. На участке фронта по Неве никаких существенных событий.

* Это настроение было у обеих сторон, то есть и у Гитлера, и у Гальдера. — Прим. нем. изд.

23 сентября 1942 года. ...Наступающие войска Манштейна медленно продвигаются вперед.

24 сентября 1942 года, 460-й день войны. После дневного доклада — отставка, переданная фюрером (мои нервы истощены, да и он свои поистрепал; мы должны расстаться...)

Группа армий «Север»: одна из позиций 8-й танковой дивизии подверглась нападению трех вражеских разведывательных групп общей численностью до 100 человек в немецких касках и плащ-палатках. Противник отброшен. Перед позициями 30-й пехотной дивизии — передвижения противника. Оживленный беспокоящий огонь артиллерии противника на участке 122-й пехотной дивизии. 11-я армия, 30-й армейский корпус продвинулся лишь незначительно. 26-й армейский корпус овладел северо-западной окраиной Гайтолова. В 16.00 начался новый штурм Гайтолова. Противник подверг бесчисленным, но тщетным контратакам с восточного и юго-восточного направления восточный фланг 121-й пехотной дивизии. На участке вклиниения — неослабевающее упорное сопротивление противника. Потери противника 21.09 перед позициями 227-й пехотной дивизии — 500 убитых.

Очень знаменательны воспоминания бывшего министра вооружения «третьего рейха» Альберта Шпеера о судьбе первых шести танков «тигр», по личному распоряжению Гитлера направленных под Ленинград.

«Как и всегда при появлении нового оружия, Гитлер ждал от «тигров» сенсации. Красочно расписывал он нам, как советские 76-мм пушки, насквозь простреливающие лобовую броню Т-IV даже на большом расстоянии, напрасно будут посыпать снаряд за снарядом и как наконец «тигры» раздавят гнезда противотанковой обороны. Генеральный штаб обратил внимание на то, что слишком узкие гусеницы из-за болотистой местности по обеим сторонам дороги делают невозможным маневрирование. Гитлер отвел эти возражения.

Так началась первая атака «тигров». (В районе северо-восточнее Мги — Д. Ж.) Все было напряжено в ожидании результата... Но до генерального испытания дело не дошло. Русские с полным спокойствием пропустили танки мимо батареи и затем точными попаданиями ударили в менее защищенные борта первого и последнего «тигров». Остальные четыре танка не могли двинуться ни вперед, ни назад, ни в сторону, и вскоре были также подбиты. То был полнейший провал...»

В воспоминаниях фельдмаршала Манштейна хорошо прослеживаются причины провала операции «Нордлихт». Это Синявинская наступательная операция, подготовленная советским командованием, как упреждающий удар по врагу под Ленинградом и героизм советских войск. Прибыв под Ленинград 27 августа со своим штабом армии, Манштейн разработал общий замысел операции по захвату города, который «заключался в том, чтобы, используя сначала сильнейшее артиллерийское и авиационное воздействие на противника, прорвать силами трех корпусов его фронт южнее Ленинграда, продвинувшись при этом только до южной окраины самого города. После этого два корпуса должны были повернуть на восток, чтобы сходу внезапно форсировать Неву юго-восточнее города. Они должны были уничтожить противника, находящегося между рекой и Ладожским озером, перерезать путь подвоза через Ладожское озеро и в плотную охватить город кольцом также и с востока. В таком случае захвата города можно было добиться быстро и без тяжелых уличных боев...»*.

«...4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение. Действительно, в этот день противник в районе южнее Ладожского озера совершил широкий и глубокий прорыв занятого незначительными силами фронта 18-й армии...

...И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера»**.

«Как всегда, противник не помышлял о сдаче... Напротив, он предпринимал все новые и новые попытки вырваться из котла. Так как весь район был покрыт густым лесом (между прочим, мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности), всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню, лесной район в несколько дней был пре-

* Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957. — С. 265—266.

** Там же, с. 266.

вращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки когда-то гордых деревьев-великанов...

...Если задача по восстановлению положения на восточном участке фронта 18-й армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи...»*

Гитлеровские войска, готовящиеся к штурму Ленинграда, были разгромлены на Синявинских высотах.

Какое имело это значение, видно из свидетельства немецкого генерала Типпельскирха, написавшего в своей «Истории Второй мировой войны» об операциях на северо-западном и западном направлениях: «Летом и осенью 1942 года в этих районах шли тяжелые бои, которые потребовали большого напряжения сил немецких дивизий, не позволили осуществить переброску войск в интересах наступающих армий...»**

Теперь внимание гитлеровского командования было серьезно и надолго приковано еще и к северо-западному направлению. Враг не только не посмел перебросить имевшиеся здесь резервы на другие направления, но даже вынужден был усиливать группу армий «Север» за счет частей, прибывавших из Западной Европы. А ведь эти резервы были жизненно необходимы немцам под Сталинградом.

*Б. В. НЕРИНОВСКИЙ,
сын политрука 798 ап 265 сд,
погибшего под Тортоловом в сентябре 1942 г.*

*От Гонтовой Липки до Вороново (по следам событий)****

Я принадлежу к поколению ленинградцев, которые во время блокады ходили в детский сад. Хорошо запомнилось, как в 1942 и 1943 годах в очередях, в бомбоубежищах и всюду, где собира-

* Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957. — С. 267.

** Типпельскирх К. История Второй мировой войны, с. 240.

*** Сообщение на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1942 г.

лись люди, можно было слышать с тревогой и надеждой: «...Мга»..., «Мга»..., «Синявино»..., «Мга»...

Впервые на мгинскую землю я попал на первомайских праздниках в 1965 году. Приехал, чтобы отыскать могилу отца, Нериновского Владимира Григорьевича, работавшего до войны инструктором Приморского (ныне Ждановского) райкома партии и погибшего под Тортоловом, как указывалось в извещении, 12 сентября 1942 года в звании батальонного комиссара. Он служил в первом дивизионе 798-го ап 265-й сд. Комиссар дивизиона Владимир Иванович Романов считал, что «он был одним из тех комиссаров, которые цементируют ряды нашей славной и доблестной Красной Армии», что он погиб в бою и похоронен на братском кладбище в деревне Пустошка, где на могиле поставлен памятник с фотографией. В. И. Романов также писал, что сразу после окончания войны обязательно приедет к нам и расскажет, как воевал мой отец, но этому не суждено было сбыться, так как сам Владимир Иванович погиб весной 1945 года в Германии, спасая знамя полка.

Никаких памятников в районе деревни Пустошка не оказалось. Не существовало ни самой деревни Пустошка, ни деревень Килози и Новая, упоминавшихся в письме В. И. Романова. Кругом тишина и безлюдье. Только звенит речка Назия, причудливой змеей извиваясь среди изрезанных окопами и остатками блиндажей холмов. По крутым склонам правого берега Назии у бывшей деревни Пустошка угадывались явственно огневые позиции артиллерии, судя по немецким гильзам крупного калибра и по тому, что ориентированы на восток, — немецкие. На левом берегу, на высоких холмах против Пустошки и Новой — несколько наших бетонных колпаков для пулеметных точек.

С сожалением подумал, что пришел в эти места лишь теперь, уже отслужив действительную службу в армии в Хасанском районе и окончив физический факультет ЛГУ, когда многое не сохранилось.

У левого берега реки Назии метрах в двухстах по течению от железнодорожного моста сохранилось небольшое воинское кладбище — два ряда едва заметных холмиков одинаковой длины, размытых и заросших. Одни холмики — поуже, другие — пошире. На одном из широких холмиков нашел в траве цинковую табличку, изготовленную из патронного ящика. На табличке были нацарапаны две фамилии: Щербаков и Бойцов. Табличку эту я по-

том сдал в Леноблвоенкомат. Рабочие на железнодорожном посту 63 км сообщили, что еще недавно на этом кладбище стояли деревянные памятники, но пришли в негодность и их сожгли то ли грибники, то ли рыбаки; что все другие воинские захоронения были недавно перенесены с помощью населения на братские кладбища в Путилово, в Назию и на Синявинские высоты. Мы с матерью неоднократно обращались в Леноблвоенкомат об установлении общего памятника на оставшемся без внимания воинском кладбище у железнодорожной станции 63 км. В конце концов исполком Кировского района Ленинградской области принял решение перенести это братское захоронение на кладбище во Мгу. Накануне 49-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в кузове военного грузовика, как на трибуне, стояли представители Мгинского поселкового Совета, партийных органов, облвоенкомата, представители общественности. В старенькой шинели с перевязанным из-за простуды горлом сухонький подполковник в отставке Владимир Федорович Лапинский обратился с речью к массе народа, пришедшего на Мгинское кладбище на торжественно-траурную церемонию. Спереди слева от уже существовавшего большого воинского захоронения была вырыта большая яма, куда успела просочиться вода, и рядом стояли несколько больших гробов. С кузова грузовика зачитали фамилии и имена солдат, командиров и политработников, которые удалось установить при вскрытии могил на 63-м километре. Всего было обнаружено 68 останков и среди них — останки маленькой девочки. В основном это оказались воины 18-й стрелковой дивизии, умершие от ран, так как в могилах сохранились лубки, шины и бинты. Протрещал троекратный солдатский салют из карабинов...

Среди опознанных моего отца не оказалось, но В. Ф. Лапинский решил включить его фамилию в списки похороненных на Мгинском кладбище, так как факт захоронения отца в районе деревни Пустошки был документально подтвержден.

После перенесения кладбища от платформы «63 км» во Мгу я продолжал свои поиски. На праздник Победы 9 мая 1968 года я со своими родственниками поехал на кладбище в поселок Назию. Небольшое по своим размерам воинское кладбище было расположено очень живописно на бугре в самой северной части поселка Назия возле бывшей деревни Килози, прекратившей свое существование в годы войны. За оградой — недавно поставленный безымянный обелиск, который не говорит ни о том, кто

лежит, ни сколько воинов захоронено. Рядом лежал старый памятник со списком фамилий и званий — политруки, младшие и средние командиры, солдаты...

В тот холодный пасмурный день, кроме нас, на кладбище пришел лишь один человек — бедно одетая пожилая женщина в галошах на босу ногу. Жительница города Пушкина разыскивала могилу своего сына, погибшего под Вороновом. Обежала много километров по лесам, болотам и высоткам и вот теперь пришла сюда, но и здесь не нашла. «Прости меня, мой сыночек дорогой, что я тебя раньше не отыскала...» — повторяла она со слезами на глазах. Я посоветовал ей съездить во Мгу к В. Ф. Лапинскому. Может быть, он имел какие-нибудь сведения о ее сыне? Что еще можно было посоветовать? — Поехала. До сих пор ее образ стоит перед глазами...

Тем же летом я впервые попал в Тортолово. На месте бывшей деревни, к востоку и к северу от нее по безымянным высоткам среди заросших мелколесьем болот и остатков проволочных заграждений представали бесконечные лабиринты хорошо сохранившихся окопов и ходов сообщений — наших и вражеских вперемешку. Окопы были усеяны советскими и немецкими касками, снарядными ящиками и гильзами, патронами, пулеметными и автоматными дисками, исковерканным оружием, разорвавшимися и целыми снарядами и минами, солдатскими котелками, сапогами и ремнями, а также в большом количестве человеческими останками. Кое-где окопы были кем-то вскрыты и в тех ямах обнаруживались целые скелеты с остатками обмундирования. Кругом безлюдье, тишина, нарушаемая лишь криками болотной птицы да кукушки, и, что самое удивительное, ни одного памятника. Будто время остановилось здесь, в 60-ти километрах от Ленинграда. Такая же обстановка была сплошь до Гайтолова и Гонтовой Липки, а также к югу — от Мишкина до Воронова. Следы ожесточенных боев и большое количество останков советских воинов были обнаружены по левому берегу речки Черная, в районе рощи Круглая и к западу от озера Барское на безымянных высотках, среди болот.

В результате исследования местности и изучения имевшейся военно-исторической литературы, после бесед с местными жителями и ветеранами боев, возникла идея организации мемориальной зоны переднего края Волховского фронта от Гонтовой Липки до Воронова, чтобы увековечить память советских солдат всех со-

единений и частей, сражавшихся здесь за Ленинград. Это было бы самым справедливым решением, ибо персональные памятники или надписи в честь каждого погибшего являются нереальной перспективой.

Я много раз беседовал с В. Ф. Лапинским в его однокомнатной квартире номер 30 дома 51 по улице Железнодорожников в поселке Мга и видел десятки, сотни писем, присланных ему со всех сторон Советского Союза с просьбой выяснить место захоронения родственника, погибшего подо Мгой. Пожалуй, чаще других местами гибели значились Синявино, Гайтолово, Тортолово, Поречье, Вороново, а даты гибели приходились на сентябрь 1942 года.

Поздним осенним вечером 1969 года ленинградцы — шофер Георгий Павлович Матвеев и слесарь Кирилл Кондратьевич Ланковский — принесли в мешке на квартиру к В. Ф. Лапинскому документы отдельной роты связи 53-й отдельной стрелковой бригады, участвовавшей в Синявинской операции в составе войск Волховского фронта и попавшей в окружение в сентябре 1942 года в районе Гайтолова. Г. П. Матвеев и К. К. Ланковский наткнулись в районе Гайтолова на два присыпанных землей снарядных ящика, в которых были спрятаны эти документы при выходе роты из окружения. Среди найденных документов обнаружили наградные листы, списки личного состава и вооружения роты, приказы по бригаде и другие материалы. В том числе были обрывки газетного листа с сообщением Совинформбюро от 25 июля 1942 года с заметкой «Разгром вражеских дзотов», под которой стояла подпись старшего политрука В. Нериновского.

В апреле 1970 года, благодаря заметке «По следам героев», опубликованной в газете «Смена» за 2 апреля, мне удалось войти в контакт с ветеранами 265-й стрелковой дивизии. 9 мая на праздничном сборе ветеранов 265-й сд я начал собирать подписи ветеранов Волховского фронта под ходатайством об установке памятников на местах бывших опорных пунктов: рощи Круглая, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Вороново.

16 мая 1971 года Совет ветеранов 265-й сд организовал поход следопытов 184-й средней школы Ленинграда по местам сражений дивизии в районе бывших населенных пунктов Тортолово и Гайтолово. Этот поход произвел большое впечатление как на самих участников похода, так и на всю школу. Значительно пополнился школьный музей Боевой славы. Участники похода расска-

зывали о нем по ленинградскому радио. Впоследствии походы слёдопытов 184-й средней школы неоднократно проводились по местам боев 265-й сд под Тортоловом, Гайтоловом, Вороновом, под Лодвой и Малуксой. Активное участие в этих походах принимал бывший начарт 450-го сп 265-й сд капитан Николай Максимович Семашкин — участник боев под Лодвой, в Синявинской операции 1942 года, операции «Искра» и Мгинской операции в 1943 году.

Летом 1971 года вдвоем с двоюродным братом Игорем Константиновичем Колмогоровым мы собрали в районе высотки с отметкой 44.10 и захоронили (приблизительно в 135 метрах восточнее дороги и в 1460 метрах к северо-востоку от мостика в Тортолово) большое количество останков советских воинов. На этих рубежах в сентябре 1942 года сражались воины 450-го сп 265-й сд, а летом 1943 года — 58-я стрелковая бригада.

По решению исполкома Кировского городского совета к 30-летию прорыва блокады установлен небольшой гранитный монумент близ поселка Синявино на 66-м километре Мурманского шоссе, где 18 января 1943 года в бывшем Рабочем поселке № 1 соединились войска Волховского и Ленинградского фронтов. 18 января 1973 года состоялось торжественное открытие монумента. Сюда на бронетранспортерах в сопровождении эскорта мотоциклистов были доставлены знамена города-героя Ленинграда, ордена Ленина Ленинградской области и частей Ленинградского фронта.

В июле 1973 года мною было направлено в Управление культуры Леноблисполкома ходатайство о создании мемориальной зоны Волховского фронта от бывшей деревни Гонтовая Липка до бывшей деревни Вороново с подписями ветеранов Волховского фронта, историческая справка и план местности. К тому времени удалось собрать подписи 80 ветеранов 265-й сд, 71-й сд, 80-й сд и 165-й сд. 12 сентября 1973 года такое же ходатайство было направлено в Ленинградский Обком КПСС.

Наши солдаты, погибшие в операциях 10 сентября и 20 октября 1941 года на участке от Липки до Вороново, во время Любансской операции и на рубежах от деревни Липки до Вороново в период Синявинской операции 1942 года, внесли свой вклад в успешное завершение операции «Искра». Более того, после операции «Искра», в ходе которой войска Ленинградского и Волховского фронтов уничтожили шлиссельбургскую группировку немецко-фашистских войск, немецкое командование еще собиралось восста-

новить блокаду Ленинграда, для чего концентрировало в районе Синявино и Гайтолово крупные силы. Карбусельская операция весной и Мгинская операция летом 1943 года, проводившиеся Волховским фронтом, а также освобождение Синявинских высот войсками Ленинградского фронта, нанесли врагу такой урон, что фашисты отказались от мысли восстановить блокаду Ленинграда. В результате только одной Мгинской операции, которая проводилась в районе Гайтолово—Вороново в период сражения на Курской дуге, враг потерял около 40 тысяч человек, тем самым была обескровлена ударная группировка немецких войск, готовившаяся наступать 24—26 июля 1943 года в районе Синявино—Гайтолово в направлении Ладожского озера.

Поистине жизненное значение для Ленинграда имела Синявинская наступательная операция войск Волховского фронта с целью прорвать блокаду, начавшаяся 27 августа 1942 года и закончившаяся к 10 октября. Ленинградский фронт наносил встречные вспомогательные удары со стороны реки Тосны и с Невского пятачка. Блокаду тогда прорвать не удалось, однако были обескровлены отборные немецкие войска, готовившиеся к решающему штурму Ленинграда и вместо запланированного на начало сентября 1942 года штурма вынужденные контратаковать наступавшие соединения Волховского фронта. Синявинская операция протекала в критический для страны период. Летом 1942 года немцам удалось полностью захватить Крымский полуостров, прорваться к Майкопу, добиться крупного успеха под Харьковом, выйти к Волге в районе Сталинграда. Какими высокими моральными качествами должны были обладать те наши солдаты, которые в тяжелейший период 1942 года старались переломить ход войны, сдерживали в заболоченных лесах и на высотках восточнее Мги под Тортоловом и Гайтоловом наступление 11-й армии фельдмаршала Манштейна!

Несмотря на значительный перевес в артиллерии и господство в воздухе, немецкие войска потеряли с 27 августа по 10 октября 1942 года в треугольнике Липка—Вороново—Мга около 60 тысяч солдат и офицеров. Тем самым штурм Ленинграда был сорван. Синявинская операция измотала значительные силы фашистов, которые были им необходимы в битве у Сталинграда и на Кавказе. Заметим, что такие же потери немецко-фашистские войска понесли в октябре — ноябре 1942 года в Северной Африке под Эль-Аламейном в сражении с англичанами, которое некоторые

западные историки представляют даже как поворотный пункт в судьбе Второй мировой войны.

Сколько сотен тысяч советских солдат пролили свою кровь подо Мгой в битве за Ленинград, назвать не беремся... Полковник Дмитрий Алексеевич Морозов, автор книги «О них не упоминалось в сводках», вспоминая, в частности, взятие дивизиями Волховского фронта Пореченского узла сопротивления немцев в августе 1943 года, писал: «Да, в этих местах трудно было отыскать квадратный метр, на котором за два года боев не оборвалась бы чья-то жизнь...»

Надо сказать, что вопрос об увековечивании памятных мест на передовых рубежах Волховского фронта в районе бывших населенных пунктов Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Поречье и Вороново был поставлен в 1973 году перед Управлением культуры Леноблисполкома впервые и оказался совершенно новым.

Ходатайство о создании мемориальной зоны на бывших рубежах Волховского фронта в районе от Гонтовой Липки до Вороново было поддержано Ленинградским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1974 году.

В результате продолжительного обсуждения вопроса о памятниках Музею истории Ленинграда было поручено изготовить семь временных памятных знаков на фанере и установить их к 9 мая 1975 года на бывших местах наиболее ожесточенных боев: в роще Круглая, Гонтовой Липке, Гайтолово, в районе безымянных высот севернее Тортолова, на высотке в 500 метрах к северо-востоку от Тортолова, в Тортолово и возле развалин Дома отдыха в Вороново.

Памятные знаки были изготовлены к утру 8 мая 1975 года и имели вид фанерных стел высотой 2,5 метра, шириной 1 метр и толщиной 24 сантиметра, надеваемых на две вертикально вкопанные стальные трубы. В углублении стелы крепился лист белого пластика с памятной надписью. Из временных памятных знаков Волховскому фронту, изготовленных Музеем истории Ленинграда, было установлено только два.

Убедившись в важности сохранения памятных мест передовых рубежей Волховского фронта в районе Гонтовой Липки, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Поречье и Вороново, Управление культуры Леноблисполкома сочло необходимым создать на этой,

не тронутой со временем войны, территории уникальную мемориальную зону. Такое решение оказалось тем более целесообразным, поскольку, как заметило Министерство культуры РСФСР, подобных по военно-исторической значимости и по сохранности мест в РСФСР не осталось.

Леноблисполком дал распоряжение от 24.05.76 г. Управлению культуры разработать проект «О мерах по сохранению комплекса памятных мест Великой Отечественной войны близ ст. Апраксин в Тосненском районе» (в зоне совхоза «Мгинский»). Управление сельского хозяйства определило размер мемориальной зоны Волховского фронта в 50 га, тогда как по мнению штаба ЛенВО, Облвоенкомата, Общества охраны памятников и Совета ветеранов Волховского фронта для сохранения уникального комплекса памятных мест на этой территории необходимо выделить как минимум 330 га из неосвоенных земель совхоза «Мгинский», за которым закреплено 12 500 га. Но в результате общих усилий удалось заполучить под мемориальные участки Тортолова и Гайтолова только 90 га.

8 мая 1977 года студенты Ленинградского строительного жилищно-коммунального техникума установили небольшой гранитный памятник у развилки бывшей насыпи узкоколейки и дороги на бывшую деревню Поречье, близ деревни Славянка. Этот памятник, изготовленный по инициативе студентов техникума на средства, заработанные ими, был воздвигнут на месте перезахоронения останков советских воинов, обнаруженные студенческой поисковой группой «Обелиск». В этом районе летом 1943 года войска Волховского фронта вели тяжелые бои по разгрому Пореченского узла сопротивления немецких войск.

В 1977 году институт Ленгипрогор разработал по заданию Управления культуры Леноблисполкома проект Мемориального комплекса в зоне прорывы блокады Ленинграда. Проект предусматривал увековечивание важнейших рубежей Ленинградского и Волховского фронтов. Согласно проекту, рубежи Ленинградского фронта были представлены участками «Невский Пятачок», «Марьино», в районе Синявинских высот и на правом берегу реки Невы. Мемориальная зона Волховского фронта состояла из четырех участков: «роща Круглая», «Гайтолово», «Тортолово», «Поречье—Вороново», а также из отдельных исторических объектов, среди которых — руины моста через речку Черная у Гонтовой Липки и бывший Рабочий поселок № 5. Этот предварительный проект

явился основой для обсуждения проблемы Мемориального комплекса на различных уровнях, а поэтому в интересах дела необходимо остановиться на его недостатках.

Во-первых, проект необоснованно дорог, для его осуществления потребовались бы миллионы рублей. По проекту предполагалось в первую очередь сооружение главного монумента севернее Синявинских высот, где 18 января 1943 года соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Поскольку сооружение этого главного монумента потребует много средств и времени, тоздание должного рубежам Волховского фронта у Гонтовой Липки, Гайтолова, Тортолова, Мишкина, Поречья и Воронова снова откладывается на неопределенный срок, хотя именно эти участки породили в свое время задачу создания Мемориального комплекса в зоне прорыва блокады Ленинграда. Мемориальный участок комплекса «Невский пятак», передовые рубежи Ленинградского фронта, Синявинские высоты, место встречи двух фронтов в настоящее время уже отмечены памятниками, тогда как на передовых рубежах Волховского фронта в районе прорыва блокады до сих пор нет ни одного официально установленного памятника.

Во-вторых, проект составлен, так сказать, по принципу «активной» архитектуры городов, согласно которому архитектура доминирует над исходной местностью, ибо является самоцелью, тогда как архитектура данной военно-исторической мемориальной зоны должна быть «пассивной» в том смысле, что, отражая подлинные события, не должна отвлекать на себя внимание от подлинных военно-исторических объектов на естественном ландшафте. Предусмотренная в проекте установка помпезных памятников, мощение участков вокруг них и прокладывание дорожек на территории мемориальной зоны не только потребуют излишних затрат, но и исказят подлинный ландшафт, обезличат каждый такой участок.

В-третьих, граница мемориального участка «Тортолово» установлена неудачно. Если мелиоративные работы будут осуществлены как запланировано, то при установленной границе участок «Тортолово» распадется на две части и окажутся распаханными две небольшие высотки, которые сыграли важную роль в период Синявинской операции и за которые осенью 1942 года отдали жизнь сотни моряков Тихоокеанского флота и 73-й отдельной морской стрелковой бригады Волховского фронта. Кроме того, предпола-

гается срыть и распахать южную часть бывшего опорного пункта «Тортолово» с хорошо сохранившимися окопами в районе железнодорожного моста через речку Черная. После распашки данного участка бывший опорный пункт «Тортолово», находившийся тогда в руках противника, уменьшился вдвое и мы не получим правильного представления о том, как трудно было нашим войскам преодолеть данный рубеж. Чтобы вовремя избежать этой непоправимой ошибки, необходимо добавить к мемориальному участку «Тортолово» около 6 га территории, предназначенней под мелиорацию.

Временный фанерный памятный знак, установленный в 1975 году в Тортолово, весной 1979 года окончательно пришел в негодность, пострадав от огня, и к 9 мая 1979 года был заменен другим, который наскоро сварили в форме флага из стального листа и установили на прежних опорах аспиранты Ленинградского инженерно-строительного института.

Летом 1979 года в ходе мелиоративных работ в районе Гайтолова погибли, подорвавшись вместе с бульдозерами на взрывоопасных предметах, два бульдозериста. После этого мелиоративные работы в районе Гайтолова и Тортолова были приостановлены; однако уже была распахана под поля территория по левому берегу речки Черная, а также произведена раскорчевка леса по правому берегу речки Черная севернее дороги Келколово—Путилово у Гайтолова.

7 апреля 1980 года Леноблисполком принял решение о создании Мемориального комплекса в зоне прорыва блокады Ленинграда. В основу этого решения был положен упомянутый ранее проект, разработанный институтом ЛенгипроГор.

К 9 мая 1980 года аспиранты ЛИСИ по собственной инициативе сварили из стального листа памятник, стилизованный под трехгранный штык, и вмуровали его в камень у дороги на полпути от Тортолова к Гайтоловскому лесному кордону в честь 310-й стрелковой дивизии, сформированной в Казахстане и принявшей боевое крещение на этих рубежах в сентябре 1941 года.

Отряд, состоявший из аспирантов ЛИСИ и рабочих завода «Звезда», осуществил по просьбе Управления культуры Леноблисполкома к 9 мая 1981 года обозначение на местности границы мемориальной зоны Волховского фронта в районе Гайтолова и Тортолова, вкопав специально изготовленные шесты из стальных труб с табличками на наиболее вероятных путях подъезда.

16 мая 1982 года совет ветеранов 73-й отдельной морской стрелковой бригады Волховского фронта с помощью моряков Ленинградской военно-морской базы установил памятник своей бригаде на продолговатой высоте в 250 метрах к северо-востоку от Тортолова. Памятник представляет собой возвышающуюся на массивном бетонном постаменте, окрашенную серебряной краской скульптуру матроса с опущенной головой, прижимающего левой рукой к груди бескозырку. Слева и справа к постаменту прислонены два корабельных якоря, а на передней поверхности прикреплена стальная доска, на которой написано, что здесь стояли насмерть за Ленинград воины 73-й отдельной морской стрелковой бригады Волховского фронта в 1942–1943 годах. Сбоку от памятника установлен высокий флагшток. Площадка перед памятником вымощена двумя бетонными плитами и обнесена якорными цепями на деревянных столбиках.

21 мая 1982 года на специальном заседании Совет Министров РСФСР издал постановление «О мерах по благоустройству памятных мест Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в зоне прорыва блокады Ленинграда мемориального комплекса республиканского значения к 9 мая 1985 года». Согласно этому решению предполагается выделить на благоустройство мемориальных участков «Роща Круглая», «Гайтолово», «Тортолово», «Поречье—Вороново» 300 тысяч рублей. Примерно столько же стоит один стандартный восьмидесятиквартирный жилой дом. Для того, чтобы при выделенных ограниченных денежных средствах создать Мемориальный комплекс в зоне прорыва блокады Ленинграда, целесообразно организовать специальные сводные студенческие строительные отряды, которые бы участвовали и в проектировании, и в строительстве объектов мемориального комплекса безвозмездно.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Совету ветеранов 2-й ударной армии и Мгинскому поселковому Совету за организацию встречи ветеранов и проведение военно-исторической конференции в честь 40-летия Синявинской операции.

Битва на Волхове

(отрывок из поэмы)

«...Тот, кто побыл здесь, едва ли
Забудет и на склоне дней
О битвах, что порой бывали
Иных прославленных грозней.
Они забудутся не скоро —
Сраженья у Мясного Бора,
Под Киришами, подо Мгой,
У Спасской Полисти, у Званки,
И на безвестном полустанке,
Как на арене мировой.
И что же? Все тот же стон из далей
И гордый зов: «Ко мне, сюда» —
И трех синявинских баталий
Невыносимая страда.
За боем бой. И все ни с места.
Лишь крик встающего с земли:
«Эй, братцы, у кого невеста
Иль матка в Питере — пошли!»
За ленинградцем туляки,
Воронежцы, сибириаки.
И сразу скулы стали жестче,
Чуть-чуть расширены зрачки.
Прорвались к дзотам у дороги,
Гранаты в ход и в ход ножи.
Семь дней сраженья. Что в итоге?
Почти все те же рубежи.
Так в чем же дело? Войско слабо?
Противник дьявольски силен?
Приказ германского генштаба:
Штурм Ленинграда отменен.

Л. Д. САМСОНОВА,
дочь ст. сержанта Д. С. Игнатьева,
погибшего под Ленинградом

Мой отец пропал без вести...

Мой отец, Дмитрий Сергеевич Игнатьев, родился в 1914 г. в д. Боровлянка Пышлинского уезда Екатеринбургской губернии. В 34-м году женился. В семье появился сын, в 41-м — я.

Отец работал на Машдорзаводе в 15 км от Свердловска, был председателем профкома, затем начальником АХО. В поселке, где я училась в школе, жители вспоминали его как ответственно-го и добросовестного человека, никогда не оставлявшего людей в беде.

Рассказывали, что когда началась война, отец много работал, почти не бывая дома, не спал ночами, чтобы принять и расселить массу эвакуированных, прибывавших на Урал эшелонами из Москвы, Смоленска, Воронежа и других городов.

До войны наша семья жила в отдельной двухкомнатной квартире, но в сентябре 41-го отец отдал одну из комнат эвакуирован-ным. С соседями жили дружно, делились всем, чем могли — хле-бом, картошкой, дровами. Еда была главным. За два ведра кар-тошки отдавали большой персидский ковер.

В октябре 1941 г. по мобилизации в РККА коммунистов и комсомольцев отца, как кандидата в члены ВКП(б), направили в качестве политбойца в Свердловское пехотное училище. В де-кабре того же года он был отправлен на Волховский фронт. Про-щаюсь, отец сказал маме, что ни при каких обстоятельствах он в плен не сдастся.

Известно, что он воевал в 8-й или 2-й ударной армии и про-пал без вести в сентябре 1942 года под Ленинградом. Других све-дений ни в военкомате, ни в архиве Министерства обороны не имеется.

Мама искала его с 1944 года до самой смерти. Она умерла в 1995-м, так и не узнав, где именно и при каких обстоятельствах отец погиб. Я также писала во все возможные инстанции и ото-всюду получала один и тот же ответ: пропал без вести. Он не дает мне покоя.

Накануне Дня Победы я сажусь в поезд и еду под Ленинград. Обхожу мемориальные кладбища на Невском «пятачке», в Мяс-ном Бору, Любани, вчитываясь в длинные перечни погибших за

великий город, молюсь за их души и думаю, что им посмертно должно быть присвоено звание Героев — как и тем, что не по своей вине занесены в списки без вести пропавших...

А. В. ЧУПРОВ,
командир поискового отряда «Русь»

В тиши синявинских болот

Впервые в эти места я попал в 1969 году в девятилетнем возрасте. Подруга моей мамы пригласила нас как-то к себе на дачу в Апраксино и ранним сентябрьским утром повела за грибами.

Мы долго шли вдоль железной дороги и за вторым мостиком свернули в лес. Здесь, среди многочисленных воронок и траншей, валялось множество касок, пулеметных дисков и прочих загадочных вещей. Какие там грибы! Кому из мальчишек придет в голову их собирать, попав в незнакомое царство?

Взрослые неожиданно остановились на краю воронки, разглядывая что-то в траве. Подойдя, я увидел человеческие кости. Они лежали в относительном порядке, напоминая известное пособие в школьном кабинете биологии. Тут же были остатки амуниции, кирзовые сапоги. Мне пояснили:

— Наш солдат, погибший в войну...

После увиденного мама тоже перестала искать грибы, так и проходила по лесу с застывшим лицом и пустым пакетом.

На краю одиночного окопчика для стрельбы лежа я заметил ящерку, гревшуюся на солнце. Неудачная попытка ее поймать обернулась открытием: бугорок, на котором она сидела, оказался кучкой стрелянных гильз.

В пионерлагере, где я обычно проводил лето, мы с ребятами бегали тайком на стрельбище биатлонистов и собирали гильзы. Блестящие, они завораживали сами по себе и служили своего рода валютой, на которую можно было выменять у менее удачливого товарища конфету или печенину. Здесь таких, правда потемневших, гильз было видимо-невидимо, и я быстро набил ими карманы. Раздувшиеся бока выдали меня, и взрослые заставили вытурхнуть латунное богатство. Но мысль об апраксинских сокровищах не оставляла меня, и всю зиму я уговаривал одноклассников съездить в этот лес.

Согласился один Женя Кубикас. В апреле, как только в городе сошел снег, мы отправились. Я взял с собой противогазную сумку и наконечник от отбойного молотка — рыхлить землю.

После долгих поисков мы вышли на знакомое место. Кругом еще лежал снег, но вершины холмов уже обнажились. Первое, что мы увидели, были брошенные рога лося. На краю старого окопа лежала пробитая немецкая каска с кожаным подшлемником, рядом — ремень с ржавой бляхой. Из другого окопа, словно изюм из батона, торчали патроны. Мы стали долбить мерзлый песок и складывать патроны в сумку. На станцию возвращались усталые, но довольные. Женщины на платформе ахали, увидев лосиные рога, а мужчины понимающие усмехались, глядя на мою тяжело отвисшую торбу.

Много позже я узнал, что на том месте, куда я привел Женю, прежде находилась деревня Мишкино.

С тех пор поездки в лес стали регулярными, хотя и небезопасными. Нас то и дело останавливали путевые рабочие, милиция, контролеры в электричках, бдительные граждане и местная шпана. Деревенские парни подстерегали нас на проселках, отбирали деньги и приглядывавшиеся трофеи, иногда били. Дома было не лучше. Приходилось врать, что идешь в кино, потом к товарищу в гости, а резиновые сапоги надел на случай дождя. И, стараясь не смотреть в беззащитные глаза матери и скорбное лицо бабули, бежать к двери. Из «гостей» возвращались в хлюпающих сапогах, насквозь провонявшие болотом. Снова объяснения и упреки. И так почти каждое воскресенье...

Постепенно наша группа разрослась. В нее влились одноклассники, дворовые друзья. Большинство из нас росли без отцов, кое-как учились, а по выходным отправлялись в лес.

Первое время ездили в основном в Мишкино. Здесь к югу от железной дороги тянется цепочка холмов, выходящих к р. Назии. На этой гряде до войны стояли деревни: Мишкино, Поречье, Вороново. В семидесятые годы высотки, перемежающиеся ручьями и болотцами, были изрыты траншеями и землянками, воронками всех размеров. Местность покрывали горы ржавого железа и алюминия, солдатских касок и котелков, груды стрелянных гильз от 37-миллиметровых немецких орудий и наших «сорокапяток». В окопах валялась такая масса пулеметных гильз, что земли не было видно.

В районе Синявина—Малуксы часто невозможно было понять, кто где стоял — наши или немцы. Позиции 42-го года пересека-

лись траншеями сорок третьего, накладываясь на следы боев сорок первого. Еще стояли немецкие «ежи» из тонких бревнышек, опутанные колючей проволокой, спирали Бруно метрового диаметра и наши проволочные заборы на столбах.

На немецких позициях еще сохранились козлы из стальных уголков, собранные в пятиметровые секции, обмотанные проволокой. Они легко снимались, пропуская своих, и перекрывали проходы при приближении русских. Встречались и метровые столбики из толстого стального прута с проушинаами, снабженные на концах подобием бура. При установке достаточно было продеть в верхнее кольцо рычаг, ввернуть прут в землю как штопор и натянуть проволоку. Это не требовало больших усилий, делалось быстро и бесшумно.

Все это проволочное безобразие, взбитое взрывами, проутюженное танками, слежавшееся от времени в подобие пружинного матраса, по которому можно было ходить, не касаясь земли, стоило нам разорванных сапог и ободранных рук. О минной опасности мы как-то забывали. Правда, противопехотные мины уже не могли причинить вреда, но немецкие противотанковые в герметичных металлических корпусах опасны и сегодня.

В те времена район проведения Синявинской операции представлял собой довольно дикое место. На месте Тортолова, Гайтолова, Гонтовой Липки расстилалась заболоченная равнина с полчищами комаров и слепней, поросшая кустарником и камышами. Недаром немцы называли эти места «северными джунглями». И, как в настоящих джунглях, здесь обитали зайцы, лисицы, птица боровая и болотная. Перелетные утки, гуси, журавли останавливались на отдых; лоси бродили стадами, не обращая внимания на людей. Среди кратеров воронок, ржавого железа и солдатских костей царил пир безлюдной жизни.

В 1971 году кто-то показал нам дорогу на Вороново. В двухстах метрах от пл. Апраксино вправо от железной дороги уходит 10-километровая насыпь узкоколейки к ст. Турышкино железной дороги Мга—Кириши. На полпути между р. Назией и озером Барским и стояла когда-то деревня Вороново с храмом св. Николая Чудотворца, получившая в войну печальное наименование «Горки смерти».

Нигде я не видел столько искореженного железа, как здесь. Горы ящиков с боеприпасами, противогазных бачков, запасных стволов к пулеметам, касок, котелков, пулеметных дисков и лент,

развернутых «розочкой» труб от «катюшных» снарядов. Там мы впервые увидели стальные нагрудники, которые надевали бойцы наших инженерно-штурмовых бригад. Все это валялось на краях неглубоких раскопов вперемешку с солдатскими ботинками, амуницией и человеческими костями. Через пару лет местность преобразилась: исчезло железо, землю вспахали и посадили сосновую рощу.

Ближе к железной дороге на Волховстрой находилась д. Поречье. От нее оставалось только старинное кладбище с крестами чугунного литья, сильно побитыми осколками. Кладбище пересекала немецкая траншея, в которой мы обнаружили неразорвавшийся снаряд от «катюши».

В 73-м году мы попали в урочище Тортолово. Лес неожиданно кончился и открылась живописная долина, прорезанная извилистой речкой. Вся местность, особенно левый берег реки, была изрыта траншеями, прямоугольными ямами обвалившихся блиндажей и бомбовыми воронками, поросшими купами деревьев. Всю эту печальную красоту пересекал проселок, ведущий к воссозданному Двору охраны; за дорогой следили, топкие места мостили железными ящиками от немецких мин — проселком пользовались охотники и пастухи, гонявшие в урочище апраксинское стадо.

Единственным напоминанием о деревне был деревянный крест, крашенный голубой краской. К нему была прибита металлическая дощечка с надписью: «Дергачева Матрена Ивановна 1901 г. Дети — Лилия, Иван 1930 г.; Зоя — 1933 г.; Татьяна — 1935; Михаил — 1937; Семен — 1939 г. Убиты немцами за помочь партизанам». Жители д. Пугилово рассказали, что трагедия произошла в сентябре 1941 г., а после войны с фронта вернулся глава семьи, который и поставил крест на руинах своего дома...

В 1973—75 годах мы обследовали траншеи по левую сторону дороги. Почти сразу под дерном обнаружили останки красноармейцев, лежащих на «полу» из минных ящиков и досок. Удивляла малая глубина траншей, но оказалось, что таких «полов» было несколько. Когда траншеи заливали водой, солдаты бросали под ноги все, что попадалось под руку. Здесь были и стреляные гильзы, и негодная амуниция, патроны и личные вещи. Все это втаптывалось, образуя своеобразный культурный слой, по которому можно определить, когда и кем была занята траншея. Помню одну траншею под Синявинскими высотами, насчитывавшую пять «по-

лов», оставшихся от боев 1941–1943 годов. Противогазы, двухкарманные патронташи, эмалированные котелки и кружки, алюминиевые фляги, клепаные саперные лопатки указывают на 41-й год. В 42-м исчезают противогазы и алюминиевая посуда, появляются однокарманные патронташи, стеклянные фляги. В 43-м — жестяные котелки, брезентовые ремни вместо кожаных, патроны с трассирующими пулями.

В начале войны основная масса винтовочных патронов была снабжена облегченными пулями. Они были короче и легче немецких. В масштабах страны это давало экономию свинца, но отражалось на точности стрельбы по удаленным целям. Поэтому появились «утяжененные» пули — длиннее старых, с желтой маркировкой на конце. Стали применяться бронебойно-зажигательные, или пристрелочные, пули, дающие вспышку при попадании — они отмечались красным и черным лаком. Трассирующие маркировались зеленым, разрывные — красным.

У немцев я встречал только три вида винтовочных пуль: обычные свинцовые, с зеленым ободком вокруг капсюля; бронебойные со стальным сердечником и красным ободком; трассирующие — с красным ободком и зеленым кончиком.

Часто в траншеях под слоем глины мы находили охапки почерневшего лапника, хотя в округе не было ни сосен, ни елей. Позже узнали, что хвойные деревья никогда самостоятельно не возвращаются на вырубки и пожарища. Их заменяют березы, ольха, ивняк.

Мартовским днем 1974 г. мы с Женей шли по дороге, покрытой сырьим, набрякшим от воды снегом. Влево уходила тропа. Пересекая опоясанный траншеями полуостров, она выходила к краю болота, вдававшегося «языком» между двумя возвышеностями. Пересяд болото, поднявшись на высотку. Отсюда были явственно видны позиции противника, разделенные нейтралкой. Наши окопы обращены на запад. в 15-метровой траншее мы нашли 10 погибших красноармейцев. Очевидно, смерть их настигла одновременно в начале боя — никто даже выстрелить не успел. Был один «смертный медальон», текст которого смылся, только в графе «воинское звание» прослеживалось слово «политрук».

Другая траншея, протянувшаяся по нашему берегу болота на несколько сот метров, выглядела более основательно: видимо, фронт здесь стоял долго. Мы нашли советский ротный миномет и гильзу от 76-миллиметрового снаряда, внутри которого на кольце

из толстой проволоки болтался стальной стержень. Что за сигналы подавал сей колокол?

В те времена бездумной юности каких только рассказов не звучало после отбоя в интернатской спальне! О друзьях, которые вот так же бродили по лесам и неожиданно выходили на места, куда не ступала нога человека с самой войны, где стояли почти исправные танки и лежали цепи немецких автоматчиков, конечно же, с оружием... Что было в тех рассказах правдой, что вымыслом, — неизвестно, но следов войны в синявинских лесах было действительно предостаточно. Повсюду валялись пробитые каски, расплющенные фляги и котелки, заскорузлые ремни и ботинки, искореженные коробки и ящики: наши стальные, с пятиконечными звездами от пулеметных лент и с закругленным дном для дисков к ручным пулеметам Дегтярева, и немецкие алюминиевые из-под пулеметных лент, а также железные — для мин, гранат и снарядов. Цинковые коробки от патронов всех систем и стран — французских, югославских, польских, болгарских. Телефонные катушки и провода, тянувшиеся по стенкам траншей: наши — заизолированные мягкой каучуковой резиной, оплетенные просмоленными нитками, и немецкие — в желтой, розовой либо голубой пластмассе, выглядящие и сейчас как новые.

В апреле 75-го мы с одноклассниками поехали в Гайтолово. Спустились с крутой высоты на болото, за которым виднелись ажурные мачты линии электропередач, идущей от Волховской ГЭС к Ижорскому заводу. От старших ребят нередко приходилось слышать: это я нашел за первой высоковольткой, такой-то случай произошел за второй...

Низина напоминала место гибели героя известного фильма «Летят журавли». Пустынно и тоскливо. Траншея, явно немецкая, метрах в ста, почти у самых проводов, но полна убитых красноармейцев — видно, была захвачена нашей пехотой. Об этом свидетельствует немудреный солдатский скарб: каски, котелки, пустые цинки. Траншую перекрывают железобетонные шпалы, плотно уложенные одна к другой и защищающие от шрапнельных разрывов, мин и снарядов малых калибров. В стенках траншеи оборудованы «лиси норы», выстланые гофрированными оцинкованными листами арочной формы. Они служили надежным укрытием и могли быть уничтожены только прямым попаданием.

Вдоль высоковольтки стояли железные козлы, опутанные колючей проволокой, за ними, в траншее, оказался прострелен-

ный минометный ствол и груда 82-миллиметровых мин. Напрашивается предположение о нашем отступлении, когда миномет прострелили, чтобы не достался врагу. Из дерна торчит каблук. Снимаем дерн — боец. На ремне — двухкарманный довоенный патронташ, в нем баночка с какой-то мазью и значок «ГТО». За обмоткой — алюминиевая ложка, украшенная затейливыми завитушками и надписью «Паша».

С тех пор я стал собирать солдатские ложки с надписями. На одной из них, задетой осколком, было выцарапано «елочкой»: «Ваня Божко». Спустя годы, я попытался выяснить его судьбу в отделе безвозвратных потерь ЦАМО. В картотеке нашли шесть Иванов Божко. Наиболее подходящим оказался Иван Ефремович 1919 г. р. из Днепропетровской области, воевавший в 16-м отдельном батальоне и пропавший без вести в сентябре сорок второго. Более точных сведений получить не удалось, и единственное, что мы смогли сделать для Вани, — это надпись на кресте братской могилы вблизи места его гибели.

Судьба привела нас к бывшей деревне Гонтовая Липка и роще Круглой. Тогда мы ничего не знали об этих пунктах и думали, что вся округа — просто синявинские болота, а разбросанные по ним холмы и есть знаменитые Синявинские высоты.

Здесь мы обнаружили остатки немецких зениток «эрликон». Эти мелкокалиберные пушечки были весьма эффективны как против низко летящих штурмовиков, так и для поражения наземных целей. Снаряды, большей частью осколочные, — двойного действия: головной ударный механизм и самоликвидатор. Вероятно, «эрликон» — тот самый крупнокалиберный пулемет, что столь часто упоминается в книгах о войне.

Тут же мы увидели позиции известных «флюгов» — мощнейших зениток с 88-миллиметровыми снарядами, огромным пороховым зарядом и полутораметровыми гильзами. Говорят, только это орудие, выведенное на прямую наводку, могло противостоять нашим танкам КВ в начале войны.

Часто, копая немецкие ячейки, мы находили в них, кроме обычных боеприпасов, противотанковые мины. Мы не видели этому объяснения, пока, уже в наши дни, не появился немецкий фильм «Железный крест», весьма натуралистично рассказывающий о боях армии Манштейна в 1942 году. Там в нескольких эпизодах солдат выскакивает из ячейки с миной в руках и, подбежав к русскому танку, кладет ее на гусеницу. Мина, как по конвой-

еру, сползает с гусеницы и падает под танк, который неизбежно взрывается.

Между Гайтоловом и Гонтовой Липкой, а также между дорогой Келково—Путилово и Путиловским трактом, среди сплошных болот попадаются крошечные островки с остатками немецких блиндажей. На островке — единственное укрытие для 81-миллиметрового миномета. Когда в 70-х годах мы наткнулись на них, то на каждом островке увидели кучу пустых ящиков из-под немецких мин. Легко представить, как солдаты в пылу боя отбрасывали в сторону порожние ящики, а когда наши, прорвавшись сквозь стену разрывов, подходили слишком близко, разбирали свои минометы и уходили.

В конце семидесятых в синявинские болота пришли мелиораторы. Они снесли многие гектары леса, складки местности, превратили огромный лесной массив между Апраксином и дорогой Келково—Путилово в ровное поле, которое, несмотря на километры проложенных каналов, так ничем и не засевалось.

Мелиорация должна была поглотить свидетельства трагедии сорок второго года от Черной речки до Кировска, как это произошло с полем сражения Мгинской операции лета сорок третьего между Молодцовым и Синявинскими высотами. В обоих случаях никто не заботился о сохранении и обозначении памятных мест, братских могил и захоронений без вести пропавших.

Но благодаря людям, неравнодушным к российской истории, возникло общественное движение в защиту мемориальной зоны «Волховский фронт». Мелиораторы покинули поле деятельности, оставив груды неиспользованных керамических труб и ржавую технику.

Однако вместо памятного знака в бывшей деревне Гайтолово некая воинская часть построила свинарник, а территорию от Мишкина до Воронова отдали под садоводства, обросшие карьерами и помойками. О войне здесь напоминает лишь пара изуродованных обелисков.

Когда началось освоение участков, один из хозяев при нас выбросил за забор гнилой валежник вперемешку с человеческими костями. А ведь кто-то до сих пор ищет могилы своих отцов и дедов...

Мы и сами далеко не сразу осознали, что главная цель поиска — не оружие и боеприпасы, а бойцы, которые бились в этих болотах до последнего вздоха и так несправедливо, так бездумно забы-

ты... Понимание ценности человеческой жизни приходит с годами. В 40 лет уже неинтересно взрывать патроны в кострах и невозможно оставаться равнодушным, читая записку незнакомого лейтенанта: «Дорогие товарищи! Боевые друзья! Если кто из вас найдет эту записку, то искренне прошу вас: напишите моей жене, что я честно погиб за нашу славную Родину, за родную Украину, за всех своих родных и товарищев. Прошу не отказать в моей просьбе. Адрес жены: Иркутская область, г. Нижнеудинск, ул. Береговая, дом 41. Остяковой Лидии Семеновне. 15.10.42 г.».

Благодаря связи с иркутскими поисковиками гражданку Остякову удалось найти и вручить ей запоздалое письмо из далекого сорока второго года.

В 1992 г. мы работали на южной окраине Гайтолова со стороны Тортолова. По всему было видно, что здесь шли ожесточенные бои, хотя позиций как таковых не находили. Неглубокие землянички, короткие траншеи да стрелковые ячейки. Всюду валялись стабилизаторы от разорвавшихся мин и ржавые саперные лопатки. В ячейках «стучало» дерево: бойцы, как правило, выстилают дно окопов жердями, дощечками от снарядных ящиков. В болотистой почве дерево долго не гниет.

Олег Пинчуков набрел на землянку. Встав на четвереньки, сунул руку между бревнами перекрытия и в торфяной жиже нашарил человеческие останки — как оказалось, немецкого солдата с перебитой голенью. Под его головой лежала санитарная сумка, полная инструментов, бинтов и лекарств. У нас даже современные сумки беднее. При убитом были какие-то бумаги и книги, но все расплззлось в руках. Помню только, что фрагменты печатных листов делились вертикальной чертой на два столбца, как это принято в библейских текстах.

Рядом, точно в такой же земляничке на двоих, на ворохе покривевших веток лежал красноармеец. Вероятно, он тоже был ранен в ногу, так как имел всего один ботинок. Рядом валялась книга — исторический роман о Павле Первом. Был и смертный медальон, который прочли в Центральной лаборатории судебно-медицинской экспертизы: «Якунин Василий Степанович, красноармеец 1899 г. р., ур. Мордовской АССР». В РВК о нем записана лишь дата призыва — 29.03.41 г. Зато военкомат сразу нашел сына погибшего — Евдокима Васильевича, который приехал на захоронение с детьми и внуками и рассказал, что отец его служил

ездовым, был неграмотным и пропал без вести осенью 1942 г. Сам Евдоким Васильевич заведовал сельмагом в родном селе Ржавцы.

В течение всего лета мы ездили на гайтоловское болото. Почти в каждой ячейке находили погибших бойцов, некоторых — с нагрудным знаком «Гвардия». Изредка попадались и немцы. О жестокости боев говорили винтовки типа «маузер» с примкнутыми штыками.

В той же низине мы вскрыли артиллерийские позиции. В орудийных двориках лежали гильзы величиной с ведро — явно от тяжелых гаубиц. Наличие их в болоте было бы трудно объяснимо, если б не полузаросшая дорога Келково—Путилово, тянувшаяся вдоль ЛЭП.

По соседству находились позиции 76-миллиметровых пушек. На бруствере рядом лежали шрапнельные снаряды, подготовленные к стрельбе. Рядом в землянке — коробка с прицелом, два телефонных аппарата, стянутые ремнем. Подо мхом — мослы двух лошадок и разбитая армейская фура со снарядами и патронами в ящиках. Тут же топор с выжженной надписью: «33 бат.». И всюду, куда ни глянешь — убитые. Такое впечатление, что именно здесь наши осуществляли прорыв.

Многие из погибших лежат почти на поверхности. Дернув за куст, Миша Т. поднял, словно одеяло, пласт мха, под которым лежал солдат с медальоном, в нем записка: «Коми АССР, Ижемский р-н. Затон Щельчур, д. 2. Екатерине Петровне от мужа Кресцова Петра Петровича 1908 г. р. Прошу переслать, т. е. сообщить». В РВК была известна лишь дата призыва — 1.01.42 г. Удалось найти сестру убитого Холопову Анну Петровну.

В небольшой воронке Олег нашел сильно разбитого бойца — судя по всему, связиста. При нем были бухточки проводов, моток изоленты и смертный медальон: «Хабипов Хатин Хабибулович 1907 г. р., ур. Баш. АССР». В ЦАМО рядовой 24-й гв. сд Хабипов числился пропавшим без вести в Гайтолове 29.09.42 г.

В то время централизованных захоронений еще не было, и поисковики хоронили найденных солдат поблизости от места гибели. Надеялись к тому же, что наличие могил остановит хозяйственную деятельность на данной территории, предотвратит захват земель и передачу их садоводствам.

Мы захоронили своих бойцов на краю дороги Келково—Путилово, прямо напротив военного свинарника. Руководство под-

собного хозяйства выразило нам свое недовольство и пригрозило сносом могилы. Мы все же не верили в серьезность данного заявления и даже надеялись, что военные будут ухаживать за солдатской могилой.

В 1994 году образовался Фонд поисковых отрядов Ленинградской области, куда вошла и наша группа. Совместно с курсантами военных училищ была проведена весенняя «Вахта памяти-94». К тому времени в/часть из Гайтолова ушла, передав свинарник фермерам. Жилые домики зияли разбитыми окнами, чернели обугленные сараи, ржавели брошенные в болоте экскаваторы и бульдозеры. Должно быть, все это походило на деревню Гайтолово тотчас после войны.

Наше захоронение было разорено, оградка и крест исчезли. Мы работали с курсантами Сертоловского танкового полка, нашли 51 бойца. Один из них оказался с медальоном: «Казанцев Пётр Васильевич 1911 г. р., стрелок 1287 сп 110 сд».

Тогда же группа Саши Стародубцева нашла между Гайтоловом и Тортоловом в землянке нескольких офицеров. В планшете одного из них оказалась пачка документов 23-й Осбр и партбилет на имя Сергея Михайловича Липинского, 1911 г. р. Из ЦАМО ответили, что «ст. политрук С. М. Липинский, комиссар батальона 23-й осбр погиб 26.09.42 г.» Б. В. Нериновский разыскал родных комиссара.

Другими отрядами были найдены: Игнатьев Василий Григорьевич, 1911 г. р. из Татарской АССР, красноармеец; Лебедев Никифор Ильич, 1906 г. р., красноармеец, уроженец Новосибирской области; Миронов Никита Григорьевич, 1903 г. р., красноармеец из Свердловской области; Степанов Иван, 1918 г. р., Орловская область.

Всего нашли 150 человек, которых захоронили у памятного камня «д. Гайтолово». Сюда же перенесли и бойцов из разоренной могилы.

В сентябре того же года мы с будущими танкистами из Сертолова стояли в песчаном карьере у Двора охраны на пересечении дорог Тортолово—Двор охраны и Келково—Путилово. Здесь стараниями неутомимого Б. В. Нериновского был поставлен памятный знак «Волховский фронт». Рядом с памятником захоронили 50 найденных бойцов. Медальонов наш отряд не обнаружил, а вот Илья Прокофьев, избранный руководителем Фонда поисковых отрядов, показал настоящий класс.

Солдаты срочной службы, как, впрочем, и офицеры, не имели понятия о проведении поисковых работ, и Илья решил показать им на практике, как это делается. А надо сказать, что в тех местах в войну располагались наши тылы и позиции среди поисковиков считались пустыми. Но Прокофьеву повезло: взяв в руки шуп, он сразу в ближайшей траншее нашел бойца и даже с медальоном — «Бычков». Курсанты также обнаружили убитого солдата.

Основные работы велись севернее Гайтолова, где в болоте мы напали на следы нашей атаки. Бойцы с примкнутыми к винтовкам штыками лежали почти идеальной цепью.

Мне вспомнилась немудрящая истина, услышанная от дяди, пехотинца Сергея Васильевича Смирнова: «Хорошего солдата хватает на две атаки или одну рукопашную...»

В сотне метров от них, на краю болота, находились пулеметные гнезда, полные немецких стрелянных гильз и русских винтовок: видно, вражеские пулеметчики бросили их под ноги, чтобы не стоять в воде.

В этих низменных местах немцы часто оборудовали свои позиции срубами на настилах, как у нас порой строят погреба — бугром. В 43-м году противник перешел от траншей к одиночным окопам, считая их менее уязвимыми. Наше же командование стало предпочитать траншеи, якобы дающие бойцам чувство локтя.

К 40-летию Синявинской операции по инициативе ветеранов на средства Военно-морской базы на правом берегу речки Черной был установлен памятник бойцам 73-й бригады морской пехоты, погибшим в Синявинской операции. В центре его — фигура «Скорбящего матроса», на постаменте два якоря, соединенные цепью. Рядом могила Неизвестного матроса с вмурованной в плиту пятиконечной звездой. На мраморном надгробии — фамилии павших. Статуя матроса на высоком постаменте, черные якоря и цепи, золотые буквы на белом мраморе выглядели эффектно и достойно.

Правда, памятник предполагалось установить на высоком левом берегу, откуда, наступая с востока, бригада пробила брешь во вражеском окружении и обеспечила выход остатков наших частей из района Гайтолово. Но техника, проехавшая старым проселком от Двора охраны до берега реки, преодолеть ее не смогла: речка, хотя и узкая, но с илистым дном. Вот и решили ставить памятник на правом — вражеском — берегу лицом к железной дороге, то есть в сторону, противоположную прорыву.

Вскоре началась перестройка, а с нею очищательство всего и вся. Легковерный народ наш, и раньше не отличавшийся особым благоговением к своей истории, начал разрушать все подряд. В сентябре 1988 г. кто-то из охотничьих ружей изуродовал скульптуру матроса. Заряды дроби разбили хрупкий мрамор плит. В огне погибли удобные скамейки. Взрывом вывернули титановую звезду с могилы Неизвестного матроса, но из-за тяжести далеко утащить не смогли и бросили метрах в ста, где и нашли ее милиционеры.

Ветеранам удалось отстоять Матроса. После каждого расстрела его реставрировали. Только якоря и цепи оказались не по зубам новым вандалам.

Первое массовое захоронение у мемориала состоялось в мае 1992 г. Несколько поисковых отрядов встали лагерем у Моряка. Общими усилиями обнаружили и похоронили более ста солдат. На могилу положили бетонную плиту с именами найденных солдат. Вот некоторые из них:

Горбунов Иван Александрович, 1912 г. р., мл. лейтенант, ком. взвода 28 запасного сп (числился без вести пропавшим в сентябре 1941 г.).

Шершнев Иван Михайлович, 1898 г. р., уроженец Смоленской области, рядовой. Удалось разыскать дочь убитого Валентину Ивановну. Она прислала извещение на отца, считавшегося без вести пропавшим.

Киселев Николай Иванович, 1917 г. р. из Вологодской области. Старшина, пропал без вести в октябре 41-го года. На захоронение приезжала сестра. Она рассказала, что срочную службу Николай проходил в кремлевском оркестре, играл на трубе. Последнее письмо от него пришло в сентябре: «Под Лугой был под смертельным огнем, теперь на отдыхе...» Киселев был найден в окопе еще с одним солдатом, оба — в касках и плащ-палатках, на поясе у Киселева — штык от СВТ.

Кулагин Филимон Прокопьевич, 1917 г. р., уроженец Акмолинской области, рядовой. Откликнулась его дочь Валентина Филимоновна.

Григорьев Иван Иванович, 1913 г. р., рядовой из Ивановской области, пропал без вести в сентябре 41-го. На захоронение приезжала племянница.

Соломатин Алексей Федорович, 1910 г. р., рядовой, уроженец Новосибирской области, стрелок 450 сп 265 сд. Убит 4.10.42 г.

Олег Пинчуков нашел его в землянке, в 50 м от памятника Моряку. Грудь убитого была обмотана толстым слоем бинтов, под которыми в нагрудном кармане лежал медальон.

Коржеспаев Исак, 1906 г. р., из Акмолинской области, по данным ЦАМО пропал без вести в марте 1942 г. Через акмолинскую газету удалось найти племянника, который рассказал, что брат погибшего Мукат также воевал под Ленинградом, был ранен, но остался жив.

При некоторых боязах, захороненных в этой могиле, были найдены подписанные вещи: ложка с надписью «Т. И. Никитин, 1941 г., Иркутск», флотский ремень с вырезанными буквами «П. Ушаков», нож с фамилией «Володин».

В начале восьмидесятых в Тортолове, недалеко от могилы Дергачевых, был установлен еще один памятник — стальной лист, стилизованный под развевающийся флаг. На нем сквозными буквами обозначены номера частей, сражавшихся за Тортолово. Тогда же неутомимые охотники прострелили «Знамя» в нескольких местах, что неожиданно придало ему трагический колорит.

В 1991 году нашему отряду помогал бизнесмен Скачков: давал некоторые суммы на проведение поисковых работ, закупил деревянные кресты и металлические оградки для обустройства братских могил. Мы устроили захоронение справа от тропы. Сразу там похоронили несколько десятков наших солдат и подзахораниваем по сей день. Из-за продолжающихся актов вандализма устанавливаем на могиле уже третий крест.

История этого захоронения началась 2 марта 1991 года, когда мы обнаружили на правом берегу Черной, неподалеку от бывшего моста, советскую траншею. В ней Олег Пинчуков нашупал две каски. Дальнейшие раскопки показали, что оба солдата погибли от одного мощнейшего взрыва, который буквально вдавил их в стенку траншеи. На обоих были погоны — старшины и лейтенанта, написавшего упомянутую выше записку своей жене.

В 1994 году Фонд поисковых отрядов наладил работу в Подольском архиве Министерства обороны и связи с единомышленниками по всей России. Тогда-то и удалось разыскать Лидию Семеновну Остякову, которая рассказала, что у лейтенанта была совсем другая фамилия — Яковенко Семен Матвеевич. Из ЦАМО сообщили, что С. М. Яковенко, 1919 г. р., уроженец Винницкой области, призванный Нижнеудинским РВК, командовал взводом 1257 сп 379-й сд и погиб 4.08.43 г.

Но все это будет потом, а весной 91-го, собрав останки двадцати красноармейцев, мы захоронили их на высоком правом берегу р. Черной, где когда-то стояла д. Тортолово. Могилу вырыли добротную, более метра глубиной, чтобы «шакалы» не выкопали.

18 июня 1992 года мы снова поехали в Тортолово. Решили перекусить у костерка. Чтобы обезопасить себя от случайного подрыва, надо предварительно прощупать землю, на которой собираешься развести костер. Виталик Головин взрывоопасных предметов не нашел, но под щупом раздался тот ни с чем не сравнимый звук, когда стальной прут ударяется о кость. Начали копать и обнаружили четверых красноармейцев в касках, ремнях и ботинках. Патроны, гранаты, эмалированные кружки и только один медальон с запиской: «Курская область, Корочанский район, Краснобродский сельсовет, х. Меркуловка, Смотрову Василию Яковлевичу».

Удалось выяснить, что рядовой Смотров В. Я. 1990 г. р. погиб 13.02.42 г. в Белгородской области. Нашелся сын адресата, который рассказал о своем старшем брате, пропавшем без вести под Ленинградом. Из ЦАМО ответили, что Смотров Никита Васильевич, 1919 г. р., сержант, командир отделения 1100 сп 327-й сд убит 11.10.1942 г.

В Тортолове появилось новое захоронение, где к 1993 году упокоились 44 неизвестных солдата. Помимо Смотрова, там был похоронен еще один боец с медальоном: «Мариненков Николай Семенович, 1914 г. р., ур. Смоленской обл.». Был найден сын Евгений, но он нам не ответил.

В том же году, в двухстах метрах от мемориала, в одной яме на краю болота были обнаружены пятеро погибших. Обращал на себя внимание один, явно офицер. На ремне — пустая кобура, а пистолет ТТ заткнут за пояс. Можно предположить, что командир вел людей в атаку, имея в руках что-либо посеребренное — автомат или винтовку, а свой ТТ спрятал за пазуху. Об этом свидетельствовал и сам пистолет. Несмотря на то, что он проржавел до дыр, было видно, что оружие находилось на боевом взводе и патрон загнан в ствол.

Как-то двое наших ребят, Антон и Саша Поплаухин, впервые приехали в Тортолово. Перешли речку и обратили внимание на едва заметный ход сообщения рядом с бомбовой воронкой. Противогаз, двухкарманные подсумки с винтовочными патронами и ко-

телок указывали на сорок первый год. Нашелся и сохранный медальон: Никишин И. А., 1916 г. р., мл. л-т из Орловской области. Захоронили его в отдельной могиле.

В мае 95-го мы с братом возвращались со встречи ветеранов 73-й бригады. Олег заметил на обочине вырезанный кусок дерна, а рядом — черепную кость. Стали копать и на глубине штыка нашли бойца. Он лежал в едва заметной придорожной канаве. Ботинки, ремень с патронташами, гранаты, индивидуальный пакет — все как полагается. Сбоку от могилы мы выкопали нишу и положили останки под крест.

С этого и начались подзахоронения в Тортолове. Найдем ли в поле человеческую кость, или на отвале «трофейщик» оставит бойца — все несем в оградку. Захоронение получилось как бы двухъярусное. На глубине лежат лейтенант Яковенко с товарищами, выше — еще десятки павших.

В 2001 г. местные власти заменили наши деревянные кресты на каменные глыбы, отшлифованные с одной стороны, где выбита надпись, дублирующая прежние таблички. Конечно, эти памятники более устойчивы к актам вандализма людей и времени. Но есть у них и недостаток: высотой не более полутора метров, они видны только ранней весной. В остальное время года они закрыты высокой травой или глубокими снегами. Крест же — не только исконно русский знак захоронения, он и виден издалека, помогая путнику выйти на тропу.

После Яковенко было еще одно именное захоронение. Мы с Сашей Поплаухиным приехали в Тортолово 10 февраля 2002 г. Дойдя до могилы Дергачевых, свернули направо и, миновав маленькую ложбинку, решили остановиться на протаявшем взгорке. Саша первый собрал инструмент и стал щупать прямо под рюкзаками. Неожиданно «застучало» что-то крупное. Пришлось перетаскивать имущество и начинать раскопки.

Оказалось — землянка 2×2 м, вероятно, в боевом охранении. В центре стояла импровизированная печка, сделанная из молочного бидона. Вокруг лежали трое погибших красноармейцев. В углу — три винтовки, котелок, кружки. Один из бойцов, судя по ремню, командир, был в кирзовых сапогах. При нем нашли бумажник с красноармейской книжкой, но прочесть удалось только отчество: «...Алексеевич...».

Другой, обутый в бурки, имел, кроме ружейной масленки, и смертный медальон. Но пенальчик был слабо закручен и записка

истлела. Третий же, в ботинках и при солдатском ремне, был явно человек городской. Помимо прочего, у него имелся пластмассовый футляр с двумя опасными бритвами: одна для грубого бритья, другая — для шлифовки. У него также был медальон с плотно закрученной пробкой. Бланки специально навощены и отлично сохранились. Внешний не был заполнен, зато внутренний — словно вчера написан:

«Луковников Лев Васильевич, рядовой 1904 г. р., уроженец Варшавы. Адрес семьи: Л-д, ул. М. Бульфова, д. 5 к. 18, призван Октябрьским РВК». По данным ЦАМО, Л. В. Луковников пропал без вести в ноябре 1942 г. Учен по заявлению жены Герасимовой Лидии Владимировны. По домовым книгам удалось установить, что Л. В. Герасимова и ее сын скончались. Так в тортоловском захоронении появился еще один человек, чьими единственными «родственниками» являются мы.

На троих бойцов имелось всего полтора десятка патронов и одна граната. По всей вероятности, это были окруженцы, вырвавшиеся из «мешка Мерецкова» и сразу же поставленные в боевое охранение. Два стабилизатора от немецких 81-миллиметровых мин свидетельствовали о прямом попадании в землянку: по-видимому, бойцы после тяжелых испытаний утратили бдительность и выдали себя дымком от печки.

Последнее захоронение мы провели здесь в июне 2003 г. Наташа Поплаухина запнулась на обочине тропы о край каски, скрытой опавшей листвой. Рядом лежала еще одна русская каска в пробоинах. На небольшой глубине оказался боец, при нем — противогаз, коробка с пулеметными дисками, граната и «смертный медальон» с сохранившимся бланком: «Гришин Михаил Иванович, 1898 г. р., мл. с-т, ур. Лен. обл.». В РВК М. И. Гришин числился пропавшим без вести в 1942 г. Вскоре нашлись три дочери и внучка Михаила Ивановича, которые рассказали, что до войны он был председателем колхоза и в армию пошел добровольцем. Осенью 41-го года его брат лежал в госпитале. Лечачий врач показал ему газету с заметкой о пулеметчике Гришине, который, будучи окруженный врагами, уничтожил 80 гитлеровцев, а потом подорвал себя гранатой. Впоследствии по просьбе родных М. И. был перезахоронен на мемориале «Синявинские высоты».

На моей памяти в Тортолове был найден всего один немец — в 1990 году, рядом с братской могилой. Его жетон передан в

германское консульство. Он значился погибшим в первом сражении южнее Ладожского озера — так немцы называли Синявинскую операцию.

С недавнего времени «наша» братская могила отмечена на картах Ленинградской области.

В 1995 году был воздвигнут памятник деревне Тортолово и воинам, сражавшимся в этих местах, — первый в череде памятников и захоронений по дороге ко Двору охраны. Интересна история его создания. Борис Владимирович Нериновский, вдохновитель и организатор создания мемориальной зоны «Волховский фронт», добился еще при советской власти изготовления однотипных памятников: «деревня Гайтолово», «Войскам Волховского фронта», «деревня Тортолово», «Вороново», «Гонтовая Липка». Если первые два были без особых проблем установлены в Гайтолове и у Двора охраны, то с тортоловским монументом дело обстояло сложнее. Если бы даже тяжелый трейлер пробился по заросшей дороге, то р. Черная стала бы неодолимой преградой. Два массивных прямоугольных камня высотой по полтора метра пролежали на территории мгинской железнодорожной бригады без малого десять лет. После обращения Бориса Владимирача к командованию этой воинской части было организовано учение, во время которого солдаты носилками перетаскали несколько тонн щебня от железной дороги к месту установки памятника. Далее Нериновский убедил командиров вертолетного полка, что отрабатывать полет с внешней подвеской можно сочетая его с благородным делом. И вот осенью 1996 г. в Тортолово буквально с неба опустился памятник.

В этом квадрате (дорога — памятники — болото) разыгрались трагедии 41-го и 42-го годов. Эти два наступления, проходившие ровно через год первое от второго, наложились друг на друга. Так что не понять, где солдаты маршала Кулика, а где — генерала Мерецкова.

Бойцы лежат как бы очагами. На участке 50×50 м мы находим в окопах десятки убитых с оружием и боеприпасами, часто в полутора-двух метрах друг от друга. А вокруг — на сотни метров — пусто: то ли наши наступали узким клином, то ли немцы огнем согнали красноармейцев на узкий пятак. А иначе с чего бы солдатам жаться друг к другу перед смертью?

Дорога проходит по слегка холмистой гривке между болотами, которые то приближаются к обочинам, то отступают на кило-

метр. Именно в этом районе мы нашли основную массу солдат 1941 года. Здесь же левое болото отступает дальше всего от дороги. Тут немцы проложили три линии траншей, примерно в 100 м одна от другой: первая — вдоль дороги, вторая и третья — по краю болота. Эти позиции относятся к сорок второму году и носят следы ожесточенных боев, которые затмили события сорок первого. В разное время тут были найдены сотни бойцов. В конце восьмидесятых кто-то обнаружил два десятка «верховых» красноармейцев явно из одного подразделения. У всех были одинаковые кружки: на белой эмали нарисована черная кошка в очках, читающая газету, а вокруг резвятся мыши. Эти игривые кружечки так не вязались с коричневыми костями и почерневшими ботинками...

На место придорожного сражения мы наткнулись осенью 1991 года. А на бойцов у болота вышли еще в 87-м, когда откопали десятки убитых. У одного автоматчика сохранился медальон: «Зяблов Павел Леонтьевич, сержант 1906 г. р., г. Челябинск».

Вскоре нашлась его дочь Октябринा. Она приехала на захоронение и рассказала, что Павел Леонтьевич до войны служил начальником охраны Челябинской ГЭС. В начале войны был кавалеристом. Земляк-сослуживец сообщил жене, что видел под Старой Руссой труп лошади Павла, а самого его не нашли. С тех пор в семье считали, что отец погиб под Старой Руссой. Жене же приснился сон, будто она видит его стоящим в яме по пояс в воде и зовет домой, а он отвечает, что идти не может, потому что проходит такое испытание. Октябрину поведала нам об этом, стоя на краю последней отцовской ячейки, до краев затопленной водой. Мать до смерти верила, что ее муж остался жив. Просто нашел себе молодую и не захотел возвращаться к много-детной семье. Такие предположения вдов я слышал не раз. Видно, женщинам было легче смириться с уходом мужа, чем с его гибелью.

Неподалеку, в мелкой траншее, был найден еще один боец с читаемым медальоном: «Давыдов Герман Васильевич, рядовой 1919 г., уроженец Иркутской области». Его родственников разыскать не удалось.

Там же мы нашли и два расчета: бронебойщиков со своим ружьем и пулеметчиков с «максимом». Вероятно, при сильном обстреле или бомбажке солдаты сняли пулемет с бруствера на дно окопа, где их и завалило близким разрывом.

Мы вынесли всех бойцов к дороге, откуда их забрала машина Кировского райисполкома для захоронения на мемориале «Синявинские высоты». В отделе культуры меня спросили: «Неужели еще можно найти такое количество погибших?»

В том же 1986 году Олег нашупал немецкую каску. Из-под шлема блеснули круглые очки. Неужели фриц? Но убитый оказался наш: на нем были красноармейские ботинки, ремень с патронташами, возле лежала трехлинейка.

Другой боец стоял на коленях, упав грудью на бруствер, рядом валялся пустой диск от ППШ. Сам автомат был в руках — вражеская пуля угодила в затворную раму. Затвор заклинило на полпути, когда он досыпал патрон в ствол. Солдат этого, наверное, заметить не успел, сраженный той же очередью.

От Погостя до Синявина встречаются тысячи воронок от тяжелых бомб. Идеально круглые ямы по 5–10 м в диаметре и в три метра глубиной. Это удивляет: неужели расчетливые немцы использовали огромные фугасы против атакующей пехоты? Конечно, от них все живое погибало в радиусе 50 м. Но если бы вместо одной тысячекилограммовой бомбы немцы сбрасывали на головы русских пехотинцев сотню десятикилограммовых, покрывающих обширную площадь, то они принесли бы несоизмеримо больше горя. Те же полевые укрепления, что имелись в то время на Волховском фронте, легко разрушались и 50-килограммовыми бомбами.

Напрашивается вывод, что фугасы предназначались для штурма Ленинграда осенью 42-го года. На аэродромы были завезены бомбы большой разрушительной силы, но наше наступление спутало врагу все карты, и он сбросил весь запас на армии Мерецкова. И дивизии Манштейна, имевшие опыт штурма укрепленных городов, были вынуждены терять своих солдат в «северных джунглях», а не водружать свастику на шпиле Адмиралтейства.

Всего в двух местах нам встречались следы применения немцами реактивных шестиствольных минометов: на Невском «пятачке» и в Тортолове. Это были топливные баки, оставшиеся после разрыва боевой части ракет. В отличие от наших РС у немцев все было сложнее.

Нашу ракету все знают: головная часть является боевой, хвостовая заполняется топливом (например, порохом). Топливо горит, струя газов вырывается из сопла между крыльцами хвостового оперения. При падении боевая часть взрывается, изуродован-

ный хвост остается на земле. Тысячи этих труб, развернутых «розочками» на концах, валяются в лесу. Большие — от наземных установок, меньшего калибра — авиационные.

У немецких все наоборот: топливный отсек в голове ракеты, боевой — в хвосте. На стыке обоих отсеков имеется утолщение вроде юбочки. Под ее «подолом» по всему периметру просверлено под углом более десятка двухсантиметровых отверстий. Струи газа бьют вдоль боевой части, придавая ракете вращательное движение и устойчивость в полете. При падении ракета входит в землю пустым баком, а боевая часть взрывается на поверхности.

Точность немецкой артиллерии того времени впечатляет и сейчас, но ничто не сравнится с реактивным шестиствольным минометом, от которого гибло все живое, находившееся вне укрытий.

Наши «катюши» такой точностью не обладали. Часто трубы от них попадаются в совершенно пустых местах — одна «розочка» на несколько километров.

Если посмотреть хронику первых лет войны, где показывают работу «катюш», видно, как ракеты «рыскают» уже при старте. Нужный эффект достигался массированным применением снарядов. 24 снаряда «катюши» оказывают такое же действие, как шесть ракет немецкого «ишака».

После войны советские конструкторы совместили в установке «Град» нашу классическую ракету с немецкой направляющей трубой, установленной на машине.

Другое дело — наши тяжелые реактивные снаряды — «головастики», называемые немцами «Иван-долбай». Простейшая система, не требующая сложных устройств для запуска прямо с земли. Огромная разрушительная сила, но малая точность попаданий. Помню беседу с ветераном ракетных частей, рассказывавшем мне о блокадных реактивных снарядах. На заводах изготавливали корпуса ракет, начиняли порохом, но не хватало тола. Ленинградские химики изобрели какую-то взрывчатую желеобразную смесь и привозили ее в бочках на батарею. Мой собеседник — комбат и единственный мужчина в батарее, отгонял девушек подальше и сам через воронку разливал гремучую смесь в установленные снаряды. Затем протирал спиртом резьбу и ввинчивал взрыватель. Расчеты занимали места, и блокадные «гостиныцы» летели через Неву на вражеские позиции.

Ветеран предупреждал, что если такой снаряд просто качнуть, то взрыв может произойти от одного взбалтывания. По счастью,

те «Иван-долбай», которые в молодости мы по глупости разбирали, были начинены обычным толом, прилетая, вероятно, с Волховского фронта.

В 1990 году в Тортолове мы нашли и нескольких немцев. Запомнились двое: один лежал на бруствере второй траншеи в мундире с характерными пуговицами и с пустым футляром от бинокля на шее. Другой, из первой траншеи, заваленный близким взрывом, оказался горным стрелком в полной экипировке.

Следы присутствия горных стрелков мне попадались в двух местах — возле д. Мишкино за железной дорогой и здесь, между Тортоловом и Двором охраны. Отчего они не штурмовали кавказские перевалы, не завоевывали плодородные равнины Грузии и нефтяные поля Азербайджана? Наверно, по той же причине, что и армия Манштейна, овладев Севастополем, попала не на Волгу, а в наши дебри, получив вместо арбузов клюкву синявинских болот.

Мы находили выброшенные за ненадобностью ледорубы, крепежные карабинчики от альпинистских строп, горные ботинки с шипами, напоминающие челюсть крокодила, увеличенной емкости котелки и фляги, которыми снабжались «эдельвейсы», укороченные артиллерийские гильзы от горных орудий.

А на гайтоловских высотках мы встречали странные предметы, описанные К. Симоновым в одной из книг о Сталинградской битве: «сигарообразные, металлические, один конец мягкий, из пробки или резины». Благодаря этой характеристике мы догадались, что валяющиеся у нас метровые трубы из толстого алюминия — такие же контейнеры из-под продовольствия и боеприпасов, которые немцы сбрасывали своим окруженным частям. На Волховском фронте это случилось с полком Венглера в роще Круглой в 43-м году.

Много тайн еще хранят наши леса. Порой в них случаются события, которые трудно объяснить с материалистических позиций.

Например, у бывшей д. Мишкино, где железнодорожное полотно резко поднимается в гору, в начале девяностых годов чуть ли не ежемесячно происходили крушения. Сходили с рельсов хвостовые вагоны, ломая как спички железобетонные мачты контактной сети. Движение прерывалось на много часов. Б. В. Нериновский опубликовал тогда статью, в которой высказал свое предположение: крушения происходят из-за того, что под насыпью лежат сотни не отпетых и не погребенных солдат.

Прошло какое-то время, и мы узнали из газеты «Гудок» о проведенной панихиде на колесах. По проблемному перегону была пущена мотодрезина, в которой во время движения священник отслужил заупокойную по всем, за Веру и Отечество живот свой положивших. Крушения на мишкинской горке прекратились.

Снова осень. Переговариваясь между собой, улетают в теплые края гуси. А мне кажется, что они окликают наших солдат, все еще не поднятых из хляби болот...

Послесловие

Каждый год, 9 мая, на средней из трех Синявинских высот, у возводенного здесь мемориала, многолюдно. Один за другим подъезжают автобусы с ветеранами, легковые машины с представителями власти и просто дачниками из близлежащих поселков. В урочный час открывается традиционный митинг, и с высокой трибуны звучат знакомые слова о том, что никто и ничто не забыто.

Но по-настоящему помнят ад, когда-то царивший у подножия этих холмов, только те, кто пытался их одолеть в 1941-м, 42-м, 43-м... Мало их дожило до конца войны, единицы — до наших дней. Поначалу они вежливо вслушиваются в речи ораторов, потом отходят к краям мемориальной площадки, откуда открывается вид на бескрайние торфяные дали, поросшие послевоенным мелколесьем. Остро пахнет пригретая весенним солнцем земля, синеет высокое небо, ветер шелестит молодой листвой и колышет блестящие стрелы осоки — ничто, кажется, не напоминает о кровавой бойне далеких сороковых. Но туман, застилающий постаревшие глаза ветеранов, представляется им дымом пожарищ, когда от беспрестанных разрывов здесь горело все вокруг: земля и деревья, блиндажи и болота, танки и сами люди... Старые солдаты уже не слышат звонкоголосых птиц, перекликающихся в верхушках сосен, и торжественных речей, усиленных микрофоном. Им чудится грохот стрельбы, надрывные крики атакующих, жалобные стоны раненых, приторный запах крови, соленый вкус пота и собственное падение наземь, когда сам не понял: убит ты или только ранен?

Кое-кто не выдерживает и осторожно, опираясь на палку, делает шаг-другой с холма. И неотвязная память вдруг вознаграждается скорыми находками: чьей-то дырявой, истонченной временем каской, нетленным противогазом, кучкой ржавых патронов, из которых бесполезно высыпается синий порох...

Воевавшим здесь уже за восемьдесят. Им не под силу спуститься с холма, пересечь торфяное болото, выйти на заросший, но еще приметный Архангельский тракт, добраться до Черной речки, в которой осталось столько однополчан...

За них это делают молодые, по возрасту — внуки. Всякую весну и осень они приезжают сюда не только из ближнего Петербурга, но также из Москвы и Казани, Вологды и Архангельска, Кирова и Екатеринбурга — из всех уголков необъятной России,

пославших своих сыновей на помощь осажденному Ленинграду. Ребята едут за собственный счет, проводят в комариных болотах отпуска и каникулы. Сослуживцы недоуменно пожимают плечами (зачем вам это нужно?), домашние, смирившись, вздыхают: что-то вроде неизлечимой болезни...

Ничего не спрашивают только те, кто хоть раз побывал в этих гибких местах и своими глазами увидел полузаросшие окопы, винтовки со сгнившими прикладами и роты солдат, едва прикрытых прелой листвой, незахороненных и забытых. Забытых страной и армией, военкоматами, призвавшими их на войну, и великим городом, за который они отдали свои жизни. Их помнят только в семьях, как бы далеко они не находились. Умерли, не дождавшись своих кормильцев, матери и жены, состарились дети, повзрослели внуки, но никто из них не смирился с равнодушными архивными отписками: «Ваш муж (отец, брат) пропал без вести тогда-то...»

Бойцы поисковых отрядов — внуки тех, не вернувшихся домой солдат, точно знают, что они не исчезли бесследно, а устилают сплошным ковром землю по всему периметру невиданно-долгой ленинградской блокады. Они оставили после себя немногое: алюминиевые ложки и мятые котелки с выцарапанными именами, кошельки с довоенными гривенниками и пятаками, рваные ботинки с обмотками, планшеты с недоставленными донесениями, поясные ремни, из-за которых нет-нет да и выпадет невзрачный черный пенальчик с чудом уцелевшей запиской — «смертный медальон»... И где-нибудь в далекой глухомани, на Урале либо в Сибири, получат вдруг люди ошеломляющую весть, что их давно потерянный Иван, Николай или Василий найден — через столько-то лет! — под Ленинградом. Они изумятся и обрадуются, и сберутся в дорогу, и приедут к этому мемориалу, где в свежую, только что вырытую братскую могилу положат, вместе с другими, их отца или деда, и запоздало поплачут.

На могильной плите будет выбито всего с десяток фамилий и четырехзначная цифра, означающая количество наконец-то похороненных неизвестных солдат. Мы никогда уже не сможем назвать их поименно, но знать, как они жили, беззаветно сражались и пали за нашу свободу — обязаны.

Мы только тогда поймем, какой ценой досталась нам Победа, когда в истории Отечественной войны 1941—45 годов не останется незаполненных страниц, одной из которых так долго была Синявинская наступательная операция сорок второго года...

Условные сокращения

- А — армия
ак — армейский корпус
ап — артиллерийский полк
ВМФ — военно-морской флот
ВС — вооруженные силы
ВФ — Волховский фронт
гап — гаубичный артиллерийский полк
Г.-Л. — генерал-лейтенант
г.-м. — генерал-майор
ГШ — генеральный штаб
дзот — деревоземляная огневая точка
ДОП — дивизионный обменный пункт
дот — долговременная огневая точка
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
кд — кавалерийская дивизия
кк — кавалерийский корпус
КП — командный пункт
командарм — командующий армией
комбриг — командир бригады
комбат — командир батальона, батареи
комдив — командир дивизии, дивизиона
мсб — медико-санитарный батальон, медсанбат
мср — медико-санитарная рота
НП — наблюдательный пункт
НШ — начальник штаба
обмп — отдельная бригада морской пехоты
обс — отдельный батальон связи
осбр — отдельная стрелковая бригада
ОТ — огневая точка
пд — пехотная дивизия
ПМП — полковой медицинский пункт
ППГ — передвижной полевой госпиталь
ППД — пистолет-пулемет Дегтярева

- пп — пехотный полк
ППС — полевая почтовая станция
ППШ — пистолет-пулемет Шпагина
РВК — райвоенкомат
РГК — резерв Главного командования
сб — стрелковый батальон
СВТ — самозарядная винтовка Токарева
сд — стрелковая дивизия
сп — стрелковый полк
тб — танковая бригада
УА — ударная армия
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦГАКФД — Центральный государственный архив кинофотодокументов

Содержание

От составителя	5
Шубин П. Наша земля	27
Хроника событий	29
Хренов А. Ф. Синявинская наступательная операция	30
Иванова И. А. Семь дней боев в устье Тосны	40
Польман Х. Первое Ладожское сражение	49
Рейпольский А. Наши штыки подо Мгой	61
Чеков Н. А. Синявино — трагедия сорок второго года	63
Жабин Н. П. В первом эшелоне на блокадной дуге	65
Злобин К. А. В боях за Черной речкой	71
Сотник П. И. 19-я гвардейская стояла насмерть	80
Иванов В. Г. Под Синявино в августе — сентябре 42-го года	86
Ткаченко Е. И. Бой под Синявино	93
Шихардина Е. П. Без сна и отдыха	95
Круглов Н. И. Армейские саперы в Синявинской операции	96
Павлов Ф. П. 128-я сд в Синявинской операции	99
Рухленко П. В. Во имя освобождения Ленинграда	103
Борисов Г. Г. В окружении	110
Палкин И. И. С верой в Победу	126
Колесников З. С. Сыновьям о мужестве отцов	157
Диук Н. И. Выход из окружения штаба бригады	162
Сейтенов С. С. Боевое крещение	163
Сиренков Ф. И. В сентябрьских боях 1942 года	166
Гайдар С. И. Воспоминания о Синявинской операции	184
Семашкин Н. М. У речки Черной	191
Самохвалова Т. А. Это было под Тортолово	211
Голубицкий А. Г. Подо Мгою осенью сорок второго	217
Романов А. Г. В битве за Ленинград	224
Павлов С. Х. Бои в районе Тортолова	228
Махаринский А. А. Всю войну в 94-м медсанбате	230
Филина Е. Ф. Песня	235
Папуловский И. Это была тяжелая работа...	235
Иванов В. И. Сентябрь: дни и ночи	241
Добровольский Г. Ф. «Мы не можем быть рабами»	244
Болотин А. И. 376-я стрелковая дивизия в синявинских боях	253
Митъкин А. Рассказ артиллериста	256
Кушер Л. З. В боях подо Мгой...	259

<i>Казанцев Н. Ф.</i> Сибиряки под Синявино	260
<i>Стрелков Н. М.</i> Разведчики 372-й в Синявинской операции	262
<i>Меньшиков Ф. А.</i> Я не вышел из-под Синявина...	264
<i>Головань В. И.</i> 15-й медсанбат в Синявинской операции	267
<i>Лобашев В. Ф.</i> Как мы наступали	270
<i>Чипышев П. А.</i> «И пала грозная в боях, не обнажив меча, дружины...»	274
<i>Шерстнев Н. П.</i> Сентябрьские бои на речке Черной в 1942 году	275
<i>Морозов Д. А.</i> Они сделали все, что смогли	278
<i>Донских И. Г.</i> Бои в районе д. Арбузово в сентябре 42-го	303
<i>Жеребов Д. К.</i> Синявинская операция 1942 г. глазами противника	313
<i>Нериновский Б. В.</i> От Гонтовой Липки до Вороново	321
<i>Чивилихин А.</i> Битва на Волкове	333
<i>Самсонова Л. Д.</i> Мой отец пропал без вести	334
<i>Чупров А. В.</i> В тиши синявинских болот	335
<i>Послесловие . . . . .</i>	358
<i>Условные сокращения . . . . .</i>	360

Иванова Изольда Анатольевна родилась в Ленинграде в 1932 г. В 1956-м году закончила Крымский медицинский институт, живет в Санкт-Петербурге, работает врачом-хирургом. С 1980 года занимается литературно-публицистической деятельностью. Является автором ряда рассказов, очерков, опубликованных в городских и центральных газетах и журналах, книг «Мы жили на Курляндской» (М.: Орбита-М, 2001), «Не плачь обо мне!» (СПб: Политехника, 1998), а также составителем сборников «Убитое детство» (СПб: Инко, 1993), «Трагедия Мясного Бора» (СПб: Политехника, 2001 и 2005), «Заслон на реке Тосне» (СПб: Политехника, 2003).

В 2005 году на IV Международной ярмарке «Невский книжный форум» в номинации «Документальная литература» 2-е издание «Трагедии Мясного Бора» было удостоено премии «Серебряная Литера». Циклы исторических публикаций, посвященных наступательным операциям Ленинградского и Волховского фронтов в периодической печати были отмечены почетными дипломами Всесоюзного совета ветеранов в 1990 г. и Ленинградского Союза журналистов в 1991 г.

В настоящее время автор продолжает исследование малоизвестных страниц трехлетней битвы за Ленинград. Подготовлен к печати сборник воспоминаний жителей Ленинградской области периода гитлеровской оккупации 1941–44 гг. «За блокадным кольцом», для издания которого автор ищет спонсора.

ISBN 5-7325-0867-8

9785732508673

МАССОВОЕ ИЗДАНИЕ

СИНЯВИНО, ОСЕНЬ СОРОК ВТОРОГО

Сборник воспоминаний участников
Синявинской наступательной операции

Составитель Иванова Изольда Анатольевна

Редактор И. А. Иванова
Художественное оформление Е. В. Абрамовой
Набор Т. Н. Бабан-Луценко
Компьютерная верстка А. А. Шмелевой

Сдано в набор 01.06.05. Подписано в печать 08.09.05. Формат издания 60×90 1/16.
Гарнитура TimesDL. Усл. печ. л. 24,5 (в т. ч. вклейка).
Тираж 500 экз. Заказ №

ОАО «Издательство «Политехника».
191023, Санкт-Петербург, Инженерная ул., д. 6.

Отпечатано в типографии «ШиК».
195030, Санкт-Петербург, ул. Химиков, д. 2.